

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

УЛАНОВА Екатерина Эдуардовна

**МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СИНХРОННОГО
ПЕРЕВОДЧИКА: СРЕДСТВА ВЕРБАЛЬНОЙ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

5.9.8 Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИ С С Е Р Т А Ц И Я

на соискание учёной степени доктора филологических наук

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор

Катермина Вероника Викторовна

Краснодар

2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
1 Теоретические основания исследования языковой личности синхронного переводчика	25
1.1 Картина мира языковой личности и её роль в коммуникативном процессе	25
1.2 Основные подходы к исследованию языковой личности	32
1.3 Языковая личность синхронного переводчика сквозь призму когнитивных событий: синхронный и последовательный перевод ...	39
1.4 Языковая личность и языковая идентичность переводчика как основа для формирования профессиональных компетенций	49
1.5 Жанрово-стилевая палитра языковой личности синхронного переводчика	64
Выводы по главе 1	75
2 Девиантные и стратагемно-тактические аспекты актуализации языковой личности синхронного переводчика	78
2.1 Особенности исследования языковой личности в ситуации синхронного перевода	78
2.2 Переводческая ошибка как отражение языковой личности синхронного переводчика	86
2.3 Выбор стратегии, тактики и приёмов перевода как отражение языковой личности синхронного переводчика	105
Выводы по главе 2	133
3 Трёхуровневая модель репрезентации языковой личности синхронного переводчика	136
3.1 Особенности лингвокогнитивного и лингвофункционального подходов к анализу вербальных проявлений языковой личности синхронного переводчика	136

3.2 Вербально-семантический уровень репрезентации языковой личности синхронного переводчика	148
3.3 Тезаурусный (лингвокогнитивный) уровень репрезентации языковой личности синхронного переводчика	160
3.4 Прагматический (мотивационный) уровень отражения языковой личности синхронного переводчика	175
Выводы по главе 3	189
4 Невербальный уровень репрезентации языковой личности синхронного переводчика	191
4.1 Исследование невербальной коммуникации в системе речевого поведения языковой личности синхронного переводчика	191
4.2 Исследование средств невербальной коммуникации языковой личности синхронного переводчика	199
4.3 Кинесические маркеры языковой личности синхронного переводчика	206
4.4 Окулесические маркеры языковой личности синхронного переводчика	213
4.5 Просодические маркеры языковой личности синхронного переводчика	226
Выводы по главе 4	231
5 Лингвогендерная парадигма мультимодальной языковой личности синхронного переводчика	233
5.1 Проблема гендера языковой личности	233
5.2 Гендерные характеристики языковой личности синхронного переводчика	236
5.3 Гендерный дисплей языковой личности синхронного переводчика . . .	245
5.4 Теория мультимодальности языковой личности синхронного переводчика	260
Выводы по главе 5	294
Заключение	297
Список сокращений	305

Список литературы	306
Приложение Невербальные средства коммуникации в ситуации синхронного перевода	355

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению феномена языковой личности профессионального синхронного переводчика. Идея изучения данного феномена возникла в результате авторефлексии и наблюдения за профессиональными компетенциями синхронных переводчиков, объективно существующими сложностями в профессии, возникающими в ситуации перевода, и творческими переводческими решениями. Возникал вопрос, а возможен ли системный анализ фенеатративных лингвокогнитивных процессов рецепции, распредмечивания, кодового переключения, опредмечивания и трансляции в их обусловленности спецификой языковой личности переводчика?

В данной диссертации языковая личность синхронного переводчика (далее — ЯЛ СП) изучается как многокомпонентный феномен и рассматривается с различных сторон, с позиции:

— лингвокультурологии: вопрос наслоения картин мира и взаимовлияния различных языков и культур на когнитивном уровне переводчика;

— общей лингвистики: проявления вербальных репрезентант ЯЛ СП на вербально-семантическом, тезаурусном (лингвокогнитивном), прагматическом (мотивационном) уровнях;

— невербальной лингвистики: репрезентанты невербального поведения ЯЛ СП;

— общей теории перевода: анализ стратегий, тактик, приёмов и девиаций в синхронном переводе;

— лингвогендерологии и лингвоперсонологии: репрезентация гендера переводчика в синхронном переводе, профессиональных компетенций, авторского идиостиля в ситуации синхронного перевода.

Степень разработанности темы диссертации.

К вопросу рассмотрения проблематики языковой личности в разное время обращались лингвисты, работающие в русле антропоцентрической лингвистики

(Г.И. Богин, Р.А. Будагов, А.В. Бушев, Ю.Н. Караулов, Г.П. Щедровицкий, В.И. Карасик, В.В. Воробьёв, С.А. Воробьева, Н.А. Лемякина, М.Н. Панова и др.). Ряд исследований посвящён как индивидуальной, так и коллективной (типизируемой) языковой личности: языковая личность путешественника (Е.Н. Лучинская), госслужащего (М.Н. Панова; О.В. Котлярова), журналиста (А.Н. Пачина), телеведущего (М.А. Канчер), политика (А.Б. Алексеев, Э.А. Сорокина), юриста (Ю.П. Нечай, Н.О. Линке), ребёнка (М.Я. Добря), школьника (В.Ф. Гусак; Т.П. Тарасенко), спортивного комментатора (Е.П. Филимонова; Н.Г. Асмус; С.В. Лягунова), работника полиции (Т.В. Анисимова; А.Н. Мищенко), курсанта (О.Н. Хрусталева), врача (Е.В. Волкова) и т. д.

Тем не менее, сегодня практически не представлены работы, в которых языковая личность синхронного переводчика рассматривается комплексно как мультимодальная личность, владеющая несколькими иностранными языками, обладающая современными профессиональными компетенциями (В.А. Митягина), отраслевыми знаниями, на скорости выполняющая декодирование, анализ и перекодирование информации в коммуникативной ситуации перевода.

Актуальность исследования обуславливается следующим:

— необходимостью дальнейшей разработки теории и методики исследования языковой личности;

— комплексным лингвистическим анализом ЯЛ СП с точки зрения общелингвистического осмысления когнитивных механизмов, обеспечивающих понимание и воспроизводство текста на разных языках непосредственно в ситуации перевода;

— многопараметровым анализом ЯЛ СП с позиции вербальных и невербальных репрезентант, проявления индивидуальности ЯЛ на основе стратегемно-тактических и девиантных репрезентант, с учётом гендерного выражения рассматриваемого феномена;

— насущной потребностью оценки лингвистических и

экстралингвистических факторов при анализе репрезентант ЯЛ СП во всём её многообразии.

Теоретической базой исследования выступают классические и современные исследования в следующих областях:

— языкового сознания (С.В. Алексеева, Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, В.В. Богданов, Г.И. Богин, Л.Ю. Буянова, Т.Г. Винокур, С.Г. Воркачев, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, В.В. Катермина, А.А. Кониная, А.А. Леонтьев, Ю.А. Львова, Ю.О. Мансурова, Ю.П. Нечай, С.Б. Парин, И.С. Парина, Е.Н. Рядчикова, А.А. Серебряков, С.В. Серебрякова, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, В.И. Тхорик, Д.К. Урих, Н.В. Уфимцева, Р.М. Фрумкина, Т.В. Черниговская, М.В. Черниговский, Т. Hoffmann, О.А. Kadilina, G. Lakoff, A. Wierzbicka, L. Vygotsky, R. Robinson и др.);

— когнитивной лингвистики (А.Ю. Багиян, С.Н. Бредихин, С.Ю. Иванов, А.В. Колмогорова, Ю. Кристева, Е.С. Кубрякова, С.А. Сухих, Л.П. Тарнаева, В.И. Хайруллин, М.А. Холодная, Т.А. Ширяева, Г. Штейнталь, P. Petre, L. Anthonissen, E.G. Wertheim и др.);

— концептуальных исследований (Л.Ю. Буянова, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, А.В. Зиньковская, Е.Н. Рядчикова, Ю.Е. Прохоров, Р.В. Патюкова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, Б.Я. Шарифуллин, И.В. Шапошникова и др.);

— исследования стилистики перевода и прецедентности в речи (Д.В. Балаганов, Н.Д. Бурвикова, Д.Б. Гудков, М.Ю. Илюшкина, А.В. Колмогорова, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, Л.К. Латышев, А. Малофеева, В.А. Митягина, А.Л. Семёнов, Б.Б. Сибидапов, А. Фалалеев, Г.В. Чернов, Н.В. Шамова, О.Н. Шевченко, А.Д. Швейцер, Y. Gambier, S. Sanjun, Н.Р. Krings, В. Natim и др.);

— жанроведения, жанрового своеобразия (В.В. Дементьев, В.И. Карасик, В.В. Катермина, М.В. Китайгородская, О.А. Лаптева, А.В. Мажура, А.А. Немька, О.Б. Сиротинина, С.В. Серебрякова, Е.Д. Тимофеева и др.);

— общей теории перевода (В.П. Абрамов, Е.В. Александрова,

И.С. Алексеева, С.Н. Бредихин, Б.Л. Бойко, В.С. Виноградов, Т.А. Волкова, Н.К. Гарбовский, Э.Р. Ганеева, В.М. Жигалина, И.В. Зубанова, М.Ю. Илюшкина, В.Н. Комиссаров, М.Э. Конурбаев, Е.С. Кубрякова, М.А. Куниловская, Л.В. Кушнина, Н.А. Лядова, Р.К. Миньяр-Белоручев, В.А. Митягина, Ю.К. Попова, Я.И. Рецкер, В.В. Сдобников, М.С. Силантьева, Е.В. Тетерлева, А.Д. Швейцер, Н.С. Varik, S. Bassnett, G. Hansen, A. Chesterman, Ch. Nord, K. Reiss, H.J. Vereemer, M. Lederer, E. Nida, J. Robinson и др.);

— невербальной коммуникации (Е.В. Белькова, В.А. Безруков, С.В. Валиулина, И.Н. Горелов, Н.И. Гетьманенко, Н.Л. Колева, Г.Е. Крейдлин, В.А. Лабунская, Н.А. Лемяскина, О.В. Мудрая, Т.Л. Музычук, К.Ф. Седов, Н.Ю. Фанян, О.О. Чыпсыма, P. Ekman, J.A. Hall, S. Goldin-Meadow, W.V. Friesen, D. Morris, K.R. Scherer, C. Valero-Garces и др.);

— гендерной лингвистики (А.А. Гвоздева, Т.М. Грушевская, В.В. Зеленская, М.В. Ласкова, Дж. Лакофф, И.В. Лысикова, Г.В. Файзиева, Н.Ю. Фанян, Т.А. Ширяева, J. Holmes, J. Hyde, M. Jonson, O. Sullivan и др.);

— мультимодальности (Л.А. Манерко, Ю.В. Сорокина, И.П. Хутыз, Е.В. Чистова, M. Klemm, G. Kress, S. Michel, F. Foroni, S. Pasquandrea, G.R. Semin и др.).

Цель исследования заключается в создании теории мультимодальности языковой личности синхронного переводчика как цельного полиаспектного феномена, представленного с позиции вербально-семантического, тезаурусного (лингвокогнитивного) и прагматического (мотивационного) уровней, учитывающего вербальную и невербальную системы организации языка, владеющего несколькими иностранными языками и профессиональными компетенциями.

Задачи исследования. Поставленная цель определила последовательное решение следующих конкретных задач:

1. Рассмотреть отечественные и зарубежные подходы к проблеме исследования языковой личности в целом.

2. Модифицировать методологию исследования ЯЛ СП с позиции

лингвокогнитивного и лингвофункционального подходов.

3. Разграничить понятия «личность» и «идентичность» синхронного переводчика для понимания онтологических характеристик объекта исследования.

4. Определить структуру представления ЯЛ СП.

5. Классифицировать и представить репрезентанты ЯЛ СП в соответствии с трёхуровневой моделью языковой личности Ю.Н. Караулова.

6. Провести анализ вербального поведения ЯЛ СП по выявлению девиаций как вариантов проявления индивидуальности ЯЛ СП.

7. Типологизировать переводческие ошибки в синхронном переводе с позиции репрезентант ЯЛ СП.

8. Определить тезаурусный уровень ЯЛ СП и основные репрезентанты данного уровня.

9. Систематизировать вербальные и невербальные средства ЯЛ СП для создания комплексного портрета языковой личности на вербальном и невербальном уровнях.

10. Проанализировать мультифокальность ЯЛ СП на основе вербальных, невербальных и паравербальных значений различных комбинаций модальности.

11. Определить репрезентанты гендера в вербальном поведении ЯЛ СП.

12. Проанализировать взаимосвязь средств вербального, невербального и паравербального выражения, конструирующих ЯЛ СП.

13. Создать и описать положения теории мультимодальности ЯЛ СП.

14. Представить модель мультимодальной ЯЛ СП, учитывающую реализацию каналов модальности на основе вербальных и невербальных репрезентант.

Объектом исследования выступает языковая личность синхронного переводчика, характеризующаяся комплексом индивидуально-личностных и профессиональных компетенций и основ идентификации, которые структурируют и моделируют процессы речемыслительной деятельности в различных коммуникативных ситуациях перевода.

Предмет исследования составляет система вербальных и невербальных репрезентант ЯЛ СП на вербально-семантическом, лингвокогнитивном (тезаурусном) и прагматическом (мотивационном) уровнях в аспекте реализации основных компетенций (лингвистической, прагматической, дискурсивной, социальной и стратегической), а также специфической фенеатративной (параллельного реципиирования, перекодирования и трансляции) компетенции.

Материалом исследования послужили видеозаписи оригинальных телевизионных интервью на английском языке, а также варианты синхронных переводов оригинальных интервью, выполненных финалистами и полуфиналистами главного конкурса переводчиков России CosinesPi (www.cosines-pi.ru) в период с 2018 по 2022 гг., кроме этого анализировались переводы, выполненные синхронистами МИД РФ за обозначенный период и опубликованные на сайте www.kremlin.ru. Практический материал представляет собой базу видеозаписей и текстов-транскриптов оригинальных интервью на английском языке, а также их полных синхронных переводов на русском языке. Общий объём практического материала имеет продолжительность более 500 мин; в печатной форме это составляет около 365 тыс. знаков. Следует особо отметить, что обозначенный объём практического материала был проанализирован последовательно за шесть циклов с точки зрения способов вербальной репрезентации на вербально-семантическом, лингвокогнитивном (тезаурусном) и прагматическом (мотивационном) уровнях; с учётом методов невербальной репрезентации на кинесическом, окулесическом и просодическом уровнях; в аспекте актуализации гендерных стратагемно-тактических и девиантных репрезентант. Синхронные переводы как тексты-трансляты представляют для нас особый интерес по причине того, что анализируемые переводы были выполнены без предварительного ознакомления с содержанием текста, личностью оратора и темой оригинального интервью. Фактор тематической спонтанности, таким образом, заключается в предоставлении в случайном порядке отобранного интервью на одну из трёх выбранных переводчиком тематик. Наличие фактора тематической спонтанности позволяет говорить о высокой объективности

результатов при анализе реализации языковой личности в ситуации синхронного перевода.

Основную тематику оригинальных видеозаписей интервью можно определить как массмедийную, включающую такие популярные темы современного медиапространства, как политика, экономика, финансовая аналитика, образование, литература, мода, театр, кино. Видеоряд анализируемого материала сформирован на основании отбора конкурсных работ синхронных переводчиков, принявших участие в конкурсе в категориях «профессионал» и «потенциал». Данные категории детерминируют переводчиков на основании профессионального опыта. В результате отбора практического материала сформированная база включала видеозаписи оригинальных материалов на языке-источнике, а также от одного до шести вариантов синхронного перевода на языке-перевода. Синхронные переводы, опубликованные на сайте www.kremlin.ru, включали в себя один вариант синхронного перевода по отношению к исходному материалу. Таким образом, изучались только синхронные переводы, доступные в высоком качестве и на официальных ресурсах. Подобное ограничение исследовательского материала связано, во-первых, с нашим интересом к проблеме представления языковой личности синхронного переводчика как одного из вариантов элитарного типа языковой личности, наряду с прочими элитарными типами языковой личности (писатели, журналисты, учёные); и, во-вторых, вслед за целевой парадигмой исследований в гуманитаристике, оно способствует изучению языковой личности синхронного переводчика, решая задачи по конструированию идеального образа профессионала-синхрониста, столь востребованного в современном обществе. Очерчивая границы материала исследования, отметим, что синхронные переводы выполнялись индивидуально гетерогенной по составу группой лиц в возрасте от 20 до 45 лет.

Гипотеза исследования. Основу проведённого исследования составляет гипотеза о том, что ЯЛ СП является мультимодальной, то есть способной оперировать различными каналами модальности, языковой личностью, включающей вербальную, невербальную, паралингвистическую, гендерную

составляющую, которую необходимо рассматривать комплексно в теоретическом и прикладном направлениях.

Современные тенденции и эволюция лингвистических парадигм определили способы познания ЯЛ СП. Используемые в работе **методы исследования** включают общенаучные методы системного лингвистического описания и представления материала, дедуктивного и индуктивного анализа, а также сравнительно-сопоставительный метод для соотнесения исходного текста на языке-источнике и текста-транслата (переводного текста), метод интроспекции, классификации, метод когнитивного моделирования, метод количественного и компонентного анализа. В данной работе используется лингвокогнитивный и лингвофункциональный подходы при анализе функциональной стороны языковой личности. Герменевтический подход к исследованию ЯЛ СП, в её вербальной и невербальной репрезентации, дополняет использованные исследовательские методы концептуального и компонентного анализов; при анализе девиантных вариантов перевода лексических единиц — элементы интерпретационного анализа; при анализе вербально-семантического уровня перевода — элементы трансформационного, синтаксического анализов. Анализ материала проводился на базе значительного по объёму видеоматериала, с особым вниманием к экстралингвистической стороне языковой личности. Основу анализа эмпирического материала составляет метод непосредственного наблюдения и интерпретации коммуникативной ситуации перевода. Комплексный анализ вербального и невербального поведения языковой личности базируется на интерпретационном подходе к языковым, неязыковым и речевым явлениям. Согласно феноменологической традиции, предмет исследования рассматривается в многообразии способов его выражения (Бушев, 2010). Следовательно, сравнительно-сопоставительный метод при анализе вариантов перевода (переводческих девиаций, жанровых смещений и т.п.) выражается за счёт исследовательской парадигмы философии «норма и отклонение от нормы». Важность оценки девиантных форм (вариантов перевода, отходящих от нормы) принципиальна для определения узуальности в синхронном переводе и

актуализации значимости отклонений при анализе репрезентант языковой личности в «коммуникативной ситуации перевода» (термин В.В. Сдобникова, 2015).

В качестве **методологической базы** исследования применяется принцип антропоцентризма, т. е. учёт динамичности развития переводческого события и изменчивости среды коммуникативной ситуации перевода, опосредованно влияющей на когнитивно-семиотические процессы дискурса. Методологические установки диссертации определялись, исходя из магистрального трансдисциплинарного подхода и современного состояния лингвистической науки. Одновременный учёт вербальных и невербальных компонентов объекта исследования обоснован интересом к носителю языка, выступающему одновременно в роли субъекта и объекта, владеющему несколькими языками, параллельно пребывающего в нескольких картинах мира, многофокальностью по отношению к речи носителя, его языковому сознанию, содержанию сообщения, целевому реципиенту. Использование современных платформ и систем распознавания и оценки речи (www.sonix.ai, [support.memo AI](http://support.memo.ai)) позволяет проводить одновременный учёт уровней вербально-семантического, тезаурусного, прагматического представления, фоновых знаний, что соответствует цели работы и исследовательскому интересу к наблюдению за «живым» языковым сознанием непосредственно в коммуникативной ситуации. Более того, применяемый принцип диалогизма основывается на взаимодействии с окружающей действительностью, который обеспечивает постоянный процесс прироста языкового опыта, развития интертекстуальности, интеграции дискурсивного пространства в культурный контекст и развития новых смыслов.

Научная новизна диссертации обусловлена проблематикой современных научных исследований в области современной когнитивной лингвистики, отечественной лингвоперсонологии и определяется тем, что в работе впервые:

1) предлагается теория мультимодальности языковой личности синхронного переводчика, основу которой составляет трансдисциплинарный теоретико-практический подход, рассматривающий «говорящего переводчика»:

а) как теоретическую модель языковой личности, пребывающую одновременно в нескольких картинах мира; б) как мультимодального участника коммуникативной ситуации перевода (переводчик, автор, слушатель, модератор); в) как полиаспектный феномен, реализующийся за счет систем вербальных и невербальных репрезентант, определяющих функционирование и постоянное развитие интерпретативной активности и творческой силы переводчика;

2) разработана и апробирована методология исследования ЯЛ СП, которая обеспечила комплексное рассмотрение «говорящего переводчика»;

3) обоснована необходимость включения в предметное поле рассматриваемого феномена невербального, паравербального, гендерного, стратегемно-тактического и девиантного компонента репрезентации;

4) в отношении характера взаимосвязи единиц тезаурусного и прагматического уровней предложена функциональная модель переводческой стратегии и систематизирована стратегемно-тактическая сеть приёмов, определяемых перспективами развития ситуации перевода;

5) применяются лингвокогнитивный и лингвофункциональный подходы к анализу процессов рецепции, интерпретации, перекодирования и трансляции смыслов в неоднородной коммуникативной ситуации перевода, функционирующей на стыке лингвокультурной асимметрии;

6) предложена методика анализа девиаций как репрезентант индивидуальности ЯЛ СП;

7) представлена формулировка тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня ЯЛ СП и разработана методология анализа репрезентант данного уровня, которая способствует изучению глубины и сложности устройства ЯЛ СП;

8) исследована невербальная составляющая поведения ЯЛ СП в коммуникативной ситуации перевода, представлена классификация невербальных средств по функции с учётом анализа прагматики речевого высказывания;

9) создана и описана теория мультимодальности ЯЛ СП, учитывающая вербальную, невербальную и паравербальную составляющую, которая позволяет изучить содержание языкового и неязыкового поведения, лингвистические и

экстралингвистические особенности речевого поведения языковой личности, особенности творческого потенциала переводчика;

10) представлена модель мультимодальной ЯЛ СП, учитывающая реализацию каналов модальности на основе вербальных и невербальных репрезентант.

Личный вклад автора состоит в создании теории мультимодальности языковой личности синхронного переводчика и развитии методологии исследования «говорящего переводчика» (*translator loquens*) как динамического процессуального феномена. В рамках данной методологии обеспечивается непрерывный анализ выражения ЯЛ СП одновременно на вербальном и невербальном уровнях, с учётом неоднородного дискурсивного пространства, мультимодальности и мультифокальности языковой личности синхрониста. Использование комплексного лингвокогнитивного и лингвофункционального подходов позволяет отслеживать смысловые и кодовые трансформации, а также прагматический потенциал вербальных и невербальных средств репрезентации модели мультимодальной языковой личности синхрониста, что существенно расширяет преобладающие в современной лингвистике подходы к анализу ментальных структур. Анализ и описание каналов модальности представляют возможность использования предложенной теории комплексного исследования языковой личности при формировании учебных продуктов по подготовке синхронных переводчиков в соответствии с современными требованиями профессионального стандарта.

Теоретическая значимость диссертации состоит в создании теории мультимодальности ЯЛ СП. Комплексный, трансдисциплинарный подход позволяет расширить общее понимание мультимодальности и языковой личности в целом. Эволюция защищаемой теории заключается в расширении и комплексном описании сущностных характеристик ЯЛ СП, а также в создании и описании мультимодальной модели ЯЛ СП, в связи с чем получили развитие отдельные положения лингвистической теории языковой личности; разработана поэтапная методология проведения анализа процессов рецепции, интерпретации,

перекодирования и трансляции смыслов вербальных и невербальных репрезентант в неоднородной коммуникативной ситуации перевода. Предложена модель мультимодальной ЯЛ СП, являющегося медиатором в процессе создания мультифокального пространства обеспечения максимального иллокутивно-перлокутивного соответствия с учётом гендерных репрезентаций в коммуникативной ситуации перевода.

Результаты исследования вносят значимый вклад в развитие отечественной лингвоперсонологии, общей теории перевода, когнитивной лингвистики. С позиции трансдисциплинарного подхода удалось значительно расширить и описать спектр вербальных и невербальных репрезентант языковой личности, отражающих проявления языковой личности на вербально-семантическом, тезаурусном (лингвокогнитивном) и прагматическом (мотивационном) уровнях, определить состав гендерных компонентов в синхронных переводах женщин и мужчин (профессиональных переводчиков), дискурсивных особенностей реализации гендера в речевом поведении синхронных переводчиков, репрезентант ЯЛ СП на уровне переводческих девиаций и стратагемно-тактических решений.

Результаты диссертации вносят весомый вклад в современное когнитивное и коммуникативно-функциональное переводоведение с позиции исследования функциональной формы трифокальной конвергенции языковой личности, развития методики оценивания и обучения синхронному переводу, методики анализа когнитивных процессов перекодирования и трансляции. В ходе изучения репрезентант ЯЛ подчёркивается важность лингвофункционального и лингвокогнитивного подходов для современных исследований в когнитивной лингвистике.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ключевых положений предлагаемой теории мультимодальности ЯЛ СП и методологии исследования ЯЛ СП при разработке учебно-методических комплексов по подготовке устных переводчиков нового типа; а также при использовании результатов исследования в курсах и спецкурсах по лингвоперсонологии, прагматике, синхронному и последовательному переводу,

стилистике конференц-перевода, общей теории перевода, межкультурной коммуникации, в преподавании компьютерной лингвистики, риторики, при анализе виртуальных жанров коммуникации.

Использование мультимодальной модели ЯЛ СП необходимо для расширения понимания процессов проведения переводческих преобразований в целом, принципов когнитивной нагрузки синхронных переводчиков, селекции форм перекодирования, мотивов и целей их использования с учётом лингвокультурной асимметрии ситуации перевода, что способствует совершенствованию методологической базы комплексной подготовки синхронных переводчиков новой формации. Представленный опыт трансдисциплинарного анализа способов репрезентации ЯЛ СП способствует развитию методологии лингвокогнитивных исследований как вербального, так и невербального поведения различных типов языковых личностей в неоднородных коммуникативных ситуациях и может получить широкое применение в последующих лингвистических исследованиях.

Результаты комплексного исследования языковой личности синхронного переводчика позволяют сформулировать следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Анализ субстанционной структуры языковой личности синхронного переводчика на вербальном и невербальном уровнях, с учётом реализации гендерного компонента, позволяет реализовать трансдисциплинарный подход при изучении индивидуальных переводческих решений, творческого потенциала синхронного переводчика путём использования метода конструирования, который предполагает анализ «незамечаемого фона» языковой личности, включающий, с одной стороны, дискурсивные проявления различных единиц языка, а с другой — актуализацию имеющихся и создание новых смыслов. Трансдисциплинарный подход обеспечивает системное и полиаспектное исследование сущностных характеристик мультимодальности ЯЛ СП. Таким образом, в центре нашего внимания оказывается функциональная форма трифокальной конвергенции ЯЛ СП в процессе рецепции, перекодирования и

трансляции.

2. Насущной необходимостью является создание теории мультимодальности ЯЛ СП на основе кодовой и трифокальной конвергенции. Общий структурный уровень теории мультимодальности ЯЛ СП сопоставляется с трёхуровневой моделью изучения вербальной репрезентации, разработанной Ю.Н. Карауловым, и расширяется за счёт включения в структуру ЯЛ СП уровня невербальной репрезентации, который отражает всю совокупность индивидуальных особенностей речевого и неречевого поведения синхрониста в зависимости от цели перевода и коммуникативных задач. Ядро модели мультимодальной ЯЛ СП составляет транслятор (агент), а периферия конструируется в зависимости от изменчивости коммуникативной ситуации перевода в соответствии с когнитивными и прагматическими параметрами ситуации перевода. Количество коммуникативных модальностей, с которыми сталкивается языковая личность, зависит от количества кодов семиотических систем: ситуация, которая требует перцепции, анализа и декодирования информации посредством одновременно нескольких перцептивных каналов, может считаться мультимодальной. Следовательно, мультимодальность коммуникации определяется с точки зрения лингвистических, экстралингвистических, аудиовизуальных, пространственных, временных модусов, которые сознательно и бессознательно используются для получения, извлечения и передачи информации. Таким образом, под мультимодальностью ЯЛ СП понимается способность оперировать различными каналами модальности для обмена информацией, относящейся к разным семиотическим системам, обслуживаемыми при помощи дополнительных средств коммуникации, в профессиональном или социальном общении.

3. Мультимодальная ЯЛ СП является мультифокальной и отражает одновременный фокус агента на каждом канале поступления информации в зависимости от их количества в конкретной ситуации перевода. Мультифокальность ЯЛ СП учитывает восприятие вербальных и невербальных каналов модальности в целевом трансляте. Мультифокальный характер ЯЛ СП

достигается за счёт сохранения баланса между исходным и переводным текстами при лингвокультурной асимметрии.

Точкой бифуркации мультимодальности ЯЛ является момент, когда агент производит выбор механизмов опредмечивания на основании декодирования невербального поведения говорящего, вербального сообщения говорящего, доминирующих особенностей реципиента.

4. Модель мультимодальной ЯЛ СП позволяет объективно анализировать каналы модальности и проявления индивидуальности «говорящего переводчика». Актуализация мультимодальности ЯЛ СП зависит от его индивидуальной прогностики в процессе перекодирования в принимающей системе, прогнозирования перлокутивного эффекта от целевого текста, лингвистических и экстралингвистических параметров исходного сообщения. Мультимодальная ЯЛ СП воспринимает сообщение на различных уровнях, вследствие чего ей удаётся справиться с задачей передачи и принятия неизвестных субъективных реальностей, значащих переживаний, не обозначая их средствами прямой номинации, демонстрируя адекватные трансляции прецедентных феноменов, реконструкцию юмора в ситуации перевода, жанрово-стилевую палитру при выборе соответствующего коммуникативной ситуации транслята. Данное обстоятельство позволяет говорить о мультифокальности ЯЛ СП при извлечении смысловых связей из внутреннего и внешнего лексикона.

5. Репрезентанты ЯЛ СП могут представлять девиации существующей нормы перевода, прежде всего — переводческие ошибки и неудачные переводческие решения. Защищаемая классификация девиаций отражает индивидуальное строение вербально-семантического, тезаурусного и прагматического уровней.

Рефлексивное самосознание влияет на принятие переводческого решения, в результате чего переводчик (индивид), руководствуясь субъективным опытом (или его отсутствием), допускает переводческую ошибку:

— девиации на вербально-семантическом уровне представлены ошибками понимания (смысловые потери), ошибками на стратагемно-тактическом уровне

перекодирования (необоснованные опущения, ошибки интерференции);

— девиации на тезаурусном уровне определяются отсутствием языкового и социального опыта, недостаточными фоновыми знаниями, отсутствием прогнозирования вероятностных альтернатив в ситуации перевода;

— девиации на прагматическом уровне отражают непонимание коммуникативного замысла, неразделение ценностей коммуникантов, низкий уровень логических рассуждений и эмоциональной активности, немотивированные переводческие добавления.

6. Тезаурусный (лингвокогнитивный) уровень синхронных переводчиков — непостоянная величина, расширяемая и усложняемая по мере накопления языкового и неязыкового опыта переводчика. ЯЛ СП, владеющая несколькими языками, подлежит постоянной трансформации и динамическому усложнению, в первую очередь, с точки зрения накопления коммуникативного и социального опыта, в пределах коммуникативной ситуации перевода. Подобное развитие влияет на репрезентацию и регулировку уровней ЯЛ СП. Защищаемое положение содержит определение тезаурусного уровня, под которым понимается уровень отражения когниции синхронного переводчика, включающий семантикон, творческие и индивидуальные переводческие решения, стратегию-тактические приёмы перевода, отражающие языковой и неязыковой опыт, национально-культурные традиции переводчика, масштаб и характер знаний о мире.

7. Единицы прагматического уровня являются существенным фактором представления ЯЛ СП. Цель, мотивы, заинтересованность во время переводческой деятельности, уровень логических рассуждений и эмоциональной активности в ситуации перевода влияют на мотивированное определение стратегию-тактических решений, употребление переводческих приёмов и трансформаций с учётом жанрово-стилевой адаптации, лингвокреативности и демонстрируют сохранение интенции оригинала. Репрезентанты прагматического (мотивационного) уровня ЯЛ СП включают следующие проявления: эмоциональную вовлечённость и активность при переводе прецедентных феноменов, индивидуальные переводческие добавления, оценочность,

лингвокреативность, прагматикон ЯЛ (владение коммуникативными нормами, знаниями и умениями, способностью к оптимальной речевой реализации стратегемно-тактических решений), самопрезентацию.

8. Комплексный подход к анализу ЯЛ СП требует учёта актуализации стратегемно-тактических приёмов. ЯЛ СП реализует стратегемно-тактическую сеть приёмов и переводческих трансформаций, определяемых коммуникативным замыслом оратора и перспективами развития ситуации перевода. В зависимости от смены коммуникативной ситуации перевода происходит и смена стратегемно-тактических решений ЯЛ СП и используемых приёмов. Частотными в синхронном переводе определены тактики, направленные на удержание внимания реципиента: тактика отставания и «бесшовного» перевода, тактика лингвокультурной, жанровой и прагматической адаптации.

9. Невербальные знаки, репрезентирующие ЯЛ СП в момент осуществления профессиональной деятельности, являются неотъемлемым элементом при анализе языковой личности «говорящего переводчика» (*'translator loquens'*). Учёт невербальной составляющей при исследовании языковой личности синхронного переводчика как полиаспектного феномена позволяет точнее раскрыть содержание языковой личности. Репрезентанты анализируемого феномена представлены кинетическими, окулесическими и просодическими сомативами и коррелируют с вербальным и паравербальным представлением конкретной языковой личности, а также с её внутренними мотивами и интенцией.

10. Учёт гендерного параметра при исследовании ЯЛ СП позволяет моделировать гендерный дисплей синхронного переводчика, который отражает различия в речестилевом поведении мужчин и женщин. Гендерный дисплей ЯЛ СП является структурным образованием, отражающим многообразие вариантов вербализации феминного и маскулинного в синхронном переводе. Гендерный дисплей синхрониста-женщины передаёт преимущественно мягкость и эмотивность, которая реализуется за счёт расширенной синонимичности; эмоционально-окрашенной лексики, консенсусных форм повествования, использования более стилистически высокого стиля в переводе по сравнению с

оригиналом. Гендерный дисплей синхрониста-мужчины репрезентирует более высокую авторитетность повествования, категоричность в построении высказывания, структурность и чёткость изложения, незначительные жанровые смещения. Андроженный гендерный дисплей включает в себя свойственные обоим полам репрезентанты: гиперкорректность, языковую избыточность, жанрово-стилевую компетенцию.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается применением широкого спектра исследовательских приёмов и методов, адекватных цели диссертационной работы; инновационным характером данной работы в связи с тем, что диссертация предлагает инновационные теоретические и методологические подходы к проблеме языковой личности «говорящего» переводчика; значительным объёмом практического материала; чётким и поэтапным анализом языковых и неязыковых единиц, сопровождающимся подробным лингвистическим описанием с опорой на современные лингвистические концепции.

Ценность разработки и описания теории мультимодальности ЯЛ СП заключается в возможности дальнейшего анализа лингвистических и экстралингвистических параметров языкового сознания и подтверждается это использованием фундаментальной теоретико-методологической базы, содержащей труды ведущих отечественных и зарубежных учёных, непротиворечивостью и корректностью исходных методологических оснований и идей, а также широтой охвата анализируемого материала.

Апробация результатов. Основные положения и результаты исследования были представлены в форме публичных докладов на всероссийских, международных и региональных научных и научно-практических конференциях:

— Международная научная конференция «Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира» (ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», г. Нижний Новгород 2020, 2022 г.);

— V Всероссийская конференция молодых учёных-лингвистов «Традиционное и новое: достижения, вызовы и перспективы современной

лингвистики и лингводидактики» (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, 11—12 декабря 2024 г.);

— X, XI, XIII конференции Translation Forum Russia (г. Санкт-Петербург, г. Екатеринбург в 2019, 2020, 2022 гг.);

— VI, VII, VIII Международная научно-практическая конференция «Языки в современном мире» (МГИМО МИД России, г. Москва в 2022, 2023, 2024 гг.);

— Международная научно-практическая конференция «Переводчик 2030: обучение профессионально-ориентированному переводу в меняющемся мире» (МГИМО МИД России, г. Москва, 2021 г.);

— Научно-методический семинар «Современные информационно-коммуникационные технологии в переводе и преподавании перевода» (ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, 2024 г.);

— Международная научно-практическая конференция «Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития» (ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, 2024 г.);

— III, IV Летняя школа перевода СПбГУ (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, 2022, 2023);

— II Зимняя школа перевода СПбГУ (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, 2021 г.);

— Международная научно-практическая конференция «Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований» (ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, 2025 г.).

Практические результаты работы апробированы автором диссертационного исследования в практической деятельности в качестве синхронного и последовательного переводчика в деловой сфере.

Основные положения работы отражены в 24 публикациях, входящих в перечень РИНЦ, включающих авторскую монографию, главы в двух коллективных монографиях, 16 научных статей, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертаций, из которых 1 статья включена в единую библиографическую и реферативную базу данных

рецензируемой научной литературы Scopus.

Объём и структура диссертации определяется её исследовательскими задачами и состоит из введения, пяти глав, заключения, приложения и списка использованной литературы. Список литературы включает теоретические труды, послужившие источником вдохновения и базой при создании авторской теории. В приложении приведены фотоизображения переводчиков в ситуации синхронного перевода с соблюдением норм конфиденциальности и защиты персональных и биометрических данных. Общий объём диссертации составляет 360 страниц.

1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

1.1 Картина мира языковой личности и её роль в коммуникативном процессе

В последнее время наметились очевидные изменения в не только в различных сферах общественной жизни, но и в вопросах самосознания, исследования языковой картины мира и способах реализации языковой личности в ней (труды Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтина, Г.И. Богина, А.А. Волкова, В.В. Виноградова, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, Л.А. Шестак, А.Д. Шмелева и др.).

Ввиду многомерности феномена языковой личности, важно понимать, как он формируется, репрезентируется в речи, и от чего зависит процесс упорядочивания индивидуальных представлений о языке. Проблема языковой личности в лингвистике многомерна: общаясь, люди выполняют роль как объектов, так и субъектов (одновременно и попеременно). Перед нами предстаёт не просто обмен информацией, но взаимовлияние говорящих на когнитивный замысел.

Попытки осмыслить язык как неотъемлемую часть человека оказали влияние на различные области знания, научные направления, исследовавшие язык как часть говорящего человека. В рамках данного исследования необходимо иметь представление о картине мира. Понимание становления картины мира и её влияние на языковую личность переводчика способствует практике умения формулировать мысли и интерпретировать речь собеседника, так как трансляция мысли на языке перевода осуществляется не за счёт перекодирования с одного языка на другой, но за счёт перевода из одной культуры в другую.

Для определения роли языковой картины мира в становлении языковой личности рассмотрим общее понятие «картины мира» и предпосылки к его возникновению.

Впервые термин языковой картины мира был выдвинут на рубеже XIX—XX вв. В самом начале изучения вопроса языковой картины мира Л. Витгенштейн называет картину мира как «картина фактов». Он описывает образ действительности, воссоздавая реальность в целом как систему и отдельные её компоненты (Витгенштейн, 1958).

Традиционно разделяют научную картину мира, обобщающую накопленные знания о мире, закономерности его существования, физические свойства объектов. Закономерности окружающего мира раскрываются нам благодаря данным различных наук, поэтому говорят о существовании общенаучной картины мира, а также о картинах мира отдельных наук, представляющих в совокупности целостную систему. В отличие от доказательной базы общенаучной картины мира, концепция, например, религиозной картины мира построена на вере. Религиозная картина мира реализуется главным образом в языке, ритуалах, традициях. С детства известные нам слова наполняются своим значением по мере роста и формирования взглядов на мир. Слова в одной культуре могут иметь совершенно иное содержание в другой культуре. Таким образом, любой язык отражает порядок восприятия и понимания мира носителями языка, которые подсознательно принимают и разделяют систему взглядов через лексические единицы, синтаксические структуры, морфологию, грамматические категории и др.

Понятие «языковая картина мира» было впервые описано В. фон Гумбольдтом. Рассуждая о языке и мышлении, В. фон Гумбольдт определяет, «человека говорящего» и показывает, что мышление человека зависит от языка, его лингвистических уровней, понятий. Идея В. фон Гумбольдта и его последователей изучать «человека говорящего» как противопоставление языку как таковому является предпосылкой к возникновению антропоцентрического подхода.

В своём труде «Родной язык и формирование духа» Й.Л. Вайсгербер отмечает, что «никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности» (Вайсгербер, 2004, с. 81). Рассуждая о языке с точки зрения

индивидуального стиля автора художественного произведения, В.В. Виноградов также употребляет понятие «языковая личность», хотя так же не раскрывает содержание данного термина (Виноградов, 1980).

Г. Штейнталь рассматривал язык в качестве выражения и самосознания народа: «совместные действия индивидуума и его народа основываются на языке, на котором и с помощью которого он думает» (Штейнталь, 1964, с. 135). Данный подход разделял А.А. Потебня, который в своём монументальном труде «Мысль и язык» рассуждал, что: «язык есть средство не выразить уже готовую мысль, а создавать её» (Потебня, 1999, с. 151).

Значительный вклад в изучение языка как индивидуальное явление внёс также И.А. Бодуэн де Куртенэ, считавший, что «язык существует только в индивидуальной душе, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое сообщество» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 71).

Также большой вклад в исследование антропоцентризма внёс американский лингвист Э. Сепир, считавший познание языка основным путём к познанию человека, так как «язык настолько глубоко коренится во всем человеческом поведении, что остаётся очень немногое в функциональной стороне сознательной деятельности, где язык не принимал бы участия» (Сепир, 1993, с. 231).

Но существует ли языковая картина мира вообще: не в качестве абстракции, но как реальность человеческого бытия? Будучи одним из общенаучных понятий, «картина мира» сама по себе представляется абстракцией несмотря на то, что благодаря достижению человечеством новых знаний, стремится познать и созидать в себе и для себя. Термин «языковая картина мира» всеобъемлющий по своей природе и по сути, и представляет собой единство всеобщего абстрактного и конечного единичного. Под конечным единичным «картины мира» мы понимаем систему взглядов конкретного человека на мир в целом, его накопленный и проанализированный (сознательно или нет) социальный и чувственно-эмоциональный опыт, способ жизнедеятельности, как фундамент его поступков и актов познания, иными словами, мировоззрение человека здесь и сейчас. Напротив, всеобщее в «картине мира» выступает как абстрактная форма

системы категорий, отражающая человеческий быт в определённый этап развития в контексте лингвокультуры вне зависимости от степени осознанности человеком (Уланова, 2018).

Интересной представляется мысль С.Ю. Иванова о всеобъемлющем самосознании «картины мира», а также о единстве абстрактного и конкретного и их переход из одного в другое. Абстрактное как отвлечение от конкретного содержания реализуется в бесконечности единичного, но вместе с тем, не выводимо напрямую из единичного, так как не сводимо к нему (Иванов, 2011).

Для ориентации в постоянно трансформирующемся мире человеку необходимо выстраивать и постоянно видоизменять систему ориентиров, которые бы регулировали его место и жизнедеятельность в обществе и пространстве. Такими ориентирами можно считать традиции, язык, религию, искусство, науку — одним словом, всё, посредством чего достигаются истинные знания. Данные опосредованные структуры, безусловно, обладают изменчивостью (в том числе и исторической), что обуславливает постепенную смену картины мира и преобразование в ней самого человека. Трансформационные процессы в картине мира указывают и на смену в ценностной системе самого индивида, которыми он руководствуется при интерпретации событий действительности.

В результате всей деятельности человеческого духа формируется цельный образ мира. Опыты и формы взаимодействия людей и мира необычайно различны, начиная от созерцания, его умозрения и познания, заканчивая чувственно-предметными контактами (Гвоздева, 2003).

Тем не менее, на сегодняшний день всё ещё вряд ли представляется возможным изучение процессов непосредственного формирования и функционирования картины мира в человеческом сознании. Мы согласны с выдающимся отечественным полиглотом и лингвистом Б.А. Серебренниковым о сложности изучения процессов, связанных с формированием картины мира. Представляя собой класс идеального отвлечённого феномена, картина мира формируется при участии всех сторон психической деятельности человека, начиная с восприятий и ощущений, заканчивая высшими формами: мышлением и

самосознанием, следовательно, любая попытка обнаружить какой-либо один процесс <...> с неизбежностью закончится неудачей (Серебренников, 1988).

Интересно, что саморефлексия данного понятия носителем языка не может быть полноценной, а в некоторых случаях (в обыденном сознании ненаучного человека) может даже не осознаваться, учитывая двойственный характер сущности «языковой картины мира». Необходимо понимать, что двойственная структура картины мира соотносится не только как всеобщее и единичное, но как мировоззренческая единица общества и языковая личность конкретного человека. Каждый человек пребывает в определённой картине мира, но не способен познать её во всех деталях. Важнейшим свойством «картины мира» является беспрекословная достоверность существования. Мир бесконечен, а человек конечен и ограничен в возможностях его постижения. Человек осознает данный феномен не как «картину мира», а как мир вообще, как саму реальность. Мы верим, что мир такой, какой он нам представлен. Тем не менее, мы вольны не соглашаться с определёнными компонентами картины мира, характеризуя их как предрассудки, заблуждения, старомодность. Подобные интерпретации свидетельствуют о сознательной / бессознательной рефлексивной оценке объектом данного феномена.

По мнению А.А. Гвоздевой, адаптация индивидом образов мира представляет собой «процесс распредмечивания знания (знаково-символического образования) как результата предварительного создания данного образа» (Гвоздева, 2003, с. 21). Лишь полный культурно-исторический контекст может прояснять процессы по созданию и распредмечиванию языковой картины мира.

В герменевтической традиции понимание имеет конечной целью постижение предмета в его качественной определённости, во всей его содержательности. Содержательность языковой личности включает в себя содержание авторского субъективного отражения объективной действительности, интерсубъективные и личностные смыслы и социальную сущность сообщаемого (Богин, 1982). При этом существенно то, что «...к интерпретации языковая личность выходит только через готовность к перевыражению — лингвистический

коррелируют рефлексивной способности человека» (Богин, 1982, с. 8), а выбор средств выражения трактуется как преобладание саморефлексии над всем опытом коммуникации.

Герменевтический подход к репрезентации языковой личности ставит в основание понимание выражения языковой личности в текстах как интерпретацию (высказанную рефлексию) обяза́нствованного и распределенного смысла (в традиции герменевтического круга Ф. Шлейермахера, герменевтики понимания Г.Г. Гадамера, герменевтики языка М. Хайдеггера) (Бушев, 2010), герменевтического подхода ряда отечественных учёных — И.В. Арнольд, А.А. Брудного, Г.И. Богина, Н.О. Гучинской, В.П. Литвинова, Д.А. Соколова.

Текстовая деятельность языковой личности позволяет интерпретировать её способности, перевыражать заложенные и прочитываемые смыслы, создавая модели деятельностной языковой личности, и говорить о компетенциях, компонентах и уровнях её языковой способности. «Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» (Богин, 1980, с. 3).

Многосторонний характер языковой личности затрудняет его понимание в науке ввиду его неоднозначности (языковая личность физическая, социальная и духовная) и абстрактности (языковая личность индивидуума, групповая, базисная) (Воркачев, 2002). Мы склонны понимать под языковой личностью человека как носителя определённого языка (-ов) и культур (-ы), способного воспринимать и производить речевые произведения. Согласимся с С.А. Сухих, что языковая личность включает в себя всю совокупность индивидуальных особенностей вербального поведения, т. е., по сути, она выступает как личность коммуникативная, характеризующаяся способностью вести речевое общение, выстраивать речевое и неречевое поведение согласно коммуникативным задачам, проявлять коммуникативную компетенцию (т. е. языковое сознание в выборе средств общения) (Сухих, 1998).

Безусловно, в связи с нарастающим влиянием трансдисциплинарного подхода к современным лингвистическим исследованиям, проблема исследования

языковой личности представляет собой объективно существующее явление нашей действительности. В общественном мнении языковая личность рассматривается лишь на вербальном уровне. Проблема определения структуры языковой личности зачастую сводится к выявлению и анализу вербально-семантических структур. В данном случае, на наш взгляд, существует опасность ограничить исследования лишь чисто эмпирическими признаками феномена.

Изучение сущности ЯЛ в рамках определённой картины мира прямо пропорционально диагностике общества, социальной значимости и направленности рассматриваемого периода. Сегодня в рамках антропоцентрического взгляда на мир мы можем убедиться в существовании двух противоположных тенденций: 1) необычной скорости и роста духовной силы человечества; 2) потери базовых культурных ценностей. Подобное противоречие можно объяснить, на наш взгляд, противоречивостью самого человека и, следовательно, самого человека.

В связи с этим изучение комплексной репрезентации ЯЛ на вербальном и невербальном уровне способствует не только последовательному пониманию данного феномена, но и структурированию знания о человеке говорящем и о его лингвокультурном сознании.

Несмотря на то, что процесс анализа языковой личности в данном диссертационном исследовании является многокомпонентным, содержание данного феномена может быть изучено в ходе анализа структур языка, которые отражают оценочные особенности социума, выявляемые, например, с помощью ассоциативного анализа (Clotaire, 2006). Наше исследование направлено на изучение проявлений ЯЛ переводчика в языке, её конструированию в коммуникативном взаимодействии в ситуации перевода. Следует также отметить, что мы ставили своей целью не только изучение проявлений ЯЛ в дискурсе говорящих, но также сосредоточили своё внимание на коммуникативных ситуациях, интенсивности проявлений, влиянии на ход коммуникации экстралингвистических факторов проявления ЯЛ переводчика.

1.2 Основные подходы к исследованию языковой личности

Активная экспансия лингвистики в сферы смежных научных дисциплин, таких как педагогика, психология, социология, культурология, философия, способствует построению интегративной концепции ЯЛ. Новейшие исследования в области коммуникативной лингвистики открывают перспективы изучения проблемы ЯЛ. Основываясь на новейших исследованиях в области когнитивной лингвистики, этнолингвистики, коммуникативной лингвистики, постепенно сформировался новый раздел лингвистики — лингвоперсонология, фокус внимания которой направлен на говорящего человека в контексте проявления индивидуального в языке — на языковую личность (также: дискурсивная личность, текстовая личность) (Иванцова, 2010). Лингвоперсонология, будучи в авангарде исследований феномена ЯЛ, не только обозначила границы самого предмета, но и наметила перспективы его дальнейшего изучения. На данный момент в России представлено не менее пяти научных школ, работающих по данному направлению (Загуменнов, 2024).

Изучение языковой (наивной) картины мира конкретной ЯЛ синхронного переводчика представляет для нас подлинный интерес, обусловленный сложностью проблем анализа представления языкового сознания, и несомненную ценность, так как полученные данные способствуют детерминации языкового отражения ЯЛ. Сегодня сложно переоценить важность исследований профессиональной языковой личности как основы формирования профессиональной идентичности. ЯЛ как полиаспектное понятие обозначает предмет, находящийся в фокусе внимания различных научных направлений. Поскольку массив социально-гуманитарных исследований, связанных с темой диссертации, весьма обширен, целесообразно проанализировать основные подходы к изучению данного феномена. По выражению С.Г. Воркачева значимость феномена ЯЛ «образовано проекцией в область языкознания соответствующего трансдисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на

общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определённость» (Воркачев, 2001, с. 64).

К настоящему времени можно с полным основанием констатировать, что категория «языковая личность» в сфере лингвистических исследований имеет статус научного концепта, демонстрирующего большую эвристическую ценность. Ее инструментальный потенциал в сфере лингвистических исследований (лингводидактика, психолингвистика, стилистика художественной речи, лингвокультурология, коммуникативная лингвистика) реализуется широко и многообразно (Сахарова, 2017). В рамках лингвоперсонологии сформирован основной терминологический аппарат с базовым термином «языковая личность», сформирована основная типология ЯЛ, системно описаны методы сбора и анализа материала. Сегодня отмечается рост исследований языковой личности в различных дискурсивных пространствах, среди которых следующие работы: «Языковая личность в виртуальном дискурсе» (Лутовинова, 2013), «Диалектная языковая личность на Алтае» (Прокофьева, 2012), «Языковая личность бывшего сельского жителя» (Власкова, 2012), «Профессиональная языковая личность врача в медиадискурсе ...» (Волкова, 2021), «Женская языковая личность в медиадискурсе ...» (Володина, 2020), «Языковая личность в русскоязычном блоге ...» (Калашникова, 2011), «Языковая личность преподавателя высшей школы ...» (Бузинова, 2020), «Виртуальная языковая личность в дискурсивном пространстве военной блогосферы ...» (Шляховой, 2020), «Самопрезентация корпоративной языковой личности в деловом дискурсе ...» (Исаева, 2020), «Формирование языковой личности студентов ...» (Пономаренко, 2022).

В контексте задач, решаемом в данном диссертационном исследовании, предлагается описать основные современные подходы к анализу ЯЛ в смежных с лингвистикой дисциплинах.

Лингвистическая модель исследования ЯЛ, разработанная Ю.Н. Карауловым, представляется нам наиболее обоснованной в рамках нашего исследования. Согласно данной модели, под ЯЛ понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и

восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» (Караулов, 1987, с. 154). Мы склонны рассматривать данный феномен с позиций антропоцентрической лингвистики, обуславливающей анализ деятельности «переводчика говорящего» непосредственно в момент перевода).

Классическая модель структуры языковой личности, предложенная Ю.Н. Карауловым, состоит из следующих уровней:

1) вербально-семантического, характеризующееся узувальным владением естественным языком (т. е. анализом и описанием вербальных средств выражения);

2) когнитивного, включающего понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждого носителя в индивидуальную, систематизированную «картину мира»;

3) прагматического, включающего цели, мотивы, установки говорящего (Караулов, 2010).

К вербально-грамматическому уровню относятся единицы, традиционно используемые при описании лексического и грамматического строя языка (слово, морфема, словоформа, дериват, синоним, словосочетание, синтаксема, согласование и т. д.). В качестве единиц когнитивного уровня, организующих статичную и относительно стабильную картину мира носителя языка, выступают денотат, сигнификат, экстенционал и интенционал, понятие, фрейм, фразеологизм, метафора, наглядный образ. В состав единиц прагматического уровня, отражающего интенции и цели носителя, его активную позицию в мире и, соответственно, динамику его картины мира, включаются пресуппозиция, элементы рефлексии, оценка, «ключевые слова», прецедентные тексты, способы аргументации, «сценарии», планы и программы речевого поведения.

Лингводидактическая модель ЯЛ Г.И. Богина была разработана с целью типизации процессов использования языка человеком, а более конкретно — для изучения ЯЛ, взяв за основу способность языковой личности воспринимать и создавать текст. Учёный выделил пять уровней её развития: 1) уровень

правильности; 2) уровень интериоризации; 3) уровень насыщенности; 4) уровень адекватного выбора; 5) уровень адекватного синтеза. Данные уровни расположены в иерархичном порядке от низшего к высшему. Помимо выделенных пяти уровней развития языковой личности, в модель включаются также основные виды речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) и уровни языка (фонетический, лексический, грамматический) (Богин, 1984).

Рассматриваемая модель схожа с моделью лингвистического описания Ю.Н. Караулова. Во-первых, обе модели ставят в основу описания, создаваемые и усваиваемые ЯЛ тексты. Исследуемая ЯЛ анализируется с точки зрения последовательных этапов языковой способности. Во-вторых, обеим моделям свойственна иерархичность, т.е. восходящее развитие ЯЛ. Далее, обе модели обоснуют влияние социальных и культурологических факторов на процесс формирования ЯЛ. Вслед за классической традицией, заложенной В. фон Гумбольдтом и А.А. Потебней — Г.И. Богин, и Ю.Н. Караулов подчёркивали, что ЯЛ необходимо изучать, только принимая во внимание её взаимодействие с социумом, стимулирующим развитие носителя языка и формирующим его готовность к саморазвитию и познанию (Сахарова, 2017).

Социолингвистическая модель ЯЛ В.И. Карасика основывается на прочном взаимовлиянии, с одной стороны, этнокультурных и социокультурных начал, а, с другой стороны, индивидуальных особенностей, включающих поведенческие ценности, установки и реакции. В речевой организации человека автор выделяет пять аспектов: 1) языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение (сюда входят психические и соматические особенности человека); 2) коммуникативная потребность, т. е. адресатность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив, носителей культуры; 3) коммуникативная компетенция как выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели, компетенцией человек овладевает, в то время как способности можно лишь развить; 4) языковое сознание как активное вербальное «отражение во внутреннем мире внешнего мира»; 5) речевое поведение как осознанная и неосознанная

система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека (Карасик, 2004, с. 7).

В противоположность моделям ЯЛ Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова, социолингвистическая модель В.И. Карасика рассматривает ЯЛ не по вертикали, а по горизонтали, т. е. описывая проявления ЯЛ одновременно на разных уровнях взаимодействия с учётом разнопланового контекста коммуникативной ситуации. В.И. Карасик отмечает, что с позиций языка можно построить модель словарной личности, которая представляет собой наиболее абстрактный тип языковой личности, вместе с тем даже на уровне словарной личности обнаруживаются её оценочные разновидности, проявляющиеся применительно к определённым лексико-семантическим группам слов (Карасик, 2004).

Коммуникативная модель ЯЛ В.В. Зеленской. В монографии «Коммуницирующая личность в аспекте языковых реализаций» автор трактует языковую личность как личность коммуницирующую в совокупности вербальных способностей человека, коммуникативных особенностей его поведения (Зеленская, 2000). Проблемы личностного фактора в языковом общении предполагают исследование закономерностей реализации отношений в диалоге и полилоге. Отношения в диалоге реализуются через систему речевых актов, интенциональность которых заключается в репрезентации, оценивании, сравнении. В итоге отношения между коммуникантами изменяются по горизонтали, вертикали, векторной направленности.

С точки зрения *психологического подхода*, как правило, термин ЯЛ не употребляется. Вместо него чаще используется понятие «языковая способность». Один из основателей отечественной психолингвистики А.А. Леонтьев сформулировал понятие речевой организации индивида, включив в неё *языковую способность*, как «совокупность физиологических и психологических условий, обеспечивающих производство, воспроизводство и адекватное восприятие языковых знаков членами языкового коллектива», *речевую деятельность*, т. е. языковой процесс как «реализацию языковым коллективом языковой способности в определённых культурных условиях для целей коммуникации и мышления» и

языковую систему, или языковой стандарт, т. е. «упорядоченную систему элементов языковой деятельности» (Леонтьев, 1979, с. 22).

С позиции *психолингвистики личности* проблема личности человека исследуется в индивидуально-психологическом аспекте. Каждый говорящий в своём коммуникативном поведении неповторим. В этом случае неповторимость личности говорящего определяется уникальной комбинацией социокультурных и психологических характеристик. В устойчивых индивидуальных особенностях речевого общения говорящего проявляются практически все его индивидуально-психологические черты. С позиции данного направления психолингвистика личности проявляется только на высших уровнях (т. е. в ментальной сфере, где отражается вся ценностно-смысловая иерархия наряду с индивидуальными интеллектуальными способностями и языковой семантикой) и фокусируется на человеке как представителе того и иного этноса и различных социальных групп, с одной стороны, и индивидуальности как производной от субъективно-личностного способа осмысления (Бубнова, 2017). Иными словами, ЯЛ с позиции данного подхода уникальна в своём представлении коммуникативного поведения.

С позиций *социологии коммуникации* основной интерес представляет структура прагматической характеристики ЯЛ, которая включает в себя три параметра: мотивационный, когнитивный и функциональный (Конецкая, 1997, с. 68.). ЯЛ рассматривается как комплекс качеств / признаков / свойств, приобретённых под воздействием соответствующей национальной культуры и конкретных социальных групп, к которым принадлежит человек.

С позиции *лингвокогнитологии* феномен ЯЛ представлен работами В.В. Красных, учитывающих психологические, социальные, культурологические и прагматические особенности говорящего в качестве базовых составляющих рассматриваемого феномена. В.В. Красных определяет ЯЛ «человека говорящего» с позиции носителя сознания в постоянном взаимовлиянии (взаимодействии) языка, культуры и лингвокультуры, и, одновременно с этим, «оказываясь объектом и субъектом языка, лингвокультуры и коммуникации» (Красных, 2016, с. 14).

Философский подход к ЯЛ отражён в работах М.М. Бахтина 1920-х гг. Модель ЯЛ в его работах представлена как синтез филологии, психологии и философии. Автор предложил в качестве фокуса изучения человека говорящего — смысловые отношения в самом высказывании, между высказываниями, а также отношения высказываний к действительности и к говорящему лицу (автору) (Бахтин, 1997, с. 322). Подобный мотив, по выражению М.М. Бахтина, способствует преодолению «бездны между мотивом поступка и его продуктом» (Бахтин, 1974, с. 81).

В качестве модели ЯЛ М.М. Бахтина, основывающейся на единстве лингвистики, психологии и философии, ЯЛ носителя языка изучается через речевую деятельность, представленную в виде тройной структуры: интенция — высказывание — оценка. По словам Т.Е. Владимировой, языковая личность здесь «может быть уподоблена дереву, у которого корни — этико-эстетические ценностные представления, ствол — возникающие интенции, а тесно переплетённые между собой ветви кроны символизируют язык, речь и дискурс как способы бытия «человека говорящего» (Владимирова, 2012, с. 31).

Согласимся с Е.В. Беленкевич, что при исследовании ЯЛ мы имеем дело с взаимовлиянием когнитивного уровня конкретной личности, отражающим индивидуальную систему знаний о мире, и прагматического уровня, основанного на мотивах, ценностях и установках ЯЛ (Беленкевич, 2019).

Рассмотренные подходы к исследованию ЯЛ демонстрируют основные принципы, на которых основывается определение данного феномена и тем самым позволяют выстраивать логику нашего диссертационного исследования. Так, основополагающим условием формирования ЯЛ является языковая способность порождать и воспринимать тексты, а также выстраивать дальнейшую социальную коммуникацию.

1.3 Языковая личность синхронного переводчика сквозь призму когнитивных событий: синхронный и последовательный перевод

Большое количество отечественных и зарубежных исследований в области когнитивного направления свидетельствует о становлении когнитивной парадигмы в переводоведении (Н.Н. Болдырев, Л.В. Кушникова, Л.К. Латышев, И.А. Стернин, Д. Селескович, М. Ледерер, В. Виллс, Д. Кирали и др.). Согласимся с С. Басснетт, что сегодня наблюдается «переводческий бум», так как «перевод <...> сегодня начинает осознаваться как процесс, составляющий основу человеческого общения и взаимопонимания. Никогда ещё интерес к переводу не был таким острым, как сегодня, никогда ещё он так интенсивно не исследовался» (Bassnett, 2002, p. 1). Анализ и систематизация особенностей переводческой деятельности ставят необходимым аспектом изучения языковую личность, её когнитивные способности, особенности вербального и невербального поведения синхронного переводчика в ситуации перевода.

В середине 1970-х гг. учёные-переводоведы, психологи предприняли попытку междисциплинарного подхода к исследованиям синхронного перевода. Соответствующая международная конференция состоялась в 1977 г., организатором которой выступил психолог Д. Гервер. Одновременно с этим представители Пражской школы устного перевода предлагают свой подход к исследованиям устного перевода (F. Pöchhacker) (Routledge Encyclopedia of Interpreting Studies, 2015).

С позиций психолингвистики в отечественном переводоведении продолжилось активное изучение синхронного перевода в дидактических целях. Ключевую роль сыграли труды советских психологов: В.А. Артемов (Артемов, 1958), Б.А. Бенедиктов (Бенедиктов, 1972, 1974), В.И. Ермолович (Ермолович, 1979), Н.И. Жинкин (Жинкин, 1966), И.А. Зимняя (Зимняя, 1973, 1978), П.И. Зинченко (Зинченко, 1961), З.А. Кочкина (Кочкина, 1963), А.А. Леонтьев (Леонтьев, 1969), А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 1977) и А.Р. Лурия (Лурия, 1975). Фундаментальные труды были опубликованы Г.В. Черновым и А.Ф. Ширяевым:

«Теория и практика синхронного перевода» (Чернов, 1978) и «Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода» (Ширяев, 1979).

В 1970-х гг. исследования синхронного перевода продолжила психолог Ф. Голдман-Эйслер, которая рассматривала его как разновидность спонтанной речи (Goldman-Eisler, 1972). Основное внимание она уделила отставанию переводчика от оратора и поставила перед собой два вопроса: «Какова длина и природа сегментов, необходимых переводчику для начала осуществления перевода?» и «Как переводчик делит на сегменты исходное сообщение?» (Goldman-Eisler, 2002, p. 70).

Результаты исследований показали, что отставание переводчика от оратора может быть выражено лексической или структурной единицей. Ключевым элементом информации, который позволяет переводчику начать перевод, является предикат: понимание текста облегчается лишь после того, как раскодируется сказуемое (Goldman-Eisler, 2002, p. 72). Ф. Голдман-Эйслер стала первым психологом, принявшим решение не подсчитывать количество слов или слогов, составляющих отставание переводчика от оратора. Она попыталась понять, анализ и осознание чего побуждают переводчиков начинать перевод.

В 1976 г. Б. Мозер-Мерсер разработала модель исследования синхронного перевода за счёт обобщения опыта работы и результатов открытий в разных научных областях. Данная цель обоснована необходимостью трансдисциплинарного подхода в силу того, что синхронные переводчики осуществляют целый ряд различного рода операций (Moser, 1976). Описывая этапы переводческой деятельности (от начала звучания речи на языке оригинала и восприятия информации переводчиком до воспроизведения текста на языке перевода), Б. Мозер использовала данные когнитивистики и когнитивной нейробиологии. Она также предложила программу упражнений, направленных на развитие и улучшение переводческих компетенций (Moser, 1976, p. 165—166).

Наше внимание сосредоточилось на лингвокогнитивном аспекте изучения ЯЛ в коммуникативной ситуации синхронного перевода как на «пересечении

внешнего ситуационного контекста с внутренним набором навыков и знаний переводчика» (Фурсова, 2013, с. 67).

Теория ЯЛ, разработанная Ю.Н. Карауловым, представляется нам отправной точкой нашего исследования ЯЛ синхронного переводчика. Согласно лингвистической модели, под ЯЛ понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определённой целевой направленностью» (Караулов, 1987, с. 154). Мы склонны рассматривать данный феномен с позиций лингвофункционального и лингвокогнитивного подходов в антропоцентризме, которые обуславливают анализ деятельности переводчика с функциональной стороны и непосредственно в момент коммуникативной ситуации синхронного перевода.

При исследовании функциональной стороны ЯЛ мы предпринимаем попытки объяснить как релевантные навыки и характеристики ЯЛ используются при выполнении синхронного перевода.

Говоря о коммуникативной ситуации перевода, мы разделяем мнение В.В. Сдобникова о динамичности переводческого события: «это всегда некий процесс или совокупность процессов, движение, развёртывание событий частного порядка во времени» (Сдобников, 2015б, с. 62).

Одним из важнейших вопросов при изучении ЯЛ синхронного переводчика в ситуации переводческого события является механизм взаимодействия языка-источника и языка-перевода в сознании синхронного переводчика с учётом контекста ситуации перевода.

Суть данного взаимодействия можно наглядно представить в виде следующей схемы (рисунок 1).

ЯЛ синхронного переводчика регулируется жизненным и социальным опытом с учётом особенностей речевого поведения, характерного для определённой (-ых) картины мира. Сопоставим трёхуровневую модель Ю.Н. Караулова с картой взаимодействия ЯЛ синхронного переводчика.

Соответственно, вербально-семантический уровень выражается через языковое сознание переводчика, коммуникативное сознание — через лингвокогнитивный (тезаурусный) уровень, а выражение смысла представляет собой самый высший, мотивационный, уровень иерархии ЯЛ.

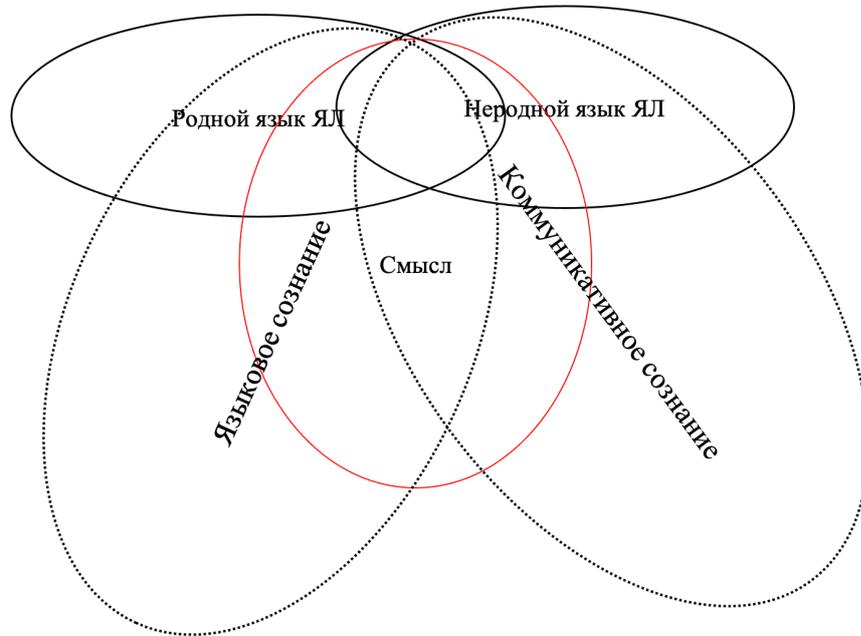

Рисунок 1 — Взаимодействие языка-источника и языка-перевода в сознании синхронного переводчика

Рассмотрение вербально-семантической составляющей структуры ЯЛ подразумевает скрупулёзный анализ и лингвистическое описание значений и употреблений языковых единиц, языковых структур в том виде, в котором они присутствуют в сознании субъекта ЯЛ, а также позволяет выявить характер их взаимодействия.

Изучение лингвокогнитивной составляющей, по мнению Т.С. Серовой, тесно связано с тезаурусом конкретной ЯЛ переводчика и во многом определяется национальной картиной мира (Серова, 1985).

В своём исследовании мы фокусировались на проявлениях ЯЛ синхронного переводчика. Однако непосредственное рассмотрение формы реализации ЯЛ синхронного переводчика позволяет констатировать факт, что синхронные

переводчики в большинстве случаев успешно реализуют как непосредственно синхронный, так и последовательный перевод. Иначе говоря, столкнувшись с двумя процессами реализации ЯЛ синхронного переводчика в целом, мы учитывали лингвокогнитивную составляющую обоих видов синхронного перевода. Данное решение, по нашему мнению, не идёт вразрез с целью и задачами исследования, но в дополнение позволяет рассматривать каждый из уровней ЯЛ с позиции когнитивного понимания конкретной ситуации перевода, актуализации смыслов и накопления языкового опыта синхронного переводчика.

Сложность анализа как синхронного, так и последовательного вида перевода обусловлена трудностью общей объективной оценки синхронного перевода в принципе. На сегодняшний день лишь начинают разрабатываться механизмы оценки синхронного перевода, которые будут учитывать индексы скорости, точности и выразительности подачи перевода (Чемезов, 2017).

Из теории коммуникации общеизвестно, что более 80 % информации передаётся невербально. Следовательно, объективно исследовать сущность ЯЛ синхронного переводчика представляется крайне проблематично в связи с «отзеркаливанием» невербального поведения основного оратора. Устные переводчики, в большей степени синхронные, копируют манеру выступления говорящего и транслируют не только вербальную информацию, но и мимику, интонации, эмоции.

Следует рассматривать ЯЛ профессионального синхронного переводчика как профессиональную идентичность, которая неотделима от идентификационной матрицы индивида. Изучение ЯЛ синхронного переводчика взаимообусловлено с процессом становления профессиональной языковой личности (термин А.Ю. Багиян, Т.А. Ширяевой, 2021) как элитарного типа личности. Наше понимание взаимообусловленности объясняется тем, что ЯЛ синхронного переводчика включает в себя определённый набор характеристик, присущих данной профессии, которые формируются на протяжении развития профессиональной компетенции. Понимание «элитарности» с позиции владения речевой культурой отражается в трудах Т.В. Кочетковой, М.С. Силантьевой,

И.А. Стернина. Опираясь на исследования М.С. Силантьевой, под элитарным типом ЯЛ мы понимаем ЯЛ, владеющую нормами литературного языка, этикой общения, и, способную использовать стили и регистры речи в зависимости от изменяющихся условий коммуникации и коммуникативных задач (Силантьева, 2012, с. 12). Согласимся с мнением Т.В. Кочетковой, что у элитарной языковой личности целесообразность коммуникативного качества речи регулируется сознанием (Кочеткова, 1996).

В свою очередь мы рассматриваем ЯЛ профессионального синхронного переводчика как элитарную языковую личность с высокой культурно-речевой компетентностью, свободно владеющую родным и иностранными языками, и, обладающую развитой способностью к лингвокреативности, богатым лексиконом и своевременным применением функциональных стилей литературного языка.

С целью познания структуры ЯЛ синхронного переводчика, мы используем метод конструирования, который предполагает анализ «незамечаемого фона» ЯЛ, включающий, с одной стороны, дискурсивные проявления различных разделов языка, а с другой — создание новых и актуализация имеющихся смыслов. Таким образом, в центре нашего внимания оказывается форма реализации ЯЛ профессионального синхронного переводчика.

В связи с этим, нам представляется перспективным изучение функциональной стороны языковой личности в коммуникативной ситуации синхронного перевода телевизионного интервью. Рассматриваемый жанр, на наш взгляд, является одним из наиболее интересных в дискурсе современного общества. Он достаточно сложный для изучения ввиду того, что синхронный диалог представляет собой непосредственный процесс порождения речи и её восприятия, и оба данных процесса происходят в ситуации практически синхронно. К тому же, как показал дальнейший анализ эмпирического материала, во многих случаях телевизионные интервью представляют исследовательский интерес ввиду спонтанного, неподготовленного характера речи собеседника.

В качестве рабочего определения мы используем термин телевизионного интервью Т.И. Поповой, которая представляет интервью как «устный диалог

журналиста и собеседника на глазах у телезрителей и в интересах телезрителей» (Попова, 2004). Подобная трактовка обеспечивает подход к исследованию интервью не только как к интерактивному взаимодействию между активными участниками беседы, но и как опосредованное общение с массовой аудиторией, и предполагает использование когнитивных методов исследования.

Научная литература предлагает широкую типологию жанра интервью, что обуславливается разнообразием и уникальностью каждого диалога. Как справедливо отмечает М.М. Лукина «интервью является самым распространённым методом получения информации, который применяется журналистами во всех странах мира. Американские исследователи подсчитали, что интервью «съедает» от 80 до 90 % их рабочего времени (Лукина, 2012).

Когнитивно-дискурсивный анализ ЯЛ собеседников (гость и журналист) позволяет определить свойственные рассматриваемым ЯЛ оригинальные литературные тропы, типичные примеры прецедентных текстов. Для проведения когнитивно-дискурсивного анализа ЯЛ нами были использованы платформы Sonix и Slovotext. Данные программы позволяют произвести быстрый и точный подсчёт лексического состава текста, определить среднюю длину предложений. Вместе с акустическим исследованием, проводимым на платформе Sonix, стало возможно говорить о полном лингвистическом исследовании речи ораторов непосредственно в ситуации перевода без отрыва от видеоряда.

Инновационный взгляд на переводческое пространство предлагает Л.В. Кушнина. Под переводческим пространством учёный понимает синергетическую модель перевода, которая объясняет процесс смыслопорождения текста перевода как совокупность множества эксплицитно-имплицитных смыслов, формируемых в сознании переводчика (Кушнина, 2016). Переводческое пространство, по мнению Л.В. Кушнина, имеет ядро, вокруг которого формируются поля трёх субъектов переводческой коммуникации: автора (адресанта), переводчика, реципиента (адресата), — и периферию. Кроме того, образуются ещё два текстовых поля, которые Л.В. Кушнина обозначает как энергетическое и фатическое (культурологическое) (Кушнина, 2014, с. 16—17).

Первоочередной задачей переводчика при синхронном переводе телевизионного интервью является анализ экстралингвистического фона интервью в определённой ситуации перевода. Под «ситуацией перевода» мы понимаем коммуникативный, ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный и социально обусловленный процесс синхронного перевода. Соответственно, понятие экстралингвистического фона ситуации перевода включает в себя основной замысел, цели, задачи, сюжет и временной период интервью, а также окружающую обстановку, социальный и профессиональный статус участников беседы.

Когнитивно-дискурсивный анализ вариантов перевода также сопоставляет адекватность перевода в зависимости от владения экстралингвистическим фоном. Сравнивая варианты перевода, становится очевидно, что ЯЛ переводчиков, воспринимает текст на разных уровнях, вследствие чего ей частично удаётся справиться с задачей передавать и принимать также субъективные реальности, значащие переживания, не обозначая их средствами прямой номинации; справляется с задачей реконструкции юмора в ситуации перевода, обусловленной экстралингвистическим фоном.

Важной для цели данной работы представляется мысль, что особенности синхронного перевода заставляют переводчика учитывать не только момент порождения мысли на ЯИ, но и момент восприятия перевода в сознании массовой аудитории. Переводчику приходится обеспечивать равноценную передачу смысла не только по отношению к беседе между субъектами интервью (голубая и зелёная стрелки на схеме) (рисунок 2), но и в части перевода опосредованного общения субъектов интервью с массовой аудиторией (красный пунктир в схеме) (рисунок 2).

Взаимопонимание между субъектами интервью достигается за счёт эксплицитного характера коммуникации (Попова, 2004). В связи с этим, мы предполагаем, что функциональная сторона ЯЛ синхронного переводчика влияет, во-первых, на интерпретацию когнитивного замысла субъектов интервью, а, во-вторых, — на «перевод» картины мира говорящего в картину мира аудитории.

Поясним, что при переводе содержание не переносится из одного языка в другой, и, следовательно, при переводе не происходит никакого смыслового переноса (Martín de León, 2010). Люди отождествляют смысл с символами посредством опыта, привязывая символы к реальности, т. е. ассоциируя их с опытом и восприятием при помощи неязыковых средств. Б. Левандовска-Томашик, таким образом, утверждает, что «основные усилия при переводе направлены на сохранение сходства когнитивных воздействий оригинала и перевода на своих адресатов» (Lewandowska-Tomaszczyk, 2015, p. 23).

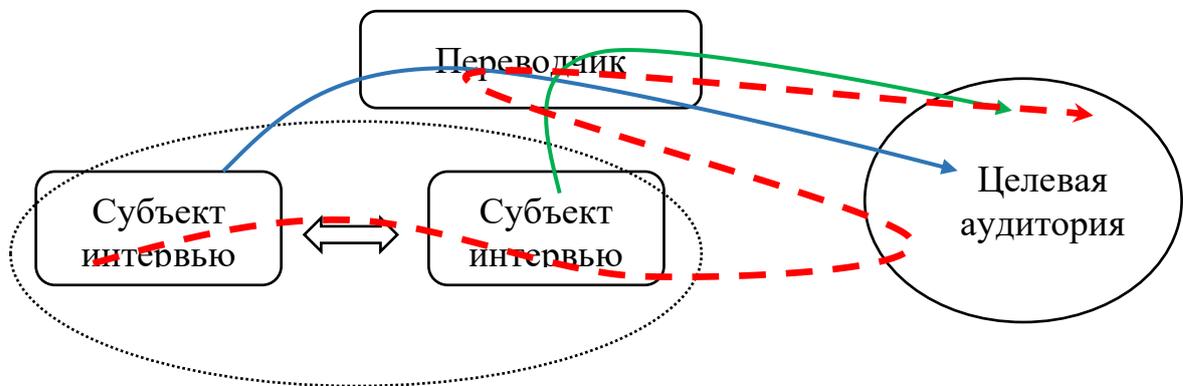

Рисунок 2 — Взаимодействие между участниками коммуникативной ситуации перевода

Когнитивные процессы реализуют преобразовательный характер ЯЛ УП, который заключается в способности преобразования языкового материала и социокультурной составляющей. Иными словами, ЯЛ УП адекватно реагирует на языковое бытие денотата, даже если онтологические характеристики обсуждаемого предмета или явления ему неизвестны, так как языковое сознание личности хранит языковые образы как перцептивную реакцию на языковую экспликацию предметов или понятий. Таким образом, уровень развития ЯЛ прямо пропорционален уровню владения ЯИ и ЯП. Соответственно, задача переводчика сводится не только к корректной интерпретации эксплицитных высказываний, но и к самой способности интерпретировать глубинное содержание высказывания, актуализировать новые смыслы, т. е. осуществлять перевод с учётом картины мира ЯИ субъектов интервью массовой аудитории на ЯП.

При анализе языковых проявлений ЯЛ переводчика считаем важным рассматривать их с позиции исследуемого жанра, где проявляется ЯЛ. Г.И. Богин справедливо полагает, что модель ЯЛ служит основанием для построения не только типологии понимания текстов, но и типологии самих текстов по критерию их приспособленности к разным типам понимания (Богин, 1984). По его мнению, в конце XX в. увеличивается доля художественных и научных текстов, в оптимальном освоении содержательности которых собственно понимание, основанное на рационально протекающих рефлексивных техниках, играет значительную роль, часто не уступающую роли нерелективного смыслового восприятия. Это ставит перед переводчиком задачу учиться рефлексии с целью достижения надёжной готовности глубоко и всесторонне понимать текст (Богин, 1984).

Сегодня учёные исследуют роль и место невербальных средств коммуникации в становлении и развитии языковой личности и приходят к выводу, что значительное место в естественной коммуникации занимают невербальные средства, «передающие до 65 % смысловой и оценочной информации» (Саурбаев, Ючковская, 2015, с. 129). Обращая внимание на вербальные и невербальные проявления ЯЛ, переводчик делает выбор переводческих стратегий с учётом языковых структур и индивидуальных языковых предпочтений оратора. Подобный комплексный подход к анализу устного перевода как синхронного, так и последовательного, на наш взгляд, позволяет не только передать смысл сообщения, но позволяет транслировать образ оратора с учётом его индивидуального речевого стиля на ЯП в ситуации перевода.

Составляющей концепции языковой личности профессионального переводчика видится способность владения разными функциональными разновидностями языка — одна из основных способностей, свойственных развитой языковой личности.

В ходе когнитивно-дискурсивного анализа становится возможным говорить о лингвистических и экстралингвистических особенностях речевого поведения ЯЛ субъектов интервью. Структура ЯЛ обуславливает возможность выделения

картины мира синхронного переводчика, вербально-семантического уровня организации ЯЛ, влияния экстралингвистического фона на успешность синхронного перевода.

Достигнутые теоретические результаты позволяют оценить репрезентацию ЯЛ переводчиков, их лингвистический уровень, эмоциональную организацию, духовно-нравственные приоритеты, мировосприятие, особенности самопрезентации. Сегодня происходят, на наш взгляд, процессы, происходящие во всех сферах жизнедеятельности человека: единый информационный поток, создание единого экономического пространства, а, следовательно, и языкового пространства. Поэтому актуальна мысль, что комплексное описание ЯЛ, изучение влияния фоновых знаний и функциональной стороны ЯЛ переводчика на интерпретацию когнитивного замысла оратора, перекодирование прецедентной информации имеет огромное значение для успешности процессов порождения текстов и восприятия их глубинного содержания.

1.4 Языковая личность и языковая идентичность переводчика как основа для формирования профессиональных компетенций

Современная научная парадигма предлагает рассматривать языковую личность как комплексный когнитивный феномен. Исследования различных типов языковой личности имеют высокую актуальность и значительный потенциал при определении сознания человека говорящего, анализе в области современной лингвоперсонологии поскольку позволяют глубже понять влияние социальных, лингвокультурологических и сугубо лингвистических факторов на формирование и репрезентацию личности, в целом, и профессиональной языковой личности, в частности.

Важность профессиональной жизни человека и происходящими глобализационными процессами сегодня сложно переоценить. Актуальность исследований профессиональной языковой личности связана, на наш взгляд, с транснациональными изменениями в трудовых отношениях и с возрастающей

ролью мотивации и эффективности в профессиональной сфере, с адаптацией профессиональных ролей к условиям трансдисциплинарности профессиональной среды. Более того, по мнению А.Ю. Багияна, исследования в области лингвоперсонологии «способствуют разработке эффективных методик и стратегий формирования, поддержания и развития профессиональной идентичности как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях» (Багиян, 2024, с. 5), что способствует успешной реализации и функционированию организаций и специалистов.

При изучении языковой личности как комплексного феномена, нельзя обойти понятия «личности» и «идентичности». На наш взгляд, дифференциация смежных понятий отражает глубинное различие в понимании обозначенных феноменов и во многом предопределяет вектор дальнейшего исследования.

Согласимся, что понятия «личность» и «идентичность» в некоторых исследованиях стоят в синонимичном ряду. Тем не менее, по мнению А.Ю. Багиян, необходимо разграничивать данные терминологические единицы, так как они представляют собой «смежные, а не тождественные понятия» (Багиян, 2024, с. 91). Процесс формирования личности невозможен без развитой и функционирующей идентичности и её реализации в коммуникативном пространстве. В свою очередь, становление личности проходит под воздействием социума (исследования Л.И. Божович 1968, 1988) и опыта личностного развития (получение и формирование знания как глобальной мыслительной категории) (Язык и личность в зеркале консерватизма, 2018). Более того, нельзя не учитывать возрастную психологию, которая описывает поэтапное развитие личности за счёт изменение физиологии, когнитивных особенностей, черт характера, вкусов, ценностей и других структур, включая идентичность. Следовательно, отношения между понятиями личность и идентичность можно рассматривать с точки зрения гиперо-гипонимической связи, где личность как многокомпонентная когнитивная структура, «включает в себя идентичность как соответствующее подмножество» (Багиян, 2024, с. 99). Интересно, что на протяжении всей жизни идентичность осуществляет саморефлексию с целью проверки соответствий в отношении

«общество vs я» и «я vs общество» для формирования, корректировки, последовательной презервации своей идентичности и, как следствие, личности.

Анализируя языковую личность синхронного переводчика, важным представляется вопрос о характерных компетенциях и квалификациях, свойственных синхронному переводчику. В частности, для объективного анализа языковой личности синхронного переводчика, мы считаем необходимым определить среднюю типологию профессиональных компетенций синхронного переводчика.

Содержание переводческой компетенции представляет собой предмет различных транслатологических исследований и варьируется в различных концепциях (Новикова, 2017, с. 91). Будучи одним из средств межкультурной коммуникации, синхронный перевод представляет собой наиболее сложный вид переводческой деятельности, который быстро и эффективно решает задачи взаимопонимания между людьми (Михайлова, Фомин, 2017). Как известно, в синхронном переводе работа проходит в сложных полевых условиях поэтому сложно переоценить необходимость владения техническими навыками. Переводчик должен хорошо разбираться в системах многоканального распределения звука, иметь навыки настраивания систем синхронного перевода, уметь работать в кабине.

Говоря о профессиональных компетенциях переводчика, традиционно принято учитывать сугубо лингвистические навыки и фоновые лингвокультурные знания, которые включают в себя знание культуры страны и региона языка перевода, социально-политические особенности страны, обычаи и традиции страны и/или региона, искусство, литературу и пр. К обязательным умениям переводчика относится способность быстрого переключения с одного языка на другой, интерпретация содержания оригинала, определение стратегии перевода, поиск средств перевыражения на ЯП (Комиссаров, 2011, с. 35—36).

Традиционно, сегодня говорят о шести областях компетенций:

- лингвистическая;
- тематическая (предметная область);

- межкультурная;
- технологическая;
- информационная (Уланова, 2021).

Очевидно, что суть лингвистической, тематической и межкультурной компетенций достаточно широко отражена в научной литературе, в то же время комплексное рассмотрение переводческих компетенций с точки зрения практического подхода получило недостаточное освещение в отечественной научной литературе.

События последних лет послужили катализатором ряда наметившихся в переводческой отрасли изменений, связанных с применением новых информационно-коммуникационных технологий в синхронном переводе (Профессиональная подготовка переводчиков ... , 2020).

«Реализация специальной компетенции транслятора сопряжена также и с его умением работать с техническим арсеналом вспомогательных средств, особенно в современных условиях автоматизированных процессов» (Новикова, 2021, с. 167). Выделяют три компонента технологической трансформации синхронного перевода (в терминологии С. Браун — *technological turn*): 1) инструменты дистанционного перевода (*technologies used to deliver interpreting services and enhance their reach, leading to technology-mediated or distance interpreting*); 2) технологии автоматизированного синхронного перевода (*computer-assisted interpreting, CAI; technology-supported interpreting*); 3) технологии машинного синхронного перевода (*machine interpreting, MI*); а также гибридные технологии, связанные с автоматическим распознаванием речи (например, *respeaking*) (Braun, 2019, p. 271).

В свою очередь, к технологической компетенции переводчика мы относим практические навыки комплексного владения компьютерными системами автоматизированного перевода (*CAT-programmes*), программами машинного перевода текстов, что включает следующие операции: автоматизированный поиск лексем (выявление вариантов перевода на уровне слова, словосочетания, предложения), поиск языковых пар в памяти перевода для повышения

производительности, сравнение предыдущих версий перевода, возможность составлять и своевременно актуализировать базу данных переводов (Уланова, 2021).

Помимо прочего, к технологической компетенции синхронного переводчика следует отнести умение использовать в работе проводные и беспроводные системы многоканального распределения звука, а также владеть онлайн системами дистанционного перевода.

С развитием ИКТ предъявляются всё более строгие требования к переводчику в контексте информационной компетенции, т. е. совершенствование навыка работы с информационными ресурсами, методами получения, обработки и интерпретации получаемой информации, а также её оценки.

Согласно В.В. Липатовой и А.В. Литвинову, *компетенция, обеспечивающая переводческие услуги*, является одной из центральных и включает в себя способности в межличностном общении и области осуществления непосредственно перевода (Липатова, Литвинов, 2012).

Л.К. Латышев и В.И. Провоторов наряду с компетенциями, обозначенными В.Н. Комиссаровым, включают в переводческую компетенцию умение целеполагания и предвосхищения результатов перевода, то есть вероятностное прогнозирование (Латышев, Провоторов, 2001, с. 26). Помимо этого, они предложили новую структуру переводческой компетенции, определив в ней базовую, специфическую и специальную составляющие. Базовая составляющая предполагает навыки и умения, необходимые для осуществления всех видов перевода, специфическая — навыки и умения, необходимые в определённом виде устного или письменного перевода, а специальная составляющая — навыки и умения, требуемые при переводе текстов, относящихся к определённой предметной области / речевому жанру (Латышев, Провоторов, 2001, с. 8—9).

Содержание и степень важности указанных компетенций не вызывает сомнений. С учётом весомого вклада авторов в развитие отечественной теории перевода, и, исходя из накопленного практического опыта, мы предлагаем дополнить данную классификацию.

Мотивированной в данном контексте представляется нам *переводческая компетенция (interpreting competence)*. Данная компетенция подразумевает под собой не только посредничество внутри межъязыковой ситуации перевода на высоком уровне прогнозирования и с соблюдением должного качества перевода, она также требует от переводчика мастерства расширения получаемого контекста и его соответствующего применения в непрерывно меняющейся ситуации перевода. Переводческая компетенция предполагает процедурные знания о способах преодоления лингвистических, культурных, ситуационных и иных проблем, возникающих в процессе перевода (Уланова, 2021).

Обладание коммуникативно-процедуральными знаниями составляет основу *коммуникативной компетенции* синхронного переводчика. Коммуникативная компетенция, таким образом, представляет собой инструмент, с одной стороны, внутренней консолидации знаний профессиональных стандартов и этики поведения, а, с другой стороны, — внешней дифференциации посредничества между представителями различных культур.

Именно осознанное владение профессиональными компетенциями обеспечивает эффективную работу и сосуществование переводчика в нескольких культурах.

Многопараметровый ролевой портрет переводчика представлен в работах Е.Р. Поршневой, которая выходит за рамки восприятия переводчика как медиатора-посредника и выделяет девять его ролей:

- посредник: обеспечение коммуникации представителей разных культур;
- интерпретатор: интерпретация ситуации общения и поведения участников коммуникации;
- производитель: создание текста на ЯП;
- психолог: недопущение коммуникативных сбоев, корреляция межличностных отношений;
- организатор: организация условий для работы, адаптация к условиям перевода;

— исследователь: сбор и обработка информации по предметной тематике переводческой ситуации;

— адаптатор: адаптация текста перевода для участников коммуникации;

— корректор: техническое редактирование текста перевода;

— редактор: редактирование текста перевода (Поршнева, 2002, с. 51—52).

В самом упрощённом виде синхронный перевод принято определять как вид профессионального устного перевода, отличительной чертой которого является одновременность выступления оратора и перевода его речи синхронистом (Комиссаров, 1990). Вместе с тем, данный вид перевода является бесспорно высшим типом интеллектуальной работы. Исходя из этого, работа синхронным переводчиком требует определённых компетенций и навыков.

В сущности, сложность одновременного восприятия информации и воспроизведения грамматически оформленных предложений с определённым темпом, не сводится лишь к контролю звукового сигнала, поступающего через аппаратуру. Переводчик обязан уметь слышать не только речь оратора, но и собственную речь. Согласимся с И.М. Матюшиным, что синхронист постоянно верифицирует «не только интонацию, тембр и громкость своего голоса, но и весь комплекс средств, которые он использовал для передачи смысла (грамматические, синтаксические, лексические и т. д.), а также качество собственного перевода «на выходе» (Матюшин, 2016, с. 42).

В процессе работы синхронные переводчики испытывают колоссальные нагрузки. А. Тараков говорит о следующих особенностях, присущих синхронным переводчикам во время работы:

1) психологический дискомфорт, обусловленный необходимостью одновременно воспринимать, декодировать и воспроизводить дискурс;

2) психологический барьер, вызванный отсутствием повторного обращения к тексту оригинала, возможности приостановить речь, повторить непонятные фразы, слова;

3) отсутствие возможностей внести корректировки в уже озвученный текст, устранить выявленные ошибочные интерпретации;

4) возможность возникновения ошибочной интерпретации из-за слишком быстрого темпа речи, сбивчивости говорящего, речевых дефектов (Цит. по Жабагиева З.Г., 2015).

Вследствие этого, на формирование профессиональных компетенций влияет ряд способностей, необходимых профессиональному синхронисту. В связи с субъективной оценкой и иерархией различные специалисты в области перевода выделяют различные навыки и способности, необходимые для успешного выполнения синхронного перевода. Мы придерживаемся мнения, что большинство из необходимых синхронному переводчику психофизических навыков можно развить:

- способность предельно концентрироваться (20—30 мин) и распределять внимание;

- тренированную долговременную (последовательный перевод), кратковременную и оперативную память (последовательный, синхронный перевод);

- навык диафрагмального дыхания;

- низкий голос предпочтительнее высокому;

- развитые коммуникативные навыки;

- навыки быстрого реагирования.

Говоря о психофизических навыках, мы подразумеваем навыки, способствующие ускорению когнитивных (распознавание и восприятие речи, преобразование мысль — текст, селективная способность вычленять нужную информацию) и физических механизмов (темп речи, ровное дыхание, не нагружающее голосовые связки, хорошо поставленный голос). Любой человек непроизвольно использует подобные когнитивные фильтрационные механизмы, обеспеченные не только всеми органами чувств, но и чисто человеческими качествами (интуиция, домысливание, антиципация и др.). Эти «фильтры» работают со всеми каналами информации, начиная с основного — речи оратора. Хорошо известно, что речь, особенно спонтанная, может быть в разной степени «засорена» повторами, незаконченными фразами, неправильными

грамматическими и синтаксическими конструкциями, допускающими двойное толкование выражениями, междометиями, звуками-«паразитами» (хезитациями), дефектами речи, акцентом и диалектическими особенностями произношения. Профессиональный переводчик преодолевает трудности такого рода путём «простого игнорирования ненужной информации и концентрации на смысле оригинального высказывания» (Матюшин, 2016, с. 45).

Успешное выполнение перевода зависит также и от условий работы. Профессиональная деятельность переводчика происходит в различных окружающих условиях и, чаще всего, в неблагоприятных, что заставляет синхронного переводчика подвергать свой голос повышенным нагрузкам, например, перевод без микрофона, сторонние шумы или неблагоприятная окружающая среда. Важность физических механизмов заключается в поддержании здоровья голосового аппарата.

В связи с этим актуальной является проблема гигиены голоса. Гигиена голоса — это методы, направленные на предотвращение заболеваний голосового аппарата и снижению нагрузки на него (Аристова, Протопопова, 2015). Синхронному переводчику крайне важно уметь контролировать свой голос, менять тон и темп в зависимости от смысла переводимого текста. Для этого необходимо учиться диафрагмальному дыханию, размеренному темпу, уметь говорить более низким голосом, для снижения нагрузки на связки и облегчения восприятия. Навык диафрагмального дыхания представляется нам одним из важнейших для профессионального переводчика. Непрерывная продолжительная работа синхронного переводчика требует снижения нагрузки на голосовые связки.

Более того, синхронному переводчику крайне важно уметь контролировать свой голос, менять тон и темп в зависимости от смысла переводимого текста. Для этого необходим навык диафрагмального дыхания, размеренный темп перевода и более низкий голос снизят нагрузку на связки и облегчат восприятие перевода аудиторией. Подобные навыки помогают не только снизить психоэмоциональную нагрузку на самого переводчика, но и повышают процент восприятия перевода. Например, аудитория охотнее воспринимает более низкий голос, чем высокий. К

тому же, постоянный темп, вариативный интонационный рисунок и эмоциональная подача перевода акцентирует внимание аудитории на смысле текста.

Данный факт подтверждает мысль, что мы слушаем не человека, а его речь. Поэтому столь важна «роль подачи» в синхронном переводе: размеренная скорость, тембр голоса, интонация и логические паузы значат не меньше, чем правильно подобранный перевод термина. Для изменения исходных параметров голоса профессиональные переводчики используют терапию речи. Фонопедия помогает синхронисту или последовательному переводчику освоить навык размеренной подачи информации, диафрагмального дыхания, позволяет быстро варьировать интонационный рисунок. Примером профессионального голосового поведения переводчика будет являться своеобразное перевоплощение переводчика в своего оратора: когда переводчик старается скопировать интонацию говорящего, передать голосом его эмоции и даже невербальную коммуникацию и, наконец, завершить фразу одновременно с говорящим.

На сегодняшний день современное общество ожидает от переводчика навыков владения системами искусственного интеллекта, умение составлять переводческие базы данных, активно использовать в своей работе системы автоматизированного перевода (*'translation memory'* (англ. яз.) — память переводов, *перевод наш.* — Е.У.), системы постредактирования текстов.

Работа синхронным переводчиком предъявляет большие требования к специалисту в этой области. Переводчик должен обладать коммуникативной способностью, включающей помимо языкового знания умение интерпретировать языковое содержание высказывания и выводить из него контекстуальный и имплицитный смысл. Вдобавок, синхронный переводчик проводит мгновенный анализ текста, направленный на поиск причинно-следственных связей, переводческих стратегий, выявление авторского отношения к обсуждаемому вопросу (+/-), прогнозирование текста.

Конкретная двуязычная языковая личность любого этноса обладает не только личностными характеристиками, но и развивается в определённом

этнолингвоментальном пространстве: «завершённая, однозначно воспринимаемая картина мира возможна лишь на основе установления иерархии смыслов и ценностей для отдельной языковой личности. Тем не менее, некоторая доминанта, определяемая национально-культурными традициями и господствующей идеологией, существует, и она-то обуславливает возможность выделения в общезыковой картине мира её ядерной, общезначимой, инвариантной части» (Вафеев, 1999, с. 66)

Когнитивная составляющая ЯЛ синхронного переводчика в рассматриваемой нами модели связана с интеллектуальной сферой личности, познавательной деятельностью человека, предполагающей владение родным языком, иностранным языком (-и) и культурологической компетенцией. Основу культурологической компетенции переводчика составляет владение не только фоновыми знаниями (традиции, символика страны), но и информацией о текущей социально-политической обстановке в субъекте перевода (компания, город, край, страна), местных реалиях. Наличие общих знаний для оратора и переводчика является главной предпосылкой для качественного перевода в условиях, когда коммуниканты относятся к разным лингвокультурам.

В различных отечественных и зарубежных исследованиях существуют различные классификации фоновых знаний (О.А. Ахманова, Е.М. Верещагин, В. Гудикунст, И.В. Гюббенет, Й. Ким, В.Г. Костомаров, А.Н. Крюков, Т. ван Дейк и др.). В книге Е.М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура ...» фоновые знания определяются как «общие для участников коммуникативного акта знания» (Верещагин, Костомаров, 1981, с. 36). Другими словами, это та общая для собеседников информация, которая обеспечивает их взаимопонимание. По степени распространённости фоновые знания делятся на три вида: общечеловеческие фоновые знания, региональные и страноведческие (Старцева, Лихачева, Мишин, 2012).

По мнению М.В. Межовой, владение общими знаниями являются основной предпосылкой для адекватного общения, когда коммуниканты принадлежат к различным лингвокультурным общностям (Межова, 2009). Практическая суть

овладения фоновыми знаниями заключается в том, что переводчик в зависимости от места и времени перевода должен быть не просто в курсе последних новостей, он должен полностью владеть актуальной социокультурной информацией региона, где проходит перевод.

Говоря о фоновых знаниях, важно разделять осведомлённость о мировых событиях и «постоянную слежку» за состоянием дел в мире *hic et nunc*. Последнее не только не способствует адекватному и объективному восприятию реальности, а, наоборот, способно увести переводчика от реального контекста мировых событий. Постоянное чтение новостей не позволит переводчику быть в курсе событий, а лишь в какой-то мере сможет ликвидировать пробелы в фоновых знаниях. К тому же, читая и слушая «всё подряд» переводчик рискует очутиться в информационном хаосе. Опираясь на текущие события в мире, можно вообразить себе ситуацию, в которой президент одной страны позвонил президенту другой страны с предложением оказать помощь в борьбе с COVID-19. Информация об этом событии появится в новостях спустя какое-то время и, вероятнее всего, будет нести авторскую оценку происходящего. В этой связи удачным представляется сравнение представленного события с камнем, брошенным в воду. Различные мнения СМИ кругами расходятся по воде, размывая контекст необходимый переводчику. Если переводчик хочет быть погружен в истинный контекст, ему необходимо быть там, где находится камень, круги по воде ему не помогут.

Важность же культурологических знаний сложно переоценить. Одним из параметров профпригодности переводчика (как устного, так и письменного) является культурологическая составляющая. Владение языком в совершенстве (интуитивное владение языком) не даёт полного представления о культурных реалиях страны. Одновременное изучение языка и культуры в процессе профессионального становления переводчика ориентировано на формирование компетентной профессиональной поликультурной языковой личности, владеющей необходимыми профессиональными компетенциями. Понимание социальных и культурных особенностей во всем их многообразии, умение использовать свой лингвокультурный потенциал для решения коммуникативных

задач высочайшего уровня в ситуациях, связанных с культурными различиями, выработанная привычка замечать, анализировать, систематизировать культурные и языковые знания, полученные при контактах с представителями разных культур, обеспечивают его готовность к овладению профессией.

Рассуждая о совершенствовании в профессии, Д. Робинсон полагает, что переводчику необходима внутренняя мотивация, желание узнавать что-то новое, иметь актёрские способности, совмещать в себе несколько личностей и выполнять различные роли (Робинсон, 2005, с. 28—29). Именно мотивированность говорящего как «коммуникативно-деятельностная потребность» и представляет собой единицу прагматического уровня языковой личности, служит наиболее существенным фактором, обуславливающим её индивидуальные особенности. Эти особенности определяются уровнем логических рассуждений индивида, его концептуальной базой, а также в значительной степени уровнем его эмоциональной активности в ситуации перевода. Положительные эмоции, заинтересованность во время осуществления переводческой деятельности стимулируют качественное осуществление работы и быстрое оттачивание навыков (Robinson, 1998). Тем не менее, по мнению Е.В. Александровой, существует ряд существенных противоречий в освоении профессии переводчика:

— формирование профессиональных переводческих умений на этапе изучения иностранного языка / традиционный подход к специализации;

— потребность современного общества в компетентной поликультурной языковой личности / недостаточная разработанность проблем лингвокультурологической подготовки переводчика;

— необходимость ориентироваться в концептуальной и языковой картине мира носителя иноязычной культуры / недостаточное использование лингвообразовательного потенциала иностранного языка и личного общекультурного тезауруса;

— овладение навыками тезаурусного структурирования лингвокультурологических знаний, обеспечивающих профессиональное владение языком / недостаточная разработанность педагогических условий,

способствующих формированию профессионального лингвокультурного тезауруса переводчика (Александрова, 2009).

Традиционно проблемы обучения в области переводоведения принято рассматривать с позиций лингводидактики. Вместе с тем, разумно полагать, что обучение технике переводческой мысли необходимо в должной мере совмещать с практикой не только иностранного языка, но и родного, для чего необходимо постоянно совершенствовать свои навыки выступления на родном языке, особенно тщательно подбирать литературу для чтения. Согласимся, что стремление к «ортологии, орфографической и пунктуационной норме, изучение ошибок, типологии ошибок, увлечение правилами не страхуют от некорректного перевода. Необходимо изучение грамотной профессиональной речи на родном языке, лучших образцов, изучение профессиональной терминологии и её эквивалентности, узуса устной профессиональной речи на родном языке при установке перевода на родной язык» (Бушев, 2010, с. 21). Примечательно, что многие синхронные и последовательные переводы, послужившие эмпирическим материалом настоящего диссертационного исследования, были критически оценены именно за отсутствие узуса родной речи. «Умение оперировать целым текстом, умение чувствовать регистр, подстиль — не менее, а может быть, и более важные компоненты языковой способности профессионально ориентированного переводчика» (Бушев, 2010, с. 22).

Мы разделяем мнение И.С. Алексеевой относительно того, что переводчик «обязан находиться в состоянии вечного учебного возбуждения» (Алексеева, 2001, с. 11). Заметим, что это важно, как для иностранного языка, так и для родного. «Последнее часто не кажется очевидным. Любой человек подспудно уверен, что родным-то языком он прилично владеет» (Алексеева, 2001, с. 11). Так, по мнению А.В. Бушева, при переводе с иностранного на русский язык значимым оказывается знание разнообразных ресурсов родного языка, готовность пользоваться ими (прежде всего представления о стандартах стилей и жанров и творческом использовании стилистических ресурсов) (Бушев, 2010). Данное мнение подкрепляется примерами, накопленными нами за многие годы

переводческой практики: начинающие переводчики испытывают больше трудностей в переводе в паре «английский язык — русский язык», чем в паре «русский язык — английский язык», т. е. в относительной готовности активный запас знаний родного языка оказывается меньше. Можно предположить, что на факультетах иностранных языков больше внимания уделяется практике иностранного языка: пересказу, чтению, реферированию, творческим письменным работам студентов. В результате, начинающие переводчики делают ошибки при переводе на родной язык, затрудняющие восприятие текста, что особенно становится заметно при синхронном переводе. Указанные противоречия сигнализируют о проблеме квалифицированной подготовки переводчиков, а также о необходимости их непрерывной самостоятельной работы, что в процессе постоянной межкультурной коммуникации является залогом успешной профессиональной деятельности.

Разумеется, переводчик сегодня не может ограничиваться вербальным или техническим переводом информации. Современное общество ожидает от него владения системами искусственного интеллекта, умения составлять переводческие базы данных, активно использовать системы автоматизированного перевода, системы постредактирования текстов. Переводчик сегодня делает нечто больше, чем перевод текста. Работодатель предъявляет строгие требования к данной профессии: требуются навыки синхронного и последовательного перевода, предпочтительна специализация в переводе, профессиональные навыки в цифровой среде, а также знание особенностей нотариального заверения и апостилирования, навык составления пресс-релизов и т. д. Подобные навыки являются востребованными повсеместно (Митягина, Наумова, 2023; Уланова, 2021). Например, редакция текста уже прочно вошла в список услуг, оказываемых ведущими переводческими бюро. Более того, работа синхронного переводчика предполагает способность работать в жёстких временных рамках, профессиональную компетентность, железную самодисциплину, постоянную практику, адекватно реагировать на критику, иметь определённые личностные качества и врождённые способности (Митягина, Наумова, 2023). Последние

особенно важны при овладении устной переводческой деятельностью, в частности, синхронным переводом. Саморефлексия в отношении профессиональных компетенций не может быть полноценной, а в некоторых случаях может даже не осознаваться самими переводчиками.

Анализ обозначенных аспектов проблемы позволяет говорить об особых трудностях в освоении культурологических и профессиональных компетенций, с которыми сталкиваются переводчики. Мы считаем, что углублённое изучение функциональной стороны языковой личности профессионального переводчика позволит точнее понять трудности в ситуации перевода, которые оказывают на рефлексию при анализе ЯЛ переводчика в коммуникативной ситуации перевода. Обозначим неизбежную вовлечённость синхронного переводчика в парадигму развития современных технологий. Трансформационные процессы в любой культуре указывают на смену в ценностной системе языковой личности переводчика, которыми он руководствуется при интерпретации событий действительности.

1.5 Жанрово-стилевая палитра языковой личности синхронного переводчика

Проблема жанра и жанрового своеобразия в устном переводе остаётся насущной и до конца нерешённой. Исторически её изучение соприкасается с вопросами художественного перевода, перевода сакральных текстов, сопоставительным литературоведением и межкультурными исследованиями.

Переводческие подходы к исследованию жанра стали возникать по мере развития функционально-лингвистического направления в лингвистике и осознанием, того, что «язык не может быть отделён от ситуативного и культурного контекста» (Saldanha, 2011, p. 149). Наиболее значительными теоретическими работами по проблематике жанра в переводе стали труды К. Райс, скопос-теория Г. Фермеера, работы К. Норд, нарратологическая концепция перевода М. Бейкер, теория речевой вариативности М.А.К. Хэллидея и Д. Мартина.

Отталкиваясь от основ функциональной лингвистики, мы предположили существование жанровых смещений (вариаций) в пределах синхронного переводного текста, относящегося к конкретному жанру. Данная гипотеза была выдвинута нами с учётом комплексного изучения ЯЛ в ситуации синхронного перевода интервью жанра массмедиа (Уланова, 2022).

Актуальность данного вопроса обусловлена активным развитием жанроведения, уточнением терминологического аппарата речеганрового исследования речи, методологическими идеями развития профессиональных компетенций в работе синхронных переводчиков на предмет использования переводческих трансформаций, обусловленных требованиями жанра.

Цель исследования жанрово-стилевой реализации ЯЛ СП заключается в анализе и лингвистическом описании речевых средств реализации ЯЛ в синхронном переводе.

Сама природа спонтанной синхронной речи говорящего оратора определяет характер синтактики РЖ. Следовательно, задача переводчика сводится не только к корректной интерпретации эксплицитных высказываний, отношений между отдельными высказываниями, но и к способности интерпретировать глубинное содержание высказываний, отношения между говорящими, т. е. осуществлять перевод с учётом картины мира ЯИ субъектов разговора на ЯП.

Опираясь на идеи М.М. Бахтина о готовых формах речевых жанров, которые «даны нам почти так же, как родной язык» (Бахтин, 1996, с. 181), мы намереваемся изучить способы выражения РЖ в синхронном переводе при контрастном анализе РЖ на ЯИ и ЯП.

Типическими способами выражения для РЖ являются: коммуникативная ситуация, экспрессия и экспрессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого) (Бахтин, 1996, с. 181), концепция адресата и концепция «на адресата» (Бахтин, 1979, с. 305).

При анализе жанрово-стилистической палитры ЯЛ переводчика считаем важным рассматривать её с позиции социально-диалогической природы РЖ, т. е. коммуникативной природы (функции) исследуемого жанра и языковых средств

выражений. Г.И. Богин справедливо полагает, что модель ЯЛ служит основанием для построения не только типологии понимания текстов, но и типологии самих текстов по критерию их приспособленности к разным типам понимания (Богин, 1984, с. 24). По его мнению, в конце XX в. увеличивается доля художественных и научных текстов, в оптимальном освоении содержательности которых собственно понимание, основанное на рационально протекающих рефлексивных техниках, играет значительную роль, часто не уступающую роли нерелексивного смыслового восприятия. Это ставит перед переводчиком задачу учиться рефлексии с целью достижения надёжной готовности правильно, глубоко и всесторонне понимать текст (Богин, 1984).

С точки зрения лингвистических особенностей ЯЛ СП в ситуации перевода, важным представляется изучение разножанровых фактур речи. Мотивом для исследования жанрово-стилистической палитры ЯЛ синхронного переводчика в жанре телевизионного интервью послужило особое разнообразие текста данного жанра: сочетание публицистического и разговорного стилей, эллипсис, модальность, синтаксические и лексические повторы. «Вопросы и ответы часто составляют единое смысловое, а иногда — и синтаксическое целое, и переводчику приходится держать в памяти содержание и структуру предшествующей реплики», что существенно усложняет процесс синхронного перевода (Алексеева, 2001, с. 104). Исследуемый жанр телевизионного интервью интересен для изучения ввиду его гибридности и особой подвижности жанровых границ.

Главная теоретическая сложность при определении методологии и обработки конкретного практического материала — выделение релевантных параметров исследования (Дементьев, 2010).

Основные методы исследования жанрово-релевантных параметров включают сравнительно-сопоставительный анализ речевой «проекции» жанра, анализ речевых актов, лингвокогнитивный анализ стилистических параметров, предполагающий прагматическую интерпретацию языковых средств, метод лингвистического наблюдения, определяющий семантическое значение

(декодирование) средств вербальной коммуникации, а также анализ коммуникативных смыслов, фактор адресата, целей и установок ЯЛ синхронного переводчика.

Компетентность профессиональной ЯЛ синхронного переводчика определяется по тому, каким искусствам речи и с какой полнотой она обучена, каким опытом и навыками она владеет в разных родах, видах и формах словесности (Бушев, 2010). Частью концепции профессиональной языковой личности переводчика нам представляется способность мастерски владеть разными функциональными разновидностями языка, а также интегрировать жанровую принадлежность оригинального текста, обуславливая переводческие решения на всех уровнях текста перевода.

Мы предполагали найти и изучить способы реализации жанрово-стилевой палитры и жанровые смещения (термин Б. Хейтима и Я. Мейсона), путём анализа применения синхронными переводчиками переводческих трансформаций, которые сохраняют или видоизменяют способы реализации жанра и, в конечном счёте, жанровый статус переводного текста.

В структурном отношении жанр представляет собой бесконечное количество потенциально возможных текстов, обусловленных социокультурным контекстом (Halliday, Hasan, 1989).

Приведённый жанр телевизионного интервью можно отнести к портретному типу интервью на следующих основаниях: диалогичность высказываний; вопросно-ответный стиль повествования; центральный объект интервью — человек, его личностные качества, взгляды на жизнь; оценочная лексика при выражении собственного мнения собеседника-интервьюера; языковые средства выразительности; исторические факты биографии объекта интервью; публичный характер разговора.

Регистровые характеристики текста оригинала соответствуют плану выражения жанра телевизионного интервью:

— самопредставление и представление собеседника с перечислением наиболее значительных его / её достижений

(1) *My name's Grace Deen, and last week I was lucky enough to meet the great man himself;*

— эмоционально-окрашенная лексика

(2) *the great man himself; the only man alive; incredibly gripping; great prose writer; lucky enough;*

— превосходная степень прилагательных

(3) *best known; most famous;*

— выраженная диалогичность по отношению к массовой аудитории

(4) *today, it's a global TV phenomenon, and we're all playing the game now. But whose side are you on?*

Предметом нашего внимания в анализе телевизионных интервью являются способы реализации жанрово-стилистической палитры и жанровые смещения, связанные со способами реализации языковыми средствами жанра телевизионного интервью.

По мнению Н.Р. Krings, «эквивалентность на уровне жанра является обязательным условием перевода независимо от типа перевода» (Krings, 1986, p. 270).

Здесь и ниже в переводах приведены оригинальные скрипты видеофайлов с учётом лексических повторов, грамматических нарушений, самоисправлений и оговорок синхронных переводчиков.

На вербально-семантическом уровне имеется ряд переводческих решений, реализующий жанрово-стилистическую палитру:

(5) *Оригинал: As the only man alive who knows **how to play** the Game of Thrones and win...*

*Перевод-1: Единственный человек, который действительно знает, **как выиграть** в Игре...*

*Перевод-2: Единственный живой человек, который знает, **как играть** в Игру Престолов...*

В примере № 5 опущение однородного сказуемого (*win*) влияет на реализацию эмоционально-стилистической функции, уменьшая коммуникативный

эффект. Тем не менее, подобное переводческое решение не является жанровым смещением, так как не ведёт к деформации жанровой структуры.

(6) *Оригинал: George R.R. Martin is the **best-selling** author in the English language right now.*

*Перевод-1: Джордж Мартин сейчас — это самый **популярный** писатель, который пишет книги на английском языке.*

*Перевод-2: Сегодня Джордж Мартин самый **успешный** писатель, который пишет на английском языке.*

Пример (6) иллюстрирует вербально-семантическую вариацию концепта «успешный писатель», выраженную в оригинальном тексте на английском языке как «best-selling» (см. определение из словаря www.dictionary.cambridge.org “best-selling — extremely popular and that has sold in very large numbers” — наиболее продаваемый — очень популярный писатель, чьи произведения продаются большими тиражами) (best-seller, 2024). Оба переводчика обоснованно используют лексическую замену для оптимального отражения содержания концепта «успешность» в языке перевода с учётом адекватного перевода коммуникативной цели.

Важно учитывать объективные различия между системами ЯИ и ЯП, смыслы передаваемого сообщения с учётом коммуникативной цели, возможности восприятия аудитории (индивидуальные особенности, мировоззрение, мировосприятие). Во-вторых, использование переводческих трансформаций зависит от фоновых знаний самого переводчика и экстралингвистического контекста. Рассмотрим пример переводческой трансформации, регулируемой фоновыми знаниями и экстралингвистическим контекстом:

(7) *Оригинал: ...the most famous of which is **epic story of Ice and Fire series** better known these days as *Game of Thrones*.*

*Перевод-1: ...самой известной книгой является **песнь Льда и Пламени**, которая сейчас известна нам как *Игра Престолов*.*

*Перевод-2: сегодня наиболее известное творение Джорджа Мартина — это **песнь Льда и Пламени**, лучше известная по всему миру как *Игра Престолов*.*

Оба переводчика использовали тактику адаптации за счёт лексической замены для перевода оригинального названия цикла романов ‘*Story of Ice and Fire series*’, известного российской аудитории как «Песнь Льда и Пламени». Подобная адаптация напрямую зависит от фоновых знаний переводчика, которому было заранее неизвестно о теме и жанре оригинального видеофрагмента и, разумеется, об участнике интервью, так как важнейшим условием конкурса для переводчиков, который послужил источником практического материала, является неопределённость тематики перевода до непосредственного начала записи оригинального текста. Более того, экстралингвистический контекст ситуации синхронного перевода позволяет реализовать переводческие решения, которые не всегда могут отвечать требованиям эквивалентности. В свою очередь, именно жанр интервью, будучи регулируемым, но заранее неподготовленным процессом, ярко отражает переводческие решения и проявления ЯЛ синхронного переводчика (Мажура, Тимофеева, 2019).

Причиной переводческой ошибки в переводе-2 является частотный случай возникновения интерференции по грамматическому признаку, который часто встречается при выполнении синхронных переводов. В данном примере (№ 7) очевидно нарушение функции сравнительной степени прилагательного «лучше». Исследуемый жанр, как известно, отличается большей степенью неожиданности как для участников беседы, так и для переводчиков, поэтому вероятность переводческой ошибки возрастает в разы. Профессиональная способность к прогнозированию, вычленению прагматической составляющей, активизации фоновых знаний являются основным вызовом для синхронного переводчика (Barik, 1971, p. 206—207).

(8) *Оригинал: My name's Grace Deen, and last week I was lucky enough to meet the great man himself and get an exclusive insight into what makes him tick.*

Перевод-1: Меня зовут Грейс и на прошлой неделе я встретила с этим потрясающим писателем и взяла у него интервью, в котором он рассказал мне о своих произведениях.

Перевод-2: Меня зовут Грейс Дин и недавно я пообщалась с самим Джорджем Мартином, чтобы узнать, что его вдохновляет.

При переводе примера № 8 можно определить перенос жанровых конвенций из оригинального текста в текст перевода. Говоря о жанровых конвенциях, мы понимаем ключевые жанровые условия, набор присущих жанру интенций и последовательность их реализации. Так, жанровая конвенция «самопредставление журналиста» (*My name's Grace Deen*), личностная оценка события (*I was lucky enough to meet*) и краткий обзор будущего коммуникативного события (*and get an exclusive insight into what makes him tick*) реализуются в речи синхронных переводчиков № 1 и 2. Тем не менее, оба синхрониста при переводе опустили личностную ремарку журналиста (*I was lucky enough*), что, на наш взгляд, является жанровым смещением ввиду того факта, что характерной особенностью жанра телевизионного интервью в западной традиции массмедиа выступает яркая демонстрация эмоционально-оценочного личного мнения журналиста. В тексте перевода характерная демонстрация эмоционально-оценочного мнения отсутствует.

Пример вариантов перевода телевизионного интервью М. Этвуд (пример № 9) интересен с позиции нормы выражения жанра.

(9) Оригинал: *But I was in high school and and I just didn't really know what it would involve. I knew that I would have to have another means of support. I didn't expect to somehow burst into bestseller. **Damn right away.***

Перевод-1: я действительно училась в старших классах, и я не совсем понимала какие какие будут последствия, и я не понимала не понимала, что мне понадобится ещё какая-то...Я думала, что мне понадобится ещё какая-то деятельность я не ожидала что мои книги станут бестселлером.

Перевод-2: Я училась в школе в старшей школе, и я ещё не знала, что стоит за карьерой писательской писателя. Я думала, что я сразу напишу бестселлер.

Синхронный переводчик в ряде случаев выступает как редактор, корректирующий коммуникативное намерение оратора в более жанрово соответствующем виле (Тюрина, Хорошева, 2022). С точки зрения функционально-лингвистической модели контекста, переводческое решение (см. пример № 9) обоих синхронистов опустить ненормативное идиоматическое выражение (*damn right away*) обусловлено, по нашему мнению, жанровой компетенцией, т. е. сознательным

решением избежать перевода ненормативного выражения с целью соответствия жанровой формы высказывания цели речевой коммуникации в языке перевода.

Термин «жанровая компетенция» определяется в общем смысле как «способность языковой личности сознательно прогнозировать жанровую организацию речи, понимать и порождать тексты <...> в зависимости от ситуации общения» (Сотова, 2017, с. 428). Неподготовленная устная речь ораторов в массмедийном дискурсе, не всегда соответствует требованиям и нормативности стиля. Современный массмедийный дискурс является гибридным жанром, в котором возможны любые альтернативы. Таким образом, мы склонны рассматривать жанровую компетенцию как одну из базовых профессиональных компетенций ЯЛ профессионального переводчика, определяющую глубину когнитивной осознанности переводчика в момент формирования жанрово-стилевого содержания и речевого выражения.

В следующем примере рассмотрим ещё один случай проявления жанровой компетенции синхронных переводчиков.

(10) Оригинал: *M. Этвуд: My parents, of course, didn't weren't in favor of this plan at all. They wanted me to be a scientist.*

Журналист: Which they were. Your mother was a nutritionist. Your father was an entomologist. And your brothers were were scientists.

M. Этвуд: There's only one of them. But he would be pleased to be plural.

Журналист: Pardon me for that.

Перевод-1: сначала мои мои родители, конечно, были не в восторге от того, что что я сделала, потому что мои родители были учёными. / И ваши родители и ваш брат они все были все были учёными.

Перевод-2: конечно, мои родители не хотели поддерживать меня. Мои родители хотели, чтобы я стала учёным. / Да я знаю ваша мама занимается биологией. Ваш отец, ваш двоюродный брат тоже занимается наукой.

В приведённом отрывке (пример № 10) мы видим фактическую ошибку, допущенную журналистом во время интервью с М. Этвуд. Журналист комментирует ответ оратора (*Your mother was a nutritionist. Your father was an*

entomologist. And your brothers were were scientists), допуская ошибку, говоря о единственном брате гостя во множественном числе. Далее следует реплика М. Этвуд, в которой она иронично поправляет журналиста (*There's only one of them. But he would be pleased to be plural*). Как можно заметить, происходит смена коммуникативных отношений: от линейного интервью, разворачивающегося по сценарию, к иронии гостя, извинению журналиста за допущенную ошибку. Интересно, что оба синхрониста осознанно исключают из перевода высказывания, выходящие за рамки жанровой конвенции и подтверждённые базовыми интенциями говорящего. Данное переводческое решение определяет персональную жанрово-стилевую палитру и ограничивает жанровое смещение, связанное со способом реализации жанра. Напротив, полная эквивалентность оригинала и перевода на уровне языковых средств, не мотивированная конвенцией жанра языка перевода, привела бы к отклонению от цели коммуникации и, следовательно, к деформации жанра.

В ходе анализа фактического материала на языке оригинала определены характерные особенности жанра телевизионного интервью для западных СМИ:

1. Наличие числовой лексики и прецедентной информации;
2. Фактическая информация;
3. Диалогическое единство (последовательная смена реплик);
4. Монологичность высказываний основного гостя;
5. Эмоционально-оценочное личное мнение модератора интервью (возможна вульгарная лексика);
6. Самопредставление журналиста;
7. Краткий обзор предстоящего коммуникативного события;
8. Ироничные высказывания.

Для отечественного жанра телевизионного интервью можно определить схожие жанровые особенности. Тем не менее, исходя из анализа переводов, выполненных синхронными переводчиками, мы определили отличительные жанровые особенности телевизионного интервью, которые были учтены при переводе с учётом гендера и личной жанровой компетенции:

1. Отсутствие вульгарной лексики;
2. Опускание косвенных речевых жанров (спора / уточнений / пояснений), не имеющих прямого отношения к основному событию (отклоняющихся от жанровой конвенции);
3. Опускание эмоционально-оценочного мнения модератора интервью.

Подобные наблюдения позволяют сделать вывод, что именно категория жанра объясняет выбор переводческого решения в соответствии с коммуникативной функцией и требованиям жанровой конвенции.

Результаты исследования отражают объективно существующую тенденцию к сознательному / бессознательному использованию переводческих стратегий при реализации жанрово-стилевой палитры в условиях синхронного перевода. На основе анализа синхронных переводов, выполненных с английского языка на русский язык, можно определить речевой механизм реализации индивидуальной жанрово-стилевой палитры ЯЛ: переводческие трансформации на различных уровнях текста перевода; тактики адаптации текста перевода; опускание единиц, не отвечающих требованиям принадлежности жанра; лексические замены; переводческие добавления.

Данные, полученные в результате анализа, дают убедительные основания также учитывать жанровую компетенцию, как один из компонентов жанрово-стилевой палитры ЯЛ СП, при оценке качества переводов на предмет жанровой эквивалентности. Перспективой исследования считаем развитие функционально-лингвистического подхода к анализу сознательного / бессознательного проявления ЯЛ с точки зрения сохранения или нарушения жанровой структуры, проведения масштабного исследования, охватывающего языковые и ситуационные аспекты функционирования жанра и особенности синхронного перевода жанра.

Условия оценки проявлений ЯЛ синхронного переводчика могут быть признаны объективными, поскольку эмпирический материал представлял собой нефиксированный, неизвестный заранее материал, позволяющий провести оценку объективного уровня жанровой осведомлённости синхронного переводчика.

Выводы по главе 1

Последовательно решив задачи данной главы, приходим к следующим выводам.

Анализ феномена языковой личности в коммуникативном процессе в текущий момент развития лингвистической мысли представляет собой сложную задачу, так как саморефлексия исследуемого феномена носителем не может быть полноценной и объективной. Человек конечен и ограничен в возможностях постижения и когнитивном представлении картины мира. Тем не менее, попытка понимания феномена языковой личности в его качественной определённости требует от нас постижения содержания отражения объективной действительности, понимания личностных смыслов и рефлексивной способности объекта исследования. В связи с чем комплексное изучение репрезентации языковой личности на вербальном и невербальном уровнях способствует последовательному пониманию данного феномена, структурированию знания о её картине мира и созданию модели языковой личности в коммуникативном взаимодействии.

Курс на трансдисциплинарность закономерно считается приоритетным в когнитивно-дискурсивной парадигме научного знания, так как способствует расширению лингвистических исследований на уровне дискурса. Можно констатировать, что проанализированные подходы к исследованию языковой личности представляют большую ценность ввиду их трансдисциплинарного статуса: лингвистическая модель (Ю.Н. Караулов), лингводидактическая модель (Г.И. Богин), психолингвистическая модель (А.А. Леонтьев, И.А. Бубнова), лингвокогнитивный подход (В.В. Красных), лингвофилософский подход (М.М. Бахтин). Таким образом, анализ и систематизация преимуществ указанных подходов определили вектор дальнейшего изучения языковой личности синхронного переводчика: функциональную сторону вербальной и невербальной репрезентации переводчика в коммуникативной ситуации синхронного перевода.

Для достижения обозначенной цели исследования мы определили жанр телевизионного интервью, что обусловлено разнообразием и уникальностью представленного формата. Данный жанр позволяет отчётливо раскрыть роль мультимодального характера языковой личности, определить лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на репрезентацию языковой личности синхронного переводчика, определить широту фоновых знаний языковой личности, способности интерпретировать глубинное содержание высказывания, т. е. осуществлять перевод с учётом картины мира языка-источника субъектов интервью на язык перевода аудитории.

Когнитивная составляющая языковой личности синхронного переводчика связана с интеллектуальной сферой личности, общей познавательной деятельностью человека, которая предполагает владение несколькими языками, культурологической компетенцией, профессиональной компетенцией, включающей фоновые знания, отраслевые знания, знания основ синхронного перевода. Будучи центральным объектом представленной диссертации — языковая личность синхронного переводчика подлежит постоянной трансформации в пределах каждой ситуации перевода. Процесс формирования личности как таковой невозможен без развитой идентичности. Следовательно, функционирование отраслевой языковой личности возможно при условии последовательного социального формирования идентичности говорящего.

Рассмотрение лингвистических особенностей ЯЛ СП раскрывает важность изучения способов выражения индивидуального при переводе разножанровых фактур речи в неподготовленном устном диалоге. Данное обстоятельство определяет задачу переводчика по отношению к медиадискурсу: адекватная интерпретация эксплицитных высказываний и способность к интерпретации имплицитного содержания. В такой трактовке способы репрезентации языковой личности выступают как способ выражения мотивов и установок переводчика, являющегося посредником, «медиатором культур». Жанрово-стилевая палитра и жанровые смещения рассматриваются нами с позиции социально-диалогичной природы речевых жанров как компоненты профессиональной компетенции

языковой личности синхронного переводчика. Результаты анализа определяют речевой механизм реализации жанрово-стилевой палитры переводчика: применение переводческих трансформаций, применение тактики адаптации перевода, опущение единиц, не отвечающих требованиям принадлежности жанра, лексические замены, переводческие добавления.

2 ДЕВИАНТНЫЕ И СТРАТАГЕМНО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

2.1 Особенности исследования языковой личности в ситуации синхронного перевода

Тенденция современной лингвистики обнаруживается в комплексном подходе, применяемом сегодня как к сугубо лингвистическим, так и к смежным направлениям. В конце XX в. стал заметен переход от структурной к антропологической парадигме в лингвистике и смежных областях знания. А в начале XXI в. передовым направлением в лингвистике стала когнитивная лингвистика, где фокус внимания учёных сместился на анализ взаимодействия функциональной стороны языка. Дальнейшее развитие антропологического подхода стало результатом интереса к исследованию лингвистической мысли, процессов её формирования, реализации в речи, изучению ЯЛ.

По словам З.Г. Бурдиной, формирование и непрерывное развитие лингвистической науки требует от учёных не только смелости своевременной смены научной парадигмы, цель которой — переход от системно-структурного рассмотрения языка к анализу коммуникативных процессов, происходящих в момент речи, как основной идеи когнитивной лингвистики, но и непосредственного изучения взаимосвязи вербализированной системы с когнитивными и речемыслительными процессами (Бурдина, 1995).

История развития когнитивной науки служила доказательством успешного синтеза различных когнитивных состояний человека: усвоение знаний, их интерпретации, понимания, формирование умозаключений, верований и пр. Исследование человека в контексте когнитивной парадигмы несомненно сближает такие гуманитарные науки, как лингвистика, философия, психология, социология и нейрофизиология, социальная информатика, программирование. Логично предположить, что фундамент теоретической основы

лингвокогнитивного подхода составляет философия, психология и лингвистика, а практическая реализация достигается путём применения сочетания интерпретативных возможностей человека-исследователя и новейших информационных технологий.

Профессиональная ЯЛ является базисом при оценке ЯЛ в целом и определяет знания, представления, мотивы, ценности, отношение к профессии. Центральный объект нашего исследования — ЯЛ СП — языковая личность синхронного переводчика, профессионально владеющая несколькими языками и несколькими картинами мира, подлежит постоянной трансформации (в первую очередь с точки зрения прироста коммуникативного и социального опыта), зачастую даже в пределах одной ситуации перевода. Получая новый коммуникативный опыт, сталкиваясь с новыми объектами понимания контекста культуры, с нарушениями регламентированной нормативности, ЯЛ обращается к герменевтическому пониманию, вследствие чего сопоставляет и, при необходимости, регулирует собственные уровни языковой репрезентации. Так, в структуру ЯЛ входят «языкотворческие и культуротворческие способности» (Зыкова, 2017, с. 218), менталитет, национально-ценностные представления и социокультурные ориентации на различные события и явления.

Перспектива анализа объекта нашего исследования — ЯЛ СП отражает профессиональную сторону ЯЛ, которую мы рассматриваем в комплексе с лингвокогнитивным и лингвофункциональным анализом ситуации перевода, интенций синхронного переводчика, коммуникативного поведения в профессиональной среде. В течение всего времени овладения и совершенствования в данном виде деятельности переводчики погружаются в бесконечное количество дискурсивных пространств разных лингвокультур, что напрямую отражает степень широты и разнообразия социокультурной ментальности и когнитивной базы. Следовательно, представляется актуальным и важным изучение ЯЛ СП как образца развитой ЯЛ, владеющей несколькими картинами мира и вовлечённой в ряд дискурсивных пространств, для анализа процесса стратификации языковой личности на первичную (развитую в полном

объёме), т. е. русскоязычную языковую личность и вторичную (являющейся менее развитой или развивающейся). Таким образом, представленная позиция лингвоперсонологии в значительной мере совпадает с применяемыми нами лингвокогнитивным и лингвофункциональным подходами к анализу репрезентации ЯЛ СП.

Идея проведения исследования особенностей функциональной стороны ЯЛ синхронного и последовательного переводчика родилась в результате наблюдения, саморефлексии и желания использовать накопленный опыт с целью изучения языковой картины мира синхронных переводчиков и внедрения новых методик оценки и подготовки синхронных переводчиков.

Подобное исследование представляется нам чрезвычайно интересным и несомненно актуальным. Так, в процессе анализа мы рассматриваем репрезентацию ЯЛ с точки зрения когнитивистики, исследуем особенности вербального и невербального поведения синхронного переводчика в ситуации перевода, анализируем случаи переводческих ошибок и неудачных переводческих решений. Подобные исследования невозможны без анализа аудиовизуального ряда синхронных переводов, что усилило наш научный интерес к исследованиям в области когнитивного переводоведения.

Перевод как направление общего языкознания достаточно молод, ему немногим более 60 лет. За этот период переводоведение трансформировалось в отдельную науку с многогранным объектом исследования, в рамках которой произошло переосмысление самой сущности перевода. Традиционная теория перевода определяла перевод как процесс перекодирования единиц исходного языка на единицы языка перевода. Актуальная на настоящее время когнитивная модель перевода (В.Н. Комиссаров, В.И. Хайруллин, М.Я. Цвиллинг и др.) базируется на идее о том, что его процесс на всех этапах носит индивидуальный, интуитивный характер, который предполагает последовательный выбор наиболее адекватного первоисточнику варианта из целого ряда возможностей, исходя из опыта переводчика. С позиции когнитивной лингвистики, переводческий процесс не является линейной передачей содержания исходного текста посредством

механического использования языковых трансформаций, а представляется как «активизация ментальной сущности переводчика, когнитивных структур его сознания» (Munday, 2008, p. 63).

Сегодня начинают происходить очевидные изменения не только в различных сферах общественной жизни, но и в вопросах самосознания языковых личностей, исследования языковой картины мира и способах реализации в ней ЯЛ (труды Н.Д. Арутюновой, М.М. Бахтина, Г.И. Богина, А.А. Волковой, В.В. Виноградова, Ю.С. Степанова, З.Д. Поповой, Т.Г. Скребцовой, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, В.И. Карасика, В.А. Плаксина, В.Н. Телия, Л.А. Шестак, А.Д. Шмелева и др.).

Представление о смысле как о ментальной репрезентации, которая не зависит от языковой формы и может быть точно перевыражена на любом языке, предлагает такой взгляд на процесс перевода, при котором два языка в сознании переводчика в идеале оказываются несвязанными друг с другом, так как между ними находятся невербальные ментальные репрезентации смысла. Существуют, однако, значимые аргументы и эмпирические данные, свидетельствующие о том, что при восприятии и порождении речи на одном из языков в сознании билингвов, в том числе компетентных, какими могут являться некоторые переводчики, происходит активация обоих языков (Language selection in bilingual speech ... , 2008). Ряд переводоведов также отмечают, что переводчики в первую очередь склонны прибегать к типичным межъязыковым соответствиям и пользуются другими методами только если такой формальный перенос приводит к неудовлетворительному результату (Tirkkonen-Condit, 2005). При этом языковая форма оригинала оказывает влияние не только на начинающих переводчиков, но и на опытных профессионалов. Представляется, что при переводе смысл не обособляется полностью от языковых структур, и, таким образом, девербализация не является непременным условием перевода (Tirkkonen-Condit, 2005).

По мнению В.Н. Комиссарова, необходимо осознавать, что переводческий процесс не линеен. «Начиная с этапа понимания и интерпретации текста, переводчик задействует когнитивные структуры подсознания, проводящие анализ

и синтез поступающей информации языкового и неязыкового содержания с передачей смысловых трансформаций различного порядка» (Комиссаров, 1994, с. 90).

Интересным представляется мнение В.И. Карасика, представленное в его статье «Дискурсивное проявление личности», где учёный определяет факторы проявления личности в дискурсе. По его мнению, основные характеристики дискурсивной личности обусловлены содержанием (тематикой) общения, ведущими чертами его обобщённо-типовых участников, основным типом коммуникативной тональности, ведущим каналом коммуникации и её функциональной природой (Карасик, 2016). Мы считаем необходимым учитывать при лингвокогнитивном анализе ЯЛ синхронного переводчика обширную тематику и значительное количество прецедентных феноменов. Причём данное обстоятельство справедливо как для синхронных переводчиков, так и для переводчиков, осуществляющих последовательный перевод.

Ввиду многомерности феномена языковой личности, важно понимать, как он формируется, функционирует в речи, и от чего зависит процесс упорядочивания индивидуальных представлений о языке. Проблема изучения языковой личности в лингвистике глубокая и разноплановая: общаясь, люди выполняют роль как объектов, так и субъектов (одновременно и попеременно). Перед нами предстаёт не просто обмен информацией, но взаимовлияние говорящих на общий и частный когнитивный замысел.

Являясь участником ситуации перевода телевизионного интервью, переводчик неизбежно вынужден принимать во внимание особенности медиадискурса. Тонко играя на социальных проблемах общества, медийный дискурс состоит не только из авторской интерпретации политической/социальной ситуации, но и включает определённый набор вербальных средств, используемых ораторами для оформления своих позиций и оказания эмоционального воздействия. ЯЛ синхронного переводчика, таким образом, взаимодействует как с картиной мира говорящего (-их), так и с другими дискурсами (например, институциональные и не институциональные формы общения: правовой дискурс,

научный дискурс, массмедийный дискурс, религиозный, бытовой, образовательный, рекламный, художественный, спортивный, военный, профессиональный и пр. Всё вышеперечисленное в совокупности с одной стороны объясняет всю сложность анализа ЯЛ в синхронном переводе, но с другой — позволяет исследовать новые грани проявления ЯЛ: личностные, профессиональные, этические, национальные и пр.

Актуальной предстаёт мысль В.Г. Костомарова, что сосуществование стандартных и экспрессивных единиц обусловлено потребностью интеллектуального и эмоционального воздействия на читателя. Согласно учению о вариантной интерпретации действительности (А.Н. Баранов, П.Б. Паршин) вербализация мысли предполагает категоризацию отражённого в сознании фрагмента действительности, а выбор языковых средств диктуется системой ценностной ориентации, когда на первый план выступают концептуальные, образные и эмоциональные характеристики. Корректное понимание переводчиком экстралингвистического фона ситуации перевода в значительной степени способствует адекватному пониманию и передаче информации всего сообщения оратора на ЯП.

Отдельно в структуре ЯЛ синхронного переводчика могут быть выделены «зоны повышенной креативности» (термин О.Н. Шевченко, 2005), которые представляют собой текстовые фрагменты или семантические группы слов, при трансляции которых в принимающую культуру переводчик осуществляет трансформации, выходящие за рамки деятельности посредника. В данном случае переводчик фактически берёт на себя функцию соавторства. В исследуемых нами текстах синхронных переводов подобным примером является переводческий комментарий, авторские добавления.

Специфика ЯЛ СП определяется самим объектом перевода, который представляет особый процесс передачи информации. Наиболее полное определение синхронного перевода представляет Г.В. Чернов: «синхронный перевод — это такой вид устного перевода на международной конференции, который осуществляется одновременно с восприятием на слух (плюс иногда

зрительно «с листа») предъявляемого однократно устного сообщения на исходном языке в изолирующей переводчика от аудитории кабине и в процессе которого — в экстремальных условиях деятельности — в любой отрезок времени перерабатывается информация строго ограниченного объёма» (Чернов, 1987, с. 10).

А.Ф. Ширяев, занимавшийся исследованием синхронного перевода, дополняет: «К синхронному переводу, пожалуй, менее всего применима традиционная формула: чтобы переводить, нужно знать два языка и предмет разговора. Известно, что не каждый человек, свободно владеющий иностранным языком, способен овладеть комплексом знаний и умений, обеспечивающим успешное осуществление синхронного перевода» (Ширяев, 1979, с. 7).

По мнению профессора Высшей школы перевода (г. Париж, Сорбонна), синхронного переводчика Даниэля Жилия, когнитивные усилия переводчика сосредоточены на трёх задачах:

1. Анализ получаемой информации (декодирование и интерпретация). В случае увеличения плотности речевого потока оратора, дестабилизирующих факторов, отступления оратором от языковой нормы, когнитивная нагрузка на синхрониста пропорционально возрастает.

2. Порождение речи на целевом языке. Данный этап характеризуется индивидуальным выбором механизмов распредмечивания и перекодирования сообщения в соответствии с выбранной стратегией перевода.

3. Запоминание. Контаминация цельного содержания и материального выражения порождает создание единого текста в сознании синхронного переводчика, для вербализации смысла которого переводчик применяет поливалентные переводческие действия (Gile, 1985, p. 46).

Соответственно, деятельность синхронного переводчика обладает определённой спецификой. Наш многолетний опыт синхронного перевода показывает, что не существует идеальных условий для осуществления синхронного перевода. В качестве магистрального отличия между синхронным и последовательным переводом мы принимаем время вербальной подачи

сообщения на языке перевода по сравнению с временем получения информации на языке оригинала. К тому же, последовательный перевод предполагает либо выполнение переводческой скорописи, либо запоминание массива информации и последующую её передачу (в полном или сокращённом варианте). Прежде всего, темпоральные ограничения определяют проявление феноатративной компетенции для параллельного реципиирования, перекодирования и организации вербальной структуры транслята. В основе данной компетенции находится требование закончить перевод одновременно (или почти одновременно) с оратором, не обрывая вербального сообщения. Синхронный перевод обычно выполняется с отставанием в 4—7 лексических единиц.

Разумное отставание при синхронном переводе обычно не превышает 4—6 секунд (Paneth, 1957, Чернов, 2009) при этом особое значение имеют просодические особенности подачи. По мнению Г.В. Чернова, постулат о синхронности имеет относительный характер. Неодновременность является естественным следствием физиологии человека, что очевидно подтверждено скоростью прохождения импульса по нейрону и конечных реакций в структурах нейронных окончаний (Чернов, 2009).

Поддерживая визуальный контакт с оратором, переводчик проводит дополнительную графическую фиксацию прецедентной информации, подлежащей точной передаче на целевом языке.

Синхронист выстраивает вербальный транслят на основе получаемого сообщения от источника. В случае выступления оратора, зачитывающего текст, возникает необходимость синтаксического упрощения (Мокрушина, Андреев, 2017, с. 101) ввиду высокой скорости вербализации текста при чтении вслух. В ситуации, когда имеется визуальная опора на произносимый текст, переводчик активизирует интеллектуальную мобильность, если по ходу выступления оратор делает дополнительные вставки (приводит примеры, дополнительные пояснения и т. д.), отсутствующие в письменном тексте.

Свободно произносимая речь оратора (без опоры на текст) требует от синхрониста переводческого прогнозирования по отношению к воспринимаемому

сообщению. Подобные варианты «предугадывания» и смыслового развития и изменения синтаксической структуры вербального сообщения требуют дополнительной корректуры, реализующейся путём тактик и приёмов перевода (адаптации, опущения, дополнения синонимичного ряда, тавтологией и др.). Такая необходимость нередко возникает при переводе с немецкого языка, когда структура речи оратора не позволяет предугадать смысловой глагол, находящийся, как правило, в конце фразы (Мокрушина, Андреев, 2017, с. 102).

Таким образом, динамичный характер применения профессиональных компетенций синхронным переводчиком является существенным дополнением к транслатологическим исследованиям, которые трансформируются в соответствии с требованиями, предъявляемым к синхронным переводчикам, и вызовами современной науки о переводе.

2.2 Переводческая ошибка как отражение языковой личности синхронного переводчика

Errare humanum est — действительно, никакая человеческая деятельность онтологически невозможна без ошибок. Тем не менее, в нашем бытовом, обыденном сознании ошибка рассматривается, преимущественно, как результат некачественной работы, недостаточной компетентности, возможно, даже халатности, то есть как негативный опыт. Но, что, если предположить, что любая ошибка представляет собой положительный опыт? Подобное допущение даёт импульс не только для самосовершенствования, но позволяет глубже исследовать факторы, влияющие на проявления конкретного в *homo loquens* (Митягина, 2024). В данном параграфе мы рассматриваем феномен переводческой ошибки и её роль при изучении проявления конкретного в ЯЛ СП.

Исследование речевого портрета ЯЛ СП считаем необходимым, поскольку для анализа лексикона ЯЛ существенно учитывать владение лексико-грамматическим фондом, уровень лексического запаса слов и словосочетаний, свойственных конкретной ЯЛ, допускаемые лексические повторы, ошибки в

словообразовании, словообразовательные дериваты (также с суффиксами субъективной оценки: уменьшительности, ласкательности, увеличительности, уничижительности), переносные номинации, которые являются отличительной особенностью вербально-семантического уровня ЯЛ (Уланова, 2022).

Проблема ошибок в процессе перевода — актуальная и важная тема в переводоведении (Петрова, 2019). Большинство исследований в данном направлении направлено на классификацию переводческих ошибок (Д.М. Бузаджи, Н.К. Гарбовский, М. Дебрэнн, Е.А. Княжева, В.Н. Комиссаров, М.А. Куниловская, Р.К. Миньяр-Белоручев, А.Д. Швейцер, А.Б. Шевнин, Р. Newmark и др.) и изучение причин их возникновения (Л.К. Латышев, А.Л. Семенов, Дж. Хаус и др.). Различные уровни владения иностранным языком, а также патологические состояния, такие, как дислексия, афазия, во многом определяют степень допущения ошибок в языке.

Лингвофункциональный подход при анализе ЯЛ УСП реализуется за счёт анализа переводческих ошибок и причин их возникновения, наблюдаемых нами непосредственно в ситуации перевода. Данный подход предполагает не просто перекодирование текста оратора, а включение переводчика в общее поле анализируемой коммуникативной ситуации, где на первый план выходит анализ ситуации перевода, мотивов совершения переводческих ошибок, типология индивидуальных ошибок, различий когнитивного стиля — объективных проявлений языковой личности профессиональных синхронных переводчиков.

Массив практического материала представлен видеозаписями синхронных и последовательных переводов, выполненных финалистами и полуфиналистами конкурса переводчиков России CosinesPi в 2018—2022 гг., переводчиками МИД РФ, что даёт разумное основание считать их профессионально компетентными представителями с необходимой квалификацией синхронного переводчика. В частности, мы проанализировали различные типы ошибок и оговорок в массиве материала оригинальных видеоматериалов и вариантов их переводов, продолжительностью от 6 до 120 мин.

Методы, использованные нами в рамках данного раздела, включают в себя: метод случайной выборки, метод дискурс-анализа, метод прагматического анализа, сравнительно-сопоставительный метод. Таким образом, наблюдение за ситуацией перевода и анализ проявлений переводческих ошибок, неточностей и неудачных переводческих решений указанными методами позволяет максимально полно представить выражение ЯЛ синхронного переводчика на вербальном и, отчасти, коммуникативном уровне.

Изучение переводческих ошибок важно с точки зрения дидактической составляющей: для тренировки, формирования и совершенствования профессиональных навыков и компетенций. В частности, мы проанализировали различные типы ошибок и оговорок во всем массиве материала оригинальных текстов и видеоматериалов синхронного перевода в языковой паре английский язык — русский язык. ЯЛ при этом рассматривается как структурная доминанта когнитивных процессов переводческого решения и одновременно рефлексирования самосознания переводчика.

В процессе синхронного перевода задействованы различные когнитивные механизмы: восприятия и понимания речи, механизм обработки поступающей информации, механизм вероятностного прогнозирования, механизм переключения между языками, механизм поиска и принятия решения адекватного перевода, механизм контроля подачи перевода, механизм синхронизации (Балаганов, Князева, 2020). Подобная ситуация нередко приводит к увеличению возможности возникновения ошибок в переводе. В современных работах по переводоведению проблема ошибки в переводе предстаёт особенно важной и актуальной. Причины возникновения переводческих ошибок исследовались отечественными и зарубежными учёными, одними из первых занялись классификацией Л.К. Латышев и А.Л. Семенов. Они объяснили появление всех ошибок и недочётов в переводе двумя причинами (Латышев, Семенов, 2003):

— недостатки в трансляции исходного содержания (искажения, неточности и неясности);

— недостатки в адаптации содержания и формы текста перевода (буквализм и вольность).

В связи с дискурсивным разнообразием перевода как явления, вопрос о типологии переводческих ошибок до сих пор остаётся актуальным (Илюхин, 2001; Комиссаров, 2001; Миньяр-Белоручев, 1996; Михайлова, Фомин, 2017; Швейцер, 1988). Соответственно, полидискурсивность ЯЛ характеризуется совмещением множества дискурсов. Понимание сложной природы ЯЛ СП определяет её гетерогенный характер, многоформатность конститутивных параметров и дискурсивных практик.

Мы посчитали необходимым провести анализ для создания наиболее полного портрета языковой личности синхронного переводчика. Основное внимание здесь будет уделяться насыщенности переводов авторскими переводческими ошибками.

Изучая реализацию языковой личности профессионального синхронного переводчика, мы предполагали изучить активные фоновые знания, мотивы, цели и установки, проявляющиеся в ситуации перевода, что позволит создать обобщённую модель поликультурной языковой личности, определить её коммуникативные компетенции, компоненты и уровни её языковой способности.

Наше исследование направлено на изучение проявлений ЯЛ переводчика в языке, её конструированию в коммуникативном взаимодействии в ситуации перевода.

Проблема определения единицы исследования и, соответственно, понятия «переводческой ошибки» осложняется, во-первых, тем, что признание того или иного инварианта перевода ошибочным возможно при комплексном анализе коммуникативной цели, а, во-вторых, остаётся вопрос критериев признания ошибки. Для систематизации переводческих ошибок в проводимом нами исследовании представляется значимым определить единицу анализа. В синхронном переводе минимальной единицей перевода является минимальная коммуникативно-предикативная синтаксическая единица clause (кюз), под которой понимается минимальная предикативная конструкция, как правило, содержащая

подлежащее и сказуемое (Biber, 2002). Следовательно, основным навыком ЯЛ синхронного переводчика выступает способность прогнозировать и вычленять прагматическую составляющую в кюз оратора. В ситуации синхронного перевода ошибки, неточности и компенсирование собственных ошибок как нельзя точнее представляет выражение ЯЛ синхронного переводчика. Эта структурная характеристика организации когнитивной системы субъекта и инструментальная характеристика его когнитивной деятельности тесно связана с потребностями, мотивами и аффектами и отражает специфику личности субъекта (Холодная, 2004).

Распределяя внимание между двумя языковыми системами, синхронные переводчики испытывают колоссальное напряжение и психоэмоциональную нагрузку, которая нередко приводит к увеличению числа ошибок в переводе.

В этой связи предлагаем обозначить термины эквивалентности и адекватности в ситуации синхронного перевода. В качестве определяющего различия между двумя вариантами перевода мы солидарны с Skopos-теорией К. Райс и Г. Фермеер (Reiß, Vermeer, 1984), что эквивалентность обозначает отношение между исходным текстом и текстом перевода, которые в соответствующих культурах выполняют одинаковую коммуникативную функцию. В то же время элемент текста считается адекватным, если с его помощью можно достичь коммуникативной цели, которая задана скопосом. Следовательно, вместо сравнения эквивалентных вариантов перевода приходит разумная необходимость оценивать уместность используемых переводческих решений по отношению к рассматриваемой ситуации перевода с учётом заданной скопосом коммуникативной цели.

Таким образом, критерий эквивалентности не обладает преимуществом при оценке переводческой ошибки. Напротив, эквивалентность рассматривается нами как частный вариант адекватности лишь в определённой ситуации перевода, когда в соответствии со скопосом текста важно сохранить постоянство функции ЯИ и ЯП (Шамова, 2005). В то же время, отказ от полной переводческой эквивалентности не должен рассматриваться как переводческая вседозволенность. Напротив, в этом случае комплексный подход к принятию

переводческого решения — с учётом языковой структуры и коммуникативной цели — требует от синхронного переводчика большего профессионализма и постоянной оценки коммуникативной ситуации.

Мы убеждены, что нормативно-оценочный подход, так же, как и антинормативный, в полной мере не может быть положен в основу определения критериев переводческой ошибки. По мнению А.Д. Швейцера, «существуют значительные отличия между текстами разных жанров и видами перевода. Однако из этого не следует, что мы должны истолковывать вариант перевода применительно к нормативным установкам того или иного переводческого жанра, либо вовсе отказываться от уточнения тех признаков, которые выделяют перевод среди смежных, сходных явлений» (Швейцер, 1988).

На наш взгляд, вопрос успешности (адекватности) перевода должен решаться с точки зрения комплексного коммуникативно-функционального подхода. Основой данного подхода, по мнению В.В. Сдобникова, является осознание того, что:

1. Перевод всегда осуществляется в определённой коммуникативной ситуации, в рамках которой коммуниканты решают стоящие перед ними задачи. Таким образом, коммуникативная ситуация оказывает прямое влияние на реализацию перевода;

2. Перевод всегда осуществляется с определённой целью и одновременно с этим является инструментом достижения этой цели;

3. Перевод всегда осуществляется в интересах определённого лица / органа и, таким образом, должен соответствовать требованиям инициатора / получателя перевода;

4. Личность инициатора перевода может не совпадать с личностью реципиента перевода;

5. Цель перевода определяется спецификой коммуникативной ситуации, в которой осуществлялся перевод;

6. Функция текста оригинала может не совпадать с функцией текста перевода в принимающей культуре;

7. Коммуникативный эффект от текста оригинал может не совпадать с

коммуникативным эффектом текста перевода;

8. Успешная реализация перевода обеспечивается использованием переводческой стратегией, определяемой спецификой коммуникативной ситуации (Сдобников, 2015а, с. 112).

Исходя из определения перевода В.В. Сдобникова, «...речевая деятельность переводчика по созданию текста на ЯП с опорой на текст ИЯ, результат которой выступает в качестве инструмента обеспечения успешной предметной деятельности инициатора перевода и коммуникантов в данной коммуникативной ситуации» (Сдобников, 2015а, с. 112), считаем возможным говорить о влиянии языковой личности переводчика непосредственно на процесс и продукт перевода. Следовательно, нам представляется важным рассмотрение переводческих ошибок с точки зрения функционального проявления языковой личности и степени её проявления в переводе.

Исследование проблемы переводческой ошибки в синхронном переводе направлено на изучение индивидуальных проявлений ЯЛ переводчика в языке, её конструированию в коммуникативном взаимодействии в ситуации перевода.

Большинство авторов понимает ошибку в переводе как необоснованное отступление от нормативного требования эквивалентности. А.Д. Швейцер рассматривает ошибку как отступление от содержательного соответствия перевода оригиналу (Швейцер, 1988), Р.К. Миньяр-Белоручев — как меру несоответствия перевода оригиналу (Миньяр-Белоручев, 1996), В.Н. Комиссаров — как дезинформирующее воздействие на читателя (Комиссаров, 2001).

Д.М. Бузаджи предлагает считать «переводческой ошибкой» любые недостатки перевода, но различать виды, группы и категории ошибок (Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок, 2009).

М.А. Куниловская предлагает различать переводческие ошибки с точки зрения уровней языка: орфографические, грамматические и лексические (Куниловская, 2013).

Обзор подходов к классификации переводческих ошибок мы видим в статье Е.В. Тетерлевой и Ю.К. Поповой (Тетерлева, Попова, 2009). Авторы

последовательно описывают основные классификации переводческих ошибок. Рассмотрение различных точек зрения по поводу содержания термина способствует составлению наиболее полной типологии ошибок и определению природы переводческих ошибок.

Полагаем, что ошибка перевода не всегда является однозначным термином. С точки зрения коммуникативно-функционального подхода в самом широком смысле переводческая ошибка является необоснованным содержательным отступлением от перевода оригинала. С другой стороны, переводческая ошибка может являться ошибкой лишь в строго определённом контексте, только для определённого получателя, с учётом интенции отправителя и требований/рецептивной способности получателя.

В этой связи нам представляется убедительной концепция функциональной эквивалентности Ю. Найды. В своей работе Ю. Найда на вопрос, является ли правильным перевод, отвечает встречным вопросом: правильным для кого? Исходя из этого, Ю. Найда делает вывод, что для обеспечения правильного понимания смысла текста реципиентами перевода переводчик может использовать естественный эквивалент, передающий тот же смысл, что и соответствующая единица перевода в тексте оригинала, но с учётом разниц картин мира носителей ИЯ и ЯП (Nida, 2001). Таким образом, можно вывести суждение, определяющее понятие переводческой ошибки: неадекватный инвариант перевода на референциальном уровне, без учёта коммуникативной ситуации перевода.

С учётом лингвофункционального подхода считаем, что инвариант перевода и / или переводческая ошибка представляют вариант проявления языковой личности переводчика. Подобная идея рассмотрения переводческой ошибки заключается в том, что рефлексивное самосознание влияет на принятие переводческого решения, в результате чего переводчик (индивид), руководствуясь субъективным опытом (или его отсутствием), допускает ошибку. Г.И. Богин определяет «языковую личность» как «носителя готовности создавать и принимать произведения речи» (Цит. по Львова, 2019, с. 83). Вслед за суждением Г.И. Богина, что «языковая личность характеризуется не столько тем, что она

знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» (Богин, 1980, с. 61), нам представляется перспективным исследование вербальных проявлений ЯЛ УП сквозь призму анализа функциональной стороны переводческой ошибки.

Типология переводческих ошибок в УСП представляет собой структуру, где каждый тип ошибки имеет свои подтипы, отличающиеся по объёму и степени важности для восприятия. Примером типологии переводческих ошибок является труд Г. Барика, где описываются различные типы опущений, добавлений и ошибок применительно к синхронному переводу (Barik, 1971). В соответствии с классификацией Г. Барика, к первому типу ошибок относят опущение — пропуск элементов текста оригинала в переводе. В этом случае выделяют четыре подтипа переводческой ошибки:

- 1) пропуск слова или фразы (незначительная потеря смысла);
- 2) пропуск вследствие непонимания или невозможности перевести (значительная смысловая потеря);
- 3) пропуск вследствие большого отставания от оратора;
- 4) пропуск вследствие объединения элементов текста.

Последний пропуск включает в себя опущение союза и служебных слов без смысловой нагрузки (Barik, 1971, p. 200—201).

Второй тип ошибок представляет собой добавление — текст перевода, которого нет в тексте оригинала, т. е. добавленный переводчиком. Здесь учёный также выделяет четыре подтипа добавлений:

- 1) добавление оценочного слова (фразы);
- 2) добавление кратких пояснений или синонимический ряд;
- 3) добавление связок (т. е. создание дополнительных логических или синтаксических связей, не присутствующих в ЯИ);
- 4) добавление слов с целью завершения (т. е. формирование грамматической оформленности) высказывания (Barik, 1971, p. 202—203).

К третьему типу ошибок исследователь причисляет различные замены и ошибки, который включает пять подгрупп. Замены и ошибки:

- 1) незначительные семантические замены;

- 2) значительные семантические замены (грубое нарушение смысла);
- 3) незначительное изменение порядка слов;
- 4) значительное изменение порядка слов;
- 5) неприемлемое изменение порядка слов (Barik, 1971, p. 204—205).

Говоря об инварианте перевода, следует разграничивать понятия «переводческой ошибки» и «неудачного переводческого решения». В.М. Жигалина в 2005 г. доказала принципиальные различия между данными понятиями. По мнению В.М. Жигалиной, природа переводческой ошибки «связана со сбоями на семантизирующем и когнитивном уровнях понимания» в то время, как неудачное переводческое решение «обусловлено как отсутствием распредмечивающего понимания у переводчика, так и невозпроизведенностью предпосылок для распредмечивающего понимания в переводе» (Жигалина, 2005, с. 23). Автор полагает, что неудачные переводческие решения приводят к сбоям распредмечивающего понимания и влекут за собой утрату или искажение коммуникативных идей текста при верной передаче содержания (Жигалина, 2005), т. е. искажение смыслового уровня. В подобных переводах смыслы оригинального текста значительно искажаются, либо отсутствуют вовсе. Подобные переводческие решения объясняются отсутствием осознания текста, как единой смыслопорождающей системой.

Суть и необходимость разграничения данных понятий для нас сводится к ситуации, когда при переводе функциональная сторона коммуникации и имплицитный замысел утрачен при формальном соблюдении переводческих и языковых норм. Сохранение интенции перевода проявляется в сохранении идеи и смыслов оригинала и является отличительной чертой ЯЛ профессионального синхронного переводчика.

Взяв за основу типологию переводческих ошибок Г. Барика (Barik, 1971), мы представили дополненную таблицу переводческих ошибок и неудачных переводческих решений (рисунок 3).

Рисунок 3 — Типология переводческих ошибок и неудачных переводческих решений в синхронном переводе

Исходя из цели данного раздела, рассмотрим переводческие ошибки и неудачные переводческие решения на лексико-семантическом уровне, которые отражают формирование профессиональных навыков и компетенций УП (Уланова, 2021).

На первом этапе исследования отобранные, методом случайной выборки, видео-переводы анализировались на предмет наличия лексико-семантических переводческих ошибок. Языковая личность при этом рассматривалась как структурная доминанта когнитивных процессов переводческого решения и одновременно рефлексирования самосознания переводчика. В этой связи мы солидарны с мнением К.И. Леонтьевой, согласно которому «технология перевода» (термин К.И. Леонтьевой, 2022), т. е. всё, что переводчик реально делает при переводе, помимо сознательных языковых действий и явно осознаваемых структур знания, определяющих характер этих действий и кодирующих представления переводчика о нормах, принципах, стратегиях, способах и иных особенностях реализации и оценки своей профессиональной деятельности, включает также в разной степени осознаваемые схемы и модели

интерпретации мира, опосредующие процессы семиозиса в любых форматах дискурсивной деятельности переводчика (Леонтьева, 2022). Таким образом, наблюдение и дискурс-анализ проявлений ЯЛ переводчика в ситуации перевода по факту отражает специфику когнитивного и дискурсивного стиля переводчика.

Второй этап исследования заключался в прагматическом анализе проявлений ЯЛ УП путём сопоставления наиболее типичных проявлений ЯЛ на лексико-семантическом уровне в дискурсе переводчика с общим контекстом коммуникативной ситуации. Далее, выявив состав переводческих ошибок/неудачных переводческих решений, репрезентирующих проявления ЯЛ СП на лексико-семантическом уровне, мы сформировали содержание ЯЛ СП с учётом индивидуальных переводческих нетипичных решений и отличительных профессиональных характеристик.

Данные, полученные в результате анализа, дают убедительные основания считать анализ проявлений ЯЛ УСП объективным, поскольку переводчики зачастую не имели возможность изучить текст и материалы заранее. В случае с синхронным переводом, переводчик имеет дело с текстом нефиксированным. При этом стоит отметить, что в некоторых случаях ораторы зачитывают заранее подготовленный письменный текст, но они могут вносить в него изменения в силу существования разных правил письменной и устной коммуникаций (Шатилов, 2010, с. 211).

В свою очередь, именно жанр интервью, будучи регулируемым, но неподготовленным процессом, ярко отражает проявления ЯЛ синхронного переводчика (Мажура, Тимофеева, 2019). Исследуемый формат отличается большей степенью неожиданности как для участников беседы, так и для переводчиков, именно поэтому вероятность переводческой ошибки возрастает. Согласимся с Н.В. Хорошевой и А.Д. Банниковой, которые в своём практическом исследовании синхронного перевода замечают, что корректный перевод вопросов журналистов является определяющим фактором хода беседы, потому что ошибки на этом уровне могут изменить всю логику хода встречи (Хорошева, Банникова, 2020).

Профессиональная способность к прогнозированию, вычленению прагматической составляющей, активизации фоновых знаний являются основным вызовом для синхронного переводчика (Barik, 1971, p. 206—207).

С точки зрения лингвистических особенностей перевода в ситуации перевода, важным представляется изучение языкового содержания рассматриваемого жанра телевизионного интервью. Согласимся с мыслью И.С. Алексеевой, что в жанре интервью содержится больше эмоциональности, чем в информационном сообщении: метафоры, фразеологизмы, цитаты (в том числе — скрытые), крылатые слова, имена собственные, оценочные эпитеты (Алексеева, 2001, с. 103). На уровне слова эмоциональность текста достигается ввиду использования эмоционально-оценочной лексики, лексических повторов, гиперболизации, эмфатических конструкций, синонимичного ряда.

Ещё одну сложность для перевода представляют прецедентные тексты в исследуемом жанре, выступающие в качестве «носителя культурной информации» (Ишмухаметова, 2019, с. 20). Вслед за Ю.Н. Карауловым под прецедентным текстом мы будем понимать «тексты, значимые в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов, 2010, с. 264). Основная сложность в переводе прецедентных текстов кроется в регулярной актуализации смыслов, т. е. перекодировании «кода культуры» (термин Н.А. Кузьминой), которые могут быть неизвестны для переводчика или обладать различными смыслами применительно как ситуации перевода (Сибиданов, 2016). Прецедентный текст в одной и той же культуре ЯИ является отсылкой, хорошо известной аудитории, субъектам интервью. При этом в качестве прецедентного текста может выступать как отдельный текст, так и его фрагменты, вербальные и невербальные знаки (Караулов, 2010).

К числу прецедентных текстов также можно отнести и способность воспринимать и функционально-стилистически передавать образы ЯЛ ораторов,

которые входят в культурные образы, однако менее зависимы от конкретной коммуникативной ситуации. При этом релевантным является умение адекватно интерпретировать прецедентные тексты, сохраняя индивидуальный стиль повествования оратора, который, необходимо интерпретировать, принимая во внимание картину мира говорящего на ЯИ. Всё это требует безукоризненного владения родным и иностранным языком, навыками непосредственно синхронного перевода, предварительному анализу языковой личности ораторов, готовности на подсознательном уровне интерпретировать отсылки ораторов к прецедентным текстам. Не меньшей трудностью для синхронных переводчиков является нехватка фоновых знаний и экстралингвистического фона.

Третий этап анализа ЯЛ УСП заключался в анализе и разграничении переводческих ошибок и неудачных переводческих решений, возникающих и наблюдаемых нами непосредственно в ситуации перевода. На данном этапе мы предполагали систематизацию ошибок, которые являются маркерами репрезентации ЯЛ УСП. В частности, мы проанализировали различные типы ошибок и оговорок во всем массиве материала оригинальных текстов и видеоматериалов синхронного перевода также с позиции дидактической составляющей: для определения и описания профессиональных навыков и компетенций мультимодальной языковой личности синхронного переводчика.

Данные, полученные в результате анализа, дают разумные основания считать анализ проявлений ЯЛ УСП объективным поскольку переводчики зачастую (за исключением переводов материалов сайта www.kremlin.ru, где степень «знакомства с текстом» заранее не представляется возможным верифицировать) не имели возможность изучить текст / материалы заранее. В свою очередь, именно формат интервью, будучи регулируемым, но неподготовленным процессом, ярко отражает проявления ЯЛ синхронного переводчика.

По своему прагматическому содержанию и возможным последствиям для переговоров, ошибки передачи фактической информации с уверенностью можно считать наиболее серьёзными в синхронном переводе. В переводах анализируемого нами дискурса любое искажение информации может привести к

серьёзным последствиям в межгосударственной коммуникации.

Примеры (нумерация примеров приведена в скобках) подобных ошибок мы можем наблюдать уже на этапе начала переговорного процесса ораторов при участии переводчика как посредника. Мы обнаружили ряд оговорок, при этом у американских ораторов наблюдалась тенденция сразу же поправлять себя. Тем не менее, для осуществления успешного УСП это может создать трудности и стать источником ошибок, если синхронный переводчик запомнил неверный вариант оригинала.

Одним из наиболее показательных примеров ошибочного перевода, искажающего фактическую информацию и повлиявшего на ход интервью, является пример № 11:

(11) Оригинал: *But I want to begin with some news from the US just today. In the US it's reported that **Russia is preparing, perhaps within months, to supply Iran with an advanced satellite system, enabling Tehran to track military targets. Is that true?** (COMPLETE MISTRANSLATION TWICE — ABOUT HACKING AND GIVING IRAN TECHNOLOGY FOR ITS NUCLEAR PROGRAM).*

V. Putin: would you mind repeating the question again, that we are preparing to hack what kind of facilities?

*Перевод: сегодня пришли новости из США, там заявляют, что в течение следующих нескольких месяцев Россия **готовит новые взломы** военных объектов для иранской ядерной программы. Это правда? (прим. ред. ДВОЙНАЯ ОШИБКА В ПЕРЕВОДЕ — О ВЗЛОМАХ И О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ИРАНУ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ИХ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ).*

В. Путин: ещё раз повторите, пожалуйста, вопрос: мы готовим взломы каких объектов?

В данном примере переводчик применил приём опущения относительно вводной реплики журналиста-оратора '*But I want to begin with some news from the US just today*' / «*Сегодня пришли новости из США...*», а также допустил значительную смысловую потерю. Данный тип ошибок приводит к нарушению формального и логического содержания в переводе. Реакция второго оратора (В.В. Путина) на данный вопрос вызвала всеобщий резонанс, так как данный

пример переводческой ошибки нарушает основные дипломатические цели государств. Президент В.В. Путин незамедлительно задаёт уточняющий вопрос: *ещё раз повторите, пожалуйста, вопрос: мы готовим взломы каких объектов? / would you mind repeating the question again, that we are preparing to hack what kind of facilities?* Переводческая ошибка в допущенной, вероятно, в силу стрессовой ситуации или других обстоятельств встречи (проблема с техническим оборудованием и т. д.). Описанная переводческая ошибка послужила сигналом к смене риторики. Результатом подобных ошибок является нарушение логики повествования и деформации целостности оригинала в переводе. После этого вопроса, ход интервью из подчёркнуто дипломатического поля перешёл к строго формальному обсуждению повестки дня.

(12) Оригинал: *that happened right after 9/11, three months after 9/11.*

Перевод: *это произошло сразу после 11 сентября 2001 года?*

Пример № 12 содержит фактическую оговорку, допущенную самим оратором, и последующее самоисправление оратора (журналиста). Так, в беседе с Президентом России журналист заменила обстоятельство времени (*right after* → *three months after*). Тем не менее, переводческий опыт позволил синхронисту классифицировать данное исправление оратора как незначительную смысловую замену и в переводе опустить замену («новое» обстоятельство времени), так как она явилась несущественной применительно к контексту.

Частой ошибкой, с которой сталкиваются в особенности синхронные переводчики, является восприятие и воспроизведение числительных. По данным различных исследований синхронные переводчики гораздо лучше справляются с текстами, в которых цифр мало. Р.К. Миньяр-Белоручев приводит следующую статистику: «трёхзначные и четырёхзначные могут давать до 80—100 % ошибок, а также названия дней недели, имена парных понятий и топонимы» (Миньяр-Белоручев, 1959, с. 19—20). По словам Р.К. Миньяр-Белоручева, «имеются грамматические трудности, которые следует учитывать именно при слуховом восприятии речи, трудности, которые тогда и возникают, когда мы сталкиваемся

с необходимостью понимать устную речь» (Миньяр-Белоручев, 1959, с. 21). Эти трудности связаны со спонтанностью устной речи, неполными формами высказываний, а также с частичной гомофонией некоторых грамматических значений. Лишь около 50 % количественных данных точно переводится в режиме УСП, причём наибольшую сложность представляют четырёхзначные цифры и далее по возрастающей (Mazza, 2001).

(13) Оригинал: *Again, it was in the wake of 9/11, just to make it clear. 9/11 happened on September 11, 2001...*

Перевод: Опять-таки не сразу буквально, но после, да, событий 2011... эээ.. 2001 года 11 сентября...

В примере № 13 переводчик допускает ошибку при переводе прецизионной информации (*September 11, 2001* → *...событий 2011... эээ.. 2001 года 11 сентября*). Причиной данной ошибки с большой долей вероятности может служить сближение числовой номинации в ЯИ и ПЯ.

(14) Оригинал: *sure. I was born in 1948 in Bayonne, New Jersey, which is a blue-collar industrial town. My father was a longshoreman. We never had much money, so we never went anywhere. We did not even own a car. I lived in a world that was five blocks long. My my school was on Fifth Street. I lived on the first street.*

Перевод-1: да, конечно, я родился в 1949 году в Нью-Джерси в маленьком городке промышленном городке. В моей семье никогда не было большого достатка и у нас мы никуда не ездили. У нас даже не было машины. Весь мой мир состоял всего лишь 5 кварталов мы жили на первой улице, а в школу я ходил на пятой улице.

Перевод-2: конечно, я родился в 1947 году в Нью-Джерси в районе рабочих. Я был родом из простой семьи дохода у нас никакого особого не было жили очень скромно мы даже никуда не могли выехать на каникулы у нас даже машины не было собственной. Мой мир состоял из пяти кварталов я жил на первой улице моя школа была на пятой.

Пример № 14 наглядно демонстрирует немотивированное опущение релевантной информации о месторождении оратора и роде деятельности отца

говорящего и одновременно с этим прямо противоположный переводческий ход — внесение дополнительной информации (*родом из простой семьи; не могли выехать на каникулы*). Очевидно, что опущение информации произошло с целью экономии времени, затрачиваемой на подачу перевода. Следовательно, объём передачи информации на семантическом уровне неполный.

В свою очередь лексические добавления, как правило, связаны с попыткой выражения значений, представленных в оригинале грамматическими и/или фонетическими средствами, тем не менее в ходе анализа были выявлены примеры необоснованных лексических добавлений. Рассмотренный пример (14) иллюстрирует добавление информации, не присутствующей в оригинальном тексте, поэтому перевод нельзя признать полностью эквивалентным. Обозначенные ошибки не влияют на общую прагматическую составляющую предложения.

В некоторых случаях переводчик, применяя переводческие трансформации адаптации смысла, в частности приём смыслового развития рискует неточной передачей слов говорящего.

(15) Оригинал: — *But you have tested it?*

— *Yes, of course.*

— *And it worked?*

Перевод: — *испытания были?*

— *Да, конечно.*

— *И испытания прошли успешно? Оно сработало?*

(16) Оригинал: *Just to come back. Are you saying that we are in a new arms race?*

Перевод: *хочу вернуться. То есть правильно я вас понимаю, что именно это вы и говорите, что мы сейчас находимся в рамках новой гонки вооружений?*

В примере № 15 переводчик добавляет дополнительный, уточняющий вопрос, которого нет в оригинале. В примере № 16 переводчик смещает тематические акценты при помощи открытого, уточняющего вопроса «*правильно ли я вас понимаю...*». И, если в исходном тексте журналиста центром является

собеседник с его высказыванием «*are you saying we are in a new arms race?*», то в переводе звучит точка зрения журналиста с акцентом на цитирование высказанной мысли собеседника «*именно это вы и говорите*». Неэквивалентность данного варианта перевода очевидна. Подобное добавление в перевод информации, не содержащейся в оригинале, влияет на общую прагматическую составляющую предложения.

В рамках лингвофункционального подхода к анализу переводов и оценки качества выполненных переводов с учётом скопос, нам удалось определить важные для нашего исследования элементы репрезентации ЯЛ профессионального синхронного переводчика. Так, с точки зрения допущения переводческих ошибок и неверных переводческих решений проявлениями ЯЛ синхронного переводчика являются: ошибки числовой номинации, немотивированные опущения и добавления информации, добавление оценочной информации. Можно предположить, что пропуски релевантной информации и добавление переводчиком дополнительной информации «от себя» обосновано фатической функцией ситуации, в которой выполняется перевод (интервью). Отметим также, что именно формат интервью, будучи регулируемым, неподготовленной формой коммуникации, позволяет анализировать перевод с учётом постоянно меняющегося контекста. Следовательно, эффективные переводческие решения (например, реакция на незначительную смысловую замену / самоисправление / оговорку) наряду с допущенными неточностями, ошибками, самоуправлениями и пр. позволяют нам объективно оценивать проявления ЯЛ УСП.

Таким образом, являясь посредником (медиатором) в общей информационной системе, характерной чертой профессиональной ЯЛ синхронного переводчика является способность прогнозировать и вычленять прагматическую составляющую клоза оратора, активизировать фоновые знания, осмысливать и своевременно предлагать переводческие решения, которые находят своё эксплицитное выражение при подаче перевода.

Анализ переводческих ошибок лексико-семантического уровня продемонстрировал нарушение числовой номинации, а также ошибки перевода

прецизионной лексики ввиду частичного недостатка фоновых знаний о стране языка оригинала. Неудачные переводческие решения, допущенные на лексико-семантическом уровне, определили нарушение логики повествования, прагматического содержания текста-транслята, а также немотивированные *лексические опущения*. Приведённые данные анализа ЯЛ синхронных переводчиков свидетельствуют также о мотивированном употреблении переводческих стратегий и трансформаций с учётом смысловой адаптации, владении различными слоями лексики (профессиональной, терминологической, диалектной и др.), активном употреблении синонимов. Сохранение интенции перевода проявляется в сохранении идеи и смыслов оригинала, является отличительной чертой языковой личности профессионального переводчика.

2.3 Выбор стратегии, тактики и приёмов перевода как отражение языковой личности синхронного переводчика

На фоне растущего интереса и внимания к профессиональной деятельности синхронного переводчика проблема концептуального определения стратегии и приёма перевода является одной из основных при комплексном рассмотрении ЯЛ СП. В течение всего времени овладения и совершенствования в данном виде деятельности переводчики погружаются в бесконечное количество дискурсивных пространств разных лингвокультур, что напрямую отражает степень широты и разнообразия социокультурной ментальности и когнитивной базы.

Данный раздел исследования актуален по ряду причин. Во-первых, в каждой новой коммуникативной ситуации синхронный переводчик использует различный инструментарий и арсенал переводческих приёмов, вырабатывает адекватные и релевантные ситуации переводческие стратегии и приёмы, т. е. необходимо описать и систематизировать стратегии, тактики и переводческие приёмы с учётом функционального подхода реализации в ситуации перевода. Подобный системный подход позволяет исследовать синхронного переводчика в единстве изучения переводов в сопоставлении с оригиналом и друг с другом, а также

переводческого дискурса во всем многообразии его жанров.

Во-вторых, принципиальное значение имеет переосмысление стратегий, тактик и приёмов синхронного перевода с учётом применения современных информационных технологий, активно используемых в переводе на данный момент.

В-третьих, интересным представляется рассмотрение стратегий и приёмов, реализуемых в принципиально разных коммуникативных ситуациях, подобные научные исследования практически отсутствуют на сегодняшний день.

В-четвёртых, анализ и описание стратегий и тактик, используемых современными синхронными переводчиками, является востребованным методическим компонентом на практических занятиях по обучению синхронному переводу студентов лингвистических направлений и требует регулярного обновления знаний.

В данном диссертационном исследовании фокус внимания направлен на синхронных переводчиков, тем не менее, многие из них также успешно владеют навыком последовательного перевода, т. е. субъекты наблюдения являются профессионалами, представителями переводческого сообщества, ведущими студентами старших курсов языковых факультетов, выпускниками ведущих школ синхронного перевода.

Предмет исследования настоящего раздела — стратегии, тактики и приёмы в синхронном переводе, выполненном профессиональными переводчиками в языковой комбинации английский язык — русский язык. Язык перевода для всех субъектов является родным.

Цель данного раздела — представить стратегии, тактики и приёмы, используемые в синхронном переводе с позиции лингвоперсонологии и отражения ЯЛ синхронного переводчика.

По мере развития методологии устного перевода и анализа переводческих ситуаций возникла необходимость использования такого понятия, как стратегия перевода. Впервые термин «стратегия перевода» был введён Г. Хёнигом и П. Куссмаулем (Hönig, Kussmaul, 1982), определяющих его как процесс,

способствующий решению переводческой проблемы (Hönig, Kusmaul, 1982). В дальнейшем стратегиями перевода занимались многие переводчики и лингвисты: Д. Жиль, М. Шлезингер, М. Ледерер, Р.К. Миньяр-Белоручев, Д. Селескович, Ю. Кристева, И.А. Алексеева, В.В. Слобников, Г.В. Чернов, Н.К. Гарбовский, В.Н. Комиссаров, Е.Г. Хомякова, А.Ю. Олейник, М.В. Полубоярова, Г.Д. Воскобойник и др.

Как в отечественном, так и в зарубежном переводоведении понятие «стратегии перевода» является неопределённым и обладает различными смыслами (Gambier, 2009). Работу над определением и выработки классификации стратегий перевода предпринимали выдающиеся переводчики и лингвисты, как Д. Селескович, Х. Крингс, М. Ледерер, С. Басснет-Макгайр. В современных исследованиях стратегия перевода трактуется как «программа, план, алгоритм, приёмы способ, установка для решения или предотвращения проблем» (Gile, 2009, p. 201; Li, 2015, p. 172); «как умение (компетенция) переводчика; как когнитивный механизм. Исследуются закрытые жёсткие и открытые гибкие системы переводческих решений, операций, комбинаций стратегий и тактик перевода и т. д.» (Волкова, 2022, с. 16).

Зарубежные лингвисты придерживаются различных позиций при определении «стратегии» перевода (классификация В. Лёршера (Lörscher, 1991) — когнитивный подход; классификация Э. Честермана (Chesterman, 1997) — текстовый подход). Однако большинство зарубежных переводоведов рассматривают феномен стратегии перевода с позиции диалогизма процесса перевода (феноменологический подход) и действий переводчика (антропоцентрический подход); формальная эквивалентность и динамическая эквивалентность (Е. Nida); семантический перевод и коммуникативный перевод (Р. Newmark); филологический перевод (*overt translation*) и коммуникативный перевод (*covert translation*) (J. House); документарный и инструментальный перевод (Ch. Nord); форенизация и доместикация перевода (L. Venuti).

Б. Хатим (B. Hatim) и Дж. Мундей (J. Munday) предлагают концепцию континуума, который разрешает проблему диалогизма взглядов на стратегию

перевода, а выбор стратегии перевода определяется теоретическим осмыслением типа текста, основной темы, функции текста и прочими факторами (Natim, 2004, p. 230; Munday, 2008, p. 211).

Интересной представляется общая концепция стратегии перевода, предложенная Н.К. Гарбовским, в которой учитывается изменчивость ситуации перевода. Автор определяет стратегию перевода как «генеральную линию поведения в соответствии с осознанной переводчиком конечной целью перевода» (Гарбовский, 2007, с. 508). Данное определение дано с учётом позиции коммуникативно-функционального подхода.

Схожую позицию в отношении определения стратегии перевода находим у Т.А. Волковой. Автор придерживается процедурного понимания стратегии перевода и определяет её как «открытую систему целенаправленных, профессиональных, динамических, логически взаимосвязанных, последовательных универсальных и индивидуальных действия переводчика» (Волкова, 2022, с. 16).

Ряд зарубежных лингвистов определяет стратегию как определённую последовательность действий (Chesterman, 1997; Gerloff, 1986; Lörscher, 1991). Зарубежный лингвист Ганс П. Крингс (H.P. Krings) определяет стратегию перевода как ‘potentially conscious plans for solving a translation problem’ — потенциально осознаваемый план для решения переводческой проблемы (*перевод наш.* — Е.У.) (Krings, 1986, p. 268), следовательно, отсутствие переводческой проблемы подразумевает отсутствие стратегии перевода. Данное определение, на наш взгляд, не отражает достаточного уровня функциональности, так как не учитывает проблему вариативности коммуникативной ситуации перевода и контекста в целом.

С позиции функционального подхода рассматривает переводческую стратегию западноевропейские лингвисты К. Райс, Х. Вермеер (Reiß, Vermeer, 1984), а также К. Норд (Ch. Nord, 1991). Основным параметром данного подхода учёные видят функциональную составляющую текста ЯП, т. е. скопос ЯП. Таким образом, стратегию перевода К. Норд определяет, исходя из анализа коммуникативного события и участников коммуникативного акта, а также их функции в ИЯ. По справедливому мнению К. Норд, фактор реципиента важнее

для определения стратегии перевода, чем фактор говорящего (Nord, 1991), так как в конечном итоге, текст перевода должен быть адаптирован с учётом культуры реципиента (Кушникова, Лядова, 2015).

Мы всецело согласны с определением стратегии перевода, предложенным В.В. Сдобниковым: «стратегия перевода — общая программа осуществления переводческой деятельности в условиях определённой коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации» (Сдобников, 2015б, с. 135).

Х. Крингс (Kring, 1986) предложил учитывать в определении переводческой стратегии возможный инсайт переводчика, некий план, по которому переводчик решает коммуникативную проблему, возникшую в ситуации, и разбивший её на задачи. Таким образом, для решения возникающих проблем в КСП необходимо различать понятия, как макро- и микростратегии синхронного перевода. Макростратегия подразумевает общее видение решения всей проблемы глобально, а микростратегии — способы решения определённых задач, на которые была разбита проблема (Кафискина, 2017).

Данное толкование напрямую истекает из результата соотнесения компонентов стратегии перевода:

1. Ориентирование в коммуникативной ситуации;
2. Формулирование цели перевода;
3. Прогнозирование:
 - а) возможных изменений коммуникативной ситуации;
 - б) возможных реакций со стороны коммуникантов на оказываемое на них воздействие (т. е. переводной текст);
4. Планирование (Сдобников, 2015б, с. 167—169).

Понятие «стратагема» традиционно рассматривается в философии и восходит к древнегреческому ‘στρατήγημα’ (stratēgēma), означающему военное дело, военную хитрость. В большом толковом словаре «The Oxford English

Dictionary» приводится следующее толкование этого слова:

stratagem — *a trick or plan that you use to gain an advantage or to trick an opponent* — уловка или план, чтобы ввести в заблуждение или застать врасплох врага (перевод наш. — Е.У.). (<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/stratagem?q=stratagem>).

Так, представляется очевидным, что стратегия перевода является наиболее общим понятием, которое определяет характер и способы достижения цели КСП и реализуется за счёт применения микростратегий, выраженных переводческими решениями, приёмами. В свою очередь, переводческие приёмы / техники — составляющие единицы стратегии — применяются с учётом макростратегии и общей цели КСП.

Согласимся с Э.Ю. Новиковой, что для принятия переводческого решения в синхронном переводе «отправной точкой выступает контекст, то есть дискурсивно обусловленные условия коммуникации, с одной стороны, и интенции заказчика — с другой» (Новикова, 2017, с. 93).

Цели и задачи перевода можно разделить на глобальные и локальные. В определение глобальной цели перевода, которая, в свою очередь, определяет стратегию перевода, мы включаем понимание переводчиком общей установки заказчика на перевод с учётом вида перевода (синхронный / последовательный), полноты представления информации перевода (полный / общий перевод), типа аудитории (узкопрофильная / общая / монокультурная / поликультурная), темы перевода (отраслевая / общая), возможных изменений в КСП (например, изменение состава аудитории и/или тематики) (Псурцев, 2010). Соответственно, локальными задачами являются приёмы достижения глобальной цели и, вместе с тем, стратегии. Т.А. Волкова подчёркивает, что «прогнозируя «точечные» решения на уровне текста и более глобальные решения на уровне дискурса, коммуникации и действительности, устный переводчик намечает микро- и макростратегию перевода» (Волкова, 2022, с. 59—60).

На протяжении последних десятилетий учёные-лингвисты предпринимают попытки к разграничению понятий «тактика перевода» (*translation tactic*), «приём

перевода», «способ перевода» (*translation technique / procedure*), «переводческая трансформация» (*translation transformation*), «трансформационное решение» (*translation solution*) (термин Д.В. Балаганова) для терминологического изучения.

Переводческий приём — представляет собой переводческую операцию, направленную на разрешение какой-то проблемы и предполагающая типизируемую однотипность осуществляемых переводчиком действий» (Сдобников, Петрова, 2007, с. 264). По словам Л.Л. Нелюбина, «способ перевода — определяется как объективно существующая закономерность перехода от одного языка к другому в переводческой деятельности» (Нелюбин, 2003, с. 209). Различают два способа перевода — знаковый и смысловой. Приём перевода представляет собой «конкретную деятельность переводчика или практические операции, вызванные возникающими трудностями в процессе перевода» (Нелюбин, 2003, с. 165).

Нам близка позиция Т.А. Волковой касательно терминологического разграничения традиционных в переводоведении понятий «приём перевода» и «переводческое решение» (Волкова, 2022). В данной работе мы предлагаем рассматривать термин «приём перевода» как мета-термин, выступающий генерализованным понятием для «переводческого решения» в определённой коммуникативной ситуации, т. е. «действие переводчика при переводе конкретного текста под влиянием конкретных параметров» (Волкова, 2022, с. 17). Следовательно, мы считаем возможным говорить о переводческом приёме как об общем, теоретически возможном варианте реализации переводческой трансформации в синхронном переводе, в то время как «переводческое решение» представляет собой индивидуальную реализацию «приёма перевода». Одновременно с этим, мы предлагаем рассматривать переводческие приёмы как определённые стратегией действия со стороны переводчика (например, ожидание / пропуск / прогнозирование и т. д.), направленные на достижение адекватного перевода и реализацию переводческих трансформаций.

Исходя из особенностей коммуникативной ситуации синхронного перевода, рассмотрим стратегии перевода с позиции ограничений:

— темпоральные ограничения: дефицит времени, скорость выступления оратора;

— ограничения когнитивных ресурсов: разделение внимания синхрониста;

— лингвокультурологические ограничения: сложность интерпретации лакун в конкретном языковом материале, культуре, учитывающие структурные и лексические расхождения (Riccardi, 2005, p. 765).

По мнению В.Н. Комиссарова, переводческие трансформации следует понимать как преобразования, которые обеспечивают переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле (Комиссаров, 1990).

Н.К. Гарбовский считает, что переводческая трансформация — «это такой процесс перевода, в ходе которого система смыслов, заключённая в речевых формах исходного текста, воспринятая и понята переводчиком в силу его компетентности, трансформируется естественным образом вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода» (Гарбовский, 2015, с. 366).

В рамках данного раздела, полагаем, что термины «переводческая трансформация» и «трансформационное решение» (Д.В. Балаганов) могут употребляться синонимично и не обладают потенциально значимым отличием в своём содержании. Сложившаяся лингвистическая традиция позволяет нам использовать термин «переводческая трансформация» ввиду его употребительной частотности (Балаганов, 2020).

Понятие «тактика перевода» (*translation tactic*) в зарубежных исследованиях часто коррелирует с понятием «стратегии перевода». Более того, многие исследователи употребляют данные термины синонимично, что вносит дополнительные терминологические трудности. По мнению А.Д. Швейцера, тактика определяется как «программа действий переводчика по достижению состояния адекватности перевода» (Швейцер, 1988, с. 117).

Репрезентация ЯЛ СП связана, в частности, со стратегической неопределённостью (Куницына, 2011), обусловленной несовершенством

декодирования / неполнотой информации. В переводах, выполненных синхронными переводчиками в рамках разных этапов конкурса CosinesPi, участники не имели возможности заранее узнать точную тему / оратора / контекст перевода, поэтому они определяли свою основную цель как достижение адекватного перевода и демонстрацию успешного владения приёмами синхронного перевода в условиях неизвестной ситуации перевода. Согласно Ю.М. Лотману, в условиях неполноты информации, система стремится «восполнить неполноту разнообразием. <...> Система жизненно заинтересована в том, чтобы эта информация была качественно разнородной и восполняла неполноту стереоскопичностью» (Лотман, 2000, с. 562). При этом разные переводчики достигали поставленной ими цели в зависимости от индивидуального представления об адекватном уровне перевода. Подобная стратегическая неопределённость, отсутствие предпереводческого анализа контекста ситуации перевода, темы и формата оригинального текста позволяют объективно оценивать степень репрезентации языковой личности синхронистов и профессионализм участников эксперимента.

В процессе синхронного перевода «диапазон принимаемых переводческих решений шире, чем при других видах перевода» (Балаганов, 2021, с. 24). Применительно к синхронному переводу выбор стратегии перевода ограничивается, во-первых, экстралингвистическими (объективными) факторами:

- дефицитом времени;
- посегментным характером восприятия речи;
- психоэмоциональным напряжением переводчика;
- скоротечной сменой коммуникативных событий (приветствие, спор, поздравления, извинения и т. д.).

Во-вторых, лингвистическими (субъективными) факторами:

- объективными характеристиками речи оратора, для которого язык речи может быть неродным;
- высоким темпом речи (в особенности при чтении текста с листа);
- ненормотипичным произношением;

- логическими ошибками в организации речи на ИЯ;
- индивидуальными особенностями дикции оратора, затрудняющими восприятие текста;
- посторонними фоновыми шумами.

Указанные факторы не позволяют ограничиваться применением классических стратегий, характерных для последовательного или письменного перевода. Учитывая сложность и «необратимость переводческих решений в условиях заведомой неполноты поступающей информации» (Зубанова, 2017, с. 48), роста стрессогенной нагрузки, переводческие (трансформационные) решения определяют успешность выполнения поставленной задачи.

Исходя из принятого нами определения стратегии перевода, предложенной В.В. Сдобниковым, будем рассматривать и понятие «тактики». Так, по его мнению, тактика перевода представляет собой «совокупность способов и приёмов достижения поставленной цели перевода с учётом особенностей выработанной стратегии перевода» (Сдобников, 2015б, с. 138). На практике реализация цели переводчика и обозначенной им стратегии возможно путём сочетания различных тактик и приёмов в разной степени. В рамках данного исследования считаем возможным предложить схему функционирования переводческой стратегии в синхронном переводе (рисунок 4).

Таким образом, в основе определения стратегии перевода находится цель, определяемая переводчиком: а) в период подготовки к синхронному переводу, б) непосредственно в момент оценки экстралингвистической ситуации и в) в период осуществления синхронного / последовательного перевода (в случае изменения коммуникативной ситуации перевода).

Рисунок 4 — Функциональная модель стратегии синхронного перевода

Придерживаясь классификации стратегий, предложенных В.В. Сдобниковым, в наблюдаемом эмпирическом материале считаем возможным выделить две стратегии:

- коммуникативно-равноценного перевода;
- терциарного перевода (Сдобников, 2015).

Соответственно, стратегия перевода определяет комплекс применяемых тактик.

В эмпирическом материале мы определили следующие варианты тактик: «удержание внимания», «отставание», «внешнее наблюдение», «адаптация» (социокультурная и прагматическая), «бесшовный перевод». На практике для реализации цели перевода синхронист использует ряд тактик, комбинируя их в зависимости от развития ситуации перевода. Таким образом, формируется тактическая сеть, состоящая из конкретных переводческих приёмов и переводческих трансформаций, которые в ситуации синхронного перевода взаимодополняют друг друга (таблица 1).

Таблица 1 — Тактическая сеть в синхронном переводе

Тактика «Удержание внимания»	Тактика «Отставание»	Тактика «Внешнее наблюдение»	Тактика «Адаптация»	Тактика «Бесшовный перевод»
Расширенный синонимический ряд	ранжирование	опущение / добавление	ранжирование	добавление / опущение
Использование прямой речи	генерализация	дробление	компенсация	ранжирование
Широкая интонационная палитра	компенсация	перевод невербальных знаков	социокультурная адаптация	дробление
Повышение / понижение индекса оценочных прилагательных	дробление	генерализация	прагматическая адаптация	опущение
Риторический вопрос	опущение	ранжирование	конкретизация	замедление темпа речи

По ходу реализации своей цели переводчики актуализируют стратегию тактическую сеть приёмов, определяемых коммуникативным замыслом оратора и перспективами развития ситуации перевода. В результате компонентного и сравнительно-сопоставительного анализов наиболее частотными определены тактики, направленные на удержание внимания реципиента, тактика отставания и бесшовного перевода, тактики лингвокультурной, жанровой и прагматической адаптации. Соответственно, возможно говорить об актуализации ЯЛ СП с позиции комплексного применения «стратегии тактических решений» в переводе.

Применительно к анализируемому материалу важно упомянуть, что цель оратора зачастую не совпадает с целью перевода. Например, в анализируемых вариантах синхронного перевода интервью Мишель Обамы на международном женском саммите в 2018 г., можно обнаружить несколько последовательно сменяющихся КСП, для каждой из которых будет выступать своя цель и, соответственно, стратегия синхронного перевода.

Выступление оратора, известного политика, на международном саммите призвано оказать определённое воздействие на аудиторию. В то же самое время

нужно учитывать особенности восприятия информации, которая не относится к теме выступления, российской аудиторией. Соответственно, с началом выступления оратора переводчик-1, переводчик-3, переводчик-4 определяют цель перевода как «мотивирующее выступление», один переводчик — (перевод-2) — как «информационная стратегия», но уже после короткого приветствия (начиная с 00:15 с) переводчики осознают, что оратор «отходит от темы» своего выступления, давая отсылку на прецедентный текст (упоминает теракт, который произошёл накануне в одном из городов США) (КСП-1). Таким образом, происходит мгновенная смена КСП, что повлекло за собой смену переводческой стратегии, смысловая основа которой по плану включала представление гостя интервью (т. е. КСП-1). Последующее изменение КСП происходит после выражения соболезнований и возврата оратора к основной теме — интервью (КСП-3). Таким образом, в течение первых двух минут выступления сменились три КСП, одну из которых переводчик никак не мог предусмотреть: КСП-1 — вступление оратора; КСП-2 — информирование о теракте и выражение соболезнований; КСП-3 — возврат к основной теме интервью.

При переводе КСП-1 переводчик-2 определил для себя цель перевода КСП-1 как «информационная». Так, в переводе-2 практически отсутствует эмоционально окрашенная лексика, способная оказать дополнительное воздействие на аудиторию. Речь переводчика выстроена структурно и чётко. Перевод выражения благодарности оратора также представлен в краткой и лаконичной форме. Таким образом, можем говорить здесь о *стратегии «терциарного перевода»*, суть которой сведена к «созданию переводного текста, удовлетворяющего потребности носителя языка перевода, который играет иную коммуникативную роль, нежели участники оригинального коммуникативного события в культуре языка источника, и преследует цель, отличную от цели автора оригинала» (Сдобников, 2015б, с. 161—162).

При анализе переводов 1, 3, 4, очевидно, что цель КСП-1 была определена как передача эмоционального воздействия оратора. В результате в переводах 1, 3, 4 мы видим значительное количество языковых средств, усиливающих

воздействие на аудиторию (эмоционально-окрашенные эпитеты, лексические повторы, интенсифицирующие наречия, эллипсис). В некоторых случаях (например, перевод 1 и 3) переводчики используют более высокий регистр при переводе качественного словосочетания *amazing work* / удивительная работа (перевод наш. — Е.У.) — *wowful / incredible work*. Переводчики оценили контекст коммуникативной ситуации и предложили вариант перевода с более положительным значением для аудитории.

Переводчики 1, 3 и частично 4 изменяют стилевое оформление высказывания на более формальное, что характерно для потребностей носителей языка перевода, например: *I just love you* — как *очень признательна* (П-1), *действительно очень ценю* (П-3); *to come together* — как *время объединиться* (П-1), *быть сплочёнными* (П-3), *выступить единым фронтом* (П-4); *not to tear each other down* — как *раздувать ссоры друг с другом* (П-1), *поддерживать* (П-3). Таким образом, синхронисты демонстрируют уверенное знание и применение жанрово-стилистических особенностей массмедийной коммуникации в переводе.

Безусловно, в анализируемых вариантах перевода присутствует незначительное количество неудачных жанрово-стилистических решений, например, снижение стилевого оформления (*not to tear each other down* — как *ставить друг другу подножки* (П-4) как *раздувать ссоры друг с другом* (П-1)), что в целом не влияет на определение общего переводческого замысла и реализации стратегии «коммуникативно-равноценного перевода».

(17) КСП-1:

Оригинал: *But before we begin, of course, I want to take a moment to just acknowledge what has happened in Orlando, that even as we gather here today and we talk about the challenges that women face, we have to remember those that we lost in Orlando as well as those who are injured and all of their loved ones and know that we will all continue to keep them in our thoughts and prayers. But the one thing I just want us all to know that is tragic times like these in this country, it's time for us to come together, to love each other, to support each other and not tear each other down.*

<...> And I just love you all for the work, the amazing work you all have done today and that you do every single day.

Перевод-1: но нам необходимо помнить о тех, кого мы потеряли в Орландо, а также о тех, кто был ранен, и об их близких людях, и им нужно знать, что мы продолжим молиться за них, продолжим думать о них. Но я бы хотела, чтобы мы все признали, что в трагическое время, которое сейчас происходит в этой стране, для нас — время объединиться, время любить друг друга и поддерживать друг друга, а не раздувать ссоры друг с другом.

<...> И я очень признательна за всю вашу восхитительную работу, которую вы осуществили и сегодня, и каждый день.

Перевод-2: перед тем как начнём, я, во-первых, хотел бы всё-таки вспомнить вместе с вами, что произошло в Орландо. Мы собрались здесь сегодня с вами, и мы разговариваем о том, какие же вызовы стоят сегодня перед женщинами, с какими проблемами они сталкиваются. Мы всё-таки должны помнить о тех людях, которые погибли в результате этой трагедии, о тех, кто оказались ранены, и всех их близких также нужно помнить.

<...> Хочу сказать, что я благодарю вас за всю ту работу, которую проделали сегодня и за ту работу, которую вы делаете каждый день.

Перевод-3: перед тем как начнём, конечно же, хотела бы прежде всего признать и выразить соболезнования насчёт того, что произошло в Орландо. Мы сегодня здесь собрались и говорим о сложностях, с которыми встречаются женщины. Нужно обязательно вспомнить те жизни, которые были утрачены в Орландо, и постоянно мы должны думать о тех близких тех людей, которые погибли в Орландо. Но именно в такое время в нашей стране мы должны быть сплочёнными, любить друг друга и поддерживать.

<...> Я действительно очень ценю всю невероятную работу, которую вы проделали сегодня и которую вы делаете каждый день.

Перевод-4: но я хочу также отдать должное и рассказать о событиях в Орландо. Сегодня будем говорить о проблемах, с которыми сталкиваются женщины. Но мы должны помнить о тех людях, которые погибли в Орландо, а

также о раненых. Мы должны молиться об этих людях. Но я хочу, чтобы все знали, что в эти тяжёлые времена в этой стране мы должны действовать единым фронтом. Мы должны любить друг друга, поддерживать друг друга и не ставить друг другу подножки.

<...> Я благодарю вас за ту большую работу, которую вы провели сегодня.

Определяя стратегию перевода в КСП-2, стоит учитывать, что синхронные переводчики не имели возможности узнать личность оратора, которого им предстоит переводить в рамках отборочных этапов конкурса. В этой связи не представляется оценить успешность предпереводческого анализа КСП. Переводчики полагались на наличие фоновых знаний и получаемого экстралингвистического знания в течение нескольких первых секунд погружения в КСП. Так, при анализе экстралингвистического фона переводчики могли узнать двух известных ораторов — М. Обаму и О. Уинфри, заметить название мероприятия, место и дату его проведения (рисунок 5).

Рисунок 5 — Начало выступления М. Обамы (снимок экрана)

В момент начала звучания текста на ЯИ переводчики начинают переводческий анализ экстралингвистического фона, личностей коммуникантов,

жанровых особенностей выступления, коммуникативной цели и общего смысла выступления. Подобное погружение в коммуникативную ситуацию «позволяет точнее понять содержание исходного текста, установить интенцию автора исходного текста» (Сдобников, 2015б, с. 195), начать прогнозирование дальнейших высказываний. Ориентируясь в коммуникативной ситуации, переводчик составляет прогноз возможных событий в её рамках. Важность такого прогноза весьма велика: он позволяет переводчику быть готовым к возможным изменениям ситуации и в дальнейшем реагировать на них наиболее рациональным способом (Сдобников, 2015б, с. 195). Тем не менее, указанное выше не избавляет от переводческих трудностей перевода каламбура, игры слов, авторской иронии, нюансов просодики.

(18) КСП-2:

Оригинал: *And our first lady of the United States. Of America. Of America. Not just of women.*

Перевод-1: *и наша Первая леди. США. Америки. Америки.*

Перевод-2: *ну, и Первая леди. Леди Соединённых Штатов Америки. Америки, да, Америки! Да, да, да, не только лишь женщин, но и США.*

Перевод-3: *и конечно же наша Первая леди. Первая леди Соединённых Штатов. Соединённых Штатов Америки, Соединённых Штатов Америки.*

Перевод-4: *и Первая леди США. Соединённых Штатов Америки.*

Осуществить адекватный перевод удалось П-2 за счёт использования стратегии «коммуникативно-равноценного перевода». После тематического отступления в виде КСП-1 происходит смена КСП ввиду появления языковой игры и смеха аудитории языка источника, реакции аудитории на авторский каламбур. Поясним, что при представлении спикера (М. Обама), говорящий допускает игру слов ‘*our First Lady of the United States. Of America. Of America. Not just of women*’ в контексте обращения к участницам Саммита женщин Соединённых Штатов. Каламбур заключается в том, что название саммита заявлено как ‘The United State of Women Summit’ — «Объединённый саммит женщин» (*перевод наш. — Е.У.*): налицо сходство названия мероприятия и

полного названия страны — Соединённые Штаты Америки. Таким образом, языковая игра заключается в двойном значении должности гостя: Первая леди США (официальная должность) и Первая леди проводимого Женского Саммита. Переводчик сумел осознать прагматику авторского каламбура *First Lady* и, реализуя приём добавления, предложил достаточно адекватный вариант перевода «да, не только лишь женщин, но и США» (П-2), который позволяет относительно успешно понять носителям языка перевода коммуникативную ситуацию и реакцию на неё аудитории языка источника. Потеря смыслового содержания КСП-2 является очевидным, хоть и не значительным по сути, смысловым упущением для аудитории языка перевода при восприятии переводов 1, 3, 4. Примеры переводов КСП-2, выполненных П-1, П-3 и П-4 демонстрируют, что без фоновых знаний и готовности к резкой смене КСП, не удаётся полностью понять и передать коммуникативное событие, невербальную реакцию аудитории (смех) и, тем самым, представить адекватный перевод.

(19) КСП-3:

Оригинал: *Well, I wanted to start with the issue of self-value and self-worth, because over the years I've interviewed thousands of people, most of them women.*

М. Obama: *And I would say that the root of every dysfunction I've ever encountered, every problem has been some sense of a lacking of self-value or of self-worth. And I know that we all? we all know that we live in a world where you are constantly being bombarded by images that encourage you to be liked literally. And it's a lot to live up to.*

Перевод-1: *я хотела бы начать с проблемы самооценки, с проблемы собственной значимости. Потому что в течение многих лет я брала интервью у тысяч людей. Большинство из них были женщинами. И я могу сказать, что корень любого какого-то расстройства, любой проблемы (синонимия), с которым я когда-либо сталкивалась, это некое чувство собственной недостаточности, недостатка какой-либо ценности в собственных глазах (синонимия, добавление). И мы все знаем, что в нашем мире мы постоянно сталкиваемся с какими-то образами (грамматическая трансформация), которые*

призывают вас к тому, чтобы (ожидание) стремиться к тому, чтобы (ожидание) вы всем нравились (грамматическая замена) буквально.

Перевод-2: хотел бы я начать знаете с чего? (грамматическая трансформация) с вопроса самооценки и понимания собственной важности и ценности (синонимия). Многие годы я уже интервьюирую людей, тысячи людей, и большинство из них были женщинами. И могу сказать, что, в принципе, (ожидание) любая проблема, которую я встречала (прогнозирование), причиной её была, так или иначе (ожидание), отсутствие или недостаток самооценки или непонимание своей собственной ценности со стороны женщины (добавление). Все мы знаем, что мы живём в мире, в котором вы (ожидание) постоянно сталкиваетесь с фотографиями и примерами, которые говорят вам: «Вас должны любить, вы должны нравиться людям» (грамматическая замена). И вы постоянно пытаетесь этому соответствовать (грамматическая замена).

Перевод-3: для начала давайте обсудим вопрос самооценки и чувства собственного достоинства. Я провела тысячи интервью за все годы своей карьеры (гиперболизация). Большинство из них были женщинами, и мне кажется, что причина всех проблем, которые... с которыми (ожидание) я встречалась, это было (ожидание) определённое чувство недостаточной самооценки, чувство собственного достоинства. Все мы знаем (ожидание), что живём в мире, где постоянно мы видим (грамматическая замена, ожидание) различные изображения, которые призывают вас быть лёгкими в буквальном смысле. И это действительно (добавление) большая ответственность — соответствовать.

Перевод-4: Я хочу начать с вопроса самооценки и осознания своей значимости. На протяжении нескольких лет я интервьюировала множество людей. Большинство из них были женщинами. Я считаю, что основная проблема, источник проблемы (синонимия), это нехватка уверенности в себе. И мы все знаем, что мы живём в мире, где вас постоянно критикуют (прогнозирование) и вас побуждают к тому, чтобы вас любили, и это оказывает на людей (грамматическая замена) очень большое давление.

При реализации КСП-3 — основного (прогнозируемого) тематического события — все переводчики демонстрируют умелое целеполагание и последующий выбор стратегии «коммуникативно-равноценный перевод». Основные приёмы, выявленные в исследуемом материале: ожидание, синонимия, грамматические замены различного генеза (перевод повествовательного предложения вопросительным, использование именительного падежа в повествовании, употребление прямой речи при переводе косвенной речи), ранжирование, добавление / опущение / генерализация / конкретизация, прогнозирование.

С позиции лингвофункционального подхода к комплексному изучению природы ЯЛ СП представляется значимым определить функции приёмов в синхронном переводе.

I. Ожидание

Одним из наиболее частотных приёмов в синхронном переводе является приём ожидания. Очевидно, что он обусловлен самой спецификой данного вида перевода. Синхронист не может (не должен) выстраивать перевод по синтаксическим нормам языка источника. Для того чтобы сформировать фразу по правилам языка перевода, синхронист обязан понять структуру предложения на языке источника. Поэтому переводчик допускает временное отставание до того момента, когда ему станет ясна грамматическая структура предложения и логика повествования оратора.

(20) Оригинал: *We all know that we live in a world where you are constantly being bombarded by images that encourage you to be liked literally.*

Перевод-1: *...призывают вас к тому, чтобы (ожидание) стремиться к тому, чтобы (ожидание) вы всем нравились.*

Перевод-2: *...вы (ожидание) постоянно сталкиваетесь с фотографиями и примерами, которые говорят вам: «Вас должны любить, вы должны нравиться людям» (грамматическая замена).*

Перевод-3: *все мы знаем (ожидание) что живём в мире, где постоянно мы видим (грамматическая замена, ожидание) различные изображения, которые*

призывают вас быть лёгкими в буквальном смысле. И это действительно (добавление) большая ответственность — соответствовать.

Результатом выбора данного приёма может быть: а) замена грамматической структуры предложения языка источника для сохранения правил оформления высказывания на языке перевода; б) добавление лексического элемента, не нарушающего смысловую структуру высказывания, но обеспечивающего связный («бесшовный») поток речи; в) дробление многосоставного высказывания оратора на простые предложения (преимущественно в именительном падеже) на язык перевода.

II. Синонимия (расширенный синонимический ряд)

Речь синхронного переводчика характеризуется незавершённым герменевтическим кругом, в котором новые элементы могут раскрывать новые смыслы (Кушникова, Лядова, 2015). При наблюдении за речью синхронных переводчиков заметно активное применение приёма синонимии в случае, когда языковое бытие денотата неизвестно или обладает множественными смыслами. В языковом сознании личности переводчика хранятся языковые образы как перцептивная реакция на языковую экспликацию понятий или объектов. Языковое выражение СП репрезентирует образы сознания самого переводчика, которые могут не совпадать с образами сознания реципиента. Добавление уточняющих значение синонимов (приём синонимии) способствует формированию полного значения в сознании реципиента.

(21) Оригинал: *...the root of every dysfunction I've ever encountered, every problem has...*

Перевод-1: *...корень любого какого-то расстройства, любой проблемы, (синонимия) с которым я когда-либо сталкивалась...*

Перевод-4: *Я считаю, что основная проблема, источник проблемы (синонимия), это нехватка уверенности в себе.*

Синонимия как приём в синхронном переводе может исполнять роль уточнения в случае полисемии, а также заполнять речевые паузы, обеспечивая восприятие и анализ новой информации, а также непрерывный (естественный)

речевой поток. Например, в примере выше переводчик П-4 включает применение синонима при переводе *root*. Изначально переводчик делает выбор в пользу варианта перевода «основной», далее добавляет вариант «источник». Переводчик П-1 пытается быстро подобрать подходящий эквивалент к лексеме *dysfunction*, которая может обладать различными оттенками значения, и первым предлагает вариант перевода «расстройство», действительно являющийся наиболее частотным, по данным словаря www.multitran.com и наиболее частотный перевод «функциональное нарушение» можно отнести к медицинскому дискурсу. Далее переводчик вводит более нейтральный вариант перевода (синоним) — «проблема» для наилучшего понимания аудиторией.

III. Грамматические замены

Традиционной для синхронного переводчика является практика отставания синхронного переводчика от оратора от 3 до 12 слов для формирования понимания общего смысла отрывка высказывания или его отправной точки, если речь идёт о многосоставном предложении. Грамматические замены различного типа позволяют успешно осуществлять синхронный перевод. Дробление многосоставного предложения на простые, замена залога, времени и вида глагола, вида предложения по цели высказывания, пропуск, частеречевая замена, опущение и т. д. являются частотным приёмом в синхронном переводе при оценке грамматической структуры оригинала и перевода. Типы грамматических замен как таковые не являлись предметом нашего исследования ввиду отсутствия сопоставленных форм структуры языка источника и языка перевода в случае синхронного перевода.

(22) Оригинал: *Well, I wanted to start with the issue of self-value and self-worth...*

Перевод-2: *хотел бы я начать знаете с чего?* (грамматическая трансформация). *С вопроса самооценки и понимания собственной важности и ценности* (синонимия).

В приведённом выше примере осуществлена замена структуры предложения перевода по цели высказывания, т. е. с повествовательной на

вопросительную. Данный вид грамматической замены применяется для передачи эмоциональной составляющей оригинала, «чтобы приблизить слушателей к переживаниям выступающего или к сопереживанию тому, о чем он говорит» (Фалалеев, Малофеева, 2019, с. 162).

IV. Ранжирование

Приём, а также тактика ранжирования имеет своей целью условное распределение информации, содержащейся в высказывании оратора, на первостепенную, второстепенную, третьестепенную, последующий перевод новой и наиболее существенной и перестановку / опущение наименее релевантной с точки зрения смысла, то есть ранжирование потока речи происходит за счёт модификации семантической структуры текста. Основным способом реализации данной тактики является вычленение новой, наиболее существенной информации и опущения коммуникативно-нерелевантной. Добавление в вербальное сообщение малосущественных данных позволяет удлинить высказывание, придав характер естественной «живой» речи, что обеспечивает «бесшовный» перевод.

Очевидно, что фактор времени играет ключевую роль в синхронном переводе, следовательно, приём ранжирования в этом виде перевода зависит прежде всего от темпа речи оратора. Так, при медленном или умеренном темпе профессиональный переводчик способен осуществить полную передачу сообщения ИЯ. Однако при высоком темпе речи оратора, быстрой смене коммуникативных ситуаций, сопутствующих факторов (например, демонстрация слайдов оратором), синхронист использует приём ранжирования для осуществления основной цели синхронного перевода — переводить новую и наиболее значимую информацию. Опытные переводчики применяют подвиды данного приёма: опущение и добавление (или компрессию и декомпрессию) по ходу ситуации перевода для достижения адекватного перевода.

Стоит также отметить, что оратор выступал со средней скоростью, что позволяло переводчику сохранять темп речи оратора, но при этом переводить как главную, так и большинство второстепенной информации, а также реализовать приём добавления в тактике прагматической адаптации.

(23) Оригинал: *They shouldn't be very worried. They shouldn't be very worried. I do have a big heart. We're going to take care of everybody. We're going to have a very strong border. We're going to have a very solid border where you have great people that are here that have done a good job. They should be far less worried; we'll be coming out with policy on that over the next period of four weeks.*

Перевод-1: *Никаких причин для беспокойства. Я щедрый человек. Никого обвинять не будем, но нужна надёжная защита наших границ. Если люди уже давно приехали, зарекомендовали себя как семья с детьми, можно будет их оставить в течение четырёх недель. Мы разрабатываем политику.*

Перевод-2: *нет, конечно, им не надо беспокоиться они здесь находятся, по сути, на легальных основаниях. Мы стараемся просто укрепить свою границу. Однако здесь есть люди из соседней страны, которые работают, которые участвуют в работе нашего общества.*

Примером ранжирования информации в примере № 23 служит перевод вопросов “*Should they be worried that they could be deported? Is there anything you can say to assure them right now that they'll be allowed to stay?*”. Переводчик П-1 предлагает перевод лишь нового информационного содержания, применяя грамматическую трансформацию *could they be deported* → *смогут ли дети остаться?* (П-1). Таким образом, переводчик делает акцент на новой информации, ранее ещё не звучавшей в данном коммуникативном событии. Вторичная информация (*should they be worried; Is there anything you can say to assure them right now that they'll be allowed to stay?*) не была переведена, т. к. не содержала принципиально новой и значимой информации для реципиента, что позволило переводчику синхронно следовать за темпом оратора.

V. Добавление / опущение / генерализация / конкретизация

Данные приёмы являются частными видами приёма ранжирования информации. Добавление или опущение в синхронном переводе подразумевают не просто добавление / сокращение языковых единиц, но когнитивные преобразования системы смыслов переводчиком (Ганеева, 2023), его языковую компетенцию.

(24) Оригинал: *and I would say that the root of every dysfunction I've ever encountered, every problem has been some sense of a lacking of self-value or of self-worth.*

Перевод-2: *и могу сказать, что, в принципе (ожидание, добавление), любая проблема, которую я встречала, (прогнозирование) причиной ее была, так или иначе (ожидание, добавление), отсутствие или недостаток самооценки или непонимание своей собственной ценности со стороны женщины (добавление).*

В приведённых примерах (№ 23 и 24) приём добавления реализуется за счёт включения в речь вводных слов и предложений «в принципе», «так или иначе», «действительно», а также словосочетания «со стороны женщины». С позиции переводчика, приём добавления единиц без значимой смысловой нагрузки обеспечивает, во-первых, «бесшовную» речь переводчика, что напрямую влияет на восприятие речи аудиторией. Во-вторых, при декодировании информации часть смыслов может быть потеряна по причине высокого темпа или отсутствия специального знания. Приём добавления позволяет дополнить перевод смыслами, которые не были переданы ранее. Соответственно, ЯЛ СП работает с постоянно трансформирующейся системой смыслов, когнитивной сущностью (Конурбаев, Ганеева, 2023), которая воспринимается СП формально как исходный текст, осознается и трансформируется в переводной текст после анализа материального воплощения в сознании переводчика.

В примере № 25 присутствуют приёмы опущения и добавления, генерализации и конкретизации смыслов.

(25) Оригинал: *Sure. I was born in 1948 in Bayonne, New Jersey, which is a blue-collar industrial town. My father was a longshoreman. We never had much money, so we never went anywhere. We did not even own a car.*

Перевод-1: *да, конечно, я родился в 1949 году в Нью-Джерси в маленьком городке, промышленном городке. В моей семье никогда не было большого достатка и у нас... мы никуда не ездили. У нас даже не было машины.*

Перевод-2: *конечно, я родился в 1947 году в Нью-Джерси в районе рабочих. Я был родом из простой семьи, дохода у нас никакого особого не было, жили очень*

скромно, мы даже никуда не могли выехать на каникулы у нас даже машины не было собственной.

Подобные приёмы характерны для тактики адаптации как прагматической, так и социально-культурной. П-1 и П-2 осознают, что аудитории языка перевода, скорее всего, будет неизвестен маленький город Бейонн, находящийся рядом с Нью-Джерси. По контексту очевидно, что данный населённый пункт малонаселён. Соответственно, П-1 реализует приём опущения (топонима Bayonne), добавление качественного прилагательного «маленький», уменьшительно-ласкательного суффикса (городок); П-1 также применяет уместную жанрово-стилевую замену «большой достаток» при переводе “*much money*”, что соответствует требованиям жанра языка перевода. При переводе населённого пункта П-2 также использует вариант опущения оригинального названия, но компенсирует конкретизацией «район рабочих». Таким образом, достигается полная смысловая эквивалентность. Вариант переводческого добавления в случае П-2: «жили очень скромно», «на каникулы» «собственной машины» — является приёмом реализации тактики «адаптации» и «бесшовного перевода».

VI. Прогнозирование

Поскольку для спонтанной устной речи характерны неподготовленность и сопутствующие ей нарушения синтаксического строя, логики повествования, паузы, повторы, оговорки, шумы, индивидуальные особенности произношения и речи, синхронным переводчикам важно обладать способностью вычленять принципиально важную информацию (приём ранжирования) и предугадывать (прогнозировать) перспективу развития высказывания.

Отличительным приёмом синхронного перевода спонтанной речи выступает приём прогнозирования информации, который реализуется за счёт наличия сформированных концептуальных представлений по теме. В процессе восприятия информации оратора переводчик, на основании понимания лексико-грамматической системы языка источника, выдвигает предположение относительно смыслового завершения фразы на языке источника до её фактического завершения. Таким образом, синхронный перевод представляет

собой не пословный подбор эквивалентов, а воссоздание полноценной картины замысла оратора с сохранением темпа естественной речи.

С учётом обозначенного выше преобразовательного характера когнитивной сущности со стороны ЯЛ СП, рассмотрим наиболее интересные примеры приёма прогнозирования.

(26) Оригинал: *We all know that we live in a world where you are constantly being bombarded by images that encourage you to be liked literally.*

Перевод-4: *и мы все знаем, что мы живём в мире, где вас постоянно критикуют (прогнозирование) и вас побуждают к тому, чтобы вас любили.*

По мере смыслового развития высказывания на ИЯ, переводчик осуществляет коррекцию «прогноза высказывания» и компенсирует собственную линию повествования. В переводе № 26 (П-4) приём прогнозирования отчётливо заметен в момент окончания звучания первой части предложения: “*and I would say that the root of every dysfunction I've ever encountered, every problem...*”. С момента начала высказывания переводчик отходит от языковой формы выражения языка источника и прогнозирует развитие смысла и ввод основного сказуемого. В этот момент оратор допускает нарушение синтаксической структуры исходного сообщения. В условиях дефицита времени у переводчика происходит сопоставительно-когнитивная трансформация прогнозируемого сказуемого и исходного сообщения и подбор варианта перевода на языке перевода. Далее, при восприятии начала предложения на языке источнике (*we all know that we live in a world where you are constantly*) переводчик спрогнозировал дальнейшую трансформацию сообщения и употребление глагола с негативной коннотацией, который характерен для использованной оратором временной формы (*you are constantly* + V_{ing}) и контекста.

Данные анализа позволяют представить практическое применение стратегий и приёмов в синхронном переводе как способ отражения языковой личности профессионального синхронного переводчика. Ввиду особой сложности синхронного перевода, индивидуальное целеполагание и выбор верной стратегии с учётом объективных и субъективных факторов определяют успешность

выполнения переводческой задачи. Постоянный анализ изменчивости коммуникативной ситуации перевода со стороны синхрониста и владение переводческими приёмами позволяют переводчику выстроить «подачу» перевода структурно и чётко, удерживая при этом внимание аудитории за счёт эмоциональной вовлечённости.

Рассмотрев отечественные и зарубежные подходы и взгляды ведущих лингвистов по отношению к определению «стратегия перевода», удалось систематизировать терминологическую систему понятий «стратегия перевода», «тактика перевода», «приём перевода», «способ перевода», «переводческая трансформация», «переводческое решение».

В результате лингвистического анализа синхронных переводов были определены экстралингвистические (объективные) и лингвистические (субъективные) факторы, влияющие на выбор переводческой стратегии.

В отношении характера взаимосвязи рассмотренных понятий была предложена функциональная модель переводческой стратегии в синхронном переводе.

Принимая во внимание анализ успешных результатов вариантов перевода, референтных приёмов и переводческих трансформаций, сделан вывод, что профессиональная языковая личность синхронного переводчика обладает достаточно широким диапазоном сочетания приёмов и переводческих трансформаций, реализующих одновременно несколько тактик и приёмов. В зависимости от смены коммуникативной ситуации перевода синхронисты осуществляют смену стратегии перевода и используемых приёмов.

На основе данных лингвистического анализа была систематизирована сеть тактик и приёмов, в которую вошли следующие тактики: «удержание внимания», «внешнее наблюдение», «адаптация», «бесшовный перевод»; приёмы и переводческие трансформации: ожидание, синонимия, грамматические замены различного генеза (перевод повествовательного предложения вопросительным, использование именительного падежа в повествовании, использование прямой речи при переводе косвенной речи), ранжирование, добавление / опущение /

генерализация / конкретизация, прогнозирование. Реализация представленной тактической сети в синхронном переводе происходит не изолированно, а в комплексе, на всех языковых уровнях, в зависимости от коммуникативной цели, что составило основу при систематизации сети тактик в синхронном переводе.

Практическая значимость проведённого этапа исследования состоит в возможности использования результатов его анализа в практике преподавания синхронного перевода, при разработке и чтении теоретических и практических курсов по синхронному и последовательному переводу. Результаты анализа будут релевантны для практического применения в теории и практике перевода, для исследователей, занимающихся вопросами лингвоперсонологии, лингвокогнитивного моделирования. Данные, полученные в результате анализа стратегий, тактик, приёмов и переводческих трансформаций, используемых современными синхронными переводчиками, является востребованным методическим компонентом на практических занятиях по обучению синхронному переводу студентов лингвистических направлений.

На данном этапе представляется возможным сделать промежуточный вывод о перспективах дальнейшего исследования эмпирического материала для анализа индивидуальных переводческих решений с позиции лингвоперсонологии, а также с позиции сравнительно-сопоставительного языкознания при изучении способов реализации стратегий и тактик синхронного и последовательного перевода. Помимо этого, указанный вектор исследования позволяет охарактеризовать разнообразные формы репрезентации языковой личности синхронного переводчика, а следовательно, раскрыть их функциональный потенциал. Для решения данной задачи обратимся к анализу вербальных проявлений языковой личности в коммуникативной ситуации перевода, представленных во второй главе диссертации.

Выводы по главе 2

Исследование речевого портрета языковой личности синхронного переводчика существенно для оценки степени владения лексико-грамматическим

фондом, допускаемых ошибок и неудачных переводческих решений. В основу решения вопроса оценки успешности того или иного варианта перевода составляет коммуникативно-функциональный подход, в соответствии с которым мы считаем возможным говорить о влиянии языковой личности синхронного переводчика на процесс и продукт перевода. Данный подход предполагает не просто перекодирование текста оратора, а включение переводчика в общее поле анализируемой коммуникативной ситуации, где на первый план выходит анализ ситуации перевода, мотивов совершения переводческих ошибок, типология индивидуальных ошибок, различий когнитивного стиля — объективных проявлений языковой личности профессиональных переводчиков.

Результатами анализа стало расширение типологии переводческих ошибок, определение типов наиболее частотных ошибок, языковая личность при этом рассматривалась как структурная доминанта когнитивных процессов переводческого решения и одновременно рефлексирования самосознания переводчика. В отношении исследования стратегий, тактик и приёмов в синхронном переводе представлено системное описание функциональной модели стратегии в синхронном переводе, сеть тактик и приёмов, реализация которых происходит на всех языковых уровнях. Как следствие, представленное практическое исследование стратегий, тактик и приёмов в синхронном переводе является способом отражения языковой личности профессионального синхронного переводчика.

Теоретическое обоснование проблематики позволяет учитывать при анализе лингвокреативность переводчика, которая выражается индивидуальным выбором стратегемно-тактических приёмов. Принимая во внимание сложность синхронного перевода как профессионального вида когнитивной деятельности, степень отражения индивидуальности в процессе параллельного реципирования, опредмечивания, перекодирования и трансляции, индивидуальное целеполагание и выбор стратегемно-тактических приёмов с учётом объективных и субъективных факторов определяют успешность выполнения глобальной переводческой задачи. Результаты исследования позволяют расширить теоретический обзор на проблему

представления стратегемно-тактических репрезентант, актуализирующих ЯЛ СП, а также обеспечивают развитие методологии существующих транслатологических исследований в части рассмотрения переводческих ошибок, стратегий, тактик, приёмов перевода как способов отражения ЯЛ СП.

3 ТРЁХУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

3.1 Особенности лингвокогнитивного и лингвофункционального подходов к анализу вербальных проявлений языковой личности синхронного переводчика

В отечественной и зарубежной лингвистике заметен явный рост исследований, выполненных в русле лингвокогнитивного подхода. Мы связываем растущую тенденцию с несколькими факторами. Во-первых, стремительное развитие информационных технологий, открывающее разноплановые возможности проведения верифицируемых исследований. К таковым относятся исследования с применением технологий искусственного интеллекта (создание и восприятие текстов, создание систем, имитирующих человеческую речь, мышление и пр.), исследования нейронных сетей, семантических полей, анализ распознавания звучащей речи, фреймовый анализ, моделей речевого поведения языковых личностей и т. д. Во-вторых, развитие методологии лингвокогнитивного подхода оказало значительное влияние на практические успехи лингвистических направлений: исследования развития общих когнитивных способностей человека, развитие методов лингвистической интроспекции, методологии обучения родному и иностранному языку, совершенствование программ автоматического перевода текста, лингвоконцептологические исследования и др.

Смысл рассматриваемого нами подхода сводится к параллельному исследованию человека говорящего и процессов его мировосприятия. В этом и проявляется антропоцентризм современных лингвокогнитивных исследований. Как отмечает Е.С. Кубрякова, ценность исследований с точки зрения антропоцентризма базируется на том, что «научные объекты изучаются прежде всего в зависимости от их роли для человека, их назначения в его жизнедеятельности, их функций для развития человеческой личности и её

усовершенствования» (Кубрякова, 2012, с. 115). Мы исходили именно из этих обстоятельств, определяя методологию исследования. Наш интерес к современным исследованиям в рамках лингвокогнитивного подхода обусловлен также саморефлексией с целью познания и развития теоретической базы в области лингвоперсонологии. Считаем, что обращение к проблеме ЯЛ с точки зрения функциональной стороны языка сейчас как никогда актуально, тем более что в настоящее время происходят кардинальные социальные, технологические, политические и культурные «сдвиги» в обществе, которые заставляют по-новому подходить к проблемам взаимопонимания и коммуникации.

Учёные отечественной когнитивистики (А.Г. Баранов, С.Г. Воркачёв, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, О.А. Корнилов, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Ю.А. Сорокин, Ю.С. Степанов, Е.Ф. Тарасов, Л.О. Чернейко и др.) уделяют большое внимание исследованию организации и функционированию знаний в процессе устного и письменного перевода, культурологической составляющей когнитивных процессов. В своём исследовании культурно обусловленных и когнитивных факторов в переводе В.И. Хайруллин доказывает, что структурирование знаний языковой личности, характеризующих взаимоотношения между когнитивными категориями и действиями, являются приоритетными для решения основных переводческих задач (Хайруллин, 1995).

Целью данного раздела является обоснование перспективности и целесообразности применения лингвокогнитивного и лингвофункционального подходов при анализе ЯЛ синхронного переводчика в ситуации перевода, влияющей на процесс перевода, на степень концептуальной близости картины мира оратора и переводчика и, как следствие, на качество подачи перевода в ситуации синхронного перевода.

Актуальность проблематики обусловлена недостаточной разработанностью практических механизмов анализа ЯЛ синхронного переводчика, а также отсутствием практических исследований языковой личности синхронного переводчика. На настоящий момент нет общей методологии проведения

вербального и невербального анализа языковой личности синхронного переводчика, не до конца разработан подход к оценке качества их работы.

Анализ и систематизация особенностей ЯЛ синхронных переводчиков ставят необходимым аспектом изучения ЯЛ на пике её проявления — в ситуации УПП или УСП соответственно.

Нам представляется интересным и важным изучение функциональной стороны ЯЛ синхронного переводчика непосредственно в ситуации перевода телеинтервью (Уланова, 2022). Данный жанр массмедийного дискурса, на наш взгляд, наиболее сложный и одновременно показательный в дискурсе современного общества. Сложность анализа рассматриваемого жанра объясняется самой природой устного диалога, представляющего собой непосредственный процесс синхронного порождения речи и её восприятия. К тому же, изучение ЯЛ в ситуации синхронного перевода осложняется тем, что жанр телевизионного интервью многомерен, изменчив и, как правило, включает различные переменные: персоналии, политические / социальные институты, традиции, культура, идеология, СМИ, и др. Данные переменные являются частью не только какой-либо конкретной картины мира, но и глобального контекста. К тому же в пределах одной ситуации синхронного перевода мы можем наблюдать сочетание и наложение переменных и сочетание различных форматов массмедийного дискурса.

Традиционно, наибольшую сложность для синхронного перевода представляет проблема темпа и акцента оратора. В современных условиях общего ускорения темпа речи эта проблема актуальна для последовательного перевода, также как и для синхронного перевода. С учётом обширной тематики дискурса массмедиа, предлагается классифицировать материал с точки зрения дестабилизирующих факторов, так как реализация «подачи» при выполнении синхронного перевода во многом зависит от скорости, связности и типа речи ораторов.

С целью познания структуры ЯЛ синхронного переводчика мы предлагаем использование лингвокогнитивного и лингвофункционального подходов в качестве анализа вербальных и невербальных проявлений (так называемого

«незамечаемого фона» ЯЛ), включающего, с одной стороны, дискурсивные проявления различных разделов языка, а с другой — отсылки к прочим текстам (проявления интертекстуальности) и образование новых смыслов (Уланова, 2022). Таким образом, в центре нашего внимания оказывается полная форма реализации ЯЛ синхронного переводчика.

К числу методов, используемых в лингвокогнитивном подходе, относятся метод анализа когнитивных моделей, ориентированный на изучение интенции ЯЛ в момент перевода; метод прототипичной семантики вербально-семантического уровня, определяющий значение лексемы на основе чувственного восприятия в ситуации перевода; методы когнитивного анализа и когнитивного описания, изучающие репрезентацию знаний и компетенций ЯЛ за счёт языковых и словесных конструкций.

Лингвофункциональный подход, в свою очередь, позволяет выявить особенности реализации и функционирования ЯЛ переводчика, наблюдаемых непосредственно в ситуации перевода. В рамках данного подхода при наблюдении за функционированием ЯЛ синхронного переводчика нам представляется значимым не только дешифровка значения высказывания оратора на иностранном языке, но и знание законов невербальной коммуникации, включающих в себя адаптирование перевода с учётом экстралингвистического фона ситуации перевода, наблюдаемого переводчиком в ситуации перевода. При сочетании обозначенных подходов становится возможным обнаружить и проанализировать маркеры ЯЛ профессионального синхронного переводчика, определить глубину фоновых знаний синхронного переводчика, способность к адекватному переводу прецедентных феноменов, ментальных репрезентаций, а также оценить способность владения ЯЛ разными функциональными стилями в ситуации синхронного перевода. Особое внимание в ряде случаев (например, при исследовании значительно отличающихся картин мира) уделяем механизму интерпретации результатов, так как «один и тот же текст может вызывать у коммуникантов различные эмоции в зависимости от их ценностной ориентации» (Кобозева, Захаров, 2014, с. 27).

В результате комплексного анализа стало возможно говорить об интерпретации результатов на основании лингвистических проявлений ЯЛ и экстралингвистического фона в ситуации перевода. Говоря о «ситуации перевода», мы имеем в виду мотивированный и целостный процесс синхронного перевода, контекстно ограниченный в пространстве и времени (Уланова, 2022а). На основании этого определения когнитивный анализ экстралингвистического фона подразумевает интерпретацию содержания основного замысла говорящего, его целей, задач, влияния на аудиторию с учётом времени, места и контекста интервью, социального и профессионального статуса участников коммуникативной ситуации.

Считаем, что лингвокогнитивный подход в лингвоперсонологии обусловлен необходимостью решения проблемы соотношения языка, культуры, мышления и профессиональных компетенций. Указанный подход позволяет изучить специфические черты отражения языковой личности с учётом отражения, как минимум, двух картин мира «русской» и «английской», так как описание выбора переводческих стратегий и тактик, вербальной репрезентации ЯЛ невозможно без учёта актуальной концептуальной сферы родного/второго языка. Данный подход позволяет с большой степенью вероятности верифицировать оценку результатов исследования с учётом объективных сложностей при синхронном переводе как для самого переводчика, так и для стороннего наблюдателя-исследователя: скорость и темп речи оратора (-ов) и переводчика, паузация, сторонние шумы, отсутствие визуального контакта между оратором и переводчиком, качество видеозаписи и т. д. Очевидно, что синхронный перевод является одним из самых сложных и энергозатратных направлений профессиональной деятельности (Синхронный перевод..., 2019). С учётом результатов исследований когнитивистов и нейропсихологов можно полагать, что скорость обработки сигнала и точность результата на выходе, который демонстрируют профессиональные переводчики, задействует колоссальные силы и невозможна без многих лет практики (Кони́на, Черниговская, 2018). Тем не менее успех даже опытного синхронного переводчика зачастую зависит от негативных факторов,

которые оказывают значительное влияние на ход и подачу перевода, что, в свою очередь, отражается на результатах анализа.

К числу дестабилизирующих факторов в ситуации перевода мы относим:

- просодические особенности речи оратора (скорость, громкость, чёткость, темп речи, акцент, паузация);
- лексико-стилистические особенности речи оратора;
- синтаксические особенности речи оратора (сложносоставные полипредикативные предложения, нарушение логики высказывания и т. д.);
- психоэмоциональное состояние переводчика и личное отношение переводчика к теме.

Устный последовательный перевод также является высокоэнергозатратным не только для начинающих переводчиков, но и для опытных профессионалов ввиду длительных фрагментов речи оратора, подлежащих точному переводу.

При исследовании функциональной стороны ЯЛ СП мы столкнулись с вопросом объективной оценки результатов. Известно, что в синхронном переводе «подача» перевода, как правило, начинается с минимальным отставанием в 1—2 с, а иногда и вовсе одномоментно, на основании переводческого прогнозирования. Соответственно, мы анализировали и оценивали вербальное и невербальное поведение переводчика с учётом принимаемых языковой личности решений. Так, появляется возможность объективно анализировать речь, которая не была подготовлена, отрепетирована и отредактирована заранее, определить и интерпретировать индивидуальные вербальные маркеры проявления языковой личности, определить специфику гендерных инвариантов перевода, наблюдать просодические явления, провести лингвистический и экстралингвистический анализ, оценить качество выполнения переводов, составить типологию переводческих ошибок, изучить особенности просодии и невербального поведения переводчиков, оценить степень влияния скорости и темпа оратора на качество синхронного перевода.

Полученные в результате анализа данные дают разумные основания считать анализ проявлений ЯЛ УСП объективным поскольку переводчики не имели

возможность изучить текст заранее. Именно формат интервью, будучи регулируемым, но неподготовленным процессом, ярко отражает проявления ЯЛ синхронного переводчика. Исследуемый формат отличается большей степенью неожиданности как для участников беседы, так и для переводчиков, именно поэтому вероятность переводческой ошибки возрастает в разы.

Лингвокогнитивный анализ позволяет нам всесторонне изучить ЯЛ. Внимание к вербальным и невербальным, внешним и внутренним проявлениям ЯЛ позволяет рассматривать любое проявление ЯЛ как процесс с точки зрения отражения картин мира, в то время как изолированный лингвистический или психолингвистический подход концентрируется только на анализе индивидуальных (вербальных / психологических) составляющих. Использование лингвокогнитивного подхода демонстрирует, что синхронный переводчик является одновременно объектом и субъектом возникновения новых смыслов высказывания.

Более точные данные с точки зрения дескриптивного переводоведения в перспективе мы предполагаем получить посредством процессуального анализа, т. е. анализируя когнитивные процессы понимания и перевода речи, причины возникновения переводческих ошибок и оговорок. Подобные исследования обладают большой ценностью для современного переводоведения, а также способны пояснить процессы обработки информации и схемы принятия переводческих решений.

С учётом исследований З.Д. Поповой и И.А. Стернина, наш последующий анализ вербально-семантического уровня ЯЛ будет заключаться в следующем:

— методом сплошной выборки найти и описать состав вербальных и невербальных средств, репрезентирующих ЯЛ УСП (Попова, Стернин, 2007);

— структурировать содержание ЯЛ УСП с учётом индивидуальных и национальных особенностей анализируемых личностей, выявить отличительные профессиональные характеристики ЯЛ синхронного переводчика.

Для объективного исследования важно оценить параметры исходного текста, подлежащего переводу (Павлова, 2012), т. е. степень переводимости:

определение среднего темпа речи оратора (количество слов, произносимых в минуту); анализ паузации. Классификация исследуемого материала включает две основные группы переводов интервью, различных по типу реципиента (коллективный/индивидуальный). Соглашаясь с мнением Д.С. Зигмантович, в исследуемых интервью мы определили «внутренние» и «внешние» речи: реципиентами первых являются носители языка оратора (Зигмантович, 2021). Примерами «внутренней речи» являются обращения к избирателям, парламенту, интервью национальным каналам, пресс-конференции для национальных изданий и пр. В таких случаях очень высокая степень предсказуемости, минимальное число метафор. В свою очередь, «внешние речи» предполагают трансляцию вне страны. Реципиентами «внешних речей» выступает мировая общественность. Примерами внешних речей являются выступления на международных площадках, встречах, саммитах, обращения к другим нациям, народам.

При анализе материала мы находим подтверждение выводам исследования Д. С. Зигмантович относительно понятия «глубины» высказывания, которое определяет сложность синхронного перевода высказывания в зависимости от общего количества слов, темпа речи оратора (Зигмантович, 2022). В процессе перевода переводчик хранит в оперативной памяти информацию о предикате высказывания до завершения её восприятия. Известно, что оперативная память человека ограничена по своему объёму и может без потери включать от 6 до 9 единиц в период от 3 до 30 с. Переполнение памяти в следствие быстрого темпа оратора и/или высокой плотности данных приводит к частичной утрате исходного сообщения и переводческим ошибкам (Lederer, 1978).

В нашем исследовании мы применяли комплексный подход при работе с «внешними речами» и «внутренними речами». Смысловое содержание может быть заложено в лексике и синтаксисе высказывания. Для синхронного перевода крайне важен визуальный контакт оратор-переводчик и просодическая составляющая, в то время как в письменном переводе достаточно просодических различий, которые частично представлены при помощи пунктуационных приёмов

написания слов (например, использование курсива, жирного шрифта, знаков препинания). В связи с этим, при исследовании УСП мы ориентировались на вербальную и невербальную коммуникацию, так как просодические характеристики выполняют смысловозначительную функцию: паузация, фонация, направление тона, место фразового ударения, звуки-хезитации, регистр (Кобозева, Захаров, 2014).

Лингвофункциональный анализ звучащей речи включает в себя исследования смысловых пауз в речи оратора. Корректная интерпретация значений смысловых пауз играет важную роль для УСП, так как зачастую может обозначать наличие переносного смысла высказывания, акцентировать внимание, оказывать воздействие.

Одним из результатов исследования стало подтверждение влияния темпа речи оратора на успешную реализацию профессионального потенциала синхронным переводчиком. Так, темп речи является одним из ключевых параметров для эффективного межкультурного взаимодействия, восприятия и продуцирования речи с / на иностранном языке и оказания воздействия на аудиторию (И.Е. Абрамова, А.Ш. Барик, Г.В. Чернов, А.Ф. Ширяев, Р.К. Миньяр-Белоручев). Данные результата подтверждаются выводами Г.В. Чернова, что в ситуации перевода темп работы переводчика полностью определяется извне — оратором (информантом), говорящим на исходном языке, и, следовательно, «синхронность восприятия и порождения речи зависит от темпа речи оратора» (Чернов, 1987, с. 43), что, соответственно влияет на степень переведённого сообщения, темп подачи перевода и наличие переводческих ошибок. По своему прагматическому содержанию и возможным последствиям для переговоров, ошибки передачи фактической информации с уверенностью можно считать наиболее серьёзными в синхронном переводе. В переводах анализируемого нами дискурса любое искажение информации может привести к серьёзным последствиям в межгосударственной коммуникации.

В качестве критериев определения скорости звучащей речи англоязычного оратора мы взяли за основу данные национального центра изучения голоса и речи

(г. Клирфилд, США). В зависимости от темпа речи различают следующие разновидности речей:

- презентация, скорость 100—150 сл./мин для комфортного восприятия;
- разговорный, скорость 120—150 сл./мин;
- аудиокнига / радиопередача / подкаст, скорость 150—160 сл./мин для комфортного восприятия на слух;
- аукцион, скорость около 250 сл./мин;
- спортивные комментаторы, скорость 250—400 сл./мин (интернет-ресурс ‘Average Words Per Minute Speaking).

При статистическом анализе выступлений ораторов количественный подсчёт осуществлялся поэтапно с учётом особенностей текста на языке оригинала:

- 1) подсчёт количества слов в исходном высказывании оратора;
- 2) средний темп речи оратора (сл./мин);
- 3) подсчёт количества и длительности пауз.

Количество слов в предложении определяет глубину высказывания (Уланова, 2022). Поскольку в русском языке слова длиннее в среднем примерно на 20—30 %, средним пределом комфортной скорости для синхронного переводчика при работе с английской речью будем считать 140 сл./мин. Данный выбор предела также подтверждается другими исследованиями по данной теме (Зигмантович, 2020) и соответствует приведённому соотношению внутренних и внешних речей от темпа речи (таблица 2).

В соответствии с эмпирическими данными, можно судить о достаточной сложности представленных интервью для синхронного перевода. Сложность синхронного перевода определяется наличием элементов в речи, усложняющих или замедляющих процесс синхронного перевода. К таким элементам мы относим: полипредикативные предложения, высокий темп речи оратора (выше 150 сл./мин), нестандартная паузация, узконормативный акцент, высокая плотность встречаемости прецедентной информации (числительные, имена собственные), низкая чёткость артикуляции, узкоспециальные термины.

Таблица 2 — Соотношение внутренних и внешних речей ораторов в зависимости от темпа речи и количества слов за единицу времени

«Внутренние» речи	М. Обама	Д. Трамп	Дж. Мартин	А. Винтур	М. Этвуд	Оратор
	1 107	1 428	1 122	1 201	1 075	Слова
	5 597	7 474	5 978	6 419	5 867	Знаки с пробелами
	158,14	223,47	174,49	171,57	165,13	Темп речи (сл./мин)
«Внешние» речи	В. Путин интервью М. Келли		В. Путин интервью К. Саймонс		Оратор	
	3 612		11 400		Слова	
	20 577		65 580		Знаки с пробелами	
	133,77		142,50		Темп речи (сл./мин)	

В результате опытно-экспериментального анализа синхронных переводов интервью нами использовались платформы Sonix и Slovotext. По данным исследования S. Louw программное обеспечение Sonix (<https://sonix.ai/transcription-software>) позволяет добиться верифицируемых результатов и может быть использовано для методов лингво-когнитивного анализа (Louw, 2021). Так, работа с указанной платформой позволила нам в режиме реального времени наблюдать и анализировать невербальную коммуникацию параллельно с речью оратора/переводчика, которая тематически преобразуется программой в текст с разметкой говорящего, указанием временных границ и пауз. Платформа Slovotext (<http://www.slovotext.ru/About>), созданная и совершенствуемая лингвистом-переводчиком, в течение нескольких секунд производит количественный и статистический анализ тезауруса, лексического состава говорящего, определяет среднее значение длины предложений. По результатам анализа составлены сравнительные таблицы, отражающие существенные различия в речевом поведении. Наряду с исследованием просодии, платформа Sonix, способствует проведению полномасштабного лингвистического исследования речи и экстралингвистического фона за счёт отображения подстрочника одновременно с видеоизображением говорящего. Помимо этого, программа позволяет быстро

сформировать полные стенограммы устной речи с временной разметкой, паузацией, отражает степень уверенности произношения при вербальной подаче перевода. Отметим, что на платформе Sonix программа автоматического распознавания текста не использует знаки пунктуации за исключением точек, которыми по умолчанию обозначаются паузы дольше 0,4 с.

В ходе проведённого исследования становится возможным говорить о перспективах применения лингвокогнитивного и лингвофункционального подходов, которые способствуют комплексному учёту лингвистических и экстралингвистических особенностей речевого поведения синхронных переводчиков. Лингвокогнитивный анализ ЯЛ в ситуации перевода жанра телевизионного интервью представляет неподдельный интерес для лингвистического исследования; жанр телеинтервью требует от исследуемой ЯЛ переводчика применения разнообразных комплексных филологических методик и приёмов, направленных на когнитивную интерпретацию лингвостилистических и лингвокультурологических составляющих, интонационной вариативности при подаче перевода, владения фоновыми знаниями. Более того, в процессе перевода когнитивное пространство оратора влияет на восприятие и появление новых смыслов в когнитивном пространстве переводчика. С позиции переводоведения удалось проанализировать языковое содержание рассматриваемого жанра: метафоры, фразеологизмы, прецедентные феномены, цитаты, крылатые выражения, имена собственные, эмоционально окрашенную лексику. На лексико-семантическом уровне стилистика перевода реализуется за счёт использования лексических повторов, гиперболизации, эмфатики, парцелляции, синонимичного ряда. Результаты исследования позволяют подробнее определить особенности картины мира профессиональных синхронных переводчиков, вербального и невербального уровня организации ЯЛ, влияния экстралингвистического фона на успешность реализации синхронного перевода. Данные эмпирического анализа позволяют оценить репрезентацию ЯЛ синхронного переводчика, владение профессиональными компетенциями, эмоциональную организацию, этическую составляющую, мировосприятие, особенности невербального поведения.

3.2 Вербально-семантический уровень репрезентации языковой личности синхронного переводчика

Изучение проблематики ЯЛ синхронного переводчика представляет для нас особый научный интерес, так как, во-первых, отчасти является процессом саморефлексии, а, во-вторых, исследования языкового сознания человека, владеющего несколькими иностранными языками, выступающим в роли «медиатора культур» (А.Б. Бушев, М.Л. Вотинцева, Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова, Е.Н. Кириченко, Л.В. Кушнина, М.С. Силантьева и др.), обладающего развитой картиной мира и богатым личностным мультикультурным пространством, практически отсутствуют ввиду сложности и многомерности феномена ЯЛ синхронного переводчика.

Согласимся с наблюдением Л.В. Кушпиной и М.С. Силантьевой, что ЯЛ переводчика обладает особой спецификой и традиционно рассматривается как вторичная ЯЛ (Кушпина, Силантьева, 2010). В исследованиях А.Н. Плехова вторичная языковая личность определяется как «коммуникативно активный субъект, способный в той или иной мере познавать, описывать, оценивать, преобразовывать окружающую действительность и участвовать в общении с другими людьми средствами иностранного языка в иноязычно-речевой деятельности» (Плехов, 2007, с. 3). Перевод, являясь одним из видов коммуникации, подчиняется общим закономерностям теории коммуникации, а именно: любая информация, проходя через индивидуальное сознание человека, несёт своеобразный отпечаток его индивидуальности, т. е. информация на входе и на выходе не идентична.

Компетентность языковой личности определяется фактором владения речевыми жанрами, языковым опытом в разных родах, видах и формах словесности. Частью концепции ЯЛ синхронного переводчика нам представляется изучение основных способностей, свойственных развитой ЯЛ: стратификации компетенций ЯЛ, вербальной репрезентации ЯЛ в ситуации перевода различных

дискурсов.

В центре лингвокогнитивного подхода находится межкультурная коммуникация развитой языковой личности (Г.И. Богин) с поликультурной картиной мира. Интересно рассмотрение языка ЯЛ с точки зрения синергии и гармонизации гетерогенных смыслов, которые находят выражение при анализе синхронных переводов в разных дискурсах. Вслед за Ю.М. Скребневым мы полагаем, что «чем большим количеством стилей и жанров обладает активная ЯЛ, тем она развитее» (Скребнев, 1994, с. 15). Недавние исследования, посвящённые проблеме языковой личности (А.Б. Бушев, О.В. Котлярова, Л.П. Крысина, М.А. Куниловаская, А.В. Курьянович, Л.В. Кушнина, Е.Ю. Мамонова, Л.А. Нефедова, М.Н. Панова и др.), в определённой степени свидетельствуют об актуальности изучения проблемы языковой личности и её проявлений в различных дискурсах. В связи с этим с целью разностороннего изучения феномена ЯЛ мы рассматривали вербальную репрезентацию исследуемой категории в различных тематиках (политика, мода, литература, культура, театр, экономика и прочие).

Как справедливо замечает А.Б. Бушев, синхронными переводчиками разграничиваются факторы, определяющие цель перевода, стратегию, и, разграничивающие причины применения переводческих приёмов и трансформаций. Важно учитывать объективные различия не только между системами ЯИ и языка перевода ЯП, но и смысл передаваемого сообщения с учётом коммуникативной цели, апперципирующие возможности аудитории (индивидуальных особенностей, мировосприятия). Не менее важны психологические особенности ЯЛ переводчика (Бушев, 2010). В данном разделе мы будем говорить о способах вербальной репрезентации ЯЛ.

Анализируемый нами материал телевизионного интервью можно отнести к элитарному стилю, который подразумевает корректность, точность и лаконичность обсуждаемых вопросов. Подобный стиль характерен для общения с политиками, медийными личностями, актёрами театра или кино. В исследуемом корпусе текстов преимущественными функциями являются денотативная и

фатическая. Ведущей композиционно-речевой формой предстаёт рассуждение с элементами повествования и цитирования. В видеоматериале присутствует эмоциональный вид информации и когнитивный, который в свою очередь включает в себя три параметра: объективность, абстрактность и плотность (компрессивность). С точки зрения коммуникативной задачи исследуемые интервью призваны осветить ряд вопросов, связанных с политикой (интервью и пресс-конференции В. Путина, Д. Трампа, М. Обама), культурной жизнью (интервью М. Этвуд, Дж. Мартина и др.), социальными проблемами (К. Мидлтон, М. Обама, Д. Трамп, В. Путина), модой (А. Винтур).

На уровне текста превалирует логический способ построения текста, проявляющий себя в сложности и разнообразии логических структур синтаксиса, различных видов сочинительной и подчинительной связи, употребления риторических вопросов и восклицаний, оригинальных метафор.

С точки зрения проявления вербальных средств ЯЛ, дестабилизирующим фактором является синтаксис. В частности, в зависимости от средств логической связи, ЯЛ логически ранжирует информацию, «прогнозирует конец высказывания» (Чернов, 1987, с. 49), то есть определяет будущие смысловые отрезки. Осуществление перевода в этом случае осложняется ещё и тем, что в оперативной памяти человека данные хранятся в размере от 6 до 9 единиц в течение от 3 до 30 с (Seleskovitch, Lederer, 2001, p. 41). Как замечает Д.С. Зигмантович, под влиянием высоких темпов переработки информации и перевода синхронист сталкивается с трудностями хранения данных из начала синтаксической конструкции (предложения), что, в свою очередь, приводит к ошибкам и отсутствию согласования разных частей одного предложения (Зигмантович, 2021).

При анализе видеофрагментов выступления ЯЛ, обратим внимание, что ораторы в речи на ЯИ используют большое количество сложноподчинённых предложений с различными связями, ряды однородных членов предложения, вводные слова, причастные и деепричастные обороты, а также сложные синтаксические и вставные конструкции.

Вставные конструкции характерны для дискурса массмедиа, которому свойственна прецедентность. Как правило, ораторы вводят фразу или высказывание, отсылающую к прецедентному тексту, и, которая косвенно связана с основной мыслью. Это может стать серьёзным препятствием для работы переводчика, поскольку вставные конструкции могут достигать значительного объёма, включая более одной вставной конструкции, тем самым, увеличивая разрыв между началом и концом предложения, что сказывается на согласованности предложений и подаче перевода.

Рассмотрим пример № 27.

(27) Оригинал: ***But a kind of us has always been very forward thinking. And, when they moved their offices and once the city had heard that we had moving down, there are a lot of other people did, which is obviously great for the neighborhood and the investment in that particular area because it has been somewhat of a ghost town for so many years. But having come from Times Square, which is this amazing mass of humanity with everyone from the naked cowboy. Do you know who the naked cowboy is? But, you know, he's a man in the middle of winter in underwear taking a picture and this sort of mass of humanity, something that was very, very quiet and silent. It was a little bit lonely at the beginning, but we're all adjusting. I wish there were more Starbucks.***

Перевод-1: *я думаю, что, когда все переехали это было мудрым событием мудрым решением и для окружения и. Для экономики региона, потому что это был такой пустынный город призраков после Таймс Сквер, а, может быть, если вы знаете, кто такой голый ковбой, который в трусах посреди зимы делал вашу фотографию. И было очень тихо немного. Одиноко поначалу. Но мы все меняемся. Я думаю, что было бы здорово, если бы там был Старбакс.*

Перевод-2: *но мы всегда были очень прогрессивной компанией с точки зрения того, где они открывают офис и когда прошёл слух о том, что мы открываем свой офис там, то и другие компании начали приезжать, и для района это было очень хорошо, поскольку он был таким районом призраком на протяжении многих лет. Но, конечно же, переезжать с Таймс Сквер,*

настоящего человеческого муравейника, начиная с голого ковбоя. Вы знаете, кстати, кто это такой? Уличный артист, который ходит по Таймс Сквер в одном нижнем белье. Так вот, переезжать оттуда в центр международной торговли, было сначала тяжело, одиноко, но мы привыкаем. Надеюсь, там откроют побольше Старбаксов.

Сложный синтаксис, большое количество союзов, сочинительных и подчинительных связей приводит к тому, что переводчик сталкивается с ещё одной проблемой: своевременное членение предложений на смысловые отрезки с сохранением логики повествования. В УСП под влиянием высокой скорости переработки входящей на языке оригинала информации переводчик может быстро забыть только что полученные данные и столкнуться с трудностями хранения информации, полученной в начале высказывания. Переполнение оперативной памяти приводит к ошибкам. Например:

(28) Оратор-1: *but I want to begin with some news from the US just today. In the US it's reported that **Russia is preparing, perhaps within months, to supply Iran with an advanced satellite system, enabling Tehran to track military targets. Is that true?***

Оратор-2: *would you mind repeating the question again, that we are preparing to hack what kind of facilities?* (примечание наше. — Е.У. двойная ошибка в переводе — о взломах и о предоставлении Ирану технологии для их ядерной программы).

Перевод: *сегодня пришли новости из США, там заявляют, что в течение следующих нескольких месяцев **Россия готовит новые взломы военных объектов для иранской ядерной программы. Это правда?***

Оратор-2: *ещё раз повторите, пожалуйста, вопрос: мы готовим взломы каких объектов?*

Ввиду частого использования синтаксического параллелизма в оригинальном тексте, выраженного анафорическим повторением отдельных элементов, создаётся ритм высказывания, что отчасти позволяет ЯЛ прогнозировать содержание текста. Анализ наших данных подтверждает мнение

Г.В. Чернова (1969, 1978, 1987), что при передаче таких конструкций синхронные переводчики используют приём компрессии, что позволяет сэкономить время (Чернов, 1987). Для сохранения скорости и качества перевода синхронисты вынуждены опускать и / или обобщать смысловые сегменты текста, делить сложные предложения на смысловые части.

Быстрый темп оратора (свыше 160 сл./мин) провоцирует ЯЛ совершать синтаксические искажения. На наш взгляд, они обусловлены непониманием характера логических связей между элементами высказывания, его коммуникативным членением. Например:

(29) Оригинал: *well, I wasn't in the wilderness when I was 16, I was in high school, which some people think of that as the wilderness. But I was in high school and and I just didn't really know what it would involve.*

Перевод-1: *я жила в глуши в Канаде. Можно так выразиться. я училась в школе в старшей школе, и я ещё не знала, что стоит за карьерой писателя.*

Перевод-2: *ну я не могу сказать, что это была дикая Канада, потому что я была всё-таки в школе. Может быть некоторые считают, что это дикая Канада, но я действительно училась в старших классах и я не совсем понимала какие, какие будут последствия.*

Анализ микротекстов (таблица 3) демонстрирует интересные закономерности в изменении порядка следования элементов высказывания. Так, в рассматриваемом дискурсе анализируемые ЯЛ используют сложную синтаксическую связь в предложениях: сложносочинённые и сложноподчинённые предложения с различными видами связи (уступки, причины, следствия и т. д.). Помимо этого, ввиду явления языковой интерференции, переводчики допускают ошибки, связанные с тема-рематическим членением предложения.

По данным анализа отличительным признаком начинающего синхрониста является злоупотребление связующим союзом «и» между простыми предложениями при подаче перевода на русский язык.

Таблица 3 — Сравнение синтаксических структур языковых личностей синхронных переводчиков

Оригинал	Перевод-1:	Перевод-2:
----------	------------	------------

<p>(30) <i>Оратор-1: (00:01:54) Well, you started at 16. You made a commitment to become a professional writer at 16, which I look at as a gift in a way that you knew this is where you were headed</i></p>	<p>(00:02:08) <i>Вы. Написали первую книгу в 16 лет и мне кажется, что вы понимали какая карьера вас ждёт впереди</i></p>	<p>(00:01:58) <i>и вы начали в 16 лет и решились быть профессиональным писателем я считаю, что в таком возрасте сделать такое решение вы знали, что это ваше призвание</i></p>
<p><i>Оратор-2: yes, it was also very ignorant because I didn't realize what was involved. I didn't have any role models available to me in that place at that time in the middle of the of the fifties and in Canada</i></p>	<p><i>Оратор-2: я бы не сказала так потому что в то время. В середине 50-х годов в Канаде у меня не было примеров для подражания не было людей, за которыми я могла бы следовать</i></p>	<p><i>Оратор-2: да это было очень точный точный выбор, но я не понимала, чем это грозит у меня не было никакой ролевой модели. И в 50-х годах в Канаде я не понимала, чем мне это грозит</i></p>
<p><i>Оратор-1: In the wilderness, in Canada</i></p>		<p><i>Оратор-1: в дикой Канаде</i></p>
<p><i>Оратор-2: well, I wasn't in the wilderness when I was 16, I was in high school, which some people think of that as the wilderness. But I was in high school and and I just didn't really know what it would involve. I knew that I would have to have another means of support. I didn't expect it to somehow burst into bestseller. Damn right away. So, I had some practicality. My parents, of course, weren't in favor of this plan at all. They wanted me to be a scientist</i></p>	<p><i>Оратор-2: я жила в глуши в Канаде. Можно так выразиться, я училась в школе в старшей школе, и я ещё не знала, что стоит за карьерой писателя. Я думала, что я сразу напишу бестселлер. Конечно, мои родители не хотели поддерживать меня. Мои родители хотели, чтобы я стала учёным</i></p>	<p><i>Оратор-2: ну я не могу сказать, что это была дикая Канада, потому что я была всё-таки в школе. Может быть некоторые считают, что это дикая Канада, но я действительно училась в старших классах и я не совсем понимала какие какие будут последствия и я не понимала не понимала, что мне понадобится ещё какая-то. Я думала, что мне понадобится ещё какая-то деятельность я не ожидала что мои книги станут бестселлером. Сначала мои мои родители, конечно, были не в восторге от того, что что я сделала, потому что мои родители были учёными</i></p>

Речи ораторов в телевизионном дискурсе характеризуются наличием большого количества прочих синтаксических конструкций: риторических вопросов, анафорических конструкций и анафорического повтора, функцией которых является воздействие на аудиторию. В условиях УСП сложность перевода анафорического повтора заключается в сохранении ритма высказывания и выражения необходимого эмоционального воздействия на реципиента.

Риторический вопрос (высказывание) базируется, прежде всего, на категориях грамматической системы, а по специфической формальной

организации и функциям может быть представлен как особый фрагмент синтаксического строя в речи (Канафьева, 2021). Будучи особой формой субъектно экспрессивно-оценочного высказывания, риторический вопрос требует обязательной реализации в переводе.

Анафорическая конструкция заключается в повторении «отдельных слов и оборотов в начале нескольких относительно самостоятельных отрезков речи» (Анищенко, 2012, с. 110). При дефиците времени синхронист, как правило, переводит данную конструкцию только один раз, воспользовавшись приёмом компрессии. В таком случае теряется эмоциональный эффект от высказывания оратора. Однако, когда оратор говорит медленно, синхронный переводчик должен каждый раз передавать анафорическую конструкцию для оказания должного влияния на аудиторию (таблица 4).

Удачные переводы риторических вопросов, представленные выше, заостряют внимание аудитории на обсуждаемых проблемах, вовлекают в диалог, заставляют задуматься над оценочным мнением оратора.

К примеру:

(34) Оригинал: *Мы готовы к продолжению этого диалога. Для нас ведь что важно? Мы согласны на...*

Перевод: *We are ready to continue this dialogue. What do we consider important? We agree to...*

Данный пример перевода риторического вопроса и повтора транслирует утвердительный смысл вопросительного по форме высказывания (т. е. «то, что для нас важно — ...»), подчёркивает сходство между позицией оратора и аудиторией, «сближает» их, а, следовательно, увеличивает доверие к позиции оратора.

Политические интервью особенно отличает большое количество сложноподчинённых предложений с различными связями (цели, причины, следствия, уступки и пр.), что логично и закономерно для цели коммуникации.

Таблица 4 — Анализ синхронного перевода анафорической конструкции и риторического вопроса

Оригинал	Перевод
Риторический вопрос	
(31) Оратор: <i>с моей точки зрения, те люди, о которых Вы сказали, не аналитики — они пропагандисты. Почему? Потому что все, о чем я сегодня говорил, — это не инициативная работа с нашей стороны.</i>	<i>In my opinion, the people you have mentioned are not analysts. What they do is propaganda. Here's why? Because everything I spoke about today was done not on our initiative.</i>
(32) Оратор: <i>Back in the early 2000s, our population shrank by nearly a million people a year. Can you imagine the scale of the disaster? Almost 900,000 people.</i>	<i>У нас в начале 2000-х годов население страны сокращалось каждый год почти на миллион. Представляет, какая катастрофа? 900 тысяч почти.</i>
Анафорическая конструкция	
(33) Оратор: <i>какая же стабильность и предсказуемость, если мы вспомним события в Ливии в 2011 году, когда страну разрушили? Ну и какая здесь стабильность и предсказуемость? Все время говорили о том, что войска в Афганистане будут оставаться. Потом раз, вдруг — бум, войска из Афганистана выводятся. Это что стабильность и предсказуемость? События на Ближнем Востоке — это что, стабильность и предсказуемость? К чему это всё приведёт? Или в Сирии? Что здесь стабильного и предсказуемого?</i>	<i>What kind of stability and predictability could there be if we remember the 2011 events in Libya where the country was essentially taken apart, broken down? What kind of stability and predictability was there? There has been talk of a continued presence of troops in Afghanistan. And then all of a sudden, boom! the troops are being withdrawn from Afghanistan. Is this predictability and stability again? Now the Middle East events. Is this predictability and stability, what all of this will lead to? Or in Syria? What is stable and predictable about this?</i>

Ораторы используют трёхчастные конструкции — синтаксический ряд из трёх (редко — больше) однородных членов предложения или из трёх простых предложений, которые объединены общей темой. При синхронном переводе опытные переводчики в таких случаях часто используют приём компрессии, который позволяет экономить время и переводить лишь один элемент, например:

(35) Оратор: *We spend our time pleasing, satisfying, looking out into the world to define who we are, listening to the messages, the images, the limited definitions that people have of who we are.*

Перевод-1: *мы тратим своё время на то, чтобы понравиться всем чтобы оглядываться смотреть вокруг (самоисправление переводчика — примечание наше. — Е.У.) пытаться понять кто мы в глазах мира. Мы слушаем какие-то ограниченные представления какие-то образы, которые люди проецируют на нас.*

Перевод-2: *мы тратим время на то, чтобы кого-то другого*

удовлетворить пытаться *соответствовать* чьим-то стандартам, *нравится* кому-то, *смотрим* на все эти **примеры изображения** все эти **определения**, которые люди навешивают на женщин.

Перевод-3: *мы тратим время на то, чтобы **радовать** других. Смотрим в мир чтобы понять кто мы такие. Мы рассматриваем различные **ограниченные понятия** о том, что люди думают о нас.*

Перевод-4: *Мы **удовлетворяем** других людей, и мы **стремимся** показать миру то, кем мы не являемся.*

В приведённых выше примерах 34—35 отчётливо прослеживается тенденция к использованию компрессии в переводе: вместо трёх слов в каждой трёхчастной конструкции остаётся одно или два, что облегчает нагрузку на оперативную память в синхронном переводе. С точки зрения передачи смысла — никаких потерь. Лишь в одном переводе (кабина-2) переводчик постарался перевести все три компонента трёхчастной конструкции.

Проанализируем вербальные репрезентации ЯЛ при переводе трёхчастных конструкций, в которых компоненты относятся к одной теме и обладают смежным значением.

Приведён скрипт аудиозаписи оригинального интервью и синхронного перевода (повторы, самоисправления и ошибки синхрониста включены). В рамках платформы Sonix в скриптах возможны пунктуационные пропуски. Знаки препинания (точки и запятыя) обозначают речевую паузу дольше 0,3 с.

Пример анализа синхронного перевода трёхчастных конструкций:

(36) Оригинал: *В. Путин: **Давайте вместе сядем, будем разговаривать, искать решения, искать компромиссы, приемлемые для всех сторон, — вот так достигается стабильность.***

Перевод: *V. Putin: **Let us sit down together, talk, look for compromise solutions that are acceptable for all the parties. That is how stability is achieved.***

Комментарий: Общее значение конструкции «обсуждать».

(37) Оригинал: *M. Obama: **I think that the fact that I've been watching this being streamed all day and the fact that there are men here, women here of all ages, young***

women, maturing women and all walks of life is a move in the right direction, would you not say?

Перевод: М. Обама: *Я думаю, что тот факт, что весь день я наблюдаю за этой конференцией за трансляцией и вижу, что здесь люди всех возрастов молодые женщины и женщины старшего возраста и они представляют самые разные сферы. Это действительно шаг в правильном направлении.*

Комментарий: Общее значение «люди».

(38) Оригинал: *но мы все, когда мы встречаемся, разговариваем, работаем, добиваемся каких-то решений, мы действуем в интересах своих государств, своих народов.*

Перевод: *We all, when we meet, when we get together, when we talk, when we work and strive and achieve some solutions, we all proceed from the interests of our nations and our states.*

Комментарий: Общее значение конструкции: «работаем».

В приведённых примерах допустимо использовать приём компрессии и «сжимать» перевод до одного слова, которое выражает общее значение трёхчастной конструкции. Тем не менее, в случае с переводом «на высшем уровне», где «цена» каждого слова предельно высока, важно максимально точнее перевести высказывание оратора. В связи с этим, в примерах выше мы наблюдаем пословный перевод трёхчастной конструкции. Подтверждение данной точки зрения находим в труде Д.С. Зигмантович, которая полагает, что в случае размеренного темпа речи оратора, переводчик должен передать все оттенки значения, так как оратор в массмедийной среде выступает не только как частное лицо, индивид, но и как представитель своей страны, организации, политической партии и пр., что обуславливает стремление выступать в нескольких ролях одновременно (например, политик и партнёр; коллега и друг и т. д.) (Зигмантович, 2021).

Для целей проведённого анализа интересны также переводы трёхчастных конструкций, в которых компоненты, относящиеся к одной теме, передают разные значения. В таком случае переводчик должен передавать все элементы

конструкции, только если опущение одного или двух из них не влияет на общий смысл и коммуникативный замысел оратора.

(39) Оригинал: *В. Путин: Я очень рассчитываю — есть плюсы, есть минусы, — что не будет таких импульсивных движений со стороны действующего Президента, что мы будем соблюдать определённые правила общения, сможем о чем-то договариваться, находить какие-то точки соприкосновения.*

Перевод: V. Putin: it is my great hope that yes, there are some advantages, some disadvantages, but there will not be any knee-jerk reactions on behalf of the sitting US President, that we will be able to comply with certain rules of engagement, certain rules of communications and will be able to find points of contact and common points.

Комментарий: общее значение конструкции «начать диалог».

Подобные трёхчастные конструкции и верно расставленные логические ударения оказывают значительную поддержку синхронным переводчикам (Каган, Шадрин, 2017), так как позволяют использовать стратегию прогнозирования текста (процесс антиципации). В работе Г.А. Бакулиной, а также в исследованиях А.В. Брушлинского, О.К. Тихомирова, Б. Ф. Ломова, Е.Н. Суркова подчёркивается, что антиципация является компонентом мыслительной деятельности, с её помощью переводчик находит такое отражение действительности, в результате которого в мозгу человека не только фиксируются и соответствующим образом словесно оформляются состояние окружающей среды и значения тех или иных воздействий в момент непосредственного восприятия, но и просматриваются их динамика, тенденции развития, вероятные связи и отношения в предстоящем будущем (Бакулина, 2010).

Вербальные особенности репрезентации ЯЛ с точки зрения синтаксиса позволяют сделать закономерный вывод о том, что сложность и разнообразие логических структур синтаксиса, различные виды сочинительной и подчинительной связи, употребление риторических вопросов и восклицаний, оригинальных метафор, явление интерференции увеличивают нагрузку на оперативную память ЯЛ синхронного переводчика. Помимо этого, ЯЛ не всегда

способна вычленить коммуникативно важный элемент высказывания, в качестве которого может выступать не только субъект, но и его признак, пространственно-временное дополнение. Этот вывод представляется нам значимым для анализа ЯЛ синхронного переводчика в языковой паре «английский язык — русский язык» и «русский язык — английский язык», так как перестановка элементов высказывания в этих языках допускается в разной степени. Отметим также, что ЯЛ свойственны синтаксические искажения, результатом которых становятся переводческие ошибки. Одной из причин их возникновения, на наш взгляд, является непонимание связи между элементами высказываний. Результаты анализа свидетельствуют, что ЯЛ с минимальными смысловыми ошибками реализуют перевод анафорических и трёхчастных конструкций. Использование более упрощённого синтаксиса, ненагруженных предложений, компрессии, а также успешное применение приёма прогнозирования позволяют синхронным переводчикам облегчить психологическую нагрузку и повысить качество перевода.

3.3 Тезаурусный (лингвокогнитивный) уровень репрезентации языковой личности синхронного переводчика

Ранее мы рассмотрели способы реализации ЯЛ с позиций вербально-семантического представления, поэтому на данном этапе исследования мы предполагаем обратить внимание на уровень сформированности речевого мышления и уровень культурно-речевой компетенции на тезаурусном (лингвокогнитивном) уровне ЯЛ СП. Отметим, что в настоящей работе термины тезаурусный уровень и лингвокогнитивный уровень употребляются синонимично в силу сложившейся научной традиции.

Современная научная парадигма предлагает рассматривать языковую личность как комплексный когнитивный феномен. Исследования различных типов ЯЛ имеют высокую актуальность и значительный потенциал при определении сознания человека говорящего, анализе в области современной

лингвоперсонологии поскольку позволяют глубже понять влияние социальных, лингвокультурологических и сугубо лингвистических факторов на формирование и репрезентацию личности, в целом, и профессиональной языковой личности, в частности.

Важность профессиональной жизни человека и происходящих глобализационных процессов сегодня сложно переоценить. Помимо этого, актуальность исследований профессиональной языковой личности связана с возрастающей ролью мотивации и эффективности в профессиональной сфере, с адаптацией профессиональных ролей к условиям трансдисциплинарности профессиональной среды. Подобные исследования в области лингвоперсонологии, по мнению А.Ю. Багияна, «способствуют разработке эффективных методик и стратегий формирования, поддержания и развития профессиональной идентичности как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях» (Багиян, 2024, с. 5), что способствует успешной реализации и функционированию организаций и специалистов.

Профессиональная ЯЛ является базисом при оценке ЯЛ в целом и определяет знания, представления, мотивы, ценности, отношение к профессии.

Методологическую основу нашего исследования составляет анализ коммуникативного события (лингвистическая интерпретация) через призму теории лингвистической функциональности объекта в КСП, далее — через анализ когниции субъекта. «Понимание субъекта как активного, изменчивого, погруженного во множественные коммуникации, постоянно выходящего «за пределы» своего индивидуального «Я», диктует необходимость рассмотрения динамических процессов в содержании и проявлениях» ЯЛ (Белинская, 2006, с. 12), основ её репрезентации и закономерностей её функционирования в реальных ситуациях общения. Исследование сущностных характеристик языковой личности для глубокого понимания рассматриваемого феномена необходимо проводить с позиции трансдисциплинарного подхода. Важность изучения ЯЛ именно в таком ракурсе исходит, прежде всего, из трихотомии «человек — язык — культура», одноимённые части которой представляют

социокультурный, лингвокогнитивный комплекс, формирующий ЯЛ с учётом «гендерных, ментально-психологических, профессиональных языковых особенностей» (Мыскин, 2013, с. 151). Из этого следует, что языковая личность является центральным понятием в определении диалектики культуры и языка.

Репрезентация тезаурусного уровня ЯЛ зависит от системы знаний и представлений, входящих в коллективное когнитивное пространство, культурно обусловленных и индивидуально опосредованных (Калашникова, 2011; Красных, 1997; Гудков, 2003; Шестак, 2003). Так, в структуру ЯЛ входят «языкотворческие и культуротворческие способности» (Зыкова, 2017, с. 218), менталитет, национально-ценностные представления и социокультурные ориентации на различные события и явления.

Языковая личность синхронного переводчика, профессионально владеющая несколькими языками и несколькими картинами мира, подлежит постоянной трансформации (в первую очередь с точки зрения накопления коммуникативного и социального опыта), зачастую даже в пределах одной ситуации перевода. Получая новый коммуникативный опыт, сталкиваясь с новыми объектами понимания контекста культуры, с нарушениями регламентированной нормативности, синхронный переводчик обращается к герменевтике развития, вследствие чего сопоставляет и, при необходимости, регулирует собственные уровни языковой репрезентации.

В современной лингвистике структура понятия «тезаурусный уровень» строго не обозначена и рассматривается с разных сторон. С позиции коммуникативной стилистики тезаурусный уровень определяет систему знаний говорящего об объектах действительности. С точки зрения когнитивистики, Ю.Н. Караулов к данному уровню относит «обобщённые (теоретические или обыденно-житейские) понятия, крупные концепты, идеи» (Караулов, 1987, с. 52). С позиции философии принято оценивать рассматриваемый уровень как реализацию интеллектуальных способностей говорящего. Интересным предстаёт также когнитивно-дискурсивный подход, согласно которому тезаурусный уровень ЯЛ может рассматриваться как одно из проявлений когнитивного стиля

(деятельности) ЯЛ (Болотнов, 2013).

По мнению Л.Ю. Буяновой, языковая личность — обобщённый символ / образ носителя и проводника культурных, языковых, коммуникативно-деятельностных поведенческих реакций, апперцепционных сегментов, ценностей, знаний, установок, традиций и возможностей (Буянова, 2002). Наибольшей релевантностью с точки зрения репрезентации тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня обладают лексические языковые средства в качестве когнитивно-семиотических операторов ЯЛ как супертекста (Буянова, 2012). Это связано, в первую очередь, с тем, что именно с лексическими элементами связана маркировка, дескрипция, экспликация и номинация эмоциональных состояний и объектов окружающей действительности.

Содержание единиц тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня ЯЛ СП можно разделить по следующим уровням:

1. Уровень вербального представления:

— инварианты перевода лексических элементов описания эмоциональных состояний и объектов;

— инварианты перевода топонимов;

— инварианты перевода прецедентной лексики, включая способы перевода лакун как отражение переводческой компетенции (знание приёмов перевода);

— инварианты перевода цитат и афоризмов как переводческого творчества, как отражение общего и конкретного знания у переводчика;

— инварианты перевода метафоры как средство творческой концептуализации мира говорящего переводчика;

2. Уровень представления концептосферы:

— инварианты перевода ключевых концептов, отражающие совокупность знаний говорящего о предмете в КСП;

3. Уровень экстралингвистического представления:

— приёмы перевода в различных коммуникативных сценариях (перевод оговорок / юмора / ссор / и т. д.).

Интересной представляется идея Ю.С. Фоминой о связи тезаурусного

уровня «со способом закрепления знаний о мире и переходом от языковых знаний к неязыковым в сознании говорящих» (Фомина, 2011, с. 14). Данная идея позволяет нам судить о широте и устойчивости представления тезаурусного уровня ЯЛ синхронного переводчика. Так как отношения между единицами тезаурусного и вербально-семантического уровня носят «подчинительно-координативный план» (Караулов, 2010, с. 52), то широта вербально-семантического уровня прямо пропорциональна наполненности тезаурусного уровня. Соответственно, новые языковые знания о мире пополняют сознание говорящего, дополняя существующие идеи и понятия, и, формируя новые. ЯЛ СП, таким образом, проявляет индивидуальность при реализации приёмов перевода.

Глубинный уровень понимания переводчика означает интерпретацию текстовых импликаций, эмоциональной восприимчивости и художественного чутья. Следовательно, глубина понимания является переменной величиной и индивидуальна как для переводчика, так и для реципиента (Оленев, Кушнина, Пермякова, 2024, с. 139). «Поскольку конкретно-контекстуальный смысл высказывания и всего текста во многом зависит от индивидуальных знаний, эмоций, ассоциаций коммуникантов, он неодинаков для каждого из них» (Комиссаров, 1988, с. 46).

Анализ речемыслительной деятельности переводчика на тезаурусном уровне необходимо исследовать с учётом когнитивного стиля переводчика, способов достижения экологического равновесия между оригиналом и переводом. Вслед за Ю.Н. Карауловым, полагаем, что «в качестве единиц (тезаурусного уровня) следует рассматривать обобщённые понятия, крупные концепты, идеи, выразителями которых оказываются те же как будто слова нулевого уровня, но облечённые дескрипторным статусом» (Караулов, 2010, с. 52). Одной из единиц актуализации данного уровня, является концепт. В сознании синхронного переводчика концепт репрезентируется с точки зрения различных уровней языка: лексического, синтаксического, грамматического. Понятие «концепт» отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, а также результатов всей человеческой

деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» (Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 90). Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным полагаем, что концепт представляет собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и обладает комплексной, энциклопедической информацией об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и об отношении общественного сознания к данному явлению или предмету (Попова, Стернин, 2007). Соответственно, вербализация тезаурусного уровня ЯЛ СП подразумевает перевод доминантных концептов, что на «языковом уровне выглядит как подбор способов объективации (вербализации) и семантизации возникающего культуронима» (Колмогорова, Маликова, 2017, с. 25).

Для цели нашего исследования мы предлагаем определение тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня ЯЛ СП, отражающее суть анализируемого объекта. Под тезаурусным уровнем ЯЛ СП мы понимаем уровень репрезентации когниции СП, включающий семантикон, стратегии перевода, творческие и индивидуальные переводческие решения, трансляции основных концептов коммуникативной ситуации перевода, которые отражают национально-культурные традиции переводчика, масштаб и характер знаний о мире. Тезаурусный (лингвокогнитивный) уровень ЯЛ определяется социальным опытом и спектром связей с внеязыковой действительностью. Соответственно, данный уровень опирается на совокупность текстов ЯЛ и отражение в них чувственного, логического, рационального, эмоционального, языкового и неязыкового опыта индивида. Исходя из предложенного определения, мы предлагаем следующие этапы анализа тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня ЯЛ СП:

1) определение доминирующих концептов и связанных с ними семантическими зонами в представленных переводах на основе дискурс-анализа и лингвофункционального анализа КСП;

2) анализ переводческих решений, соотношения адекватного перевода коммуникативных ситуации (иронии / оговорки / поздравления / спора / и т. д.) и прецедентной лексики как отражение масштаба и характера интертекстуального

тезауруса, знания и понимания сценарных ситуаций ЯЛ СП;

3) анализ индивидуальных переводческих приёмов при синхронном переводе прецедентной лексики, лакун, отражающих индивидуальное переводческое творчество как проявление когнитивного стиля ЯЛ СП и широты представления тезаурусного уровня (Терентьева, 2022).

В целом под методологией лингвистического исследования принято понимать «основные приёмы и способы познания языковой действительности» (Гудкова, Яницкий, 2020, с. 212). При оценке когнитивного опыта типизируемой языковой личности синхронного переводчика с позиции лингвофункционального подхода мы считаем возможным применение комплекса операций для достижения общей цели лингвистического исследования и частных задач при анализе приёмов перевода объектов и состояний, относящихся к англоязычной и / или русскоязычной картинах мира, в языковой паре английский—русский язык.

Рассмотрим примеры реализации тезаурусного уровня в синхронных переводах телевизионного интервью. В качестве иллюстрации предложенной методологии приведём анализ интервью канадской писательницы Маргарет Этвуд.

Большая часть интервью (оригинальное видео) посвящена теме становления героини как всемирно известного писателя. Телеведущий последовательно обсуждает ряд вопросов, связанных с профессией писателя, различными литературными жанрами, что позволяет нам выделить концепты ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ, ПРОФЕССИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ, которые являются доминантными в рассматриваемом дискурсе. Данные концепты были определены нами на основании денотативного и коннотативного содержания, которые обладают либо прямым, либо косвенным гиперогипонимическим отношением к рассматриваемым лексическим единицам.

Единицы выражения тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня представляют собой «центры субъективных конденсатов смысла, указывающих на соответствующие узлы в тезаурусе, которые могут быть выражены концептуальными категориями, семантическими и тематическими зонами, так же,

как и многими грамматическими явлениями» (Караулов, 2010, с. 96). В нашем исследовании единицы выражения тезауруса представлены понятиями разного уровня: а) семантическими зонами (литература, атрибутивы при описании профессиональной деятельности, метафоричные высказывания, образование); б) текстовыми преобразованиями синхронистов при переводе оценочных суждений о концептах; в) особенностями перевода прецедентной лексики.

Рассмотрим подробнее способы синхронного перевода репрезентант данного уровня. Обращаем внимание, что орфография и пунктуация в синхронных переводах сохранены с учётом звучащей речи (таблица 5).

Таблица 5 — Сравнительная таблица вариантов перевода единиц выражения тезаурусного уровня языковой личности синхронного переводчика

Семантические зоны	Оригинал	Варианты перевода	
		Кабина № 3	Кабина № 4
1	2	3	4
Концепт ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ			
Литература	poetry, short stories, children's fiction and <...> novels	новеллы, книги для взрослых, для детей и <...> романов	поэзией, книгами для детей, и для подростков
	speculative fiction; science fiction	научная фантастика и другие жанры	писательством, которое основано на предположениях и писательством, которое является основой художественной литературы
	manuscript	<i>Нет реализации</i>	<i>Нет реализации</i>
	the book	<i>Нет реализации</i>	<i>Нет реализации</i>
	the Handmaid's Tale	История служанки	<i>Нет реализации</i>
	the Blind Assassin	<i>Нет реализации</i>	<i>Нет реализации</i>
	the Booker Prize; the Future Library project	Будущий проект для библиотек (<i>описательный перевод</i>)	<i>Нет реализации</i>

Окончание табл. 5

1	2	3	4
Концепт ПРОФЕССИЯ			
Атрибутивы при описании профессиональной деятельности	influential writers	Важный писатель	Важная и знаменитая писательница;
	become a professional writer	решились быть профессиональным писателем	<i>Нет реализации</i>
	And your brothers were were scientists	И ваши родители и ваш брат они все	Ваш отец ваш двоюродный брат тоже занимается наукой

		были все были учёными	
	They wanted me to be a scientist	И ваши родители и ваш брат они все были все были учёными	Мои родители хотели, чтобы я стал учёным
Аттрибутивы при описании профессиональной деятельности	a nutritionist an entomologist	учёный	мама занимается биологией
	I didnt know what it would involve	я не совсем понимала какие какие будут последствия	Не знала, что стоит за карьерой писателя
Метафоричные высказывания	life as a writer	Жизнь как писатель	<i>Нет реализации</i>
Концепт ОБРАЗОВАНИЕ			
Образование	but I was in high school and and I just didn't really know what it would involve.	я действительно училась в старших классах, и я не совсем понимала какие какие будут последствия	Я училась в школе в старшей школе, и я ещё не знала, что стоит за карьерой писателя.
	college	<i>Нет реализации</i>	<i>Нет реализации</i>

Полученные данные являются результатом анализа переводов, которые наглядно отражают существенное различие широты представления тезаурусного уровня ЯЛ СП в анализируемых синхронных переводах, в отдельных значимых полях реализация частично или полностью отсутствует. Так, ряд однородных гипонимов в переводе кабины № 4 существенно сокращен (*Ср.: ...poetry, short stories, children's fiction and (...) novels и ...поэзией, книгами для детей, и для подростков — перевод кабина № 4*). Названия литературных произведений и авторитетных литературных институтов, упоминаемых ведущим интервью, полностью отсутствуют в переводе кабины № 4, что даёт основания считать причиной опущения перевода отсутствие личного опыта знакомства переводчика с произведениями данного автора и частично с современной мировой литературой.

Таким образом, «экологическое равновесие» (Кушникова, Фоменко, 2024) в переводе обладает субъектно-ориентированным характером. Активизация тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня ЯЛ СП можно оценить по широте познавательного и коммуникационного опыта человека (Пшенкина, 2005).

представления тематических зон в дискурсе интервью. Под тематическими зонами, вслед за А.В. Болотновым, мы понимаем «информационные поводы (ситуации, факты, события, о которых повествуется с разных сторон)» (Болотнов, 2013, с. 12). Варианты перевода прецедентной лексики характеризуют ЯЛ СП как личность, обладающую значительными специальными знаниями и фоновыми знаниями о современной зарубежной литературе.

Синхронный перевод кабины № 3 представляет собой адекватное количественное соотношение реализации концепта «ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ», так как в большинстве случаев сохраняется семантическое разнообразие представления рассматриваемого концепта за счёт эквивалентной передачи номинации жанров в переводе и использования стратегии «генерализация смысла» для обеспечения адекватности (*Ср.: The difference between speculative fiction and science fiction... — Разница между научной фантастикой и между другими жанрами... — перевод кабина № 3 — примечание наше. — Е.У.*). Вероятнее всего, что переводчик в момент перевода был не знаком с понятием *speculative fiction* (спекулятивная фантастика — перевод <https://www.multitran.com/m.exe?s=speculative+fiction&l1=1&l2=2> (дата обращения: 15.07.2024)). Термин употребляется с начала 1960-х гг. для обозначения научно-фантастических произведений с психологической, культурологической и философской экстраполяцией), что послужило основанием для использования синхронистом стратегии генерализации для достижения адекватности перевода. В отношении представления в переводе косвенных единиц, выражающих концепт ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ, можно констатировать отсутствие предметного знания (фоновых знаний) о биографии и творчестве современного канадского писателя, но попытку синхронного переводчика № 3 представить адекватный синхронный перевод, предложив вариант «*Будущий проект для библиотек*», как описательный, предельно обобщённый перевод, который, тем не менее, не отражает полноценную передачу смысла содержания оригинала.

Например, *the Booker Prize* (Буккеровская премия — *перевод наш. — Е.У.*) и

The Future Library project (Библиотека будущего — перевод наш. — Е.У.) (общественный арт-проект шотландской художницы Кэти Патерсон, стартовавший в 2014 г. и рассчитанный на 100 лет. Каждый год в течение века один из крупных современных писателей передаёт проекту свой новый роман. Собранные таким образом произведения будут опубликованы в 2114 г. — примечание источника: <https://www.futurelibrary.no/>). Реализация перевода обозначенного концепта обоими переводчиками может быть в полной мере достигнута в процессе продолжения синхронного перевода. Исходя из опыта нашего наблюдения в данном исследовании, синхронные переводчики могут использовать стратегию добавления, конкретизацию значения по мере развития КСП. Подобная практика не является редкой и свидетельствует о достаточной мотивации синхрониста осуществить максимально полный и адекватный перевод, без сохранения формы оригинала. К примеру, перевод прецедентной лексики, как правило, представляет особую сложность для синхронного переводчика.

В данных сравнительной таблицы № 5 представлены попытки реализации стратегии описательного перевода прецедентной лексики, в список которой вошли лакуны (наименования пищевых продуктов), метафоричные наименования: *silent generation* (молчаливое поколение — перевод наш. — Е.У.), *Klim* (торговая марка, производящая сухое молоко — примечание наше. — Е.У.), SPAM (SPAM — торговая марка консервированного мяса). Аббревиатура происходит от англ. *Shoulder of Pork and hAM* — «свиная лопатка и ветчина», а по другим данным, от англ. *SPiced hAM* — «ветчина со специями». Компания заявляет, что «точную расшифровку знает только узкий круг бывших директоров» (примечание наше. — Е.У.). Стоит упомянуть, что данные лакуны являются малораспространёнными и известны, в основном, жителям Северной Америки, родившимся в середине XX в. Тем не менее, оба переводчика предприняли попытку осуществить описательный перевод, что дало определённое смысловое понимание аудитории.

Сравним: *Silent generation* (перевод-3: молчаливое поколение; перевод-4: так называемое тихое поколение).

Переводческое добавление «так называемое» является существенным комментарием со стороны переводчика, что отсылает к сугубо авторскому пониманию словосочетания «молчаливое поколение», перевод которого не является строго зафиксированным.

О переводческом творчестве ЯЛ СП можно судить при оценке попытки описательного перевода лакуны *klim (...) it's milk spelled backwards: околom — это «молоко наоборот», и мы смешивали это молоко с чем-то и ели* (перевод-4). В данном варианте переводчик попытался быстро предложить вариант компенсаторного каламбура для замены равноценно не переводимого элемента оригинала, который был бы способен передать смысловое значение и оказать аналогичное воздействие на аудиторию.

Изучение когнитивного стиля ЯЛ СП, выраженного в переводе определённой коммуникативной ситуацией, позволяет судить о палитре коммуникативных сценариев и жанрово-стилистических особенностях их перевода. Параметры когнитивного стиля ЯЛ СП отражают «интеллектуальные характеристики личности, выполняющей перевод, и, таким образом, определяют степень влияния личностного фактора на структуру создаваемого ею текста, т. е. параметры языковой личности переводчика» (Teaching Reasoning ... , 2021). Исходя из результатов исследования, можно определить некоторые пробелы в понимании и прогнозировании ЯЛ СП возможных коммуникативных сценариев и сложности в реализации перевода с позиции жанрово-стилистических особенностей. В анализируемых интервью оба переводчика затруднились перевести иронию М. Этвуд в ситуации, когда ведущий допустил фактическую ошибку о количестве родных братьев писательницы.

(40) Оригинал: Оратор-2: *And your brothers were were scientists.*

Оратор-1: *There's only one of them. But he would be pleased to be plural.*

Оратор-2: *Pardon me for that.*

Перевод-3: *и ваши родители и ваш брат они все были все были учёными.*

Перевод-4: *ваш отец ваш двоюродный брат тоже занимается наукой.*

Перевод: *и ваши братья были учёными (перевод наш. — Е.У.).*

Оратор-1: *у меня только один брат, но он был бы рад, если бы их было несколько.*

Оратор-2: *Прошу прощения (перевод наш. — Е.У.).*

Так же синхронисты оказались не готовы к изменению коммуникативного сценария телеинтервью, в результате чего перевод иронии не состоялся (перевод № 4), либо коммуникативный эффект от перевода не был реализован в полном объёме (перевод № 3).

(41) Оригинал: *I didn't have any role models available to me in that place at that time in the middle of the of the fifties and in Canada...*

Оратор-2: *In the wilderness, in Canada...*

Оратор-2: *Well, I wasn't in the wilderness when I was 16, I was in high school, which some people think of that as the wilderness.*

Перевод-3: *И в 50 х годах в Канаде я не понимала, чем мне это грозит.*

Оратор-2: *в дикой Канаде...*

Оратор 1: *ну, я не могу сказать, что это была дикая Канада, потому что я была всё-таки в школе. Может быть некоторые считают, что это дикая Канада, но я действительно училась в старших классах и я не совсем понимала какие... какие будут последствия.*

Перевод-4: *в то время в середине 50-х годов в Канаде у меня не было примеров для подражания... Не было людей, за которыми я могла бы следовать. Я жила в глуши в Канаде. Можно так выразиться. Я училась в школе в старшей школе.*

Подобная вариация КСП и появление нестандартного сценария в телевизионном интервью не рассматриваются нами как индивидуальная некомпетентность СП, но как вариант усложнения, присущего любому коммуникативному взаимодействию, к которому профессиональный синхронный переводчик должен быть готов.

Справедливой представляется возможность рассмотрения когнитивного стиля применительно к исследованию феномена языковой личности синхронного переводчика. Так, с позиции лингвоперсонологии, когнитивный стиль

синхрониста отражает особенности индивидуальной интерпретации в процессе отражения явлений действительности и о субъективном характере представления фоновых знаний, личностных оценках, социальном и языковом опыте.

М.А. Холодная полагает, что реализация когнитивного стиля характеризует наличие индивидуальных способов восприятия, оценки и интерпретации сообщения (Холодная, 2004).

Когнитивный стиль ЯЛ СП, таким образом, является составной частью ментального пространства и отражает репрезентативно-когнитивную структуру всех интеллектуальных способностей личности.

В рассматриваемом примере № 41 когнитивный стиль переводчика определён целевой установкой: осуществление синхронного перевода при соблюдении особенностей жанра интервью, не предусматривающего в большинстве случаев иронии к словам ведущего программы и извинений.

О широте и глубине фоновых знаний о североамериканском континенте можно судить при переводе прецедентной лексики (*The Institute of Arts and Humanities Medal for Distinguished Achievement, hell raisers, Penn State, Clemens*), топонимов (*Greenwich Village, Quebec, Canada, Toronto*) и имён собственных, представителей зарубежной литературы (*Mavis Gallant, Samuel Beckett*). Так, например, район Нью-Йорка Гринвич Виллидж (англ. Greenwich Village), являющийся центром проживания известных писателей, журналистов, литературных критиков, художников и т. д., оказался незнаком обоим переводчикам. Перевод данного топонима является существенным, так как говорящий использует географическое наименование Greenwich Village как олицетворение культурного и эстетического пространства.

(42) Оригинал: *So, we essentially were inventing things from the ground out because there wasn't a scene in Toronto at that time, a kind of visible artistic thing that you could be part of. There wasn't a Greenwich Village type of thing —*

Перевод: *так что мы, по сути, придумывали все с нуля, потому что в Торонто в то время не было сцены, не было какого-то заметного художественного события, частью которого можно было бы стать. Не было*

ничего похожего на Гринвич-Виллидж.

Отсутствие варианта адекватного перевода имени собственного канадской писательницы Mavis Gallant (рус. Мейвис Галлант) также свидетельствует о недостатке специального знания в области зарубежной литературы, однако, в данном контексте переводчик преодолел данную трудность, применив контекстуальную замену «другой известный человек». Принимая во внимание целевую аудиторию перевода, можно предположить, что данный вариант перевода может быть признан допустимым, так как русскоязычному среднестатистическому слушателю может быть также незнакомо имя канадской писательницы середины XX в.

По результатам анализа фрагментов тезауруса ЯЛ СП в ситуации перевода удалось определить сильные и слабые стороны представления знаний в определённой области, исходя из способов перевода ключевых концептов, прецедентных феноменов, персоналий, актуализированных в дискурсе структурам. Средства языковой репрезентации тезаурусного уровня ЯЛ СП, относящиеся к определённой области (прежде всего к массмедийному дискурсу), позволяют судить о характере тезауруса ЯЛ СП. В дискурсе ЯЛ СП в достаточной степени представлен семантический ряд по теме «литература», цитаты в рассматриваемом интервью, содержание обоих переводов в полной мере передаёт смысл оригинала, что даёт разумные основания считать, что ЯЛ СП актуализирует прецедентные феномены логично и в соответствии с оригинальным замыслом говорящего (ср.: *the wilderness in Quebec* — крошечная деревня недалеко от Квебека — примечание перевод кабинета № 4). Эмоционально-оценочный слой в индивидуальном осмыслении и переводе выражен достаточно широко, с использованием метафор (например, *тепличные условия*), различного рода лексических интенсификаторов (*просто, самый, только, уже* и т. д.), хотя и с некоторыми грамматическими нарушениями (например, *намного более*). Содержание тезаурусного уровня ЯЛ СП определяется глубиной фоновых знаний, психологическими особенностями переводчика, его опытом обыденного межличностного взаимодействия и профессиональным опытом. Особый статус

профессии «переводчик» (как устный, так и письменный) накладывает строгое требование постоянного активного роста личностных и профессиональных качеств в различных областях знания.

Таким образом, тезаурусный (лингвокогнитивный) уровень синхронных переводчиков представляет собой непостоянную величину, которая расширяется и усложняется по мере накопления языкового и неязыкового опыта. Эмоционально-психологическое состояние синхронистов в условиях проведения эксперимента может отличаться от реальной профессиональной ситуации синхронного перевода. Тем не менее, синхронные переводчики, выполнившие задания профессионального конкурса CosinesPi, продемонстрировали значительную активность фоновых, языковых и неязыковых знаний, извлечённых из текстов в широком смысле, а также уверенный внеязыковой, социальный и профессиональный опыт.

3.4 Прагматический (мотивационный) уровень отражения языковой личности синхронного переводчика

Современные исследования ЯЛ открывают интересные перспективы изучения структурных уровней представления ЯЛ синхронного переводчика. Растущее количество работ современного языкознания, посвящены теоретическому рассмотрению и анализу единиц прагматического (мотивационного) уровня (Н.А. Бурмакина; Е.Н. Иванова; Т.А. Литвина; Г.Г. Матвеева; А.А. Калашникова; А.А. Калашникова, И.А. Калашников; И.И. Чумак-Жунь, Л.В. Проскурина; Н.А. Сысоева; М.К. Тимофеева; А.Е. Чередниченко; Jr. Gibbs, H. Colston и др.), что свидетельствует об актуальности, многосторонности и сложности рассматриваемого вопроса.

В современной лингвистике определилась тенденция к системному описанию объекта исследования. Исследование процесса коммуникации невозможно без анализа прагматики, поскольку сообщение всегда воспринимается и интерпретируется человеком (Баженова, 2003). По мнению

А.В. Зиньковской, прагматический подход предполагает опору на значимый компонент языковых единиц, неразрывно «связанный с индивидом, который делает свой выбор с учётом ситуации общения, а также социальных признаков адресата» (Зиньковская, 2019, с. 115). Исходя, в первую очередь, из определения прагматики как «науки, изучающей язык в его отношении к тем, кто его использует» (Столнейкер, 1985, с. 420), мы ставили своей целью определить круг единиц прагматического уровня в структуре ЯЛ синхронного переводчика на основе интерпретационного анализа видеозаписей синхронных переводов.

Важнейший этап изучения ЯЛ синхронного переводчика — детерминация специфики прагматического уровня, реализуемого в ситуации перевода. Единицами мотивационного уровня, по словам Ю.Н. Караулова, выступают деятельностно-коммуникативные потребности личности: контактно-устанавливающая, информационная и воздействующая (Караулов, 2010, с. 215). В данной работе мы употребляем термин «мотивационный уровень» тождественно «прагматическому уровню» репрезентации языковой личности, т. е. исследование мотивов, целей, интенций синхронного переводчика. В самом широком смысле при анализе прагматического (мотивационного) уровня мы определили следующие единицы уровня, которые склонны анализировать с позиции коммуникативно-функционального подхода:

- прецедентные феномены;
- индивидуальные переводческие добавления;
- оценочность;
- лингвокреативность;
- прагматикон ЯЛ (коммуникативные знания, умения, владение коммуникативными нормами, стратегиями и тактиками вместе со способностью к их оптимальной речевой реализации, т. е. самопрезентация).

Одной из единиц исследуемого уровня являются прецедентные тексты в речи ЯЛ. В соответствии со своей теорией прецедентности, Ю.Н. Караулов определил прецедентные тексты как характерные единицы прагматического

уровня ввиду их значимости для личности «в познавательном и эмоциональном отношениях (Караулов, 2010, с. 216). К таким текстам Ю.Н. Караулов относил в прецедентности «готовые, интеллектуально-эмоциональные блоки, значимые в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе языковой личности» (Караулов, 2010, с. 260). Из трёх способов существования и обращения прецедентных текстов, выделяемых Ю.Н. Карауловым, натуральный, вторичный и семиотический, в рамках анализа мотивационного уровня ЯЛ, нас интересует последний, как обладающий лингвосемиотической природой. Семиотический способ существования прецедентного текста означает, что сам по себе текст или его фрагмент выступают как самостоятельная единица обозначения. В нашем случае интерес к семиотической стороне прецедентного текста обусловлен исследованием перевода значимого в познавательном и эмоциональном отношении текста, выполненного ЯЛ синхронного переводчика.

Справедливо мнение Г.Г. Слышкина, что термин «прецедентный» характерен, во-первых, для текстов, прецедентных для узкого круга людей (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и т. п.), а во-вторых, существуют тексты, которые становятся прецедентными на относительно короткий срок (Слышкин, 2000, с. 29). Г.Г. Слышкин констатирует, что в период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а реминисценции, основанные на них, часто используются в дискурсе этого временного промежутка (Слышкин, 2000, с. 29).

При изучении прагматического уровня ЯЛ синхронного переводчика мы ставили своей целью анализ используемых ЯЛ прецедентных текстов и вариантов их перевода. На наш взгляд, очень важным представляется этап распознавания и перевода прецедентного текста переводчиком, так как подобные наблюдения позволяют проследить актуальное интеллектуально-лингвистическое поле ЯЛ. Очевидно, что прецедентные тексты и/или высказывания не всегда приводятся в

своём полном виде (например, анекдот, пословица, басня и т. д.). При восприятии прецедентного текста на слух сложность заключается, во-первых, в регулярной актуализации смыслов, т. е. перекодировании «кода культуры» (термин Н.А. Кузьминой), а, следовательно, и декодировании услышанной информации, которая может быть неизвестна переводчику или обладать различными смыслами применительно к ситуации перевода (Сибиданов, 2016). Прецедентный текст в одной и той же культуре ЯИ является отсылкой, хорошо известной аудитории. При этом в качестве прецедентного текста может выступать как отдельный текст, так и его фрагменты, вербальные и невербальные знаки (Слышкин, 2000).

Вторая сложность заключается в способности адекватно перевести (ввести) указанный прецедентный текст на ЯП. Неточно переданные прецедентные феномены способны ввести в заблуждение аудиторию, могут не передать всю экспрессивность, языковую игру, личный стиль представителя той или иной культуры (Патракеева Е.Б., Патракеева О.А., 2017). Всё это требует безукоризненного владения родным и иностранным языком, навыками синхронного перевода, предварительным анализом языковой личности ораторов, готовности на подсознательном уровне интерпретировать отсылки ораторов к прецедентным текстам.

Теоретическое обоснование, предложенное И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудковым, и Д.В. Багаевой, предлагает изучать прецедентные феномены как часть теории прецедентности (Прохоров, 2004). Традиционно среди прецедентных феноменов выделяют: прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание, прецедентное имя. Каждый представитель той или иной культуры регулярно сталкивается с прецедентными текстами в повседневной жизни. Обращение к прецедентному тексту может неоднократно происходить в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, политические публицистические тексты и т. д. В рамках нашего исследования, полагаем, что к числу прецедентных текстов также можно отнести

и способность воспринимать и функционально-стилистически передавать образы ораторов, которые входят в культурные образы, однако менее зависимы от конкретной коммуникативной ситуации (например, образ известного телеведущего). При этом для синхронного переводчика релевантным представляется умение адекватно интерпретировать прецедентные тексты, сохраняя индивидуальный стиль повествования оратора, который, необходимо переводить, принимая во внимание картину мира говорящего на ЯИ.

Раскроем значение анализируемых прецедентных феноменов. Прецедентное высказывание — репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание, как таковое; часто происходит отсылка на прецедентное высказывание в речи. К числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера, известные высказывания других людей, пословицы, поговорки (Прохоров, 2004).

Прецедентное имя — имя собственное, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Чацкий), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода знак, при употреблении которого в коммуникации происходит ссыла не на собственно денотат, а на набор дифференциальных признаков данного прецедентного имени (Некоторые особенности ... , 1997).

Прецедентная ситуация представляет собой некую «эталонную», «шаблонную», стандартную ситуацию, наделённую определёнными коннотациями, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу представителей коммуникативного сообщества (Прохоров, 2004). Подобные ситуации могут встречаться в рамках ситуации синхронного перевода. Так, на полях Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) в 2017 г. участники форума приветствовали Президента Российской Федерации стоя. Войдя в зал, президент обратился к гостям строевой командой «вольно!» (*интернет-источник*). Синхронные переводчики, работающие на ПМЭФ, не были

готовы «сходу» перевести строевую команду в рамках бизнес-форума, поэтому перевод услышанной команды был вольным — *welcome*. В незапланированной прецедентной ситуации не каждый профессиональный переводчик сможет за долю секунды подобрать адекватный перевод армейской строевой команды (корр. перевод: *at ease*). Важно отметить, что внутри между прецедентными феноменами не существует жёстких рамок. Прецедентное высказывание / имя, «вышедшее» из своего прецедентного текста, может стать независимым и само перейти в разряд прецедентных текстов, актуализируя новые или дополнительные смыслы.

При выборе материала анализа мы ориентировались на коммуникативно-функциональный и лингвопрагматический подход, последний — предполагает анализ общего контекста выступления и языковых проявлений посредством соотнесения контекста сообщения с интенцией адресанта, ожиданиями адресата и ситуацией перевода в целом (экстралингвистический фон). Рассмотрим способы перевода прецедентных феноменов, наблюдаемых нами в ситуации синхронного перевода. Использование оратором цитирования / прямой речи, вводящей прецедентный текст, отождествлено с обязательной эмоциональной нагруженностью, а, следовательно, связано с дополнительной экспрессивной нагрузкой.

(43) Оригинал: *Я думаю, что ЦРУ говорило, наверное, Президенту Соединённых Штатов: «Ничего они не сделают». А Пентагон говорил: «А мы сделаем — сделаем мощную современную систему противоракетной обороны глобального характера».*

Перевод: *I think the CIA **must have told** the US President that **we would not do anything in response. While the Pentagon said something like: “And we will develop a powerful **cutting-edge** global anti-missile system”.***

(44) Оригинал: *Я своему коллеге тогда сказал: «Представь себе, **что будет, если Россия и США объединят** свои усилия в таком **важнейшем** деле, как стратегическая безопасность. Мир **изменится** на долгую историческую перспективу, и уровень мировой безопасности поднимется **на небывалую высоту**». Нам сказали: «Это очень интересно». Но в конце концов отказались от всех наших предложений. Тогда я сказал: «Вы понимаете, мы будем*

вынуждены развивать ударные системы вооружений с тем, чтобы сохранить баланс, **чтобы преодолевать** ваши системы ПРО?». И услышали в ответ, нам сказали: «**Мы делаем систему ПРО не против вас, а вы делайте, что хотите**». Будем исходить из того, что и **наши действия не против США**.

Перевод: *I told my colleague then, “Imagine **what would happen** if Russia and the US **joined** forces in the **crucial** area of strategic security. The world **would change** for a long period to come, and the level of global security would rise **to an all-time high**”. The reply was, “This is very interesting”. But they ultimately rejected all our proposals. Then I said, “You understand that we will have to improve our offensive arms systems to maintain a balance and **to have the ability to overcome** your BMD systems?”. They replied that **they were not developing the BMD systems to counter us, that we were free to do as we pleased, and that they would not view our actions as spearheaded against the US**.*

В примерах № 43, 44 выше примерах в фокусе нашего внимания находятся прямая и косвенная речь оратора. Примечательно, что переводчик в большинстве выявленных нами примеров не переводит прямую речь в грамматическую категорию косвенной речи. Наоборот, он оставляет прямую речь в ЯП в качестве открытого диалога с аудиторией. Коммуникативная цель данного решения — простимулировать интерес аудитории к диалогичной речи, установление открытого контакта «говорящий—слушающий». Подобные примеры цитирования прямой речи помогают оказать значительное влияние на аудиторию, последовательно и просто передать смысл сложной геополитической конъюнктуры, задать нужный, где-то упрощённый, стиль повествования и эмоциональный фон. Считаем, что прагматический уровень ЯЛ переводчика определяется ярко выраженным мотивом осуществить перевод, усилив эмоциональную передачу речи оратора посредством: добавления контраста (*А Пентагон говорил — While the Pentagon said something like*). Прагматическое значение употребления сослагательного наклонения снижает категоричность утверждения и деликатно выражает совет, пожелание (*what would happen; would change; would rise*); адаптации перевода на уровне высказывания/ситуации/цели

коммуникации, например, усиление лексического значения всего высказывания на ЯИ за счёт употребления эмоционально маркированных лексических единиц: (*современный* — *cutting-edge*; *важнейший* — *crucial*; *небывалая высота* — *an all-time high*).

Вторым аспектом анализа прагматического уровня ЯЛ являются переводческие добавления. В некоторых случаях переводчик, применяя переводческие трансформации, в частности приём смыслового развития рискует неточной передачей значения. Переводческие добавления в данном случае можно трактовать с позиции интенции ЯЛ. Поскольку вносимые изменения в текст перевода не обусловлены передачей авторского смысла, заключённого в оригинале, то, соответственно, можно говорить о своеобразном соавторстве переводчика, которое определяется самой ситуацией перевода, её контекстом. В подтверждение данной мысли находим слова А.Д. Швейцера о том, что «интенция переводчика как бы наслаивается на авторскую. В данном случае речь может идти об адаптации авторского намерения к коммуникативным условиям языка перевода <...> при этом остаётся стремление переводчика воссоздать тот коммуникативный эффект, на который рассчитан оригинал» (Швейцер, 1988, с. 92).

(45): Оригинал: *But you have tested it?*

Оратор-2: *Yes, of course*

Оратор: *And it worked?*

Перевод: *испытания были?*

Оратор-2: *да, конечно*

Оратор: ***и испытания прошли успешно? Оно сработало?***

(46) Оригинал: *Just to come back. Are you saying that we are in a new arms race?*

Перевод: *хочу вернуться. **То есть правильно я вас понимаю, что именно это вы и говорите, что мы сейчас находимся в рамках новой гонки вооружений?***

В приведённых примерах № 45—46 интенция переводчика заключается в уточнении смысла путём добавления конкретизирующего вопроса (*и испытания*

прошли успешно?), который отсутствует в оригинале и модуляции при переводе вопроса *are you saying that we are in a new arms race*. Цель данных преобразований заключается в максимальном уточнении возможных смыслов (зд. эффективность оружия и успешно проведённые испытания). Соответственно, основной мотив ЯЛ синхронного переводчика — преодоление различий восприятия, более точное описание ситуации посредством добавления синонимичного ряда. Наличие синонимичного ряда объясняет интенцию ЯЛ передать смысл высказывания оратора максимально точно.

Частным случаем переводческих добавлений можно считать категорию оценочности. Выступления ораторов в исследуемом материале отличаются многообразием лексических средств, ярких метафор, оценочной и разговорной лексики. Распространено мнение, что на лексическом уровне особую сложность для перевода представляет разговорная лексика с утрировано положительной и/или отрицательной коннотацией, во многом потому, что образ, возникающий в сознании синхронного переводчика при восприятии подобного компонента высказывания оратора, не является изолированным, а полностью связан с элементами общего смысла высказывания. Если синхронный переводчик при этом успешно сохраняет темп перевода, высока вероятность хезитации и / или буквального перевода при мыслительном подборе адекватного варианта перевода крылатой фразе (далее — КФ) оратора. Рассмотрим примеры перевода крылатых фраз и образных выражений с позиции проявления оценочности и лингвокреативности языковых личностей.

(47) Оригинал: *Я думаю, что ЦРУ говорило, **наверное**, Президенту Соединённых Штатов: «Ничего они не сделают». А Пентагон говорил: «А мы сделаем — сделаем мощную **современную систему противоракетной обороны глобального характера**». **Ну, вот и пошли вперёд**.*

Перевод: *I think the CIA **must have told** the US President that **we would not do anything in response**. While the Pentagon said something like, “And we will develop a powerful cutting-edge global anti-missile system.” **So, they did**.*

(48) Оригинал: они сказали: «**Хорошо, делайте, что хотите**». Вот мы

сделали — «**Пожалуйста бриться**».

Перевод: *They said, “Do whatever you like.” Fine, that is what we did — so enjoy.*

(49) Оригинал: *послушать то, что думают на этот счёт союзники, наверное, никогда не вредно.*

Перевод: *However, to hear what their allies have to say about — it probably never hurts.*

(50) Оригинал: *у нас отношения двусторонние деградировали до самой низкой планки за последние годы, а всё-таки есть вопросы, которые требуют сверки часов, определения каких-то позиций взаимных, для того чтобы вопросы, представляющие взаимный интерес, решались эффективнее в интересах как Соединённых Штатов, так и России.*

Перевод: *We have a bilateral relationship that has deteriorated to what is the lowest point in recent years. However, there are matters that need a certain amount of comparing notes and identification and determination of mutual positions, so that matters that are of mutual interest can be dealt with in an efficient and effective way in the interests of both the United States and Russia.*

(51) Оригинал: *а если нужно выяснять отношения друг с другом и собачиться, как у нас говорят в России, ругаться, зачем тогда встречаться, время тратить?*

Перевод: *If one is going to have a fight with somebody else why bother and have a meeting?*

Приведённые примеры № 47—51, безусловно, можно считать наиболее яркими и сложными для синхронных переводчиков, так как для их адекватного перевода требуется не только профессиональное владение иностранным языком, но и значительные фоновые знания. Это подтверждается тем, что КФ содержат коннотативный компонент и формируют в сознании аудитории ЯИ определённый образ, который переводчик должен постараться учесть при переводе. Более того, при переводе КФ и образных выражений, хорошо известных аудитории ЯИ, на ЯП, необходимо быстро и точно донести их смысл до иноязычной аудитории, у

которой нет подобных ассоциаций.

Например, при переводе КФ, используемой в интервью В.В. Путиным (*Мы об этом сказали нашим партнёрам, они сказали: «Хорошо, делайте, что хотите». Вот мы сделали — «Пожалуйста бритесь»*) переводчик намеренно уходит от подбора фразеологичного варианта перевода и оставляет общий смысл фразы (*so enjoy it!*). На прагматическом уровне переводчик счёл данное решение оптимальным в ситуации молниеносного реагирования, так как эквивалент по семному составу соответствует оригинальному выражению, но коннотативный компонент, связанный с фоновыми знаниями едва ли возможно передать в синхронном переводе. Фраза, которую употребляет оратор, «пожалуйста бритесь» — отсылка к песне Ю. Визбора «Тарфлот». Смысл фразы — приглашение преодолеть трудности чей-либо работы, и только после этого судить о результате. В данном случае прагматическая установка переводчика была ориентирована на адекватный перевод с сохранением общего смысла высказывания и воссоздания коммуникативного эффекта, на который рассчитывает оратор.

Вообще выступления ораторов в массмедийном дискурсе отличаются многообразием лексических средств. Рассмотрим пример, в котором оратор использует образное выражение, которое создаёт сложность при УСП:

(52) Оригинал: *Мы создаём только одну совсем новую ракету тяжёлого класса, которая придёт на смену нашей ракете, которую мы называем «Воевода», а у вас называют, **прости Господи**, «сатана».*

Перевод: *I am saying that we are developing just one brand of new heavy missile, which will replace a missile that we call Voyevoda, and you have **dubbed** it satan.*

Используемое оратором образное словосочетание «*прости Господи*», по данным фразеологического словаря русского литературного языка, является восклицанием, употребляющимся как указанием на определённую степень резкости, недозволенности сказанного (Фразеологический словарь русского языка: интернет-источник). Данное словосочетание обладает значительным по своему содержанию коннотативным значением (осознание греха, значительного проступка, в данном

случае, вербального упоминания зла, символизирующего всё греховное), которое не может быть адекватно передано в синхронном переводе в силу существенных различий религиозных концепций, выраженных в ЯИ и ЯП. В этом случае синхронный переводчик принял решение применить приём опущения, что, безусловно, снизило эмоциональный эффект, но не повлияло на передачу общего смысла высказывания оратора. Прагматический уровень ЯЛ реализуется мотивом «максимального сохранения содержания высказывания» и прагматической адаптацией (Швейцер, 1988, с. 242), т. е. внесения правок на социально культурное, психологическое и прочие различия между получателем оригинала и переводом.

(53) Оригинал: *а если нужно выяснять отношения друг с другом и собачиться, как у нас говорят в России, ругаться, зачем тогда встречаться, время тратить?*

Перевод: *If one is going to have a fight with somebody else why bother and have a meeting?*

В примере № 53 оратор использует в своей речи ещё ряд различных метафор: «собачиться», «тратить время» и пр. Использование разговорной лексики в речах известных ораторов свидетельствует о стремлении переводчика не только сформировать соответствующее отношение аудитории к описываемой теме, но и желании показать близость к аудитории (Зигмантович, 2021). В большинстве исследуемого материала мы не обнаружили сложных для перевода КФ или метафор. Образные выражения чаще всего присутствуют во «внешних» речах ораторов. Значительную трудность, на наш взгляд, представляет собой ситуация, когда оратор использует в речи прецедентный текст, представляющий собой цитату известного лица, как, например:

(54) Оригинал: *well, I think Samuel Beckett put it in very well. When somebody asked him that he said not good for anything else, as Mavis Gallant said. You you think when you start that you're in control of the camel. But then once your way out into the desert, you realize the camel is in control of you.*

Перевод-3: *Я думаю, что Сэмюэл Бейкер очень хорошо сказал. Я больше ни на что не гожусь. Но я считаю, что это очень хорошая фраза есть ещё одно*

выражение, когда ты начинаешь, тебе кажется, что ты контролируешь верблюда. Но. Когда ты выходишь в пустыню, ты понимаешь, что это верблюд. То, что контролирует тебя.

Перевод-4: *я думаю, что лучше всего на этот вопрос отвечал Сэмюэл Беккет. Он говорил я просто не гожусь ни для чего другого. Это хороший ответ на ваш вопрос. И другой известный человек сказал вы думаете, когда начинаете что вы контролируете своего верблюда. Но когда вы. въезжаете дальше в глубину пустыни вы понимаете, что ваш верблюд на самом деле вас контролирует.*

В примере № 54 оратор, гражданка Канады по происхождению, отвечая на вопрос журналиста, приводит цитату франко-ирландского писателя Сэмюэла Беккета, а далее цитирует канадскую писательницу XX в. Мейвис Галлант. В конкретном примере для переводчика не представляется возможным применить приём опущения. У переводчиков не хватило фоновых знаний для перевода имён писателей, на которых ссылается оратор. Прагматический уровень реализуется в данном случае за счёт мотивированного решения в пользу перевода коммуникативно значимого компонента (самой цитаты) с опущением менее значимого имени собственного в рассматриваемой коммуникативной ситуации. В связи с этим синхронный переводчик выходит на уровень соавтора текста перевода и адаптирует текст перевода для передачи основного смысла. Разумеется, что в указанном примере качество перевода зависело от владения фоновыми знаниями и профессиональной компетенции переводчика. Так, багаж фоновых знаний заключается в актуальном знании имён и событий, происходящих в мире, истории, культуры, традиций и обычаев стран.

Очевидно, что межкультурная коммуникация совершается в среде, наполненной прецедентными именами, ситуациями, текстами. Синхронные переводчики, передавая отношение говорящего к речи, продемонстрировали готовность к переводу оценочности, эмоциональной составляющей и особенностей картины мира с сохранением принципиально важного содержания высказывания.

В результате исследования нам удалось определить и описать единицы прагматического (мотивационного) уровня представления языковой личности синхронного переводчика, которые были проанализированы с позиции коммуникативно-функционального и лингвопрагматического подходов: прецедентные феномены (имя, высказывание, ситуация, текст), переводческие добавления, оценочность, лингвокреативность и прагматикон ЯЛ.

Подводя итог трёхуровневому анализу, ориентированному на выявление отличительных черт ЯЛ СП, понимания мотивов, целей, оснований для выбора переводческих стратегий, можно сделать вывод о содержании исследуемого феномена. В большинстве случаев на основании критической оценки лингвистических и экстралингвистических факторов, имплицитности исходного сообщения, прогностики в процессе перекодирования и прогнозирования перлокутивного эффекта на аудиторию, переводчиком предпринимается попытка достижения гармоничного перевода. Характерными чертами прагматикона ЯЛ синхронного переводчика является мотивация реализации коммуникативного эффекта оратора, стремление передать образ ораторов посредством употребления эмоционально маркированных единиц, переводческих решений в пользу адекватного варианта перевода, приёмы опущения, уточняющих добавлений, выражения оценочности при переводе.

Интересно, что значительная часть успешной реализации ЯЛ, которая оценивалась по объективно наблюдаемому коммуникативному эффекту, отмеченном нами в процессе анализа, связана не со знанием грамматических структур языка перевода, а со способностью ЯЛ синхронного переводчика в полной мере воспринять действительное намерение говорящего, его адекватную оценку и эмоциональный заряд. Правильный выбор коннотативного значения, переводческой стратегии и мотивированного выбора варианта передачи смыслового содержания, позволяет представить перевод с отражением установок, оценок, эмоций и интенций говорящего.

Выводы по главе 3

Рассмотрение структуры языковой личности синхронного переводчика раскрывает существенные особенности при определении подхода к исследованию обозначенного феномена. Необходимость рассмотрения языковой личности синхронного переводчика с позиции лингвокогнитивного и лингвофункционального подходов доказывает свою обоснованность ввиду того, что: языковая личность синхрониста осуществляет перевод нелинейно; переводчик задействует когнитивные структуры в подсознании, которые вербализируют отражённые в подсознании фрагменты действительности, а выбор языковых средств диктуется системой ценностной ориентации, когда на первый план выступают концептуальные, образные и эмоциональные характеристики. Индивидуальная трактовка переводчиком экстралингвистического фона ситуации перевода в значительной степени способствует пониманию содержания и адекватному переводу всего сообщения.

Теоретический обзор подходов к исследованию тезаурусного уровня, позволил сформулировать определение тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня, который интерпретируется в нашей работе как уровень отражения когниции СП, включающий семантикон, творческие и индивидуальные переводческие решения и стратегии перевода основных концептов коммуникативной ситуации перевода, которые репрезентируют национально-культурные традиции переводчика, его индивидуальный когнитивный стиль, масштаб и характер знаний о мире. По результатам анализа эмпирического материала была предложена методология анализа репрезентант тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня ЯЛ синхронного переводчика. Единицы представления тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня (уровень вербального представления, уровень представления концептосферы, уровень экстралингвистического представления) в нашей работе отражает степень сложности устройства индивидуального тезаурусного уровня ЯЛ, определяет наличие языкового и социального опыта синхронистов в ситуации перевода,

соотносимый с разнообразными сферами жизни.

Реализация прагматического уровня ЯЛ СП достигается за счёт мотивированного решения в пользу перевода коммуникативно значимого компонента с опущением менее значимого компонента в рассматриваемой коммуникативной ситуации, комплексный анализ которых не представляется возможным без учёта лингвокогнитивного и лингвофункционального подходов. Подобные индивидуальные решения переводчиков являются доказательством уровня соавтора синхронного переводчика, его мотивов адаптации текста перевода для передачи основного смысла.

Основными параметрами ЯЛ СП, отражающими вербальный уровень представления (вербально-семантический, тезаурусный и прагматический) являются: лингвокреативность, включающая активное использование приёмов перевода (описательный перевод, переводческий комментарий, переводческие добавления, компенсаторный каламбур и пр.); прагматическая и адаптационная стратегии перевода; достаточно глубокие общие и специальные знания в предметной области; применение широкой жанрово-стилевой палитры в переводе; понимание и ориентация в коммуникативных сценариях. Диапазон содержания единиц прагматического уровня представления ЯЛ синхронного переводчика достаточно широк и изменчив, варьируется от индивидуальности говорящего: мотивация реализации коммуникативного эффекта оратора, стремление передать образ ораторов посредством употребления эмоционально маркированных единиц, мотивированные переводческие решения в пользу адекватного варианта перевода, приём опущения, выражение оценочности при переводе, употребления дополнительных уточнений.

4 НЕВЕРБАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

4.1 Исследование невербальной коммуникации в системе речевого поведения языковой личности синхронного переводчика

Долгое время изучение невербальной составляющей в языке не рассматривалось как равнозначное вербальному уровню представления в контексте фундаментальных лингвистических исследований. Отношение к невербальной коммуникации в отечественной лингвистике начало меняться в последние годы XX в. Тем не менее, неоспоримым является факт, что без невербальной составляющей исследования человека говорящего и функциональный аспект языка оказываются неполными. Исследование невербальной коммуникации в системе речевого поведения синхронного переводчика позволяет нам комплексно подойти к вопросу описания языковой личности синхронного переводчика с позиции взаимопроникновения вербальной и невербальной коммуникации. В условиях развития методологического аппарата наблюдения и анализа невербальных средств, роль и значение невербальной коммуникации заметно возросло.

Актуальность данного направления определяется недостаточным количеством исследований, раскрывающих глубину воздействия невербальной коммуникации, её взаимосвязи с переводоведением, возрастающей ролью исследования человеческого поведения в смежных отраслях знания (лингвокультурология, социология, психология, физиология, социальная информатика (в частности, искусственный интеллект), программирование). Потенциальные возможности невербального поведения в структуре поведения ЯЛ в настоящее время практически не изучены, что является доказательством актуальности избранной темы исследования. Помимо этого, исследования вербального и невербального поведения переводчика в контексте диалогичности (М.М. Бахтин) ранее не предпринимались. Невербальной составляющей речевого

поведения ЯЛ УП, особенностям функционирования невербальной коммуникации в ситуации синхронного перевода, посвящена данная часть нашего исследования.

С точки зрения комплексного анализа проблема невербального поведения языковой личности не решена. В основе комплексного лингвокогнитивного и лингвофункционального подходов к изучению языковой личности находится разностороннее рассмотрение вербального и невербального поведения языковой личности синхронного переводчика. Суть данного подхода заключается в интерпретации невербальной составляющей речевого поведения ЯЛ УП в ситуации перевода и классификации невербальных средств по функции с учётом анализа прагматики речевого высказывания. Мы считаем обоснованным и целесообразным изучение невербального поведения, принимая во внимание прагматику вербального выражения. Таким образом, невербальная составляющая дополнит структурное содержание языковой личности и позволит лучше понять мышление, мотивы и установки исследуемой языковой личности.

Последние теоретические и эмпирические исследования посвящены в основном трём направлениям невербальной коммуникации: окружающая среда и условия коммуникации (М.М. Бахтин, J.K. Burgoon, D.B. Buller, W.G. Woodall, N.N. Markel и др.), физиологические характеристики участников коммуникации (Г.Е. Крейдлин, Н.А. Лемяскина, И.А. Стернин, E.T. Hall, J. Mills и др.) и поведение в процессе коммуникации (И.Н. Горелов, И.А. Стернин, P. Ekman, J.A. Harrigan, D.R. Carney, A. Mehrabian и др.), которые составляют две научные парадигмы — эволюционную и социокультурную (Ренц, 2010).

История методов исследования невербального поведения начинается с 1950-х гг., когда американский антрополог Р. Бердвистелл (Birdwhistell, 1952, 1967, 1970) предложил термин «кинетика», применив к нему лингвистические принципы структурирования невербальных знаков. Подобно фонеме в языке, «кин» (англ. *kineme*) предстаёт минимальным невербальным знаком, выражаемым движениями тела, лица, головы. В дальнейшем теория Р. Бердвистелла была верифицирована исследованиями А.Е. Шефлена (Scheflen, 1964, 1966, 1972, 1973), психиатром,

изучающим взаимосвязь движений и смены когнитивных видов деятельности.

Достижения бернской системы (англ. *Bernese system*) кодировки невербального поведения (Frey, Pool, 1976) основывались на изучении невербальной коммуникации по принципу «позиция—время—серия—обозначение» с присвоением числовых кодов различным отклонениям частей тела от базовых положений, описываемых относительно трёх основных осей (горизонтальной, вертикальной и глубинной). Результатом подобных исследований стали более детальные протоколы данных невербального поведения с учётом экспансии, продолжительности, согласованности, имитации невербальных знаков.

Важнейшей теоретической работой по изучению невербальной коммуникации стала работа Р. Екман и W. Freisen (Ekman, Freisen, 1969), в результате которой была разработана классификация жестов с учётом их функций: эмблемы, иллюстраторы, регуляторы и адапторы.

С 1980-х гг. отечественная лингвистика начинает разрабатывать терминологический аппарат для продолжения исследования в области невербальной коммуникации: предпринимаются попытки определить «невербальные средства общения», «невербальное общение», «невербальное поведение», «невербальную коммуникацию». Вводится термин «невербальное коммуникативное поведение», под которым понимают систему поведенческих норм и правил, регулирующих требования к применяемым в процессе коммуникативного акта «невербальным знакам, свойственным определённой социальной среде» (Стернин, 2012, с. 270).

Исследования невербального поведения в контексте речевого поведения индивида традиционно посвящены различным ситуативным классификациям, т. е. принцип исследования невербальной коммуникации опирается на какой-либо из дискурсов. Подобные исследования не позволяют в полном объёме изучить вопрос о взаимовлиянии вербального и невербального сообщения, степени влияния вербальной или невербальной коммуникации. Вслед за M. Latha полагаем, что невербальную коммуникацию следует рассматривать в

совокупности с речевым поведением, так как *'non-verbal communication is less structured <...> it is unplanned, intent, spontaneous, and it blends with speech'* (невербальная коммуникация менее структурирована <...> она не запланирована, сиюминутна, спонтанна и сливается с речью — *перевод наш.* — E.Y.) (Latha, 2014). В связи с этим возникла необходимость рассмотреть невербальную коммуникацию в совокупности с речевым поведением синхронного переводчика в различных ситуациях перевода. Полагаем, что в невербальной коммуникации раскрываются интенции говорящего, обозначается личное отношение переводчика к содержанию текста, в случае полисемии уточняется смысл высказывания.

Термин «речевое поведение», часто встречающийся в лингвистических работах последнего времени, находится в фокусе внимания виднейших учёных-лингвистов: Н.Д. Арутюновой, В.В. Богданова, А. Вежбицкой, Т.Г. Винокур, В.И. Карасика, Т.Л. Музычук, А.Е. Супруна, И.А. Стернина, Н.И. Формановской, Т.А. Чеботниковой, Т.В. Шмелевой и др. Это, безусловно, свидетельствует о том, что вопросы изучения специфики речевого поведения языковой личности являются одними из наиболее актуальных.

Традиционно под речевым поведением понимают осознанное или слабо осознанное поведение индивидуумов, отражающих характер и образ жизни человека (Карасик, 2004). Начало изучения речевого жанра, предваряющего изучение речевого поведения, было положено М.М. Бахтиным и представляло собой наблюдение за «вербально-знаковым оформлением типических ситуаций социального взаимодействия людей» (Седов, 2004, с. 69). Решаемая синхронными переводчиками задача сегодня не сводится к простой передаче информации. В стремительно меняющемся мире им отводят роль посредника, медиатора культур, «эксперта в непростых социальных и религиозных вопросах» (Valero-Garcés, 2015), в чьи задачи входит адаптация, трансформация перевода с учётом культурных особенностей говорящих, точная интерпретация невербальных средств общения говорящих и, наконец, адекватное невербальное поведение самого УП.

Согласимся с Т.Л. Музычук, что невербальная коммуникация

рассматривается с позиции диалогичности по отношению к вербальной речи. В ситуации синхронного перевода «невербальная трансляция сообщений происходит одновременно с вербальной, усиливая или даже изменяя смысл слов» (Музычук, 2007, с. 57). Переводчик чувствует эмоции ораторов, применяет лингвокультурные и фоновые знания, анализирует коммуникативные сценарии, ценности и установки лингвокультурного сообщества и передаёт содержание с учётом перевода невербальной коммуникации и системы нравственных ценностей. По мнению С.В. Ивановой, система нравственных ценностей определяет характерные черты вербального и невербального поведения языковой личности и является своеобразной национальной философией (Иванова, 2004, с. 74—75). Подобная национальная философия обуславливает нравственный идеал, к которому стремятся члены того или иного лингвокультурного сообщества. Помимо этого, «невербальная составляющая речевого национального поведения является формой объективации психического мира русской языковой личности (и не только русской) и надёжным способом её познания» (Музычук, 2013, с. 8). В связи с этим, нам представляется важным исследование ЯЛ синхронного переводчика с позиции невербальной коммуникации, которая наряду с вербальным содержанием дополняет ситуацию перевода, обстоятельства и эмоциональные интенции говорящих. Таким образом, невербальное общение может приобрести национальный оттенок ситуативно: культурно- и политически-обусловленные события, персоналии, дискурсы современности по-разному воспринимаются с точки зрения невербального выражения.

Рассмотрев структуру языкового выражения ЯЛ на различных уровнях (вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом), мы выявили и проанализировали цели, дискурсивные особенности, переводческие стратегии, тактики, индивидуальные ошибки и оговорки, мотивы, установки, ценности, определяющие мировоззрение и речевое поведение профессиональных синхронных переводчиков. Это позволяет нам предположить, что невербальное поведение языковой личности синхронного переводчика в ситуации перевода во

многим определяется переводимым им вербальным сообщением, а также внутренними мотивами и интенцией самого переводчика. В продолжение данной гипотезы мы рассматриваем идею о том, что невербальные средства языковой личности являются неотъемлемым её элементом и оказывают влияние на вербальную репрезентацию языковой личности. Таким образом, мы полагаем, что невербальное поведение является одной из частей структуры языковой личности, так как невербальные средства влияют и дополняют вербальную репрезентацию на вербально-семантическом, лингвокогнитивном и прагматическом уровнях, и рассматривается как часть общей структурной модели ЯЛ.

Невербальная область является очень обширной и включает в себя различные направления: голос и тон — просодия, жесты и пластика — кинесика, движения глаз — окулесика, прикосновения — гаптика или такесика, положение в коммуникативном пространстве — проксемика. К кинесическим средствам принято относить мимику, жесты, поведение взгляда, движения, тактильную коммуникацию. В рамках невербальной коммуникации И.Н. Горелов выделяет фонационные, мимико-жестовые, пантомимические и смешанные компоненты (Горелов, 1980).

Г.Е. Крейдлин выделяет две основные группы жестов с точки зрения семантики: коммуникативные и симптоматические. Под коммуникативными жестами он понимает такие, которые несут коммуникативную информацию для адресата. Данные жесты подразделяют на дейктические, смысл которых заключается в указании на людей / места / события и этикетные, применяемые в конкретно обществе в определённых ситуациях. К последним можно отнести жест приветствия или прощания. Симптоматические жесты направлены на выражение эмоционального состояния говорящего (Крейдлин, 1998).

Классификация невербальных средств О.В. Мудрой делит невербальные средства на паравербальные и параязыковые. Паравербальные средства включают в себя символические и изобразительные; параязыковые средства содержат экспрессивные компоненты (Мудрая, 1995).

Функции невербальной коммуникации серьёзно исследовал Michael Argyle,

по мнению которого, они реализуются при таких аспектах как:

- управление социальной ситуацией — для синхронизации общения, для проявления интереса к беседе или безразличия для поддержания ролевой смены говорящий—слушающий;

- передача информации о личности говорящего; чаще всего невербальные средства спонтанны, но могут использоваться хорошо подготовленным коммуникатором для создания определённых положительных чувств и настроения;

- выражения эмоционального состояния говорящего;

- контроль канала коммуникации — для подтверждения восприятия информации говорящего;

- замещение вербальных средств — используется, если в момент говорения оратор растерян, не может вербально выразить своё эмоциональное состояние, чаще всего происходит через жесты и мимику;

- дополнение или поддержка вербального сообщения, усиление речевого воздействия с включением невербальных знаков (невербальное сообщение раскрывает психическое состояние или эмоцию, которые сопутствуют речевому сообщению или являются знаком для чего-то другого);

- передача подтекста, который может не только дополнять, усиливать, но и оттенять, изменять или полностью отвергать речевое сообщение;

- выражение межличностных взаимоотношений — расстояние между собеседниками часто показывает нам степень близости и их взаимного притяжения или неприязни (Колева, 2015, с. 74).

Принципиально новый подход к классификации невербальных знаков встречаем в работе К. Scherer. В своей классификации он предлагает рассматривать функцию невербального знака как отдельный аспект одной и той же единицы невербальной коммуникации. На основании этого, К. Шерер выделяет парасемантическую функцию, парасинтаксическую, парапрагматическую функцию и диалогическую функцию невербальных знаков (Scherer, 1977).

Парасемантическая функция реализуется в следствии отношений вербального

содержания и невербального выражения. Если в таком случае невербальные средства влияют на содержание языкового сообщения, то, по мнению К. Шерер, можно говорить об амплификации (т. е. расширении смысла). Случай нивелирования значения языкового сообщения невербальным знаком свидетельствует о модификации значения. Частный случай парасемантической функции — замена значения языкового содержания невербальным знаком — субституция.

Парасинтаксическая функция реализуется в случае сегментации речевого потока и синхронизации невербальных знаков, передающихся по различным канал коммуникации.

Парапрагматическая функция объединяет в себе экспрессию (невербальных знаков эмоционального состояния) и реакцию — объединение сигналов слушающего к словам говорящего.

Основа диалогической функции заключается в постоянном регулировании межличностных взаимоотношений участников коммуникации (Scherer, 1977, S. 275—277).

«The issue of encoding and decoding nonverbal behavior for the purpose of conveying information involves not just the ‘code’ (i.e., actions conveying messages), but also the notion of ‘intention’ (Dittman, 1987; Ekman & Friesen, 1969).» (Цит. по: Harrigan J.A., 2015).

Наблюдение за вербальными, невербальными и паравербальными маркерами синхронных переводчиков позволяет классифицировать типы невербальных средств, проявляющихся у профессиональных личностей с разным опытом в ситуации перевода. Декодирование непосредственно невербального поведения (Крейдлин, 2011, с. 81) способствует более глубокому познанию человеческих эмоций и переживаний в ситуации перевода.

Очевидно, что основным критерием в классификации является отношение невербального знака к вербальному сообщению. Интерпретация и анализ невербальной организации речевого поведения ЯЛ СП приближает нас к более детальному описанию специфики ЯЛ СП и позволяет составить теоретическую модель типизируемой ЯЛ на основании проявления невербальных знаков

анализируемых синхронных переводчиков.

В связи с этим возникает необходимость изучения невербального поведения синхронного переводчика в системе комплексного подхода к изучению ЯЛ, выработке методов и подходов к анализу средств невербальной коммуникации с учётом прагматики и диалогичности речевого выражения.

4.2 Исследование средств невербальной коммуникации языковой личности синхронного переводчика

Роль невербальной коммуникации при формировании оценки образа ЯЛ имплицитно или эксплицитно признается во многих социально-когнитивных моделях восприятия человека, включая экологическую теорию социального восприятия (Zebrowitz, Collins, 1997), системную модель диадического невербального взаимодействия (Patterson, 2019), модель реалистичной точности (Funder, 1999), модель социальной точности (Biesanz, 2010), систему интеграции социальных подсказок (Zaki, 2013), модель социальных отношений (Back, Kenny, 2010), модель истинности и необъективности человеческих суждений (West, Kenny, 2011). Несмотря на то, что указанные модели различаются по масштабу и применимости с точки зрения конкретных процессов и компонентов восприятия человека, невербальная коммуникация является неотъемлемым компонентом всех моделей (Goldin-Meadow, Alibali, 2013). Большой массив исследований доказывает, что жестикуляция в момент речи одновременно с вербальным выражением является интегрированной частью системы продуцирования речи.

Невербальные средства общения представляют собой различные «приёмы актуализации не только словесной формы высказывания, но и эмоционального состояния личности» (Музычук, 2013, с. 58). Американский психолог С.Е. Izard, один из создателей теории дифференцированных эмоций, считает, что именно «эмоция руководит мыслительной и физической активностью индивида, направляет её в определённое русло» (Izard, 2001, P. 250).

В ситуации перевода различные невербальные знаки — окружающая

обстановка, очное и удалённое присутствие оратора и / или переводчика, их поведение, символы государственной власти, место и время проведения синхронного перевода оказывают значительное воздействие на подачу и восприятие перевода. Немаловажную роль играют обстоятельства выступления, тип аудитории, время и личные качества и ораторские характеристики говорящего, к которым мы относим темп, громкость, паузацию, интонацию и эмоциональность речи. Таким образом, под языком ситуации перевода мы признаем совокупное семиотическое пространство с риторикой переводческой деятельности.

Предметом нашего изучения в данном разделе являются невербальные средства, репрезентирующие лингвистические и паралингвистические проявления ЯЛ синхронного переводчика. Оценка объективности проявлений ЯЛ осуществлялась нами посредством сопоставления лингвистических, паралингвистических или невербальных средств. Для целей настоящего исследования обзор и анализ ритуальных жестов невербальной коммуникации не применялся поскольку переводы данного жанра отсутствовали в исследовательском материале.

Цель исследования невербального поведения потребовала применения комплексного коммуникативно-функционального подхода: структурно-семантический и функционально-семантический метод — для классификации, выделения семантического дифференциала и функции невербальных знаков; лингвокогнитивный анализ — при описании прагматики речевых и неречевых единиц исследования, контекстуальный анализ, интерпретационный анализ, индуктивно-дедуктивный метод. Методы исследования, использованные нами при анализе, включали: структурно-семантический метод, анализ речевых актов, лингвокогнитивный анализ, предполагающий прагматическую интерпретацию вербальных и невербальных средств, метод лингвистического наблюдения, определяющий семантическое значение (декодирование) средств невербальной коммуникации, которые относятся к кинесике, окулесике, просодии, паравербалике, а также анализ мотивов, целей и установок ЯЛ.

Подведение результатов проводилось с применением общенаучных

методов: классификация, математическо-статистический анализ. Лингвокогнитивный анализ невербального и паравербального поведения ЯЛ выполнялся поэтапно с учётом следующих задач:

1) проанализировать состав невербальных и паравербальных знаков синхронного переводчика в момент осуществления перевода и систематизировать средства невербальной и паравербальной коммуникации;

2) выявить взаимосвязь средств вербального, невербального и паравербального выражения с учётом степени уверенности и адекватности перевода, конструирующего комплексное выражение профессиональной языковой личности;

3) определить семантический дифференциал невербального и паравербального поведения синхронного переводчика.

Решение вышеперечисленных задач определило научную новизну исследования, в котором анализируется языковой и неязыковой аспект репрезентации профессиональной языковой личности с учётом конкретных функциональных невербальных и паравербальных средств репрезентации ЯЛ синхронного переводчика.

Основные вербальные маркеры включают в себя вербальный перевод сообщений с учётом переводческих стратегий, тактик, переводческих ошибок, неудачных решений, самоисправлений, перевода юмора, прецедентной информации. По данным нашего наблюдения частотные невербальные средства ЯЛ синхронного переводчика в ситуации перевода выражаются позами, движениями тела, жестикуляцией, мимикой, движением глаз, зрительным контактом с оратором / аудиторией. К паравербальным маркерам мы относим использование звуков-хезитации, интонационной палитры, звуковых акцентов при подаче перевода.

Отправной точкой для наших рассуждений явилось разграничение репрезентации контролируемых и неконтролируемых психологических реакций синхронного переводчика при осуществлении перевода. Данные психологические реакции регулируются соматической и вегетативной нервной системой. В этой

связи, все эмоциональные проявления человека при говорении логично разделить на соматические (от греч. *soma* — «тело») и вегетативные (от лат. *vegeto* — «возбуждать, усиливать») реакции. Исследователи Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров характеризуют соматические реакции такой важной особенностью как намеренность и произвольность (Верещагин, Костомаров, 1981, с. 36). При осуществлении синхронного перевода, сложнейшего вида когнитивной работы, человеку свойственно максимально задействовать функционал своего организма, контролировать свои психомоторные реакции, стараясь подавить внутреннее эмоциональное напряжение.

Соматические реакции (или сомативы) в ситуации перевода довольно сложно поддаются объективной верификации при разграничении их от индивидуальных особенностей поведения, свойственного конкретной личности. Вегетативные проявления произвольны по своей природе и сложно поддаются сознательной регуляции, вследствие этого выступают весьма информативным маркером при детекции переводческих трудностей и дестабилизирующих факторов в синхронном переводе. К соматическим реакциям Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров относят такие явления как сознательные жесты и телодвижения, направленные на получателя информации; позы тела; движения лица; мимические проявления (Верещагин, Костомаров, 1981, с. 75). К признакам соматических реакций исследователями относятся также продолжительные зрительные реакции и отсутствие визуального контакта (Валиулина, 2015б, с. 100—101).

К вегетативным проявлениям причисляются изменение цвета кожи лица, дрожание отдельных частей тела, колебания ритма дыхания и затруднения в речи (Валиулинаб, 2015; Спирица, 2017). В качестве отдельных симптомов выражения вегетативного сигнала, ввиду своего интенсивного проявления в состоянии эмоционального напряжения, или элементами экстралингвистики, выделяют смех (Лабунская, 1986; Николаева, 2000), артикуляторные паузы, заикание, кашель, а также внезапный переход на другой язык (Безруков, 2016, с. 10—11).

Невербальные знаки коммуникации по Эдварду Вертхайму (Wertheim, 2008), могут использоваться в следующих функциях:

- а) повторения вербального сообщения;
- б) противопоставления вербальному сообщению;
- в) замещения вербального сообщения;
- г) дополнения вербального сообщения;
- д) акцентирования в момент передачи вербального сообщения.

При семиотической интерпретации невербальных средств важно учитывать, что каждый невербальный знак имеет начало выражения, середину и конец. Проводя лингвокогнитивный анализ, мы определяли семантический дифференциал с учётом вербального выражения смысла.

Американские психологи Р. Экслейн и Л. Винтерс (Exline, Winters, 1965) выяснили, что взгляд говорящего связан с процессом формирования высказывания и с трудностью этого процесса. «Когда человек формулирует мысль, он обычно смотрит в сторону («в пространство»), а когда мысль полностью готова, взгляд устремляется на собеседника. За 1 с до окончания речевого высказывания говорящий переводит взгляд на лицо слушателя, передавая слово ему и оценивая произведённое им впечатление» (Лабунская, 2000, с. 37).

Например, партнёр, взявший слово, отводит взгляд, тем самым углубляясь в свои мысли. Слушающий в это время взглядом демонстрирует своё отношение к содержанию высказываний говорящего, например, согласие и несогласие, радость и печаль, одобрение и порицание, восторг и гнев.

Воспринимая речь, в которой говорится о сложных вещах, слушающие смотрят меньше на оратора, и больше, когда трудности преодолены. Вообще же говорящий в данный момент меньше смотрит на партнёра, если только для проверки его реакции и заинтересованности. Слушающий же в большей степени смотрит в сторону говорящего, как бы посылая ему следующие невербальные знаки для обратной связи.

- паравербальные сомативы;
- интонационная палитра;
- паузация;
- актёрская игра;

— звуки-хезитации.

И паравербальные вегетативы:

— задержка дыхания;

— дрожание голоса

— сглатывание слюны;

— учащённое моргание;

— учащённый пульс.

Ещё одним маркером компетентного синхронного переводчика является знание профессионального стандарта при переводе диалога. Оптимальным решением по мнению опытных экспертов синхронного перевода (И.С. Алексеева, Д. Ермолович, И.В. Зубанова, П.Р. Палажченко, М.Э. Конурбаев и др.) является переводческий комментарий, маркирующий начало вопроса и начало ответа оратора. Зачастую синхронные переводчики не выделяют вопрос собеседника, что затрудняет восприятие информации слушателем.

Для исследования невербального поведения ЯЛ нами были отобраны видеозаписи переводов, выполненных синхронными переводчиками, четверть-финалистами переводческого конкурса CosinesPi. Материал исследования составил свыше 500 мин видеозаписей синхронных переводов, которые участники конкурса записывали самостоятельно, не имея возможности заранее ознакомиться с точной темой переводимого отрывка. Участниками исследования стали профессиональные синхронные переводчики, выпускники и студенты старших курсов переводческих факультетов, что позволяет считать их представителями отрасли с достаточными компетенциями, которые удовлетворяют условиям нашего исследования.

В качестве минимальной единицы исследования рассматривался невербальный знак — кин — в начале, середине и завершении своего выражения и синтагма перевода, в которой объективно зафиксирована реализация невербального знака языковой личностью. Единицы исследования извлекались методом сплошной выборки из видеозаписей синхронных переводов.

В результате наблюдения и анализа репрезентации невербального

поведения ЯЛ синхронного переводчика мы определили основные виды сомативных и вегетативных невербальных средств синхронного переводчика в момент синхронного перевода:

- 1) движения тела, жесты;
- 2) движения глаз, направление взгляда;
- 3) выражение лица, мимика;
- 4) голос, темп и ритм подачи перевода;
- 5) внешний вид (одежда, причёска, поза);
- 6) окружающая обстановка.

В настоящем исследовании соматические и вегетативные реакции, вслед за учёным С.В. Валиулиной, определяются нами как сомативы и вегетативы (Валиулина, 2015б, с. 99—100).

Соматические реакции субъекта перевода в затруднительных ситуациях представлены следующими кинесическими, просодическими и окулесическими маркерами: прикосновения к лицу и носу, опора лицом на руку, касание причёски, почёсывание носа, периодические наклоны головы или всего корпуса, продолжительная или неестественная улыбка, замедление темпа и высокий тон речи, сглатывание слов / звуков, взгляд в сторону от оратора и т. д.

Вегетативы активизируются соответствующими просодическими и окулесическими проявлениями невербальной семиотики: покраснение лица или щёк, или, наоборот, бледность кожных покровов, выступание пота на лице, нервное облизывание или покусывание губ, беспокойное положение рук, дрожь, изменения тембральных характеристик голоса, рефлекторное моргание, продолжительные зрительные реакции.

В зависимости от того, какая часть тела была задействована в процессе синхронного перевода, мы сформировали группы кинесических сомативов (контролируемых движений тела), окулесических сомативов (контролируемых движений глаз) и просодических сомативов (контролируемых голосовых маркеров). Проанализированные маркеры невербальной коммуникации позволяют глубже раскрыть содержание трёхуровневой репрезентации ЯЛ СП.

4.3 Кинесические маркеры языковой личности синхронного переводчика

Кинесические маркеры являются наиболее многочисленной группой проявления невербальных средств языковой личности синхронного переводчика. Исходя из основания, что невербальным средствам свойственен характер связи означающего и означаемого, кинетические сомативы можно разделить на знаки-символы, знаки-индексы и знаки-иконы, согласно трёхчленной классификации Ч.С. Пирса (Пирс, 2009).

Знаки-индексы: естественная связь означаемого и означающего, например, наклоны головы вниз / набок; наклон корпуса вперёд / отклонение корпуса назад.

Знаки-иконы: связь означаемого и означающего, основанная на сходстве, например, жесты-пиктограммы, визуально обозначающие предмет, о котором идёт речь.

Знаки-символы: связь означаемого и означающего условна и обусловлена только тем, что символ интерпретируется как символ. Если исключить момент интерпретации, то символ перестаёт быть знаком.

Вслед за П. Экманом (P. Ekman) полагаем, что кинемы-символы можно обозначать как «эмблемы» — невербальные сигналы, которые можно заменить равнозначным символом или фразой. Среди эмблем можно выделить символы (эмблемы, характеризующиеся рудиментарной иконичностью) и конвенционалы (эмблемы с полностью условной связью, например, утвердительное движение головы) (Ekman, 1992, p. 64).

Выделенные категории послужили основой классификации жестов П. Экман, В. Фрайзен, Ф. Эллсворт (Ekman, Friesen, Ellsworth, 1972):

Акцептуальные движения — движения или жесты, выделяющие слово или фразу.

Идеограммы — жесты, демонстрирующие логику повествования и направление мысли говорящего.

Дейктические жесты — жесты, указывающие на объект, место, результат.

Пространственные движения — движения, отображающие пространственные отношения.

Ритмичные движения — жесты, демонстрирующие темп или ритм обсуждаемых событий.

Кинетограммы — движения, которые отображают не присущие человеку движения или физические действия.

Пиктограммы — жесты, демонстрирующие в воздухе объект, о котором идёт речь.

Символические движения — символы, которые используются для иллюстрации, повтора или замены вербального сообщения (Ekman, Frisen, Ellsworth, 1972).

Приведём таблицу наиболее частотных кинесических сомативов, составленную по результатам наблюдения за синхронными переводчиками (таблица 6).

С точки зрения функциональной семантики в ходе наблюдения за синхронными переводчиками мы выделили четыре категории кинесических сомативов:

1. Жесты-маятник

Наклон корпуса вперёд / назад / в сторону; наклон головы вниз / набок; ритмичные движения головой / корпусом (или его частью) / одной или двумя руками в темп речи переводчика.

Данные жесты отражают темп и размеренность подачи синхронного перевода в зависимости от логических пиков (акцентов), сопровождающих вербальное выражение перевода. Например, по мере подачи перевода корпус переводчика попеременно приближается к оратору (экрану монитора) и отдаляется. Подобные жесты-маятник могут наблюдаться в разных плоскостях: вперед-назад; из стороны в сторону; попеременно правой и левой рукой; головой и верхней частью корпуса (часто, если перевод осуществляется сидя). Проявления подобных движений часто совпадает со смысловыми акцентами, логическими паузами и связями внутри высказывания.

Таблица 6 — Кинесические сомативы, наблюдаемые у переводчиков в момент осуществления синхронного перевода

Семантический дифференциал	Кинесические сомативы	Характеристика невербальных средств
Волнение и неуверенность	Полуоткрытый рот; Покусывание / облизывание губ	Концентрация внимания в момент восприятия и обработки звучащей речи
Ложь / неискренность / волнение	Касание лица/волос/наушников	Использование комфорт-жестов
Уверенность	Наклон корпуса/головы вперёд по отношению к оратору	Концентрация внимания при подаче перевода, интуитивное приближение к оратору
Ирония; Уверенность и расположенность к аудитории	Улыбка	«Зеркальное» отражение эмоций оратора, т. е. улыбка в ответ
Неуверенность	Движения и звуки-щелчки авторучкой	Высокая степень волнения. Ответная реакция организма на психическое напряжение
Контроль прецизионной лексики	Пометки шариковой ручкой	Концентрация внимания при передаче прецизионной лексики в переводе
Помощь в передаче смысла	Жестикуляция руками (жесты-пиктограммы)	Дополнение смысла вербального сообщения
Логика повествования	Жестикуляция руками и головой в темп речи	Обеспечение связности вербального сообщения
Модальность	Пожимание плеч	Обозначение степени вероятности вербального сообщения

II. Жесты, дополняющие смысл вербального содержания

Жесты-пиктограммы, изображающие действие / объект, о котором идёт речь; жесты-идеограммы, демонстрирующие логическое продолжение коммуникации или противопоставление; подъём плеч.

Данная группа жестов преимущественно дополняет вербальное содержание высказывания. Например, в ситуации синхронного перевода переводчик использует жест обеими руками, демонстрирующий направление «вперёд» (рисунок 6) в момент произнесения следующего перевода высказывания оратора.

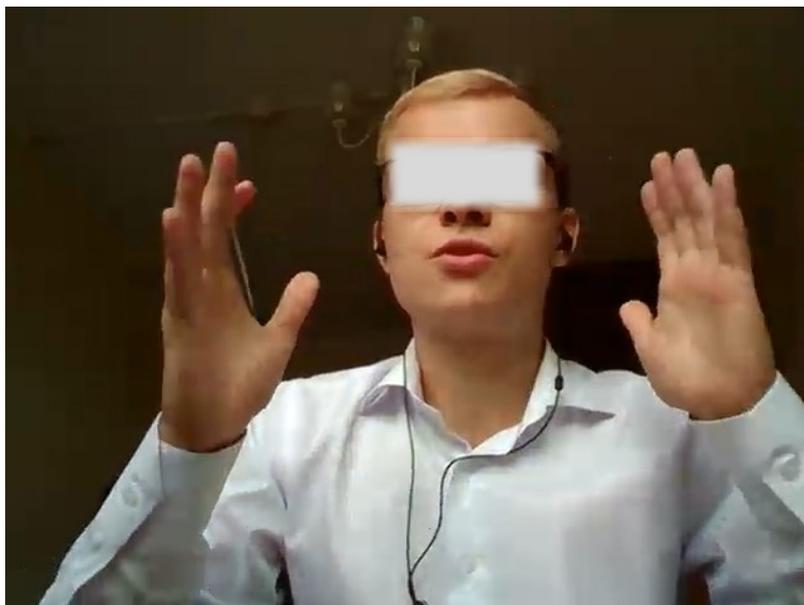

Рисунок 6 — Жест-пиктограмма в синхронном переводе (снимок экрана)

(55) Оратор: *I think that the fact that I've been watching this being streamed all day and the fact that there are men here, women here of all ages, young women, maturing women and all walks of life is **a move in the right direction**, would you not say?*

Перевод: *Я полагаю, что... Я слежу за событиями сегодняшнего дня, и я вижу, что с нами здесь присутствуют люди разного возраста: мужчины, женщины, молодые женщины, девушки и женщины среднего возраста, и эти люди **движутся в правильном направлении** (жест обеими руками, демонстрирующий направление вперёд).*

В примере № 55 невербальный жест дополняет вербальное выражение перевода, что говорит о ярко выраженной эмоциональности в момент перевода. Языковая личность выражается через высокую мотивацию в уверенной подаче перевода.

III. Комфорт-жесты

Метод сплошной выборки невербальных средств выражения языковой личности показал, что в ситуации синхронного перевода и сильного эмоционального напряжения переводчики в большинстве случаев используют комфорт-жесты (термин наш. — *E.V.*) в момент высокой степени концентрации и

повышения уровня стресса. К таковым мы относим касание лица/волос рукой; касание наушников / микрофона, кивание головой в знак подтверждения озвучиваемого вербального сообщения (рисунок 7). Подобные жесты отмечаются в начале синхронного перевода, в переводе нового смыслового содержания, в ситуациях незначительных пропусков со стороны переводчика, не влияющих на передачу основного коммуникативного замысла оратора. Основной функцией жестов данной категории является снижение тревожности и нивелирование стресса.

Рисунок 7 — Комфорт-жесты в синхронном переводе (снимок экрана)

Рассмотрим следующий пример комфорт-жеста (рисунок 8, правый). В момент синхронного перевода переводчик работал в комфортном ему темпе и не делал письменных записей (переводческих пометок). Об этом свидетельствует наше наблюдение на протяжении всего видеофрагмента перевода. Также переводчик держит ручку неправильной стороной, т. е. очевидно, что использование предмета по назначению не планируется.

Отметим, что наличие предмета для записей в руках уже само по себе является комфортным для переводчика в коммуникативной ситуации перевода. К тому же использование подобных комфорт-жестов обеспечивает контроль уровня стресса переводчика за счёт манифестации движения в случае повышенной тревожности переводчика, возникновения непреднамеренной паузы, несогласованности перевода, обрыва синтагмы ввиду пропуска релевантной информации или невозможности своевременно представить адекватный перевод.

Рисунок 8 — Комфорт-жесты в синхронном переводе (снимок экрана)

IV. Знаки-эмоции

Улыбка; поджимание губ; полуоткрытый рот; облизывание / покусывание губ.

Социально-профессиональная сфера деятельности синхронного переводчика регламентируется нормами общественного поведения. Социальные нормы поведения подразумевают те действия, которые в определённой общественной среде в определённый период времени соответствуют образцам (моделям) правильного, нормативного поведения. Знаки-эмоции выступают компонентом нормативного поведения, выражают суждение о социально-профессиональном статусе, психоэмоциональном состоянии человека, проявляющемся в разного рода социальных отношениях между собеседниками (Чыпсымаа, 2017, с. 180).

Например, при анализе кинетического соматива «улыбка» (рисунок 9) мы определили взаимосвязь вербального содержания высказывания и момент проявления знака «улыбка» (выделено жирным шрифтом):

(56) Оригинал: *So now we have time for a Q&A session with a couple of questions...*

Anna Wintour: *Very intelligent questions, very intelligent questions.*

Перевод: *уже сейчас у нас есть возможность для сессии вопросов и ответов.*

Анна Винтур: **(/start/ улыбка)** *очень умных вопросов и ответов* **(/end/ улыбка).**

Рисунок 9 — Улыбка при выполнении синхронного перевода (снимок экрана)

Семантический дифференциал указанного знака свидетельствует, во-первых, о понимании переводчиком глубинного смысла высказывания, т. е. иронии в данном случае, и, во-вторых, о прагматическом потенциале языковой личности: сохранить юмор в переводе за счёт вербальных и невербальных средств. В результате синхронный переводчик удачно перевёл данный фрагмент благодаря личной улыбке, которая, безусловно, определяется на слух, и акцентной интонации.

Рассмотрим пример проявления улыбки в ситуации, когда в оригинальном тексте ирония отсутствует (рисунок 10).

(57) Оригинал: *You said, though, when you were a child, if your mother wanted to eat, she'd go catch a fish.*

Оратор 2: *Yes, so you had to feed people for dinner.*

Перевод: *Вы говорили, что, когда вы были ребёнком вы ходили на рыбалку.*

Оратор 2: *Да-да-да (/start/ улыбка), потому что это было необходимо, чтобы ужинать (/end/ улыбка).*

В данном случае семантический дифференциал невербального знака «улыбка» на всей его протяжённости можно определить как дружественную расположенность к аудитории, которая характеризуется зеркальным отражением эмоционального состояния оратора, которого видит переводчик, и чья прямая речь

подлежит переводу.

Рисунок 10 — Улыбка синхронного переводчика в момент молчания (восприятие сообщения оратора) (снимок экрана)

Частотным случаем появления улыбки у синхронного переводчика является момент самопрезентации оратора. Известно, что невербальная тактика самопрезентации становится действенной и усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию. В подобных случаях проявляется «этикетная» улыбка, которая носит сугубо официальный характер (Grice, 1989).

В момент осуществления синхронного перевода знаки-эмоции отражают внутреннее состояние человека, степень уверенности или неуверенности при подаче перевода, что является дополнительной формой объективности результатов анализа вербального проявления ЯЛ.

Приведённая классификация основана на различии жестов по семантическому значению и функциям с учётом конкретной коммуникативной ситуации. Кроме того, семантический дифференциал может уточняться непосредственно вербальным сообщением.

4.4 Окулесические маркеры языковой личности синхронного переводчика

Следующей группой невербальных знаков, сопровождающих речевое поведение языковой личности синхронного переводчика в нашем исследовании,

является группа окулесических маркеров, определяющих «визуальное поведение» синхронных переводчиков в момент осуществления профессиональной деятельности. Значительная проблема при исследовании окулесических маркеров заключается в сложности наблюдения и объективности интерпретации окулесических маркеров: взгляда, движений глаз, длительности зрительного контакта. Помимо прочего, важно одновременно учитывать минимальные изменения во взгляде переводчика и речевого выражения с учётом индивидуальных особенностей.

В зависимости от типа культуры взгляд и окулесические знаки воспринимаются и оцениваются по-разному. Этнопсихологи условно разделили человеческие цивилизации на «контактные» и «неконтактные». В «контактных» культурах огромное значение уделяется взгляду между коммуникантами при общении. К таким культурам относятся арабы, латиноамериканцы, народы юга Европы. Ко второй группе, условно «неконтактных», относятся индийцы, пакистанцы, японцы и жители северной Европы (Гетьманенко, 2013, с. 128).

Результаты анализа реализации окулесических маркеров позволяют шире смотреть на *homo loquens* и *homo actio*. Мы определили группу окулесических сомативов, в которую вошли движения глаз и связанные с ними движения надбровных дуг, направление взгляда, продолжительность зрительного контакта (его отсутствие).

В невербальной коммуникации выделяют следующие функции глаз при общении: регулятивная (выражаемое глазами требование вербальным или невербальным способом отреагировать на переданное сообщение или же, наоборот, подавить взглядом предполагаемую реакцию); контролирующая (осуществление визуального мониторинга с целью проверки, воспринято и понято ли переданное сообщение) (Крейдлин, 2004, с. 387); когнитивная (стремление передать информацию глазами) и эмотивная (выражение глазами и считывание испытываемых чувств) (Hall, 2014, p. 25).

С позиции исследования движений глаз синхронных и последовательных переводчиков, профессиональной целью которых является не общение как

такое, а адекватный перевод с учётом стиля и прагматики говорящего, мы выделяем эмотивную функцию и познавательную, так как регулятивная и когнитивная функции не применимы по отношению к синхронистам, осуществляющим перевод на расстоянии от оратора. Контролирующая функция по умолчанию является основной функцией глаз для объекта нашего исследования — синхронного переводчика.

Таблица 7 — Классификация окулесических сомативов по функциональному признаку и семантическому дифференциалу

Функция	Семантический дифференциал	Окулесические сомативы	Характеристика невербальных средств
ЭМОТИВНАЯ	Уверенность или оценка	Взгляд в камеру / на оратора независимый	Концентрация внимания на ораторе в момент восприятия и обработки звучащей речи
	Ложь / неискренность	Взгляд в сторону / вниз зависимый	Отсутствие зрительного контакта с оратором (взгляд не в камеру); Пропуск релевантной информации, неточный перевод
	Усиление значения	Подъем бровей (горизонтальные складки на лбу) зависимый	Субъектное экспрессивно-оценочное высказывание
	Дружелюбное расположение к оратору	Зеркалирование зависимый	Поддержание синхронности и демонстрация эмоциональной вовлечённости в коммуникативную ситуацию
ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ	Подбор эквивалента	Взгляд вверх или вверх и в сторону независимый	Концентрация при выборе переводческого эквивалента; Перевод высказывания с нереальным (предполагаем) смыслом
	Концентрация внимания	Взгляд в сторону / вниз независимый	Намеренный взгляд вниз (отведение взгляда от оратора) с задержкой более чем на 2 с; Использование письменных пометок при осуществлении синхронного перевода
	Уточнение	Прищур зависимый	Конкретизация значения высказывания

С точки зрения взаимодействия с вербальным компонентом различают невербальные средства, независимые от содержания речевого высказывания (*speech-independent*), и тесно связанные с ним (*speech-related*) (Hall, 2014, p. 12).

Окулесические невербальные сомативы исследованы нами на примере синхронных переводов в паре английский-русский языки. Мы определили семантический дифференциал и зависимость / независимость невербального знака от языкового содержания переводимой речи оратора:

- взгляд в камеру / на оратора; взгляд вверх; взгляд в сторону / вниз;
- прищур; подъём бровей; зеркальные оратору движения глаз.

Глаза берут на себя основную роль в невербальном общении, отражая внутреннее состояние коммуниканта, его отношение к переводимому тексту, мотив при подаче перевода. На основании таблицы окулесических сомативов можно заключить, что эмотивная функция окулесических маркеров представлена шире, чем познавательная функция. Полный перечень окулесических маркеров с иллюстрациями невербальных знаков, подлежащих визуальной фиксации, представлен в приложении (приложение).

Рассмотрим функциональную сторону эмотивных окулесических маркеров.

I. *Направление взгляда переводчика (в камеру / на оратора)*

По мнению Е.Н. Подтележниковой, «познавательная функция глаз реализуется при выражении желания установления контакта и получения информации. <...> Исследования показали, что участник общения, стремящийся занять доминирующую позицию, смотрит прямо и уверенно в глаза собеседнику» (Подтележникова, 2023, с. 19).

Данный окулесический маркер передаёт высокую степень концентрации и реализует одновременно познавательную и эмотивную функцию: переводчик неотрывно следит за каждым движением оратора, что позволяет ему, во-первых, полностью контролировать канал коммуникации, что особенно важно при удалённом переводе. Во-вторых, контролировать логику и содержание переводимого текста в зависимости от смысла и невербального поведения самого

оратора. В-третьих, визуально оценивать своего оратора и контролировать его эмоциональное состояние, что во многих случаях способствует более точному переводу вербального содержания.

II. *Направление взгляда переводчика (в сторону / вниз) (рисунок 11)*

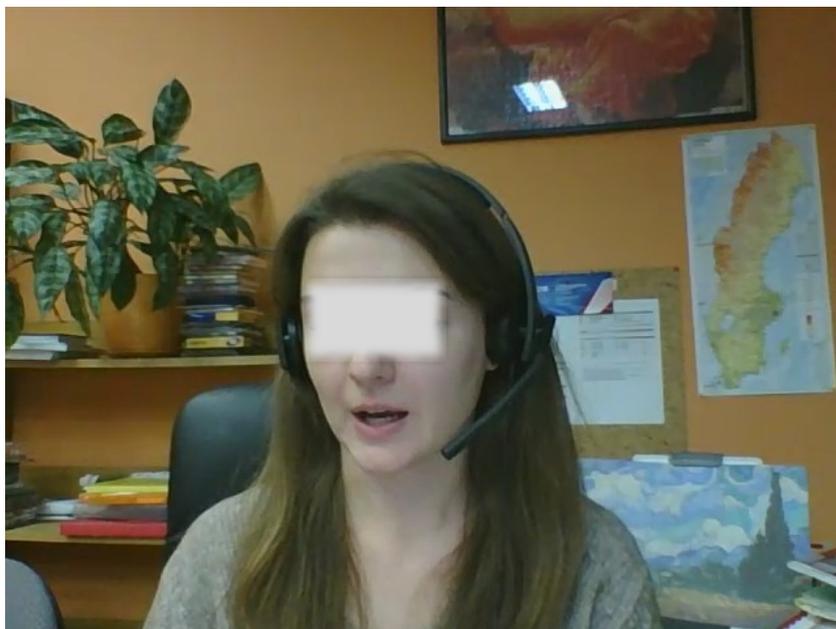

Рисунок 11 — Направление взгляда переводчика (в сторону / вниз)

Данный соматив проявляется как в эмотивной, так и в познавательной функции. Опишем случаи проявления данного невербального знака в эмотивной функции.

В ситуации перевода взгляд переводчика в основном фиксируется на ораторе, тем не менее, в момент затруднения, значительного отставания от речи оратора или неточного перевода синхронисты переводят направление взгляда в нижнюю треть пространства. Рассмотрим на примере:

(58) Оригинал: Оратор-2: *Here's our conversation with Margaret Atwood.*

Оратор-1: *Margaret Atwood, welcome to the program. Thank you. You're here at Penn State to receive the Institute of Arts and Humanities Medal for Distinguished Achievement...*

Переводчик-4: *Маргарита, добро пожаловать (/start&end/ пауза взгляд вниз). Вы получили медаль института искусств и гуманитарных наук.*

В приведённом примере № 58 очевидна остановка при подаче перевода. Переводчик замедляет темп, останавливается на 2,3 с, взгляд смещается в нижнюю четверть визуального пространства и вправо. С точки зрения выражения вербального сообщения, переводчику не удалось быстро и своевременно перевести незнакомую прецедентную единицу (Penn State), что подтвердилось невербальным знаком «взгляд в сторону / в сторону и вниз».

III. Подъём бровей / горизонтальные складки на лбу (рисунок 12)

Рисунок 12 — Подъём бровей / горизонтальные складки на лбу

Данный невербальный знак используется преимущественно в эмотивной функции с целью выражения субъективно эмоционального значения сообщения. Случаями проявления данного окулесического маркера являются не только случаи перевода метафоры, иронии, усиления значения, образности повествования, но и выражения личного дружественного настроения переводчика по отношению к переводимому тексту / оратору.

(59) Оригинал: *Now, I know you all have had a busy, packed full day. Very inspiring. Right. And hopefully our conversation will live up to the hype. But before we begin, of course, I want to take a moment to just acknowledge what has happened in Orlando, that even as we gather here today and we talk about the challenges that women face, we have to remember those that we lost in Orlando.*

Перевод: *Я знаю, что у всех вас был очень (/start/ подъём бровей) интересный день. Очень вдохновляющий. Полный событий (/end/ подъём бровей) и надеюсь, что наш диалог (/start/ подъём бровей) оправдает (/end/ подъём бровей) ваши ожидания. Перед тем как начнём. Конечно, же хотела бы (/start/ подъём бровей) прежде всего (/start/ подъём бровей) признать и выразить соболезнования насчёт того, что произошло в Орландо. Мы сегодня здесь собрались и говорим о сложностях, с которыми встречаются женщины. Нужно обязательно вспомнить те жизни, которые были утрачены в Орландо.*

Приведённый отрывок из выступления М. Обама на женском саммите представляет собой самое начало интервью. Начиная перевод неизвестного отрывка (в соответствии с условиями конкурса CosinesPi) переводчик с самого начала невербально «выражает» открытый и позитивный настрой к аудитории, оратору, которого он переводит, тем самым отражая прагматическую составляющую языковой личности синхронного переводчика: мотивация на адекватный перевод с акцентной, «живой» подачей в микрофон. Эмпирический материал свидетельствует, что в невербальном поведении окулесические знаки выражают разнообразные эмоции. По выражению глаз можно вполне достоверно декодировать информацию о настроении, мотивации и эмоциональном состоянии говорящего.

При фиксации использования окулесического соматива «подъём бровей (горизонтальные складки на лбу)» на письме становится отчётливо заметно как переводчик использует окулесический соматив при произнесении субъективно значимых лексем: *интересный день, оправдает, прежде всего, признать*. Прослушав далее оратора и поняв, что контекст беседы меняется в сторону выражения соболезнований погибшим в теракте в г. Орландо, переводчик снижает степень позитивного настроения до нейтрального уровня, т. е. так, чтобы голос и подача переводчика воспринимались уместно в контексте вербального сообщения. Это подтверждается визуальным отсутствием окулесического соматива на протяжении перевода всего фрагмента о трагических событиях в г. Орландо.

IV. Зеркалирование «невербального поведения» оратора (рисунок 13)

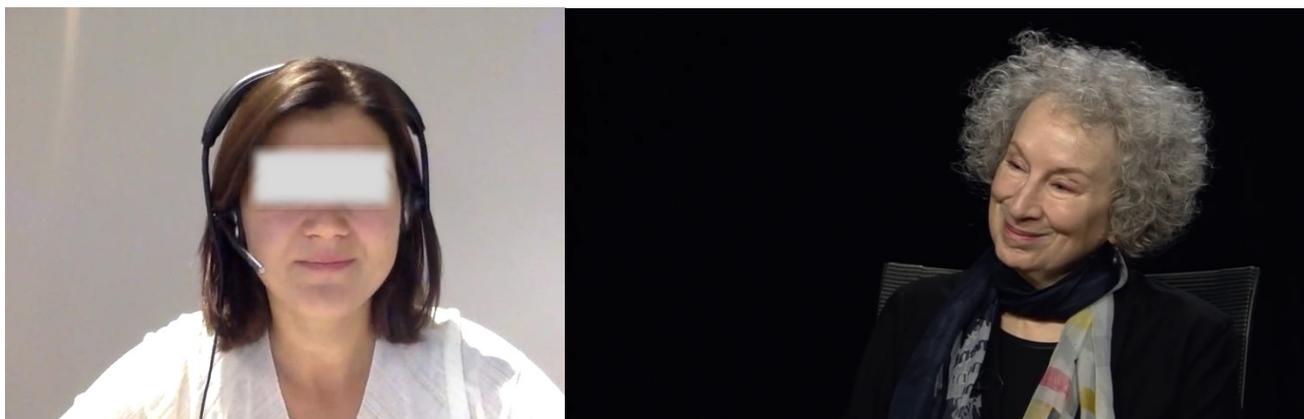

Рисунок 13 —Зеркалирование «невербального поведения» оратора

Процесс зеркального отражения динамики позы, жестов и мимики говорящего традиционно происходит при общении двух и более людей. Динамичное зеркальное отражение невербальных жестов заключается в сознательном или бессознательном отображении физического поведения, целью которого является подражать собеседнику. Цель данного приёма — создать для собеседника комфортную среду, когда оба коммуниканта испытывают удовольствие от общения.

Зеркальное отражение (или «эффект хамелеона») говорящего исследуется психологами для определения степени взаимопонимания, доверия между собеседниками.

Сравним:

(60) Оригинал: *Other little girls complain of having had to wear pink frilly dresses. I longed for a pink frilly dress. Didn't get one, I got I got overalls... /улыбка/.*

Перевод: *девочки носят розовые платья я просто мечтала, мечтала об этом розовом платье с рюшами. К сожалению, у меня ничего такого не было, у меня был просто комбинезон /улыбка/.*

Проанализируем функциональную сторону познавательных окулестических маркеров.

V. Направление взгляда переводчика (взгляд вверх / вверх и в сторону)

Окулесический соматив «взгляд вверх / вверх и в сторону» наблюдается у синхронных переводчиков при переводе смысла воображаемого события (нереальной модальности). Глазное поведение переводчика является в данном случае маркером особой концентрации внимания в момент подбора переводческого эквивалента.

Например, перевод лекции о банках, выполненного синхронным переводчиком:

(61) Оригинал: *and there is other pull of entrepreneurs. They have a bunch of really good ideas for projects. They're like "You know what, if I could just get investments for my projects"*.

Перевод: *и есть количество определённых предпринимателей, у которых есть большое количество интересных идей и проектов, и они думают (/start/ взгляд вверх и в сторону) «О, если бы у меня (/end/взгляд вверх и в сторону) только были бы деньги на проекты, которые я хочу осуществить».*

Подобное окулесическое поведение помогает нам определить моменты наибольшей концентрации переводчика в рабочей ситуации, характер и степень выражения эмоционального состояния переводчика: заинтересованность при переводе образного смыслового содержания (метафоры, сравнения) и стремление к точному вербальному соответствию.

VI. Направление взгляда переводчика (взгляд вниз / в сторону и вниз)

В ходе анализа были отмечены случаи, когда, сохраняя качество перевода, переводчик отводил взгляд от оратора, фиксируя взгляд на нижней части обозримого пространства (рисунок 14):

(62) Оригинал: *where they they they moved their offices and once the city had heard that we had moving down, there are a lot of other people did, which is obviously great for the neighborhood and the investment in that particular area because it has been somewhat of a ghost town for so many years. But having come from Times Square, which is this amazing mass of humanity...*

Рисунок 14 — Направление взгляда переводчика вниз / в сторону и вниз

Перевод-2: *и когда прошёл слух о том, что мы открываем свой офис там то и другие компании начали приезжать и для района это было очень хорошо, поскольку он был таким районом-призраком на протяжении многих лет. Но, конечно же, переезжать с Таймс Сквер, настоящего человеческого муравейника...*

В примере № 62 переводчик-2 продемонстрировал профессиональное владение реалиями языка оригинала, способность осуществлять адекватную подачу перевода без сохранения продолжительного визуального контакта с объектом.

Следующий пример также демонстрирует использование окулесического маркера «взгляд в сторону / вниз» с познавательной функцией: взгляд вниз для осуществления переводческой записи прецедентной лексики, чисел, дат и пр. в момент синхронного перевода:

(63) Оригинал: *So, we set up the CAFTA fashion fund one after that. And we I think we have about (/start/ **взгляд вниз**) twenty-five million dollars now in the endowment and we have hundreds and hundreds of designers that apply every year. And we narrow that down to ten finalists. And then after about six or nine months of evaluation (/end/ **взгляд вниз**), we hand out three prizes to the finalists.*

Перевод-2: *и мы учредили фонд. У нас сейчас примерно двадцать пять миллионов долларов в фонде и сотни сотни дизайнеров нам присылают заявки мы отбираем. десять финалистов. Смотрим за ними шесть девять месяцев и троих награждаем.*

В примере № 63 оригинального текста оратор использует ряд числительных, которые переводчик последовательно фиксирует, выполняя синхронный перевод. Передав всю суть сообщения оратора, переводчик не допустил фактической ошибки при переводе числительных, что говорит о профессионализме и высокой компетенции переводчика.

VII. Прищур

Данный окулесический соматив используется переводчиком при конкретизации смысла высказывания, а также гиперболизации значения чтобы наиболее точно передать мысль оратора исходного текста. В ходе анализа было установлено, что на употребление невербального знака влияет личностное отношение к переводимому тексту.

На рисунке 15 обозначен фрагмент синхронного перевода лекции о банках (04:47 с):

(64) Оригинал: *It's also hard for these people to evaluate who has a good project. It's hard for these people to evaluate who has savings for this.*

Рисунок 15 — Окулесический соматив синхронного переводчика (снимок экрана)

Перевод: *людям, у которых есть лишние деньги, трудно оценить, насколько хорош проект, в который им предлагают вложить деньги.*

На изображении справа представлен фрагмент дальнейшего синхронного перевода этой же лекции (06:16 с):

(65) Оригинал: *Let's say my initial balance sheet is... I put in a million...let me draw it...I put in a million of my gold coins.*

Перевод: *у меня есть **миллион** этих золотых монет.*

В указанных фрагментах окулесическое поведение переводчика выражено акцентуацией на значимых для перевода лексемах (выделены жирным шрифтом), что обусловлено конкретизацией значения вербального содержания.

VIII. Вертикальные складки на лбу

Окулесический соматив «вертикальные складки на лбу» отражается в невербальном окулесическом поведении переводчика в случаях, когда языковое содержание определяется негативным опытом / переживаниями / последствиями и т. д.

При видеоанализе репрезентации окулесического соматива «вертикальные складки на лбу» на письме становится отчетливо заметно как переводчик использует окулесический соматив при конкретизации (рисунок 16):

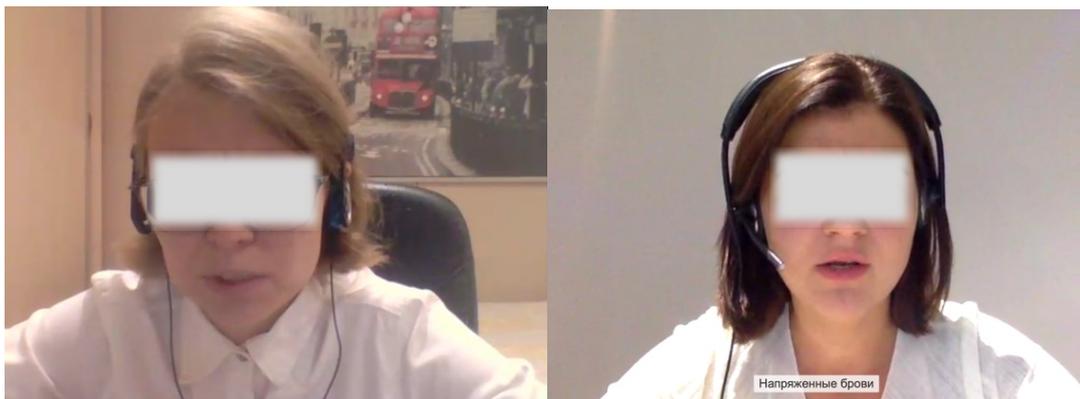

Рисунок 16 — Окулесический соматив «вертикальные складки на лбу» (снимок экрана)

(66) Оригинал: *But having come from Times Square, which is this amazing mass of humanity with everyone from the naked cowboy. Do you know who the naked cowboy is? But, you know, he's a man in the middle of winter in underwear taking a picture.*

Перевод: конечно же переезжать с Таймс Сквер настоящего человеческого муравейника начиная с голого ковбоя вы знаете, кстати, кто это? Это такой уличный артист, который ходит по Таймс Сквер в одном нижнем белье.

Переводчик (рисунок 16, слева) использует невербальный знак «вертикальные складки на лбу» в момент перевод уточняющего вопроса со стороны оратора. Здесь стоит обратить внимание, во-первых, на конкретизирующее уточнение как таковое и, во-вторых, на способность синхронного переводчика успеть перевести информацию, которая не является особенно значимой в указанной синтагме. Данный факт подтверждает высокую скорость перевода и мотивацию, при которой переводчик стремится передать содержание с полнотой, свойственной оригиналу.

(67) Оригинал: Оратор-1: *You know, you're part of the so-called silent generation, those born between nineteen twenty five and nineteen forty five...*

Оратор-2: *Why were we silent?*

Оратор-1: *Well, that's a good question.*

Перевод: Оратор-1: *Вы являетесь частью так называемого молчаливого поколения те, кто родились в промежутке с 25 до 45 года.*

Оратор-2: *А почему молчаливого?*

Оратор-1: *да, это хороший вопрос.*

Переводчик (изображение верхний слева) использует окулесический соматив «вертикальные складки на лбу» при переводе уточняющего вопроса со стороны второго оратора (М. Этвуд). В данном случае использование данного соматива обусловлено вопросом-конкретизацией (уточнение), а также зеркальным отображением мимики второго оратора (прищур + вертикальные складки на лбу).

IX. Частое моргание

При видеоанализе материалов работы синхронных переводчиков присутствуют случаи частого моргания. Физиологи и психологи отмечают, что частота моргания увеличивается в ситуации стресса. Антрополог Д. Моррис утверждал, что увеличение сигналов моргания обусловлено процессами возбуждения и торможения (Morris, 1967, p. 75). В ситуации неискреннего

общения у человека через внешние импульсы активизируются процессы возбуждения, которые удерживаются и контролируются им на подсознательном уровне. Сигнал инстинктивного закрывания глаз, или моргание, появляется именно вследствие неконгруэнтности переживаемых чувств и демонстрируемого состояния (Спирица, 2017, с. 57).

На основе результатов анализа окулесического поведения мы можем утверждать, что синхронные переводчики в профессиональной деятельности активно используют окулесические невербальные маркеры в случаях: высокой увлечённости переводом содержания, сопереживания речи оратора, мотивации адекватного перевода и эмоционально адаптированной подачи перевода, в ситуации перевода образных выражений, метафор, прецедентной лексики, прямой речи, нереальной модальности, иронии.

4.5 Просодические маркеры языковой личности синхронного переводчика

Вопрос важности исследования просодических категорий в синхронном переводе неоднократно обсуждался в работах отечественных исследователей (В.Д. Аракин, А.А. Кубашева, К.К. Пилюсян, Л.В. Постникова, И.Л. Фунтова) и зарубежных лингвистов (J.C. Wells, D. Christal, N. Elmar, O. Kade, C. Cartellieri, В. Ahrens). Однако, несмотря на обилие работ на тему просодики и невербальных элементов, присутствующих в речи, база эмпирических исследований в этой области не обширная, несмотря на большой прогресс в вопросе вспомогательных компьютерных программ и технических средств.

Просодические сомативы являются центральной группой при исследовании невербальных средств выражения языковой личности, так как именно голос и подача перевода является наиболее существенной при оценке успешности выполнения синхронного перевода.

Безусловно, категории просодии являются важнейшими в работе профессионального синхронного переводчика. Просодическая компетентность,

изучению которой посвящён ряд работ Е.Л. Фрейдиной, Е.В. Великой, А.А. Волкова и др., является наиболее значимым параметром при оценке качества работы синхронных переводчиков в профессиональных конкурсах или собеседованиях. Для целей настоящей работы мы анализировали просодические средства профессиональных синхронных переводчиков в возрасте от 25 до 45 лет.

Одной из главных особенностей синхронного перевода является знание просодической структуры, что позволяет переводчику концентрироваться на семантических центрах, отражающих полным смысл текстового поля (Фомиченко, 1985). Также к базовым параметрам специфики синхронного перевода является знание просодической акцентуации (ядерных тонов), способность к прогнозированию высказывания, профессиональное владение голосом. Профессиональный синхронист отстаёт от оратора на 3—6 лексических единиц, способен предугадывать логику последующего смыслового отрезка, а также ускорять и замедлять темп в зависимости от скорости речи оратора и смыслового содержания высказывания.

В результате наблюдения мы выявили группу просодических сомативов, которая включает следующие маркеры:

- громкость голоса;
- тональность и тембр голоса;
- темп речи;
- артикуляционные особенности речи;
- особенности интонации.

Уверенность подачи перевода определяется громкостью и тембром голоса. Как правило, аудитория доверяет и охотнее воспринимает более низкий голос нежели высокий (Уланова, 2021). Достаточная громкость голоса отражает уверенность говорящего в смысле высказывания. И, наоборот, тихий, высокий голос скорее выдаст неуверенность и сомнение в смысле произносимого высказывания. Сравнивая синхронные переводы с английского на русский язык, важно отметить, что «в английской интонационной системе кинетический тон реализуется в рамках слога более растянуто» (Бареева, Боднар, 2017), важно

учитывать ритмическую организацию речи на английском языке, в которой наблюдается сильный контраст с интонационной шкалой в русском языке.

Роль параметра «темп» в речи переводчика, как со стороны исходного языка, так со стороны и самого переводчика, является одной из ключевых для эффективного межкультурного взаимодействия и восприятия иноязычной речи. Об этом пишут в своих трудах Г.В. Чернов, А.Ф. Ширяев, Р.К. Миньяр-Белоручев. Так, Г.В. Чернов приводит своё мнение, что при переводе темп деятельности жёстко задаётся извне — оратором (информантом), произносящим высказывание на исходном языке.

Важным параметром СП с позиции просодической составляющей является синхронное (или с незначительным отставанием) завершение транслята в ЯП. Просодические особенности в СП играют основную роль при восприятии речи СП на слух. От скорости артикулирования звуков и длительности речевого звучания зависит общее восприятие темпа речи и перевода в целом. Отсутствие адекватного просодического оформления транслята в процессе синхронного перевода может явиться маркером недостающей компетентности синхрониста.

Анализ темпа речи может быть проведён в зависимости от количества следующих речевых единиц: звуков, слогов, слов, и синтагм, которые в свою очередь измеряются за определённый промежуток (или единицу времени): минуту или секунду. Темп речи может быть зарегистрирован по следующим параметрам: 1) по средней продолжительности звучания некоторой лингвистической единицы; 2) по количеству лингвистических единиц, которые появляются в единицу времени (Фонетика спонтанной речи, 1988, с. 216).

Соответственно, темп речи переводчика является условной переменной, зависящей, на наш взгляд, не только от темпа речи оратора, но и от логической связности речи и наличия прецедентных феноменов, подлежащих переводу. Если речь оратора логична, то синхронист активно применяет тактику прогнозирования, которая сокращает время на обдумывание и позволяет сократить временное отставание и поддерживать темп речи оратора.

Можно обозначить два вида темпа: общий (когда в общую длительность

звучания монолога учитываются паузы) и артикуляционный (когда берётся во внимание только длительность звучания речи говорящего без учёта пауз) (Черниговский, 2016). В проанализированных видеозаписях синхронных переводов на русский язык (родной язык для синхронных переводчиков, участвующих в исследовании) темп речи переводчика рассчитывался по формуле:

$$Rs_{(wpm)} = Nw \times \frac{60}{Ts}$$

Для целей настоящего исследования мы рассчитывали полный темп с учётом артикуляционных особенностей переводчика и межфразовых пауз.

Следовательно, чтобы рассчитать численное значение полного темпа речи $Rs_{(words\ per\ minute / wpm)}$, нужно разделить общее количество слов в произнесённом тексте Nw (*Number of words*) на длительность его звучания Ts (*Time seconds / Ts*).

Рассмотрим на примере: синхронный переводчик за время осуществления перевода (443 с или 7 мин 23 с, что составляет среднюю длительность видеофайла в нашем эксперименте) произнёс 970 слов. Следовательно, темп его речи равен 131,3 с, что соответствует среднему темпу речи на русском языке.

Определение состава группы просодических сомативов производилось с использованием методов структурной лингвистики с помощью экспериментального наблюдения и спектрального анализа, выполненного в компьютерной платформе Sonix.ai, позволяющей отслеживать степень уверенности произнесения, паузацию, молчание, изменение громкости и высоты голоса.

На темп переводчика оказывают влияние темпоральные характеристики речи и индивидуальные фонетические особенности — паузы, хезитации, самоперебивы, самоисправления, повторы, произношение, артикуляция, ритм. Данные фонетические явления либо замедляют речь переводчика, либо ускоряют и делают речь более напряжённой. В некоторых местах речь переводчика не всегда чётко артикулирована и трудно понять содержание высказываний. Темп

речи переводчика зависит от коммуникативной ситуации. Находясь в определённых условиях, переводчик вынужден следовать этим условиям. При этом темп его речи будет так же либо замедляться, либо ускоряться.

Таблица 8 — Классификация просодических сомативов по семантическому дифференциалу

Семантический дифференциал	Просодические сомативы	Характеристика невербальных средств
Уверенность	Вариативная интонация	Полное или относительно полное понимание содержания высказывания, которое позволяет эмоционально выделять значимые единицы коммуникации
Уверенность	Акцентная паузация	Полное или относительно полное понимание содержания высказывания, которое позволяет выделять значимые единицы коммуникации при помощи акцентной паузации
Дружелюбное расположение к оратору	Зеркалирование	Поддержание синхронности и демонстрация эмоциональной вовлечённости в коммуникативную ситуацию
Ложь	Молчание	Недостаточное понимание смысла высказывания; Пропуск релевантной информации; Сильное отставание от оратора;
Подбор эквивалента	Звуки-хезитации	Концентрация при выборе переводческого эквивалента; Пропуск релевантной информации.
Неуверенность	Невнятная речь	Недостаточное понимание смысла высказывания; Пропуск релевантной информации;

Главным индикатором эмоции в словах, вводящих реплики диалога, является маркер интонации, поскольку просодические элементы интонации (тон, тембр, темп) — основные средства обозначения эмоционально-экспрессивных оттенков речи на русском языке, и маркер психоэмоционального состояния, поскольку он определяет (проектирует, манифестирует) эмотивные смыслы базовой эмоции через пространственно-временную и выразительную организацию общения, а также через вегетативную реакцию коммуниканта.

К артикуляционным особенностям просодических сомативов относятся индивидуальные физиологические параметры речи переводчика (дефекты речи) и

разборчивость речи. Параметр «чёткость произношения» напрямую зависит от степени уверенности говорящего в смысле продуцируемого сообщения. Степень уверенности произнесения оценивается автоматически при помощи искусственного интеллекта и программы распознавания речи Sonix, а также при объективном восприятии речи на слух. Среди проанализированных фрагментов синхронных и последовательных переводов мы не обнаружили дефектов в речи переводчиков.

Выводы по главе 4

Изучение невербального поведения языковой личности синхронного переводчика целесообразно проводить с учётом прагматики вербального выражения. Невербальная составляющая дополняет структурное содержание собственно языковой личности и позволяет анализировать мотивы и установки переводчика. В невербальной коммуникации раскрываются интенции говорящего, обозначается личное отношение переводчика к содержанию, уточняется смысл вербального сообщения.

Невербальное поведение языковой личности синхронного переводчика определяется переводимым вербальным сообщением, а также внутренними мотивами и интенцией самого переводчика. То есть невербальное поведение является частью структуры языковой личности, так как невербальные средства дополняют и влияют на репрезентацию на вербально-семантическом, лингвокогнитивном и прагматическом уровнях.

Способы оценки невербального поведения языковой личности включают лингвокогнитивный анализ лингвистических, паралингвистических и невербальных средств. Были определены основные виды контролируемых и неконтролируемых невербальных маркеров языковой личности синхронного переводчика. В зависимости от части тела, активизируемой в процессе осуществления синхронного перевода, представлены группы кинесических сомативов, окулесических сомативов, просодических сомативов, которые позволяют глубже раскрыть прагматический уровень языковой личности.

Невербальное поведение языковой личности синхронного переводчика, аккумулирующее информацию о соматических и вегетативных реакциях, в контексте комплексного исследования рассматриваемого феномена, позволяет глубже раскрыть содержание прагматического (мотивационного) уровня языковой личности. Данное понимание роли невербального поведения в процессе генерации и интерпретации смыслов в синхронном переводе позволило определить кинесические сомативы по семантическому дифференциалу. С точки зрения функциональной семантики были выделены четыре категории кинесических сомативов. В коммуникативной ситуации перевода семантический дифференциал подтверждается содержанием вербального сообщения. Таким образом, в жестовом поведении присутствует схема как вербального выражения ЯЛ, так и невербального.

Результатом анализа окулесических маркеров является создание классификации окулесических сомативов по их функции в ситуации перевода и семантическому дифференциалу. Анализ контекстов употребления окулесических маркеров в пространстве синхронных переводов телевизионного интервью позволяет сделать вывод об их значительном функциональном потенциале, который во многом способен определить единицы выражения прагматического уровня.

Состав группы просодических сомативов позволил выделить темпоральные характеристики речи и индивидуальные фонетические особенности проявления языковой личности синхронного переводчика. Просодические сомативы являются наиболее существенными средствами невербальной коммуникации языковой личности синхронного переводчика. От скорости артикуляции звуков и длительности речевого звучания зависит общее восприятие речи синхронного переводчика. Основным индикатором прагматики речи переводчика является интонация, репрезентирующая просодические элементы (тон, тембр, темп), которые определяют эмотивные смыслы через выразительную организацию общения.

5 ЛИНГВОГЕНДЕРНАЯ ПАРАДИГМА МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ

ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

5.1 Проблема гендера языковой личности

Дихотомия мужского и женского существует во всех сферах жизни. Отсюда следствие возникновения противопоставления людей по половому признаку в различных науках, объектом которых выступает человек. Вопросы гендерных различий всегда привлекали внимание учёных в различных областях. Сегодня исследователи сходятся во мнении, что гендерно-научная проблематика современных исследований свидетельствует о возрастающем уровне взаимопроникновения культур.

С античных времён среди учёных, изучавших грамматику, существовало мнение о связи языка и пола. Было известно, что некоторые туземные племена выражают категорию рода эксплицитно, т. е. различия в речи были связаны с полом говорящего. Ранние исследования показали, что данные различия носили регламентированный характер, вследствие чего «мужской язык» считался нормой, а «язык женский» — отклонением от этой нормы (Кирилина, 2000, с. 52).

В рамках общефилософского подхода проблема гендера или проблема определения поиска общего и различного в мужском и женском прослеживается уже в XIX в. В. фон Гумбольдт полагал, что разница между полами воздействует на внутреннюю природу человека, а потребность в языке является природной и жизненно необходимой: «...язык развивается только в обществе, и человек понимает себя только тогда, когда на опыте убедится, что его слова понятны также и другим людям» (Иванцова, 2010, с. 158).

Вызовы первой половины XX в. ознаменовали значительное расширение сферы интересов лингвистической науки, развитие лингвоперсонологии. Одним из первых языковедов, изучавших проблему гендера при исследовании женской языковой личности, был Д.О. Ясперсен. Постепенно фокус внимания лингвистической науки как отечественной, так и зарубежной смещался на живой язык, а точнее — на говорящую личность. поэтапное развитие человеческого

фактора в науке способствовало не только распространению трансдисциплинарного компонента в лингвистике, но и возникновению проблем репрезентации мужского и женского в системе языка, в результате чего в 1970-х гг. сформировалось новое направление: гендерная лингвистика. Понимание категории гендера как следствие биологической категоризации по половому признаку и изучение различий в речи на основании биологической разницы мужчин и женщин, сменилось комплексным подходом к исследованию гендера как сложного феномена.

Основные вопросы гендерной лингвистики в целом остаются актуальными и включают в себя вопросы исследования различий в речевом поведении, устной и письменной речи мужчин и женщин, способы гендерной репрезентации в дискурсе, изучение влияния гендерных стереотипов на создание и восприятие текста, отражение вариативности мужского и женского как динамичных категорий дискурса, анализ человеческого фактора в языке, исследования гендера во фразеологической семантике, в лингвистических научных дисциплинах (А.Н. Баранов, С. Бем, С.Н. Бредихин, Е.Ю. Булыгина, Л.Ю. Буянова, Е.И. Горошко, А.Н. Еремин, М.Р. Желтухина, В.В. Катермина, М.А. Китайгородская, А.В. Кириллина, Г.Е. Крейдлин, Ю.С. Куликова, Р. Лакофф, О. Б. Мойсова, И.В. Полевая, Н.Н. Розанова, С.В. Серебрякова, Д. Таннен, В.Н. Телия; Н.Ю. Фанян, J. Holmes, M. Jonson, O. Sullivan и др.). Результаты научных трудов по гендерологии подтверждают, что биологический пол оказывает влияние на речевое поведение как самого человека, так и его собеседников.

Проблема определения понятия «гендер» включает в себя две важнейшие задачи: 1) определение соотношения понятий «пол» и «гендер»; 2) определение гендера как социально-культурного конструкта: считать ли гендер продуктом представлений общества и, как следствие, индивида о проявлениях отнесённости к полу или определяется также имеющимися психологическими особенностями лиц того или иного пола (Козлова, 2021, с. 19).

Данная глава направлена на выявление показателей гендера в женском и

мужском речевом поведении на различных языковых уровнях: лексико-синтаксическом, грамматическом, морфологическом. Когнитивная составляющая исследования предлагает всесторонний анализ речевого поведения с точки зрения эмоциональных и речемыслительных процессов, а также с учётом социальных функций языковой личности. Представляется объективно важным рассматривать гендер ЯЛ с позиции лингвофункционального анализа для определения структуры гендерного дисплея и гендерных стереотипов в ситуации синхронного перевода: проявление гендера в речевых стратегиях и тактиках, гендерно обусловленный выбор лексем, морфем, грамматических категорий, синтаксических связей, стилового выражения.

Начиная с 1980-х гг. определился вектор развития гендерной лингвистики, известный как социальный конструктивизм (Хуе, 2008) или теория социальной конструкции гендера, суть которой заключается в постепенном становлении гендера человека в зависимости от культуры и социума, т. е. прижизненное «усвоение индивидом культурных паттернов в процессе социализации» (Фомин, 2004, с. 12). Представители теории социальных конструкций гендера рассматривают гендер как динамический и изменчивый феномен, конструируемый коллективным сознанием и пониманием мира, обусловленного культурой, с одной стороны, и, посредством индивидуального социального взаимодействия, с другой. Так, по мнению Н. Эдли, сформировавшись единожды, гендер языковой личности может претерпевать изменения, *jelly never sets*, (желе никогда не застывает — перевод наш. — E.V.) под давлением социальной среды (Edley, 2001, p. 192).

По мнению учёных Дж. Лорбер (J. Lorber) и С.А. Фаррел (S.A. Farrel), помимо существующих двух традиционных вариантов гендера современный мир не может создать новые, следовательно, вне зависимости от исполняемой социальной роли, мы можем говорить о феминности или маскулинности языковой личности (Lorber, Farrel, 1991). Однако, подобная идея о стабильном состоянии гендера языковой личности не может объяснить реалии современного общества. Например, во многих культурах женщине свойственно проявлять мягкость,

нежность, вести домашнее хозяйство. Следовательно, согласно данной парадигме, женщины, которые сегодня осуществляют деятельность за пределами обозначенных культурой стереотипов, не могут рассматриваться как представители гендерно маркированной ЯЛ женщины. Подобная логика, на наш взгляд, не соответствует объективно существующему современному миру.

Вторым подходом в гендерологии большинством учёных признается теория гендерной системы (гендеризма) (И. Гофман, А.Г. Фомин, С. Бем), в основе которой лежит постулат о гендерном измерении социальной структуры общества. В рамках данной теории у нас появляется возможность изучить влияние гендерного фактора на функциональную сторону языковой личности через анализ вербальных компонентов.

Лингвисты (F. Braun, 1997; A. Gottburgsen, 1997; U. Grässel, 1997; R. Lakoff, 2004) сходятся во мнении, что мужчины и женщины в действительности говорят по-разному (Гутарева, 2015). Нам представляется, что формирование гендера является дискурсивно зависимым, изменчивым под воздействием социального и культурного контекста и рассматривается в динамике. А.Г. Фоминым в диссертационном исследовании предлагается модель гендерного типа личности, на основании мужской, женской и андрогинной субкультур (Фомин, 2004, с. 6), что, в свою очередь, обосновано заставляет нас рассматривать гендерные характеристики ЯЛ, учитывая гендерный тип личности.

5.2 Гендерные характеристики языковой личности синхронного переводчика

Отношения гендера и дискурса – объект интереса гендерной лингвистики, а также ряда трансдисциплинарных направлений: социолингвистики, психолингвистики, антропологии, этно- и психолингвистики.

Гендерный анализ вербальной репрезентации языковой личности на различных уровнях языка позволяет получить более точные сведения для комплексного рассмотрения языковой личности в целом. Изучение особенностей

перевода лексических единиц, имеющих гендерную семантику, способствует решению практических проблем перевода, а также расширить теоретические знания о способах выражения гендера в переводном тексте. Очевидно, что исследования в области антропоориентированной гендерной лингвистики не утратили своей актуальности (Анисимова, 2010; Земская, Китайгородская, Розанова, 1993; Зиновьева, 2016; Козлова, 2021; Кирилина, 1999, 2000, 2003, 2005; Кирилина, Терентий, 2015; Мудрая, 2021; Ермакова, 2018; Омелькина, 2018 и др.).

Термин «гендер» не является непосредственно категорией рода. В наши дни учёные склонны понимать данный термин шире: как дискурсивный, социокультурный и психолингвистический феномен (Кирилина, 1999, с. 45). Разная степень преобладания гендера в зависимости от дискурса и коммуникативных намерений говорящих заставляет рассматривать его как переменную, которая проявляется с различной интенсивностью либо полностью нейтрализуется. Вследствие чего, по мнению А.В. Кирилиной, на сегодняшний день наиболее актуальным является вопрос «не о том, каким образом пол влияет на коммуникативное поведение и использование языка, а о том, какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности, в каких коммуникативных ситуациях, типах дискурса и с какой интенсивностью совершается конструирование гендерных характеристик, какие экстра- и интралингвистические факторы воздействуют на этот процесс» (Кирилина, 2005, с. 8).

Изучая историю гендерных исследований с точки зрения становления теоретических и методологических принципов, О.А. Воронина подчёркивает, что применение гендерного подхода в гуманитарных науках — это «принципиально новая теория, принятие которой иногда обозначает изменение ценностных ориентаций человека и учёного и пересмотр многих привычных представлений и истин» (Воронина, 2001, с. 105). «Гипотеза Сепира-Уорфа», описывающая лингвистическую относительность, и, определяющая язык продуктом жизнедеятельности человека, а также средством формирования его мировоззрения, явилась основой для изучения и анализа гендерного релятивизма в языке.

В данном разделе мы рассмотрим различия синхронного перевода на

морфологическом, лексическом и синтаксическом уровне, принимая во внимание гендерную принадлежность переводчика.

Лингвистическая категория гендера находит своё выражение при помощи различных средств: лексических, морфологических, синтаксических. Каждый уровень языковой структуры способен выражать принадлежность автора к определённому полу своим специфическим способом. Одним из основных уровней, обладающих способностью представления аксиологических отношений с помощью различных специфических средств, является синтаксический. Предложение — основная единица синтаксиса, в которой выражается относительно оконченная мысль, сообщение, запрос информации или побуждение собеседника к действию, чувства говорящего (Гукова, Петрова, Степанов, 2013, с. 29).

В данном разделе мы изучаем и анализируем гендерные характеристики в СП, выполненном профессиональными синхронными переводчиками в рамках конкурса CosinesPi. Исходя из материала нашего исследования, мы считаем особенно важным анализировать не только скрипты СП, но и аудиовизуальные записи каждого переводчика, обращая внимание на лингвистические, и экстралингвистические особенности репрезентации гендера.

Главный принцип перевода предполагает передачу структуры и формы текста оригинала — данной точки зрения придерживался виднейший исследователь перевода В.Н. Комиссаров. Тем не менее, очевидно, что, придерживаясь лишь формально-лингвистического принципа, переводчик рискует допустить дословный перевод, совпадение синтаксических структур с языком оригинала, другими словами — слабый перевод. Согласимся с мнением О.А. Радчук, что в подобных случаях мы наблюдаем общеизвестную ситуацию, когда мысль оратора понятна, но форма её выражения не соответствует языку перевода (Радчук, 2018). Важно помнить, что для аудитории перевод будет звучать на родном языке и должен восприниматься легко и непринуждённо.

Исследования гендерных различий в синхронном переводе дают возможность изучать гендер как параметр языковой личности переводчика. На

настоящий момент нет общей методологии проведения анализа качества синхронных переводов. Особую сложность для объективной оценки промежуточных результатов исследования представляют собой внешние факторы, которые оказывают влияние на анализ перевода: скорость речи оратора и переводчика, паузы, внешний шум, качество записи и т. д. Более того, нельзя не учитывать, что синхронный перевод представляет собой один из самых энергозатратных направлений профессиональной деятельности (Синхронный перевод ... , 2019). Скорость обработки сигнала и точность результата на выходе, который демонстрируют профессиональные переводчики, невозможна без многих лет практики и строгого отбора переводчиков (Кони́на, Черниговская, 2018). Результат перевода представлен в каждом конкретном случае по-разному, что, в свою очередь, отражается на результатах анализа.

Ещё одним фактором, повлиявшим на выбор материала исследования, стала весомая надёжность интерпретации результатов. Синхронный переводчик должен принимать решение за считанные секунды, а иногда и вовсе интуитивно, без возможности обдумать заранее эквивалент перевода. Данное обстоятельство, на наш взгляд, позволяет объективнее оценивать переводы участников эксперимента. Появляется возможность беспристрастно анализировать текст, который не был подготовлен и отредактирован заранее. Следовательно, мы сможем выявить признаки, характерные для мужских и женских вариантов эквивалентов перевода, выполненных одновременно.

В результате опытно-экспериментального анализа переводов телевизионных интервью мы обнаружили некоторые значимые гендерные различия в речевом поведении переводчиков на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровне текста переводов видеointервью. В приведённых ниже таблицах мы отразили результаты нашего анализа. Отметим, что в скрипте синхронного перевода программа распознавания текста Sonix не использует знаки пунктуации за исключением точек, которыми обозначаются речевые паузы дольше 0,3 с, и вопросительных знаков.

На морфологическом уровне женские переводы содержат большее

количество уменьшительно-ласкательных суффиксов по сравнению с мужскими. В примере № 76 наглядно представлено, что в условиях мгновенной реакции на исходный текст оратора, переводчики-женщины сделали интуитивный выбор в пользу уменьшительно-ласкательного «девочка». Тогда как синхронисты-мужчины чаще использовали нейтральное существительное «дети» или ещё более общую категорию «люди». Данные примеры позволяют сделать вывод, что даже в условиях спонтанной речи в синхронном переводе в речи женщин превалируют суффиксы с уменьшительным значением.

(76) Оригинал: *and I thought, what on earth am I doing to these **babies**?*

(Ж1) *Боже, что я делаю с этими **девочками**.*

(Ж2) *...и подумала, что же я делаю с этими **девочками**.*

(М1) *Что же боже мой я делаю с этими **детьми**? Что же я с ними делаю?*

(М2) *Я думала, какое детство я создаю для **этих людей** для этих девочек?*

(77) Оригинал: *who I wanted to be in this position, and who I needed to be for **my girls**.*

(Ж1) *Кем должна быть я, в первую очередь для моих **девочек**.*

(Ж2) *Кем я должна быть и для своих **дочерей** в первую очередь.*

(М1) *Кем я хочу быть ради, во-первых, конечно же моих **детей**.*

(М2) *Кем я хотела быть и какой пример я хотела показать **Малие и Саше**.*

С точки зрения лексики, переводы синхронистов мужчин менее экспрессивны, но, тем не менее, полностью отражают смысл.

Ещё одним отличием в СП с точки зрения морфологии, выполненных мужчинами, является ошибка при указании рода сказуемого в ситуации, когда оратором является женщина. Синхронист М1 не сделал поправку на пол оратора, а продолжил переводить от первого лица мужского рода. Зачастую начинающий переводчик может не сразу заметить и осознать подобную ошибку. Восприятие перевода от первого лица мужского рода вызовет, тем самым, замешательство у слушающих перевод.

(78) Оригинал: *So, I fortunately came into this situation with a really clear sense of **who I was**.*

(Ж1) ... итак, мне достаточно повезло, что я на самом деле подошла в своей жизни с достаточно чётким пониманием того, кто я есть.

(Ж2) я пришла к этой ситуации очень хорошо понимая, кто я такая.

(М1): Я, лично, когда **вступил** на этот путь, я очень чётко **понимал** кто я **такая была**.

(М2): я оказалась в этой ситуации с достаточно чётким представлением о том, кто я такая.

(79) Оригинал: *Now, I know you all have had a busy, packed full day. Very inspiring. Right. And hopefully our conversation will live up to the **hype**.*

(Ж1): итак, я знаю, что у вас у всех был очень **занятой день**. вот что очень вдохновляет действительно. И я надеюсь, что наша беседа будет соответствовать вашим **ожиданиям**.

(Ж2): Я знаю, что у всех вас был очень **интересный день**. Очень **вдохновляющий, полный событий** и надеюсь, что наш диалог оправдает ваши **ожидания**.

(М1): Я знаю, что день у вас сегодня был **полон разных мероприятий**.

Очень **воодушевляющие** были мероприятия сегодня все здесь.

(М2): Я знаю, что у вас был очень **насыщенный день**, вы очень много узнали нового, и я надеюсь, что наше. Наше обсуждение будет соответствовать **шумихе** вокруг этого мероприятия.

С точки зрения лексики, мы обращаем внимание на выбор вариантов перевода. В примере № 79 синхронист-М2 использовал разговорный вариант «шумиха» для нейтрального существительного «ожидания».

(80) Оригинал: *In times like these in this country, it's time for us to come together, to love each other, to support each other and not **tear each other down**.*

(Ж1): в трагическое время, которое сейчас происходит в этой стране, для нас — время объединиться, время любить друг друга и поддерживать друг друга, а не **раздувать ссоры с другом**.

(Ж2): но именно в такое время в нашей стране мы должны **быть сплочёнными** любить друг друга и поддерживать.

(M1): *приходит время выразить любовь и поддержку, а не пытаться критиковать друг друга и оскорблять друг друга.*

(M2): *мы должны любить друг друга, поддерживать друг друга и не ставить друг другу подножки.*

Лексические замены, представленные в примере № 80, являются рискованными и могут привести к стилистическому «сдвигу», что испортит ощущение от перевода. В следующем отрывке этот же переводчик использует разговорный вариант спортивного жаргонизма «подножка». Данный вариант перевода выбивается из общего контекста выступления оратора, что негативно сказывается на оценке всего перевода, выполненного M2.

Полагаем, что переводчик стремится к созданию гендерно-нейтрального перевода. Показателем профессиональности переводчика будет являться договорённость между оратором и переводчиком, либо заказчиком и переводчиком относительно приоритета при выборе переводческих тактик в процессе работы. В зависимости от темы перевода и личности оратора заказчик может настаивать на непосредственном переводе выступления с максимальным сохранением стилистических приёмов, т. е. постараться сохранить при переводе синонимический ряд, противопоставления, языковую игру и общий стиль выступления. Подобное желание заказчика / оратора обусловлено коммуникативной ситуацией (например, в случае синхронного перевода выступления по психологии, эзотерике) аудитории важно понять не только что было сказано, но и какими средствами это было достигнуто оратором.

Более того, переводя известных личностей переводчик должен учитывать регистр своего перевода и брать ответственность за языковой имидж, который сложится у аудитории в процессе перевода. В приведённых примерах подобные эквиваленты перевода, выполненного синхронистом M2, интервью оратора, супруги действовавшего на тот момент президента США, Мишель Обамы были расценены как неточные и вызывают вопросы к общему стилю перевода.

Интересным представляется приём опущения, который использовала в своём переводе синхронист Ж2. В данном примере женщина-синхронист

выражает мысль оратора «*как важно в сложившейся ситуации быть сплочёнными и поддерживать друг друга*», а последующее противопоставление ‘*and not to tear each other down*’ опускает, т. к. данная информация не вводит новую мысль, а лишь усиливает значение предыдущей. Подобное решение вероятно обусловлено стремлением сосредоточиться на переводе основной мысли, прецедентной информации, что для определённых ситуаций будет наилучшим переводческим решением. В этом случае переводчик жертвует определённым стилистическим приёмом оратора (здесь «эффект от противопоставления»), но полностью сохраняет смысл высказывания и экономит время, запас которого позволяет сохранять синхронисту комфортный темп или наверстать упущенное время.

О. Есперсен заметил, что женщины и мужчины образуют свои предложения по-разному (Jespersen, 1922). На синтаксическом уровне заметно, что переводчики мужчины тяготеют к использованию простых предложений (используют приёмы опущения, генерализации). Н.Л. Пушкарёва замечает, что «мужские» тексты часто короче «женских» (как и отдельные предложения), менее динамичны и более предметны (Пушкарёва, 2001, с. 32). С точки зрения синтаксиса различия в переводе не являются гендерно обусловленными, а объясняются разным уровнем подготовки переводчиков. В переводе синхрониста-мужчины наблюдается тенденция использовать приёмы компрессии, употреблять одно- / двусоставные предложения, не затрудняющие восприятие перевода.

(81) Оригинал: *you all know, when Barack was talking about running, I was like, are you crazy? I mean, would you just, like, chill out and do something else with you, with your life?*

(Ж1): *когда Барак начал говорить, что хочет выдвинуть свою кандидатуру. Я говорил: «ты, что, с ума сошёл? Может быть что-то нормальное со своей жизнью сделаешь?».*

(Ж2): *Вы знаете, когда Барак говорил о том, чтобы стать кандидатом, я просто говорила: «Ты уверен? Ты успокойся немножко».*

(М1): ***Я периодически просила Барака успокоиться.***

(М2): *когда Барак сказал, что хочет баллотироваться президентом, я*

подумала: «Ты с ума сошёл? Зачем тебе это нужно? Расслабься! Займись чем-то другим».

Способы выражения феминности в языке различны. Языковая личность женщины, как и в обыденной жизни, обладает широкой палитрой выражения смыслов. В подтверждение мнения учёных-гендерологов (А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова, В.А. Маслова) мы заметили тенденцию синхронистов-женщин строить более эмоциональные предложения.

(82) Оригинал: *Other little girls complain of having had to wear pink frilly dresses. I **longed for** a pink frilly dress. Didn't get one, I got I got overalls.*

(Ж-1) как девочки носят розовые платья я **просто мечтала мечтала об этом розовом платье с рюшами**. К сожалению, у меня ничего такого не было у меня был **просто** комбинезон.

(83) Оригинал: *I've interviewed thousands of people, most of them women. And I would say that the root of every dysfunction I've ever encountered, every problem has been some sense of a lacking of self-value or of self-worth.*

(Ж1): Большинство из них были женщинами. И я могу сказать, что **корень** любого какого-то расстройства, любой проблемы, с которым я когда-либо сталкивалась это **некое чувство** собственной недостаточности, недостатка какой-либо ценности **в собственных глазах**.

(Ж2): Большинство из них были женщинами и мне кажется, что **причина всех проблем**, которые с которыми я встречалась это было **определённое чувство** недостаточной самооценки чувства собственного достоинства.

(М1): большинство из них были женщинами. И могу сказать, что, в принципе, любая проблема, которую я встречала, **причиной** её была, так или иначе, отсутствие или недостаток самооценки или непонимание своей собственной ценности **со стороны женщины**.

(М2): большинство из них были женщинами. Я считаю, что **основная проблема**, это нехватка уверенности в себе.

В примере № 83 сравним переводы женщин и мужчин. В женских вариантах перевода употребляется неопределённое местоимение «некий», прилагательное

«определённый» со значением «отчётливый», «ясный». Данные лексические добавления, на наш взгляд, со стороны переводчиков усиливают значение последующего главного слова «чувства», что повышает эмоциональную составляющую перевода. Для сравнения, мужские переводы построены лаконично, сдержано. Основной функцией мужских переводов является констатация факта. Примечательно, что синхронист-М1 использует тактику отчуждения, добавляя фразу «со стороны женщины», что ведёт к обособлению индивида (*здесь* переводчика) от аудитории. В данном случае, по нашему мнению, подобная тактика противоречит контексту выступления, в котором оратор как раз отождествляет себя с аудиторией.

Проведённый нами анализ переводов, выполненных профессиональными переводчиками-синхронистами, представляется важной методикой выстраивания модели многомерной категории — мультимодальной модели языковой личности переводчика-синхрониста. В результате нашего исследования мы обнаружили неоднозначные результаты на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях, которые подтверждают гендерные различия в синхронном переводе. Тем не менее, данные различия не всегда явно прослеживаются, что позволяет нам говорить о тенденциях языковых предпочтений в речи синхронных переводчиков.

5.3 Гендерный дисплей языковой личности синхронного переводчика

Отношения гендера и дискурса являются интересом гендерной лингвистики, а также ряда трансдисциплинарных направлений: социолингвистики, психолингвистики, антропологии, этно- и психолингвистики.

Функционирование гендера в рамках изучения ЯЛ синхронного переводчика заслуживает внимания ввиду проявления социально-профессиональной роли ЯЛ (Желтухина, 2003). Так, гендер ЯЛ синхронного переводчика создаётся, во-первых, социально-культурной средой индивида, а, во-вторых, личным сознанием, опытом перевода, развитой мультикультурной картиной мира.

Разделяем мнение А.Г. Фомина, что «ориентация лингвистических

исследований на речь и речевую деятельность является заслугой социолингвистики, психолингвистики и <...> может быть достойным объектом лингвистического анализа» (Фомин, 2004, с. 184). Говоря о разграничении понятий гендер и пол, мы склонны рассматривать пол как биологическую природу личности, а гендер — как продукт социального речевого и неречевого поведения языковой личности.

Под феминностью и маскулинностью, в свою очередь, будем понимать психосоциальные характеристики личности, характерные для типичных женщин и мужчин относительно их врождённого биологического пола.

Целью данного раздела является исследование гендерного дисплея языковой личности синхронного переводчика.

В соответствии с поставленной целью, мы обозначили ряд первостепенных задач: отбор и анализ гендерных компонентов в синхронных переводах женщин и мужчин (профессиональных переводчиков), выявление характерных дискурсивных особенностей реализации гендера в ситуативном поведении синхронистов, изучение механизма проявления гендера в переводном дискурсе, определение гендерных маркеров и речевых стереотипов в речевом поведении синхронных переводчиков.

На основе сравнительно-сопоставительного и контрастивного анализа скриптов синхронных переводов телевизионного интервью с английского языка на русский язык, мы предполагаем определить характерные особенности гендерного дисплея ЯЛ синхронного переводчика.

Репрезентативность результатов обеспечена объективным и равнозначным отбором данных в соответствии с единообразной методикой.

1. Методами компьютерной обработки мы проводили анализ видеоматериалов записей синхронных переводов с учётом экстралингвистического контекста и непрерывного сплошного наблюдения.

2. Метод лингвокогнитивного анализа для определения характерных особенностей гендерного дисплея ЯЛ синхронного переводчика.

3. Мы использовали сравнительно-сопоставительный анализ переводов

мужчин и женщин и оригинального текста интервью с целью выявления типовых гендерных различий и составления модели гендерного дисплея.

4. Метод контрастивного анализа — с целью сравнения инвариантов перевода синхронного перевода мужчин (М) и синхронного перевода женщин (Ж) для определения гендерных маркеров и характерных особенностей репрезентации гендера в ситуации перевода.

5. Компонентный анализ — для сравнительного анализа плана содержания гендерных маркеров.

Для объективного анализа мы отобрали видеозаписи переводов телевизионных интервью, выполненных женщинами и мужчинами синхронистами, для международного конкурса синхронных и последовательных переводчиков CosinesPi (www.cosines-pi.ru).

Особенность исследуемого материала заключается в том, что синхронный перевод предполагает принятие сиюминутного решения без возможности «продумать» вариант перевода. Данное обстоятельство, на наш взгляд, способствует объективной оценке участников на предмет использования гендерных маркеров. Появляется возможность беспристрастно анализировать текст, который не был подготовлен и отредактирован заранее. Следовательно, возможен объективный анализ языковых предпочтений, а также отличительных черт, характерных для мужских и женских инвариантов синхронного перевода, выполненных за равный промежуток времени.

В основу нашего исследования гендера ЯЛ синхронного переводчика была положена идея А.Г. Фомина о трёхуровневой модели гендера. Гендер как социальный конструкт обладает тремя группами характеристик:

- 1) биологический пол;
- 2) полоролевые (гендерные) стереотипы;
- 3) «гендерный дисплей» (англ. *gender advertisement*) (термин Ирвинга Гофмана (Goffman, 1979)) — многообразие инвариантов представления маскулинного или феминного действия и взаимодействия (Фомин, 2004, с. 14—15).

Для целей сравнительно-сопоставительного анализа были отобраны

синхронные переводчики на основании биологического признака. Решение проводить исследование на гендерно разнородной группе участников обусловлено, во-первых, возможностью комплексного рассмотрения вопроса «женского / мужского стиля речевого поведения», а, во-вторых, интересом к контрастному анализу гендерного дисплея. Под гендерно разнородной группой понимается группа разнополых индивидов. Таким образом, основной практической задачей является определение гендерного дисплея ЯЛ синхронного переводчика, гендерных маркеров и гендерных стереотипов в речевом поведении женщин- / мужчин-переводчиков на основании выполненных видео-переводов.

С помощью методов компьютерной лингвистики нами был определён и создан исследовательский корпус данных, представленный в виде скриптов синхронных переводов с разметкой пауз и временными интервалами. Далее, последовательно проведены сравнительно-сопоставительный и компонентный анализы вариантов переводов для определения гендерных маркеров и характерных особенностей репрезентации гендера в переводном дискурсе. Для полученных результатов проводится ранжирование маркеров по частотности в каждом тексте корпуса и в целом корпусе текстов для определения гендерного дисплея ЯЛ синхронного переводчика.

В вопросе исследования гендерных маркеров на первый план выступают отношения между языком и полом, т. е. вопрос о том, каким образом пол реализуется в речи говорящего — лексика, номинативная система, синтаксис, морфология и прочее. Также стоит отметить, что необходимо изучать гендерные маркеры с учётом культурно обусловленных и социальных аспектов языка, а также их функции в речи говорящего. Именно поэтому при лингвистическом анализе гендерно маркированных единиц мы уделили большое значение способам репрезентации гендера в переводном дискурсе. Изучение гендера в синхронном переводе осложняется фактом его прямой связи с оригинальным высказыванием оратора (мужчины или женщины), зависимости от контекста. Так, зачастую исследователи обречены быть в поиске постоянно ускользающей языковой реальности гендера. Другая сложность исследования гендера в переводном

дискурсе заключается в самой природе синхронного перевода, где переводчик, будучи невидимым посредником между коммуникантами (оратором и аудиторией) лишён возможности проявления индивидуального и ограничен скоротечностью ситуации и временными рамками осуществления перевода. Безусловно, исследование гендерных аспектов речи синхронных переводчиков не может не учитывать факт гендера непосредственно выступающего оратора, (источника происхождения текста), а также внутриязыковые закономерности (грамматические категории рода, синтаксические нарушения, индивидуальные фонологические особенности). Тем не менее, можно с уверенностью говорить о проявлении гендерных различий в речевом поведении синхронных переводчиков-мужчин / -женщин, а также о их языковых предпочтениях.

Гендерные стереотипы как таковые формируются под воздействием социокультурного влияния, но одновременно с этим выступают источником их возникновения. В понимании В.В. Красных стереотипы являются своеобразным «представлением» окружающего мира, определённой ментальной «картинки», отражающей в сознании личности «типовой» фрагмент реального мира (Красных, 2002, с. 177). Согласно В.В. Катерминой, «стереотипы складываются из устойчивых представлений, <...> национального опыта. В то же время, стереотипы имеют свойство меняться с ходом времени» (Катермина, 2018, с. 72—73). При этом стереотипы логично разделить на:

— стереотипы поведения, определяющие типичное коммуникативное поведение для той или иной ситуации;

— стереотипы представления, набор ассоциаций и представлений человеческого сознания о ситуации или предмете, выполняющие предиктивную функцию (Красных, 2002, с. 179—180).

Для исследования гендерного дисплея в языковом материале обратимся к теории перформативной гендерной идентичности Джудит Батлер (Butler, 1990) (Сулейманова, 2017). Суть данной теории сводится к социокультурной репрезентации гендера рядом перформативов, т. е. актом действий, которые получают своё семантическое значение в коммуникативной ситуации. По мнению

А.В. Кирилиной, «... исследованию в гендерном аспекте поддаются практически все области языка как системы» (Кирилина, 2000, с. 28).

Результаты контрастивного анализа корпуса скриптов синхронных переводов позволяют определить отчётливые тенденции к употреблению гендерных маркеров, наблюдаемые как среди мужчин, так и среди женщин.

I. Лексико-стилистический уровень

Случаи использования гендерных маркеров на лексико-стилистическом уровне при переводе с английского языка на русский язык являются одними из наиболее часто встречающихся. Выбор переводчиком иностилевых элементов, не соответствующих стилю и денотативному значению вербального сообщения оратора, может представлять собой случай эвфемистической замены. По данным анализа можно судить, что индивидуально-контекстные замены одних лексем другими с целью сокрытия нежелательной коннотации могут быть частным случаем проявления эвфемии. Например, использование лексики разговорного стиля при переводе публицистического стиля, или, наоборот, случаи перевода нейтральной лексики словом с более высокой стилистической окраской в разговорной речи.

(68) Оригинал: *and hopefully our conversation will live up to the hype.*

(Ж1): *надеюсь, что наш диалог оправдает ваши ожидания.*

(М1): *наше обсуждение будет соответствовать шумихе вокруг этого мероприятия.*

(Ж2): *и я надеюсь, что наша беседа будет соответствовать вашим ожиданиям.*

(М2): *я надеюсь наша сегодняшняя встреча здесь. Наш разговор будет соответствовать всем вашим ожиданиям.*

В примере № 68 оратор (М. Обама) использует лексему ‘*hype*’, которая в Большой Российской энциклопедии определяется как «шумиха, ажиотаж, дешёвая и кратковременная популярность» (Котенев А.А., интернет-ресурс) (как правило, в социальных медиа). Данная лексема активно используется в русском языке, начиная с 2017 г. (там же) преимущественно в молодёжной среде, соответствует разговорному стилю и обладает определённой негативной коннотацией. Это

свидетельствует о том, что молодым переводчикам (возраст участников эксперимента до 30 лет) данная лексическая единица хорошо знакома, но, тем не менее, оба переводчика (Ж1 и Ж2), а также М2 принимают решение заменить её и использовать нейтральное по значению слово «ожидания». В целом, дословный перевод, который использовал М1, на первый взгляд, допустим. Однако, в данном контексте он нарушает характерные особенности официально-делового стиля выступления Первой Леди, принятые в жанре телевизионного интервью в отечественных медиа.

(69) Оригинал: *it's time for us to come together, to love each other, to support each other and not tear each other down.*

(Ж1) *но именно в такое время в нашей стране мы должны быть сплочёнными любить друг друга и поддерживать.*

(М1) *в эти тяжёлые времена в этой стране мы должны действовать единым фронтом. Мы должны любить друг друга, поддерживать друг друга а не ставить друг другу. Подножки.*

(Ж2) *для нас, время объединиться, время любить друг друга и поддерживать друг друга, а не раздувать ссоры с другом.*

(М2) *для нас в нашей стране приходит время выразить любовь и поддержку, а не пытаться критиковать друг друга и оскорблять друг друга.*

В примере № 69 мы отмечаем в большей степени эмоциональность женских переводов, нежели мужских. Обратим внимание на использование книжной лексики «быть сплочёнными Ж1 / раздувать ссоры Ж2» в переводах достаточно нейтрального высказывания оратора.

Приём лексического повтора для усиления высказывания «время объединиться, время любить / любить друг друга, поддерживать друг друга» характерен и для мужской, и для женской подачи в синхронном переводе.

В отношении лексики с отрицательной коннотацией речь синхронистов-женщин смягчена по сравнению с аналогичными вариантами в мужских переводах. Так, СП-Ж1 при переводе фразы *'tear each other down'*, применила приём опущения; СП-Ж2 использовала достаточно, на наш взгляд, нейтральное

выражение «раздувать ссору», означающее в русском языке «усиление, чрезмерное проявление, искусственное усложнение ситуации» (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4479/раздувать>), которое представляет собой менее агрессивный вариант, нежели основное семантическое значение фразового глагола *to tear smth / smb down* — разрушать до основания, разнести в пух и прах (www.merriam-webster.com, интернет-ресурс). Гендерным маркером мужского варианта перевода, в первом случае, выступает снижение стиля переводного высказывания М1 «*ставить друг другу подножки*», в котором внимание аудитории привлекает разговорный стиль повествования, стилистически не соответствующий оригиналу. А во втором случае — маскулинный маркер реализуется за счёт необоснованной конкретизации и добавления лексики с отрицательной коннотацией «*пытаться критиковать друг друга и оскорблять друг друга*» (перевод М2, пример № 69).

Следующим способом проявления гендерного маркера лексико-стилистической группы является использование книжного стиля и эмоционально-окрашенной лексики, к которым заметна склонность женщин-переводчиков.

При проведении сравнительно-сопоставительного анализа гендерных различий в коммуникативном поведении синхронных переводчиков мы определили, что в синхронном переводе, выполненном женщинами, превалирует избыточность, а также гиперкорректность при осуществлении перевода.

(70) Оригинал: *Absolutely. I'm just proud of all the work that's been done here. So I agree. I agree.*

(Ж1) *Да однозначно. Я действительно горжусь всей работой что была здесь проделана. Я полностью согласна.*

(М1) *Да, я горжусь тем, что здесь происходит. Что здесь творится на этой прекрасной работе, которая ведётся на этой площадке.*

(Ж2) *Да, абсолютно, верно. Я так горжусь всей работой, которая была проделана здесь, я согласна.*

(М2) *Совершенно согласна с вами. Я горжусь, горжусь всей той работой, что здесь была проделана, я горжусь нашими женщинами.*

Согласно эмпирическим данным в речи женщин и мужчин наблюдается гиперкорректность: вариант избыточного перевода, который состоит из двух или трёх синонимичных лексических единиц, за счёт чего увеличивается время на его вербализацию. Гиперкорректность увеличивает время на произнесение перевода, которое опытные переводчики используют для заполнения возможных речевых пауз и создания непрерывного речевого потока. Подобный приём наблюдаем также в переводе М1 (пример № 70), в котором переводчик демонстрирует избыточную многословность. В целом методом сравнительно-сопоставительного анализа установлено, что предложения с гиперкорректностью являются характерным гендерным маркером отражения феминной идентичности.

(71) Оригинал: *we have to remember those that we lost in Orlando as well as those who are injured and all of their loved ones.*

(Ж1): *нужно обязательно вспомнить те жизни, которые были утрачены в Орландо, и постоянно мы должны думать о тех близких тех людей, которые погибли в Орландо.*

(М1): *мы должны помнить о тех людях, которые погибли в Орландо, а также о раненых. Мы должны молиться об этих людях.*

(Ж2): *но нам необходимо помнить о тех, кого мы потеряли в Орландо, а также о тех, кто был ранен, и об их близких людях, и им нужно знать, что мы продолжим молиться за них продолжим думать о них.*

(М2): *Мы всё-таки должны помнить о тех людях, которые погибли в результате этой трагедии, о тех, кто оказались ранены, и всех их близких также нужно помнить.*

В выборе перевода женщины-синхронисты демонстрируют большую внимательность к выбору стилистически окрашенной лексики: «жизни, которые были утрачены Ж1» и «те, кого мы потеряли Ж2». Данные лексемы эмоциональнее по своему денотативному содержанию, что подтверждается большей эмоциональностью и чувствительностью женщин. Напротив, мужчины-переводчики использовали нейтральную описательную конструкцию «люди,

которые погибли». Данная черта гендерного речевого поведения является характерной для мужской речи и встречается в других примерах.

В примере № 71 следует также обратить внимание на различные средства выражения модальности в переводах женщин и мужчин. Частотным проявлением у СП-М является деонтическая модальность в значении долженствования (например, «должны помнить» М1 / «всё-таки должны помнить» М2 и «нужно обязательно вспомнить» Ж1 / «необходимо помнить» Ж2). Грамматический уровень реализации гендерных маркеров в синхронном переводе будет подробнее рассмотрен нами далее.

II. Грамматический уровень

По данным некоторых исследователей грамматические особенности речи мужчин и женщин являются наименее изученной областью в гендерологии. М.В. Ласкова подчёркивает, что, исследуя грамматические закономерности речи, нельзя не учитывать того обстоятельства, что говорящий вступает в речевое общение лишь при наличии вполне определённых коммуникативных интенций и опирается при этом на весь набор прагматических, социокультурных и психологических факторов, определяющих дискурс. К выражению авторских интенций могут подключаться все грамматические элементы, в том числе и формы рода различных частей речи (Ласкова, 2001, с. 180—181).

По мнению В.Л. Карякиной, «для женской речи характерно более частотное употребление междометий и модальных глаголов; женщины намного чаще употребляют слова с уменьшительными суффиксами, восклицательные побудительные и вопросительные предложения» (Карякина, 2018, с. 99).

Рассуждая о роли грамматических аспектов в гендерных исследованиях, нельзя не учитывать синтактику и прагматику сообщения говорящего.

(72) Оригинал: *I want to take a moment to just acknowledge what has happened in Orlando.*

(Ж1) *конечно же хотела бы прежде всего признать и выразить соболезнования насчёт того, что произошло в Орландо.*

(M1) *но я хочу также отдать должное и рассказать о событиях в Орландо.*

(Ж2) *я бы, конечно, хотела просто признать то, что произошло в Орландо.*

(M2) *я, во-первых, хотел бы всё-таки вспомнить вместе с вами, что произошло в Орландо.*

Данный пример подтверждает, что в рамках смыслового единства гендерные маркеры способны реализовывать различные функции. Методом контрастного и контекстуального анализа оригинального высказывания *'I want to take a moment to just acknowledge what has happened in Orlando'* и его переводов определяется использование гендерного маркера сослагательного наклонения (переводы Ж1, Ж2 и M2). Помимо этого, реализуется гендерный маркер лексического добавления при переводе глагола с диффузной семантикой *'to acknowledge'*, в связи с чем происходит закономерная актуализация новых смыслов. В переводе Ж1 возникает новый смысл «выразить соболезнования», в переводе M1 — «отдать должное и рассказать о событиях», в переводе M2 — «вспомнить».

(73) *And I would say that the root of every dysfunction I've ever encountered...*

(Ж1) *мне кажется, что причина всех проблем, которые с которыми я встречалась...*

(M1) *я считаю, что основная проблема, источник проблемы...*

(Ж2) *и я могу сказать, что корень любого какого-то расстройства, любой проблемы, с которым я когда-либо сталкивалась...*

(M2) *и могу сказать, что, в принципе, любая проблема, которую я встречала, причиной её была, так или иначе, отсутствие или недостаток самооценки <...> со стороны женщины.*

Сопоставляя приведённые выше переводы, можно заметить наличие модальности как в синхронном переводе женщин, так и в синхронном переводе мужчин. Данные анализа свидетельствуют о том, что для женской речи характерным маркером является модальность недействительности: потенциальная модальность и гипотетическая модальность, в то время как для мужчин более характерной предстаёт действительная модальность. Сравним «я

считаю М1» и «мне кажется Ж1». В переводе М1 модальность действительности высказывания предстаёт с большей категоричностью.

(74) Оригинал: *that is one of the many takeaways that we move forward with.*

(Ж1) *я надеюсь, что это один из выводов, которые мы можем отсюда извлечь.*

(М1) *я считаю, что это один из тех выводов, который мы должны. которым мы должны сохранить...*

(Ж2) *один из многих выводов, с которыми мы пойдём дальше.*

(М2) *это будет один из тех посылов, который вы запомните и унесёте с собой сегодня.*

Пример № 74 также свидетельствует о преференции СП-М к употреблению глаголов с высокой степенью долженствования и уверенности. В переводах СП-Ж превалирует гипотетическая модальность, выражающая возможность той или иной идеи относительно действительности.

III. Морфологический уровень

Необходимо отметить, что в синхронном переводе речи оратора-женщины мужчины-переводчики демонстрируют единичные грамматические ошибки употребления родовых окончаний глаголов и, смысловое отчуждение на морфологическом уровне. Сравним женские и мужские переводы примера № 73 выше.

(Ж1) *причина всех проблем, которые с которыми я встречалась...*

(Ж2) *корень любого какого-то расстройства, любой проблемы, с которым я когда-либо сталкивалась...*

(М1) *основная проблема, источник проблемы, это...*

(М2) *любая проблема, которую я встречала... непонимание своей собственной ценности со стороны женщины.*

Переводы женщин в данном случае характеризуются высокой степенью отождествления переводчика с оратором. Это отчётливо проявляется благодаря использованию возвратных форм глаголов (ср. «встречалась», «сталкивалась»). Возвратные глаголы, как известно, обозначают действие, совершённое по

отношению к самому себе, что, в случае перевода прямой речи оратора-женщины, представляет естественный способ перевода для переводчика-женщины.

В свою очередь, мужчины-переводчики в схожих обстоятельствах вынуждены изменять грамматическую структуру предложения, либо делать выбор в пользу невозвратной формы глагола, при которой действие глагола относится к третьему лицу (сравним перевод «*которую я встречала*» — перевод М2, пример № 73). Примечательно, что СП-М2 использует тактику отчуждения, добавляя фразу «со стороны женщины», что ведёт к обособлению индивида (в данном случае, переводчика) от аудитории. В данном случае, по нашему мнению, подобная тактика противоречит контексту выступления, в котором оратор как раз отождествляет себя с аудиторией.

Редкой, однако, объективно существующей особенностью (о переводческих ошибках говорилось ранее в нашем исследовании) в синхронных переводах мужчин при переводе оратора-женщины, с точки зрения морфологии, является ошибка при употреблении флексий женского / мужского рода, при которой переводчик-мужчина употребляет флексии мужского рода в том случае, когда оратором является женщина и наоборот.

(75) Оригинал: *So, I fortunately came into this situation with a really clear sense of who I was.*

Перевод: М1: *Я, лично, когда вступил на этот путь, я очень чётко понимал кто я такая была.*

Синхронист-М1 не делает поправку на пол выступающего оратора, а продолжил переводить от первого лица мужского рода. Зачастую начинающий переводчик может не сразу заметить и осознать подобную ошибку. Восприятие перевода от первого лица мужского рода вызовет, тем самым, замешательство у слушающих перевод.

Таким образом, комплексный анализ позволяет говорить о «гендерных предпочтениях» (Пшеничникова, 2009, с. 13), наблюдаемых в применении стратегий в синхронном переводе. Основу вербальной репрезентации гендерного дисплея в синхронном переводе составляет гендерная вариативность речевого

поведения синхронных переводчиков. В речи переводчиков-мужчин значительное распространение получила стратегия снижения эмоциональной окраски и бóльшая категоричность перевода, тогда как женской синхронной переводной речи соответствует стратегия сохранения или повышения стиля переводного текста. Женщины-синхронисты чаще прибегают к стратегии повышения вежливости за счёт эвфемистической замены лексем с негативной семантикой, использования потенциальной модальности, сослагательного наклонения, книжного стиля. В результате общий стиль перевода отличается более формальным и вежливым характером. Следствием языковых предпочтений, наблюдаемых в переводах мужчин, являются гендерные предпочтения к более коротким предложениям, модальности действительности, употреблением лексики с негативной коннотацией, меньшим количеством эмоционально-окрашенной лексики, уменьшительно-ласкательных суффиксов, разговорного стиля.

Гендерный дисплей языковой личности синхронного переводчика можно представить в виде структурного образования, отражающего многообразие вариантов вербализации феминного, маскулинного и андрогенного в синхронном переводе. Исследование гендерного дисплея ЯЛ синхронного переводчика обусловило использование метода дискурсивного анализа для поиска гендерной составляющей в видео-переводах, метода лингвистического анализа — для определения гендерных маркеров вербальной коммуникации, контрастного анализа гендерных маркеров речевого поведения для формирования основы гендерного дисплея, метод интерпретативного анализа гендерных стереотипов речевого поведения.

Исследования гендерных различий в синхронном переводе дают возможность изучать гендер как параметр языковой личности синхронного переводчика. При моделировании гендерного дисплея синхронного переводчика на первый план выходят наиболее очевидные различия в речестилевом поведении женщин и мужчин.

Результаты подтверждают наличие гендерных стереотипов в речевом поведении синхронных переводчиков, которые актуализируются за счёт

частотных отличительных признаков «мужских» и «женских» переводов. На формирование стереотипа в синхронном переводе влияет разграничение взаимоотношения нормы и девиации в переводе. С позиции синхронного переводчика нормотипичным является собственный перевод (для женщин — феминный, для мужчин — маскулинный), а стереотипным, т. е. содержащим отличные от собственных, гендерные маркеры, свойственные, по их мнению, противоположному полу. При определении гендерных стереотипов мы исходили из предпочтений в использовании языковых средств синхронными переводчиками.

Таблица 9 — Гендерный дисплей языковой личности синхронного переводчика

Гендерные типы	
Маскулинный	Феминный
Андрогенный	
Конструирование гендерного дисплея языковой личности	
Гендерные маркеры	
Возвышение / понижение стиля повествования перевода (по сравнению с оригиналом); Гиперболизация; Избыточность повествования (гиперкорректность); Лексические повторы; Модальность глаголов; Ошибки и особенности употребления родовых флексий; Преобладание подчинительной связи; Преобладание сочинительной связи; Сослагательное наклонение; Эвфемистическая замена; Эмоционально-окрашенная лексика	
Конструирование гендерных стереотипов	
Речевое поведение мужчин	Речевое поведение женщин
Авторитетность повествования, категоричность в построении высказывания, структурность и краткость изложения мысли, предпочтения к стилистическому более разговорному стилю перевода по сравнению с оригиналом	Нивелирование крайне негативной коннотации, эмотивность повествования, расширенная синонимичность, консенсусные формы повествования, предпочтения к стилистически более официальному стилю перевода по сравнению с оригиналом

Гендерными стереотипами речевого поведения в синхронных переводах, выполненных женщинами, являются мягкость и эмотивность, которая реализуется за счёт расширенной синонимичности, эмоционально-окрашенной лексики, консенсусных форм повествования, отказ от разговорной речи в пользу более стилистически высокого стиля перевода по сравнению с оригиналом.

Гендерными стереотипами речевого поведения в синхронных переводах, выполненными мужчинами, можно считать авторитетность повествования, категоричность в построении высказывания, структурность и чёткость изложения, использование разговорной лексики.

В результате комплексного анализа удалось сформировать основные характеристики гендерного дисплея языковой личности синхронного переводчика в ситуации синхронного перевода: гендерно обусловленный выбор лексем, морфем, грамматических категорий, синтаксических связей, стилового оформления высказывания. Результаты проведённого исследования с применением комплексных методов позволили представить объективные результаты состава гендерных компонентов в синхронных переводах женщин и мужчин (профессиональных переводчиков), характерных дискурсивных особенностей реализации гендера в ситуативном поведении синхронистов, а также гендерных стереотипов в речевом поведении синхронных переводчиков.

Анализ переводов, выполненных профессиональными переводчиками-синхронистами — важная методика выстраивания модели многомерной категории — языковой личности переводчика-синхрониста. Очевидно, что гендерная принадлежность переводчика оказывает влияние на выбор стратегии и тактики осуществления перевода. Принимая во внимание гендерные стереотипы в синхронном переводе, можно сознательно использовать гендерные маркеры для достижения необходимых целей коммуникации. Перспектива дальнейших исследований в области лингвоперсонологии представляется нам достаточно отчётливо. Лингвофункциональный подход позволит расширить комплексное исследование речевых стереотипов, поведенческих и речевых характеристик говорящих, что позволит детально смоделировать адекватное состояние гендерных моделей синхронных переводчиков.

5.4 Теория мультимодальности языковой личности синхронного переводчика

Осмыслив в предыдущих главах концепцию способов вербальной и невербальной репрезентации языковой личности синхронного переводчика, мы определили основу для создания теории, которая заставляет рассматривать и

оценивать синхронного переводчика как мультимодальную языковую личность с непрерывной диалогичностью и динамическим развитием. Взаимодействию ЯЛ с окружающим миром, её отражению и восприятию с позиции невербальной коммуникации посвящён данный раздел нашего исследования.

Целью настоящего раздела является раскрытие понятия «мультимодальность» в отношении ЯЛ УП, описание особенностей реализации ЯЛ синхронного переводчика на основе анализа используемых невербальных знаков, а также созданию модели мультимодальной ЯЛ УП.

Основными методами исследования мультимодальности стали: видеоанализ, осуществляемый посредством визуального наблюдения на платформе Sonix.com, при котором возможен анализ невербального поведения переводчика одновременно с лингво-когнитивным анализом вербальной и невербальной коммуникации ЯЛ УП; оценочно-критический анализ невербальной коммуникации синхронных переводчиков; метод моделирования; метод сплошной и частичной выборки; статистический анализ. Подробная фиксация вербальных и невербальных компонентов коммуникации позволяет говорить о репрезентативной оценке анализа данных.

Коммуникация как таковая не сводится к какой-то одной знаковой системе, а представляет собой специфическую форму симбиотического одновременного многоканального взаимодействия (Klemm, Michel, 2014, S. 191). Будучи одним из средств межкультурной коммуникации, синхронный перевод представляет собой наиболее сложный и эмоционально затратный вид переводческой деятельности, который быстро и эффективно решает задачи взаимопонимания между людьми (Уланова, 2021), процессы передачи и восприятия информации происходят с участием различных семиотических систем и посредством каналов, участвующих в информационном обмене, конструируя переводческий дискурс.

Сущность феномена языковой личности кроется в социальной действительности, обусловлено самой сущностью и содержанием общественной жизни с точки зрения самопознания и самосовершенствования. Трудности и

проблемные ситуации, с которыми общество сталкивается изо дня в день, — это трудности ежедневной жизнедеятельности человека. В каждый момент времени человек исторически своеобразен. Он тождественен своей картине мира (или нескольким), которую творит сознательно или нет: своим идеалам, ценностям, авторитетам (Уланова, 2018).

Изучение ЯЛ с точки зрения речевого воздействия традиционно вызывала большой интерес у лингвистов. По мнению Н.И. Формановской, каждая личность уникальна и обладает своим «языковым и социокультурным тезаурусом» (Формановская, 2007, с. 154). Очевидно, что подобные вопросы возникали в связи с исследованиями социальной природы языка, соотношения языка и речи, взаимовлияния нескольких картин мира на личность говорящего.

Если рассматривать синхронного переводчика в общем смысле как медиатора культур (Л.В. Кушнина, Л.К. Гейхман, А.О. Неганова), то представляется логичным изучать ЯЛ в рамках гуманистического подхода. Языковая личность синхронного переводчика представляет собой один из функциональных инвариантов общечеловеческой языковой личности, которая к тому же находится на стыке нескольких культур и выступает в роле медиатора процесса в межкультурной коммуникации.

Взяв за основу модель языковой личности, которая содержит вербально-семантический, лингвокогнитивный (тезаурусный), мотивационный (прагматический) уровни, Ю.Н. Караулов предлагает структуру герменевтического развития, в которой вербально-семантический уровень соответствует грамматике, историческое содержание — тезаурусу, прагматикон как область коммуникативных потребностей и целевых установок — мыслительному отражению автора (Караулов, 2010).

В нашем исследовании мы анализируем дискурс ЯЛ синхронного переводчика непосредственно в ситуации перевода, т. е. как первичный текст, неограниченный с точки зрения проявления в нём ЯЛ синхронного переводчика как индивида, который каждый раз в ситуации перевода делает выбор в пользу переводческой трансформации, под влиянием коммуникативной ситуации

перевода и личности самого переводчика. В этом отношении мы солидарны с Л.П. Тарнаевой, утверждающей, что в процессе формирования профессиональной ЯЛ переводчика происходит объединение черт как коллективной (типовой), так и индивидуальной (идиолектной) ЯЛ (Тарнаева, 2008).

С учётом цели данного пункта, представляется необходимым охарактеризовать ЯЛ СП не только с учётом трёхуровневого вербализованного представления, но также охватить невербальную сторону представления ЯЛ, описание которой включает лингвокогнитивный и лингвофункциональный анализ невербальных знаков различных категорий.

Эмпирический материал позволяет проанализировать характеристики ЯЛ с позиции вербального представления на трёх уровнях: вербально-семантическом, или, собственно, языковом, лингво-когнитивном (тезаурусном) и прагматическом (мотивационном). Отметим, что анализируемый материал не может быть представлен в полном объёме в рамках предпринятого анализа и наблюдения за репрезентацией ЯЛ СП, учитывающей функционально-стилевую дифференциацию, лингвокультурные соответствия, переводческие трудности и неверные переводческие решения, варианты перевода прецедентной лексики, антропонимов, топонимов, фраз-клише, фразеологизмов, прочих билингвальных противопоставлений, просодических референтов в синхронном переводе. В этой связи, данный раздел содержит наиболее показательные примеры проведённого исследования. Необходимо отметить, что исследование ЯЛ СП опирается на принцип герменевтического развития, при котором каждый последующий уровень репрезентации ЯЛ анализируется с позиции данных предыдущего уровня интерпретации. В результате происходит поэтапное усложнение общего структурного уровня представления исследуемого феномена.

Вербальный уровень представления ЯЛ СП

I. *Вербально-семантический уровень* рассматривает ЯЛ СП с позиции отражения степени владения, в первую очередь, родным языком и иностранным. Также учитываются факторы, определяющие цель перевода, стратегию перевода, выбор тактики, переводческого приёма, трансформаций. Единицами

исследования данного уровня являются как слова, так и синтагмы, вступающие друг с другом в отношения грамматико-парадигматического, семантико-синтаксического и ассоциативного (по Ю.Н. Караулову) характера.

Обращаем внимание, что орфография и пунктуация в синхронных переводах сохранены с учётом звучащей речи.

В синхронных переводах переводчики используют варианты перевода, соотносимые со значимыми понятиями, воспринимаемых образов; прецедентной лексикой; эмоциональной и когнитивной информацией.

(84) Оригинал: *One is my very first cover at American Vogue, which was considered quite revolutionary at the time. It was a girl wearing a Christian Lacroix T-shirt with a cross on it and blue jeans. And this was shocking back then, a tiny bit of stomach showing. And in fact, when we sent it to the printers, the printers called up and asked us if we had made a mistake. So, I do I do have a soft spot in my heart for that particular cover.*

Перевод-1: наверное, одна из первых обложек в Вог была девушка в майке Кристиан Лакуа в синих джинсах и тогда это было большим шоком, потому что у неё даже... кожа... и ответственные за публикацию позвонили нам и спрашивали точно ли мы уверены, что это обложка. Наверное, это очень запоминающийся.

Перевод-2: но есть у меня одна обложка, которая мне нравится. В своё время она была очень провокационной. На обложке была модель в футболке от Кристиана Лакруа с крестом. Белая футболка и в голубых джинсах. Был виден её живот. Было, конечно, провокационно для того времени. Когда мы отправили в печать обложку, нам перезвонили и спросили, ничего ли мы не перепутали. Поэтому я с теплом вспоминаю об этой обложке.

На уровне владения языком, область переводческой нормы оказалась в большей степени освоенной. В области перевода прецедентной лексики заметны различия в переводах, обусловленные неравномерным пластом фоновых знаний. В приведённом выше примере (№ 84) переводчик-2 лучше уловил фонетический вариант произношения имени французского модельера Christian Lacroix, что отразилось на переводе. Уровень фоновых знаний при переводе позволяет

реализовать лексикон ЯЛ, представляющий собой языковое сознание, в котором фиксируются и реализуются набор языковых знаний и способность их адекватного применения сообразно коммуникативной ситуации перевода. В данном случае лексикон ЯЛ обусловил применения тактики адаптации и приёма «замена», «модуляция» (*girl* — модель; *revolutionary* — провокационно; *printers* — отправить в печать / ответственные за публикацию).

Очевидны навыки владения различными функциональными стилями и соответствия требованиям жанровой структуры. Данное утверждение подтверждается реализацией жанрово-стилевой палитры и жанровых смещений при синхронных переводах. Так, переводчики-синхронисты как при переводе с английского языка на русский язык, так и в случаях перевода с русского языка на английский язык видоизменяют жанрово-стилевой уровень ЯИ с учётом требований жанрово-стилевых соответствий ЯП.

Синхронными переводчиками разграничиваются факторы, определяющие выбор стратегии перевода, а также причины использования определённых переводческих приёмов. Во-первых, синхронисты учитывают объективные различия между системами ЯИ и ЯП, смыслы передаваемого сообщения с учётом коммуникативной цели, возможности восприятия аудитории (индивидуальные особенности, мировоззрение, мировосприятие). Во-вторых, использование приёмов перевода зависит от экстралингвистического контекста коммуникативной ситуации перевода. Рассмотрим пример переводческой трансформации, регулируемой фоновыми знаниями и экстралингвистическим контекстом. В приведённых примерах в таблице 10 показательно значительное число примеров реализации приёма лексической замены с целью жанрово-стилевого смещения для адаптации жанровой формы высказывания на ЯИ к цели речевой коммуникации на ЯП. Таким образом, переводчики учитывают факторы, влияющие не только на выбор стратегии и приёмов перевода, но и на жанровую трансформацию, что даёт основания считать жанрово-стилевую компетенцию одним из компонентов профессиональной ЯЛ СП.

Таблица 10 — Примеры реализации жанрово-стилевого смещения в синхронном

переводе

Оригинал	Перевод-1	Перевод-2
(85) <i>We never had much money</i>	<i>В моей семье никогда не было большого достатка</i>	<i>Дохода у нас никакого особого не было</i>
(86) <i>It's almost medieval soap opera</i>	<i>Очень похоже на то, что происходит в реальной жизни</i>	<i>Фактически он рассказывает нам о реальном мире</i>
(87) <i>And I just love you all for the work...</i>	<i>И я очень признательна за всю вашу восхитительно работу...</i>	<i>Я благодарю вас за всю ту работу, которую проделали...</i>
(88) <i>I was like, are you crazy?</i>	<i>Я просто говорила: «ты уверен»?</i>	<i>Я подумала: «ты с ума сошёл»?</i>
(89) <i>Ok. Let's move on to your summit with President Biden</i>	<i>Хорошо. Следующий вопрос по саммиту с президентом Байденом</i>	<i>Альтернативный перевод отсутствует</i>
(90) <i>Я не знаю, кто-то подаёт под таким соусом...</i>	<i>Somebody presents it from a certain perspective</i>	<i>Альтернативный перевод отсутствует</i>
(91) <i>Послушать то, что думают на этот счёт союзники, наверное, никогда не вредно...</i>	<i>However, to hear what their allies have to say about — it probably never hurts...</i>	<i>Альтернативный перевод отсутствует</i>

Показателен рост транслитерации, транскрипции, полного и частичного калькирования при переводе. Приём транскрипции, как известно, основан на передаче слова по фонетическому принципу. Другими словами, «транскрипция — это формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова» (Илюшкина, 2015, с. 40).

Транслитерация — «переводческий приём, основанный на передаче графического образа иностранного слова, т. е. на передаче букв» (Нелюбин, 2003, с. 227). Более обобщённое определение транслитерации: «формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова» (Илюшкина 2015, с. 40).

Приём полного калькирования подразумевает полное заимствование путём буквального перевода слова или семантики лексемы или словосочетания и повторения его морфологической структуры. Полукалька — «новое слово или словосочетание, состоящее частью из своего собственного материала, а частью из

материала иноязычного слова» (Шанский 1972, с. 215).

(92) Оригинал: *So now we have a completely dedicated team that just works on on on the website and **mobile and social media**.*

Перевод-1: *теперь у нас есть отдельная команда, которая занимается исключительно веб-сайтом, **мобильной версией, социальными сетями**.*

Рост использования приёмов транскрипции, транслитерации, полной или частичной кальки обусловлен значительным числом заимствованной лексики в русском языке вследствие «политики мультикультурализма» (Бушев, 2010, с. 25). Наличие в вербальном лексиконе ЯЛ синхронного переводчика значительного пласта заимствованной лексики из разных видов дискурса и её активное употребление отражает преимущественно отсутствие адекватных вариантов в ЯП (например, *Супермен, Бетмен, Старбакс, Стоунхэндж и т. д.*) и реже — межъязыковую интерференцию, недостаточное владение ЯП, высокий темп речи оратора. Так, «повторение внутренней формы слова (и словосочетания) оригинала при данных приёмах передаётся обычно полностью» (Иванова, 2004, с. 129).

Примечательна способность ЯЛ СП на вербально-семантическом уровне выявлять и определять в дискурсе логическую обусловленность предметов и систем окружающего мира.

(93) Оригинал: *I actually saw carpenters building Stonehenge on the soundstage behind my office.*

Перевод-2: *Я помню выглядывал из окна своего офиса и смотрел как **декораторы** строили совсем рядом Стоунхэндж* (интервью с Дж. Мартином).

В примере № 93 синхронист предлагает тактику социокультурной адаптации, используя лексическую замену *carpenters* — *декораторы*. Оценив объективно контекст сообщения на ИЯ, переводчик предлагает замену лексеме *carpenter* (плотник — *перевод наш.* — *Е.У.*). Согласимся, что данное переводческое решение является предпочтительным, поскольку эквивалентный перевод не отражал бы специфику дискурса данной КСП — киноиндустрии. Подобные референты в синхронном переводе являются отличительной чертой развитой ЯЛ, которой свойственно глубокое понимание профессионального

дискурса, смелость и переводческая компетенция в коммуникативной ситуации перевода с соблюдением речеролевых требований.

II. *Тезаурусный (лингвокогнитивный) уровень.* В основе выбора инварианта перевода лежат сложные когнитивные процессы, связанные с оперированием знаниями, умениями и навыками. Интуиция переводчика может подсказать ему неожиданные и весьма успешные решения переводческих проблем. Интуитивность перевода — это лишь одна сторона проявления профессиональной компетенции переводчика (Комиссаров, 1994). По мнению В.Н. Комиссарова, процесс перевода — «сочетание строго логических, алгоритмизированных операций и интуитивно-эвристических действий». Иными словами, непредсказуемые озарения, догадки, ассоциации, имеющие место при переводе, основаны на «тезаурусе когнитивного опыта переводчика» (Комиссаров, 1990, с. 99). Подтверждением данной позиции можно считать мнение Ю.Н. Караулова относительно выражения тезаурусного уровня при процессах восприятия и понимания языковой личностью текстов других говорящих.

Под тезаурусным (лингвокогнитивным) уровнем ЯЛ СП мы понимаем уровень отражения когниции СП, отражающий семантикон, творческие и индивидуальные переводческие решения и стратегии перевода основных концептов коммуникативной ситуации перевода, которые отражают национально-культурные традиции переводчика, масштаб и характер знаний о мире.

Единицы выражения тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня представляют собой «центры субъективных конденсатов смысла <...>, которые могут быть выражены концептуальными категориями, семантическими и тематическими зонами, так же, как и многими грамматическими явлениями» (Караулов, 2010, с. 96). В нашем исследовании они выражаются широтой представления а) семантических зон; б) текстовых преобразований синхронистов при переводе оценочных суждений о концептах; в) особенностями перевода прецедентной лексики.

Рассмотрим подробнее текст оригинала и способы синхронного перевода

единиц репрезентации тезаурусного уровня.

(94) Оригинал: *I thought that we'd start with some of the news you made today at your State of the Nation Address.*

Перевод: *Если Вы не против, нам хотелось бы построить работу таким образом. Нам хотелось бы поговорить о новостях, новостных поводах, которые Вы сегодня создали в процессе своего выступления, в ходе озвучивания Послания Федеральному Собранию.*

(95) Оригинал: *we will move into some facts about you in preparation for our long piece that we are putting together and then tomorrow when we will have a longer time together, we will talk about more substantive issues together, if that is ok with you.*

Перевод: *в рамках нашей подготовки к более обширному и длительному интервью с Вами, хотели бы после этого коснуться нескольких личностных моментов. Большую часть вот этой второй части интервью, когда мы будем говорить с Вами о Вас, мы хотели бы сделать завтра, если Вас устроит такая работа?*

(96) Оригинал: *I wonder this because one of the images that we see of you in the United States is without the shirt on a horse. What is that about?*

Перевод: *у меня, в связи с этим вопрос возникает: когда время от времени случаются фотографии в западной прессе и в американской прессе Вас, скажем, скачущего на лошади, без рубашки, в этом есть какой-то смысл? Это зачем?*

Представленные примеры № 94—96 включают вербализованные единицы, демонстрирующие содержание тезаурусного уровня синхронных переводчиков, выраженные в семантическом и грамматическом отношении. Анализ данных единиц демонстрирует понимание переводчика семантико-парадигматических и грамматико-синтаксических связей в ассоциативном поле, что отчётливо проявляется при переводе (в скобах обозначен номер примера, где приведён оригинал высказывания и его перевод):

(94) *start with some news — поговорить о новостях;*

(94) *your State of the Nation Address* — в процессе своего выступления, в ходе озвучивания Послания Федеральному собранию;

(95) *facts about you* — личные моменты;

(95) *when we will have a longer time together* — когда мы будем говорить с Вами;

(95) *talk about more substantive issues together* — говорить с Вами о Вас;

(95) *if that is ok with you* — если Вас устроит такая работа;

(96) *we will move into* — хотели бы коснуться;

(96) *I wonder this* — у меня, в связи с этим, вопрос возникает;

(96) *in the United States* — в западной прессе и в американской прессе;

(96) *one of the images that we see of you* — когда время от времени случаются фотографии Вас;

(96) *what is it about?* — в этом есть какой-то смысл? Это зачем?

Тезаурусный уровень ЯЛ СП можно оценить по широте представления тематических зон в дискурсе интервью, а также по степени понимания переводчиком ассоциативно-семантической сети. Под тематическими зонами, вслед за А.В. Болотновым, мы понимаем «информационные поводы (ситуации, факты, события, которые освещаются с разных точек зрения)» (Болотнов, 2013, с. 12). Варианты перевода прецедентной лексики характеризуют ЯЛ СП как обладающего значительными специальными знаниями и фоновыми знаниями. В рассматриваемых телевизионных интервью актуализируются семантические зоны, связанные с внутренней и международной политикой, экономикой, массмедиа. Достаточная успешность реализации перевода отражает широкую концептосферу исследуемых ЯЛ СП. Лингво-когнитивный (тезаурусный) уровень ЯЛ СП ориентирован в определённой степени на языковые характеристики современной языковой личности: чем большим количеством дискурсов, стилей, поведенческих реакций обладает ЯЛ СП, тем шире вербальное представление и эффективнее функционирование его тезауруса.

III. *Прагматический (мотивационный) уровень.* Дискурс ЯЛ СП представляет собой вторичный текст индивидуально выбранных решений, переводческих трансформаций. Соответственно, при исследовании ЯЛ СП

считаем возможным отнести к прагматическому уровню индивидуальные переводческие преобразования, т. е. преобразования, выполненные переводчиком, исходя из собственного определения цели перевода, стратегии перевода, личностных мотивов и установок. В данной работе мы употребляем термин «мотивационный уровень» тождественно «прагматическому уровню» репрезентации языковой личности, т. е. исследование мотивов, целей, интенций синхронного переводчика.

Анализ языковых и неязыковых проявлений прагматического (мотивационного) уровня возможен также при изучении реакции переводчика на изменения КСП. В данном исследовании мы ориентировались на коммуникативно-функциональный и лингвопрагматический подход, последний — предполагает анализ общего контекста выступления и языковых проявлений посредством соотнесения контекста сообщения с интенцией адресанта, ожиданиями адресата и ситуацией перевода в целом (экстралингвистический фон).

Приведённые выше рассуждения подтверждают идею Ю.Н. Караулова, который в качестве основных единиц прагматического (мотивационного) уровня называет коммуникативно-деятельностные потребности личности (Караулов, 2010, с. 215): контактно-устанавливающая, информационная и воздействующая.

Анализ репрезентант исследуемого уровня ЯЛ СП описываются нами по отдельности как внутрилингвистические задачи.

(97) Оригинал: *Mr. President, I know you're only five days in, has it changed to you?*

Оратор-2: *I don't want to change too much. I've had a wonderful life and wonderful success (...).*

Перевод-4: *Господин президент я знаю, что вы вступили в должность всего пять дней назад. Что-то изменилось?*

Оратор-2: *не хочу меняться. Знаете, я прожил замечательную жизнь преуспел (...)*

Перевод-6: *не хочу много менять. у меня была прекрасная жизнь. Я добился*

большого успеха (...)

(98) Оригинал: *I can be **the most presidential person** ever other than possibly **the great Abe Lincoln**.*

Перевод-4: я буду **настоящим образчиком президента** и постараюсь быть как Линкольн. **Линкольн для меня эталон президента**. Может быть я, конечно, не достигну таких высот, но буду стараться.

Перевод-6: я хочу **сделать максимум**. Однако я не уверен, что я смогу работать настолько же хорошо насколько **мои предшественники**.

Интерпретация оригинального сообщения (см. пример № 97) происходит двумя вариантами, выполненными переводчиком-4 и переводчиком-6. В первом случае переводчик, исходя из контекста и фоновых знаний, соответствующим образом интерпретирует значение прецедентного выражения ‘*to be 5 days in*’ как «вступление в должность ... 5 дней назад». В случае примера № 97 (перевод-6) перевод данного высказывания опущен. Данный факт можно трактовать как намеренное опущение, так и как непреднамеренное, если переводчик по техническим причинам не смог воспринять данный фрагмент высказывания и начал перевод с интерпретации ответной реакции оратора, объединив прагматическое значение вопроса ‘*has it changed for you?*’ и ответа ‘*I don’t want to change too much*’ (пример № 97). Рассматриваемые высказывания на ЯИ обладают, как минимум, двумя очевидными планами содержания: 1) изменилось ли что-то на говорящего как индивида; 2) изменилось ли отношение говорящего к ситуации в целом. Переводчик предлагает вариант, обобщающий смысловое содержание вопроса и ответа — «не хочу много менять».

Пример № 98 позволяет проанализировать использование прецедентных феноменов (текстов, высказываний, имён). Прагматический уровень в лингвистической модели ЯЛ рассматривает употребление прецедентных феноменов и способов их переводов как индивидуальные, субъективные оценки тех или иных явлений, определяющие его ценности, установки, субъективные смыслы. Пример № 98 демонстрирует использование оратором (Д. Трампом) авторской метафоры ‘*I can be the most presidential person ever*’ и способы её

перевода. Оба переводчика восприняли основной «конденсат смысла» (термин Ю.Н. Караулова) — демонстрацию высшей степени компетенции. Вербализованная часть прагматикона представляет, таким образом, два подхода: стремление сохранить форму выражения оригинала за счёт добавления интенсификатора «настоящий» и лексемы «образчик» в переводе-4 и стремление передать содержательную часть — «сделать максимум».

Добавим, что в примере № 98 при переводе дескриптора и прецедентного имени *'the great Abe Lincoln'* обнаруживаются расхождения в наполнении тезаурусной области, одновременно с этим приём компенсации семантического значения неизвестного/непонятого прецедентного имени реализуется за счёт варианта «мои предшественники» в переводе-6.

Обращает на себя внимание языковое творчество (лингвокреативность) синхронистов при тактике прагматической адаптации реалии ЯИ к новой действительности на основе иноязычного материала (Например, *publication* — контент; *mass of humanity* — человеческий муравейник; *a soft spot in my heart* — с теплом вспоминаю об этом; *intelligent questions* — незаурядные, глубокие вопросы).

Согласимся с Е.Г. Беляевской, что «лингвокреативность предполагает некоторую модификацию принятого употребления, и это означает, что креативное использование языковых средств выглядит необычно и неожиданно, и, соответственно, именно эти факторы привлекают внимание получателя информации и обеспечивают более сильное прагматическое воздействие» (Беляевская, 2022, с. 63).

По мнению А.В. Колмогоровой и Е.В. Чистовой, процесс создания креативного решения (креатемы) актуализируется комплексным когнитивным механизмом, который управляет когнитивным пространством субъекта перевода (Колмогорова, Чистова, 2020). «Переводческая креативность реализуется разными средствами: лингвистическими (готовыми речевыми словоформами или новыми образованиями) и паралингвистическими» (Колмогорова, Чистова, 2020, с. 67). При исследовании глубинных способов выражения ЯЛ СП на прагматическом уровне репрезентанты вербального уровня в функциональном

плане оказываются переплетены между собой и с интеллектуальной сферой личности синхрониста, и с его познавательной деятельностью, предполагающей активные творческие и мыслительные процессы индивида. Способы проявления лингвокреативности ЯЛ СП в исследуемых переводах демонстрируют глубокое знание и понимание ЯИ и ЯП со стороны синхронистов, так как они реализуют возможные выражения смыслов на основании знания законов функционирования языковой системы.

Невербальное представление ЯЛ СП

Комплексный подход к анализу ЯЛ СП в нашем исследовании сконцентрирован на вербальном и невербальном уровне отражения профессиональной личности. Уровень профессиональной личности как носителя языка означает его непосредственную включённость в процесс речевой профессиональной коммуникации в качестве одного из активных участников коммуникативной среды. На данном уровне ЯЛ выступает как субъект языковой и неязыковой деятельности, что предполагает его осознанное, целенаправленное включение в профессиональное речевое взаимодействие с другими участниками, в активное и осмысленное порождение дискурса, основанное на самостоятельном выборе тактики и приёмов перевода. Следовательно, ЯЛ представляет собой единство языкового и неязыкового выражения сознания говорящего синхронного переводчика.

Мы предполагали обнаружить и проанализировать средства невербальной коммуникации в процессе наблюдения за языковым и неязыковым поведением синхронистов. Полученные в результате данные были проанализированы с использованием интерпретационного и лингво-когнитивного анализа.

В результате наблюдения за вербальными и невербальными маркерами, была составлена классификация типов невербальных средств по их семантическому дифференциалу, репрезентирующих речевое поведения ЯЛ СП в КСП (таблица 11). Стоит отметить, что с учётом цели исследования нами анализировались соматические реакции. В процессе наблюдения нами были отмечены также вегетативные реакции в комплексе с соматическими реакциями,

приводятся полученные данные о наиболее иллюстративных и частотных сомативах (контролируемых движений). Вслед за С.В. Валиулиной, мы определяем соматические реакции как сомативы, а вегетативные реакции как вегетативы (Валиулина, 2015б, с. 99—100).

Таблица 11 — Сводная классификация невербальных средств языковой личности синхронного переводчика в коммуникативной ситуации перевода

Семантический дифференциал	Невербальные средства	Характеристика невербальных средств
1	2	3
Кинесические сомативы		
Волнение и неуверенность	Движения губ в момент молчания	Концентрация внимания в момент восприятия и обработки звучащей речи
Ложь / неискренность	Касание лица / волос / наушников	Попытка скрыть неточность в переводе
Уверенность	Наклон корпуса / головы вперёд по отношению к оратору	Концентрация внимания при подаче перевода
Уверенность и расположенность к аудитории	Улыбка	«Зеркальное» отражение эмоций оратора. Перевод юмора
Неуверенность	Движения и щелчки авторучкой	Высокая степень волнения
Помощь в передаче смысла	Жесты-пиктограммы	Сопровождение смысла вербального сообщения
Логика	Жесты-идеограммы и головой в темп речи	Обеспечение связности вербального сообщения
Модальность	Пожимание плеч	Степень вероятности вербального сообщения
Окулесические сомативы		
Уверенность	Взгляд в камеру / на оратора	Концентрация внимания на ораторе в момент восприятия и обработки звучащей речи
Ложь / неискренность	Взгляд в сторону / вниз	Пропуск релевантной информации, неточный перевод
Подбор эквивалента	Взгляд вверх	Концентрация при выборе переводческого эквивалента. Перевод высказывания с нереальным (предполагаем) смыслом
Уточнение	Прищур	Конкретизация значения высказывания
Усиление значения	Подъём бровей	Субъектное экспрессивно-оценочное высказывание
Дружелюбное расположение к оратору	«Зеркалирование»	Поддержание синхронности и демонстрация эмоциональной вовлечённости в коммуникативную ситуацию

1	2	3
Просодические сомативы		
Уверенность	Вариативная интонация	Полное или относительно полное понимание содержания высказывания, которое позволяет эмоционально выделять значимые единицы коммуникации
Уверенность	Акцентная паузация	Полное или относительно полное понимание содержания высказывания, которое позволяет выделять значимые единицы коммуникации при помощи акцентной паузации
Дружелюбное расположение к оратору	«Зеркалирование»	Поддержание синхронности и демонстрация эмоциональной вовлечённости в коммуникативную ситуацию
Ложь	Молчание	Недостаточное понимание смысла высказывания. Пропуск релевантной информации. Сильное отставание от оратора
Подбор эквивалента	Звуки-хезитации	Концентрация при выборе переводческого эквивалента. Пропуск релевантной информации
Неуверенность	Невнятная речь	Недостаточное понимание смысла высказывания. Пропуск релевантной информации

Соматические реакции синхронного переводчика представлены кинетическими сомативами, окулесическими сомативами, просодическими сомативами. Отметим, что указанная группа кинесических сомативов является наиболее многочисленной, что объясняется широтой демонстративного характера указанных невербальных знаков.

В синхронном переводе уровень стресса является достаточно высоким даже для опытного профессионального переводчика. В ситуации повышенной концентрации по отношению к звучащей речи, синхронист склонен к снижению контроля за невербальным поведением и проявляет произвольное использование кинесических, просодических и окулесических маркеров: прикосновения к лицу и носу, подпираание лица рукой, касание к причёски, почёсывание носа, периодические наклоны головы или всего корпуса, продолжительная или неестественная улыбка, замедление темпа и высокий тон речи, сглатывание слов / звуков, взгляд в сторону от оратора и т. д.

Вегетативы активизируются соответствующими просодическими и

окулесическими проявлениями невербальной семиотики: покраснение лица или щёк, или, наоборот, бледность кожных покровов, выступание пота на лице, нервное облизывание или покусывание губ, беспокойное положение рук, дрожь, изменения тембральных характеристик голоса, рефлекторное моргание, продолжительные зрительные реакции.

Функционирование невербальных знаков в речи синхрониста позволяет определить спектр невербальных средств (кинесика, окулесика, просодика), которые сопровождают вербальную репрезентацию ЯЛ СП:

Кинесические сомативы:

- наклон корпуса / головы вперёд / назад / в сторону / набок;
- ритмичные движения головой / корпусом / рукой в темп речи переводчика;
- жесты-пиктограммы, изображающие действие / объект, о котором идёт речь;
- жесты-идеогаммы, демонстрирующие логическое продолжение коммуникации / логическое противопоставление;
- удержание карандаша / ручки в руке;
- щелчки ручкой;
- улыбка;
- движения губ в момент молчания (поджимание губ; облизывание, покусывание губ).

Окулесические сомативы:

- прищур;
- зеркалирование оратора;
- подъём бровей.

Просодические сомативы:

- звуки-хезитации;
- вариативная интонация;
- улыбка;
- акцентная паузация.

В невербальной коммуникации раскрываются интенции говорящего,

обозначается личное отношение оратора к тексту, в случае полисемии уточняется смысл высказывания. Декодирование, таким образом, непосредственно невербального поведения (Крейдлин, 2011, с. 81) способствует более глубокому познанию человеческих эмоций и переживаний в ситуации перевода. В связи с этим возникла необходимость рассмотреть невербальную коммуникацию в совокупности с речевым поведением синхронного переводчика в КСП. Рассмотрим пример анализа невербального поведения ЯЛ СП. Точкой обозначены паузы свыше 0,3 с. Знаками /--/ отмечено использование маркеров невербального поведения ЯЛ СП:

(99) Перевод-3: */взгляд на оратора/ Я знаю, что у всех /улыбка/ вас был /взгляд вниз/ очень интересный день. /кивающие движения головой/ Очень вдохновляющий. Полный событий и надеюсь, что наш диалог оправдает /подъём бровей/ ваши ожидания. Перед тем как начнём. Конечно же, хотела бы, прежде всего, признать и /звук-хезитация/ выразить соболезнования /звук-хезитация/ насчёт того, что произошло в Орландо. Мы сегодня здесь собрались /взгляд в сторону/ и говорим о сложностях, /звук-хезитация/ с которыми встречаются женщины. Нужно обязательно вспомнить /звук-хезитация/ те жизни, которые были утрачены в Орландо и постоянно мы должны думать /подъём бровей/ о тех /звук-хезитация/ о близких тех людей, которые погибли в Орландо. Но именно в такое время в нашей стране мы должны быть сплочёнными /подъём бровей, кивок головой/ любить друг друга и поддерживать.*

Анализ невербального поведения ЯЛ СП проводился посредством наблюдения за неязыковой репрезентацией личности говорящего.

С точки зрения применения кинесических сомативов, невербальная составляющая ЯЛ СП представлена ритмичными кивающими движениями головы, регулярной умеренной ротацией верхней части туловища влево и вправо, активной мимикой лица, попеременно варьирующейся от нейтрального выражения до улыбки в зависимости от содержания вербального сообщения. Кинесические сомативы демонстрируют направленность на аудиторию, логику повествования (переводческая тактика «маятник» соответствует движениям

корпуса переводчика).

Окулесические сомативы представлены длительным зрительным контактом с оратором и с аудиторией (взгляд синхрониста направлен в камеру), редким взглядом в сторону, активной мимикой лица, в особенности глаз — улыбкой, подъёмом бровей. Данные невербальные знаки маркируют эмоциональное состояние синхрониста через его восприятие и отражение речевого и неречевого поведения оратора. Невербальный потенциал взгляда мимики лица СП передаёт направленность речевого сообщения и зеркально отражает движения оратора.

Невербальное поведение ЯЛ СП выражается за счёт использования просодических сомативов в КСП. Вариативный интонационный рисунок перевода ЯЛ (тон, интонация, паузация, звуки-хезитации) позволяет оценить эмоциональное состояние ЯЛ, степень уверенности в переводе, определить наиболее акцентированные компоненты вербального содержания.

Общая оценка вербального и невербального поведения имеет важное значение при определении прагматического уровня ЯЛ СП, который определяется целями и задачами коммуникации — намерением говорящего, его интересами, мотивами и конкретными коммуникативными установками. Способы невербальной коммуникации отражают вовлечённость переводчика в текст оратора, тем самым давая возможность проанализировать глубину прагматического уровня ЯЛ СП, компонентами которого является высокая мотивация при переводе коммуникативного стимула оратора и соответствующей коммуникативной реакции синхронного переводчика. Именно мотивированность и вовлечённость говорящего как «коммуникативно-деятельностная потребность» и представляет собой единицу прагматического уровня языковой личности, служит наиболее существенным фактором, обуславливающим её индивидуальные особенности.

Проведённый комплексный анализ ЯЛ СП позволяет подтвердить идею герменевтического развития ЯЛ, которая заключается в рассмотрении ЯЛ как цельного образования, включающую вербальную и невербальную реализацию, обладающую определёнными противоречиями, определяющими

функционирование и развитие индивидуальной, творческой силы переводчика. Невербальные средства выражения ЯЛ СП подключаются в зависимости от фокуса направленности внимания синхрониста и профессиональных компетенций. Если фокус внимания переводчика направлен на ошибку перевода, соответствующее невербальное поведение переводчика. В то же самое время, при наличии ошибки, фокус внимания направлен на поддержание логики повествования, невербальное поведение не изменится, но будет соответствовать логике стандартного нарратива. Следовательно, невербальная к подключаются в зависимости от того, на что направлено мышление в конкретный момент.

Функционирование ЯЛ СП, таким образом, воспринимается нами в контексте диалектики языкового сознания индивида и постоянных способов познания действительности через развитие и самопознание (саморефлексию), анализ экстралингвистического фона КСП, актуализацию фоновых и специальных знаний духовного и материального бытия. Полученные данные позволяют сделать вывод, что невербальные средства коммуникации подтверждают языковую репрезентацию прагматического уровня рассматриваемой языковой личности (сопереживание/ симпатию / заинтересованность / сочувствие в переводе и т. д.): выполненные синхронные переводы соответствовали результатам анализа невербального поведения. Вербальные маркеры отражают уровень логических рассуждений говорящего переводчика, его ценностями, а также в значительной степени уровнем его эмоциональной активности в ситуации профессионального общения. Анализ результатов исследования вербальных и невербальных характеристик поведения языковой личности позволяет определить существенное значение соматических реакций как самостоятельного, важного компонента невербального поведения в контексте комплексного исследования языковой личности синхронного переводчика.

С развитием компьютерных методов обработки данных становится возможным говорить о комплексном вербально-невербальном рассмотрении в коммуникации в отличие сугубо лингвистического описания роли переводчика (Pasquandrea, 2011; Davitti, 2013). Синхронный переводчик профессионально

ориентируется в системах многоканального распределения звука, имеет навыки работы удалённого перевода и непрямого перевода. Исходя из этого, работа синхронным переводчиком требует навыка вычленения «глубинного смысла», контроля логики выступления оратора, одновременного восприятия лингвистической и экстралингвистической информации и воспроизведения грамматически оформленных предложений с определённым темпом, громкостью, интонационным рисунком с минимальным отставанием по времени. Синхронные и последовательные переводчики работают в сложных полевых условиях, зачастую «вслепую» (удалённый перевод) и способны воспринимать и порождать смыслы, поступающие из нескольких каналов (модусов) одновременно. Вышеуказанные причины свидетельствуют о необходимости подробного изучения роли синхронного переводчика среди семиотических систем и возможности реализации языковой личности как мультимодальной ЯЛ СП.

Согласимся с Е.В. Чистовой, что функциональные особенности мультимодальности изучены слабо (Чистова, 2022, с. 208), а их влияние на невербальное поведение ЯЛ и категорию ЯЛ в целом недооценено. Исследование личности переводчика с позиции мультимодальности позволяет шире понять роль переводчика в межкультурной коммуникации.

В ситуации синхронного перевода переводчику оказывается недостаточно чисто вербального высказывания и лингвистического знания для дешифровки смысла. Адекватный перевод будет возможен только в случае, если переводчик готов воспринимать не только лингвистический канал модальности передачи информации, но и экстралингвистический, визуальный, аудиальный, пространственный, рефлексивный.

Функционирование ЯЛ представляется нам комплексным процессом. По словам Ю.В. Сорокиной, для полноценного изучения невербального поведения ЯЛ УП и составления последующей модели мультимодальной ЯЛ важно использовать «разные направления рассмотрения мультимодальности в её лингвистическом и социологическом понимании, комбинируя анализ вербальных и невербальных средств, используемых для передачи информации» (Сорокина,

2017, с. 169). Термин «модальность» заимствован из психологии и используется для обозначения сенсорных каналов восприятия. В когнитивной лингвистике термин определяется как один из кодов информации, включённый в понятие гибридизированного текста (Сорокина, 2017, с. 169).

В широком смысле под мультимодальностью понимается описание общих законов и конкретных правил взаимодействия в коммуникативном акте вербальных или невербальных знаков (Мичурин, 2014). Г. Кресс полагает, что в дискурсе проявления мультимодальных явлений обусловлено интеграцией между вербальными текстами и изображениями, видео, речью и жестами, размером и цветом текста (Kress, 2009). Т. Стиверс и Дж. Сиднел понимают под мультимодальным взаимодействием межличностное взаимодействие, при котором коммуниканты поддерживают стабильный поток смылосодержащих вербальных и невербальных знаков (Stivers, Sidnel, 2005).

Основными аспектами мультимодальности являются всестороннее исследование каналов модальности, степень обработки, анализа, передачи и реакции на информацию, передающейся по каналам модальности. В данном исследовании мы предполагали изучить проявление вербальных, невербальных, смешанных вербально-невербальных каналов модальности для создания модели типизируемой ЯЛ СП. Данные анализа также свидетельствуют о важности изучения невербальной коммуникации синхронных переводчиков, столь необходимой для оценки психоэмоциональных процессов ЯЛ в ситуации перевода, особенности трактовки экстралингвистической информации, саморефлексии СП (контроля собственного невербального поведения) и корректной дешифровке культурно обусловленного вербально-невербального поведения говорящих.

Основываясь на постулате, что ЯЛ синхронного переводчика является мультимодальной по своей природе, ввиду характера профессиональной деятельности, мы предприняли попытку оценочно-критического анализа роли ЯЛ СП в ситуации перевода с позиции невербальной коммуникации. Количество коммуникативных модальностей, с которыми сталкивается ЯЛ, зависит от

количества кодов семиотических систем: ситуация, которая требует восприятие, анализ и декодирование информации посредством одновременно нескольких перцептивных каналов может считаться мультимодальной. Следовательно, мультимодальность может включать коммуникацию с точки зрения лингвистических, экстралингвистических, аудиовизуальных, пространственных, временных модусов, которые сознательно и бессознательно используются для извлечения и передачи информации.

Вследствие этого, считаем необходимым описать данные невербального поведения языковой личности, которые участвуют в формировании общего семиотического пространства и придают существенное значение невербальной коммуникации в контексте исследования языковой личности.

Вслед за J. Robinson, мы проводили анализ телодвижений, учитывая кинесические маркеры верхней половины тела синхрониста, т. е. от талии и выше (Robinson, 1998). Это обусловлено тем, что все синхронные переводчики, принимающие участие в исследовании, как правило, осуществляют перевод в позиции сидя. Также мы оценивали жестикуляцию рук, выражение лица (улыбка, движения надбровных дуг), положения верхней части тела, движения головы.

Зрительный контакт является также каналом получения обратной связи от слушающего. Так, оценочно-критическому анализу были представлены маркеры визуального поведения: направление взгляда, зрительный контакт, прищур, широко раскрытые глаза и т. д. Направление взгляда и длительность зрительного контакта являются наиболее репрезентативными окулесическими маркерами, свидетельствующими об интересе к говорящему и вовлечённости в коммуникативный процесс.

Просодические маркеры включали в себя особенности произношения, звуки-хезитации, яркий интонационный рисунок, громкость голоса. Аудиальный канал является одним из способов контроля подачи перевода как с позиции корректности вербального выражения, так и с позиции громкости подачи перевода в микрофон.

По итогам анализа невербального поведения синхронных переводчиков мы

склоняемся к выводу, что кинесические маркеры ориентированы на процессы организации вербального потока, в то время как окулесические и просодические маркеры отражают управление собственной когницией и психоэмоциональный настрой в целом (таблица 12).

Таблица 12 — Невербальные маркеры языковой личности синхронного переводчика (в языковой паре английский язык — русский язык)

Маркеры	%	Единиц
Кинесические	50,16	150
Окулесические	21,40	64
Просодические	19,06	57

Общая оценка вербального и невербального поведения имеет важное значение при определении точности структурного анализа языковой личности. Наше исследование показало, что невербальные формы коммуникации демонстрируют проявление прагматического уровня (уверенность, желание, симпатию, заинтересованность, разочарование и т. д.): успешные синхронные переводы соответствовали результатам анализа невербального поведения.

Невербальное поведение подтверждает и дополняет знания о языковой личности, полученные путём лингвокогнитивного анализа вербальных и невербальных средств выражения. Так, например, подача в сторону оратора (незначительный наклон вправо), визуальный контроль оратора, улыбка, вариативная интонация, акцентная паузация, в основном ровное дыхание без посторонних звуков — свидетельствует об уверенной подаче на родном языке, достаточного понимания содержания высказывания на иностранном языке, сохранении темпа перевода и психоэмоциональной стабильности в момент перевода.

В нашем исследовании описаны случаи сольного удалённого синхронного перевода с опорой на видеотрансляцию оратора (-ов). Анализируемая ЯЛ синхронного переводчика осуществляет удалённый синхронный сольный перевод. Рассмотрим каналы модальности с точки зрения проявления невербальных сигналов в ситуации перевода.

Рабочее место синхрониста отличается от традиционной переводческой

кабины, снабжённой встроенными панелями управления оборудованием, микрофонами и наушниками. Подобные кабины, как правило, имеют хорошую шумоизоляцию (Чистова, 2022, с. 209—210).

Управление записью перевода осуществляется вручную, что при помощи системы ввода информации в ПК синхрониста. Синхронист на экране своего устройства видит одного или нескольких ораторов и отсчёт времени с начала перевода. Для осуществления успешного перевода очень важно обеспечить достаточно близкий аудиовизуальный контакт синхрониста с оратором и реципиентом для восприятия невербальных сигналов, материалов презентации и реакции аудитории. Научные изыскания определили значительную роль визуального контакта при синхронном переводе (Anderson, 1994; Alonso Bacigalupe, 1999; Baxter, 2016; Rennert, 2008 и др.).

Важным параметром, влияющим на невербальную репрезентацию ЯЛ синхрониста, является среда, где осуществляется перевод. Расположение рабочего места и освещение, влияющие на визуальный параметр, температура и влажность воздуха, влияющие на просодическую репрезентацию; сторонние шумы и технические сбои в работе аппаратуры.

Удалённый перевод, ограниченность визуального канала и невозможность работы в профессиональной кабине может негативно влиять на успешность и общую оценку работы переводчика.

Наблюдение за невербальным поведением синхронистов позволило также определить трудности, которые испытывают синхронные переводчики при удалённом синхронном переводе: невозможность оценить атмосферу пространства мероприятия, студии, а также технические сбои работы оборудования. В некоторых случаях синхронисты теряют канал аудиальной связи и непременно пытаются его восстановить, многократно поправляя гарнитуру (в нашем исследовании до 15 раз за семиминутную сессию перевода).

На рисунке 17 изображены переводчики, осуществляющие перевод через гарнитуру. Как показали наши наблюдения, переводчики стремятся занять наиболее выгодную позицию для обеспечения стабильного визуального канала

восприятия оратора или информационного изображения, а также — позицию для удобства работы со вспомогательными материалами (см. рисунок 17, нижний слева).

Рисунок 17 — Переводчики в ситуации синхронного перевода (снимок экрана)

При анализе невербального поведения мы нашли подтверждения, что аудиальный канал, а также продукт перевода синхронного переводчика обрабатывается и регулируется им самим же.

Рассмотрим пример подобной мультимодальной интеграции невербального поведения синхрониста (рисунок 18). Синхронист воспринимает речь оратора на ЯИ через один слуховой канал, а второй использует для контроля за аудио-вербальной информацией, которая включает смысловое содержание, грамматическую и стилистическую корректность продукта перевода (исходящее сообщение), а также просодические сигналы (произношение, громкость, тональность). Таким образом, синхронист одновременно слушает и переводит не только источник, но и самого себя (т. е. продукт перевода).

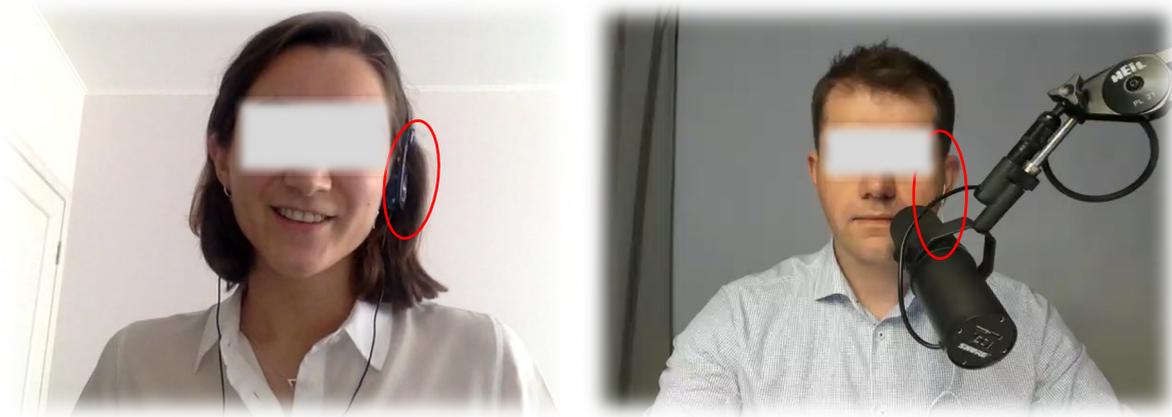

Рисунок 18 — Регулирование переводчиком аудиального канала (снимок экрана)

Согласно Е.В. Чистовой, в синхронном переводе можно говорить о мультимодальной коммуникации при интеграции знаний и информации, получаемых и продуцируемых синхронистом по различным каналам:

- а) аудиальный (звук в наушниках, музыка, посторонние шумы);
- б) аудиально-вербальный (выступление докладчика, вопросы из зала, коллективная дискуссия, комментарии / замечания организаторов или техников в случае потери сигнала или настройки оборудования, реплики синхрониста-напарника, содержащие вербальные подсказки, разделение эмоций и др.);
- в) визуально-вербальный (доклад в письменном виде или в презентационных материалах);
- г) визуально-пространственный (графики, диаграммы, схемы и т. д.);
- д) визуально-коммуникативный (зрительный зал, через окно или на экране монитора, видеосюжет — всё, что иллюстрирует экстралингвистический контекст коммуникативной ситуации и поведение коммуникантов);
- е) визуально-кинетический (мимика, жесты, эмоции, собственные жесты как внешние инструменты когнитивной системы и т. д.) (Чистова, 2022, с. 216).

Современные технологии способствуют развитию и внедрению всё новых видов и подвидов синхронного перевода, отличающихся скоростью и количеством каналов восприятия информации. Сегодня помимо классического синхронного перевода в кабине востребованным удалённый синхронный перевод (онлайн конференц-перевод), осуществляемый через различные интернет-

платформы, удалённый синхронный перевод без видеотрансляции, практикуется
сольный синхронный перевод как очно, так и удалённо.

При синхронном переводе, перегруженном количеством лингвистических
задач, более правомерно говорить об обеспечении дополнительной информацией,
когда один канал восполняет неточности (или устраняет многозначность),
поступающие через другой канал (Hidalgo-Barnes, Massaro, 2007). Постоянное
поступление информации из разных источников сигналов способствуют
усилению сигнала. Более того, сигналы из разных каналов постоянно проверяются
на полноту и специфику информации (Чистова, 2022, с. 209).

Невербальные знаки, репрезентирующие ЯЛ синхронного переводчика в
момент осуществления профессиональной деятельности, отражают мотивы,
установки, мировоззрение, фоновые знания, что способствует целостному
анализу, а создание модели мультимодальной ЯЛ синхронного переводчика
позволяет понять возможные причины и мотивы языкового поведения и
психоэмоционального состояния переводчика, степень саморегуляции и
самоорганизации переводчика ввиду значительной роли вербально-смысловых
структур в организации сознательной деятельности человека (Лурье, 2010, с. 111).

Основываясь на нашем опыте анализа вербальных и невербальных
репрезентант анализируемых ЯЛ УП, в рамках дискуссии на стыке психологии,
физиологии, нейролингвистики, социологии, мы предполагаем, что точкой
бифуркации мультимодальности ЯЛ является момент, когда агент *производит
выбор механизмов опредмечивания*, основываясь на невербальном поведении
источника, вербальном сообщении источника, доминантных особенностей
реципиента (возраст / профессия / социальный статус / пол) (Шапошникова, 2021,
с. 283). Это позволяет говорить о мультифокальности (многонаправленности) и
мультимодальности извлечения смысловых связей из внутреннего и внешнего
лексикона.

Мы предлагаем следующее строение модели мультимодальной ЯЛ УП
(рисунок 19).

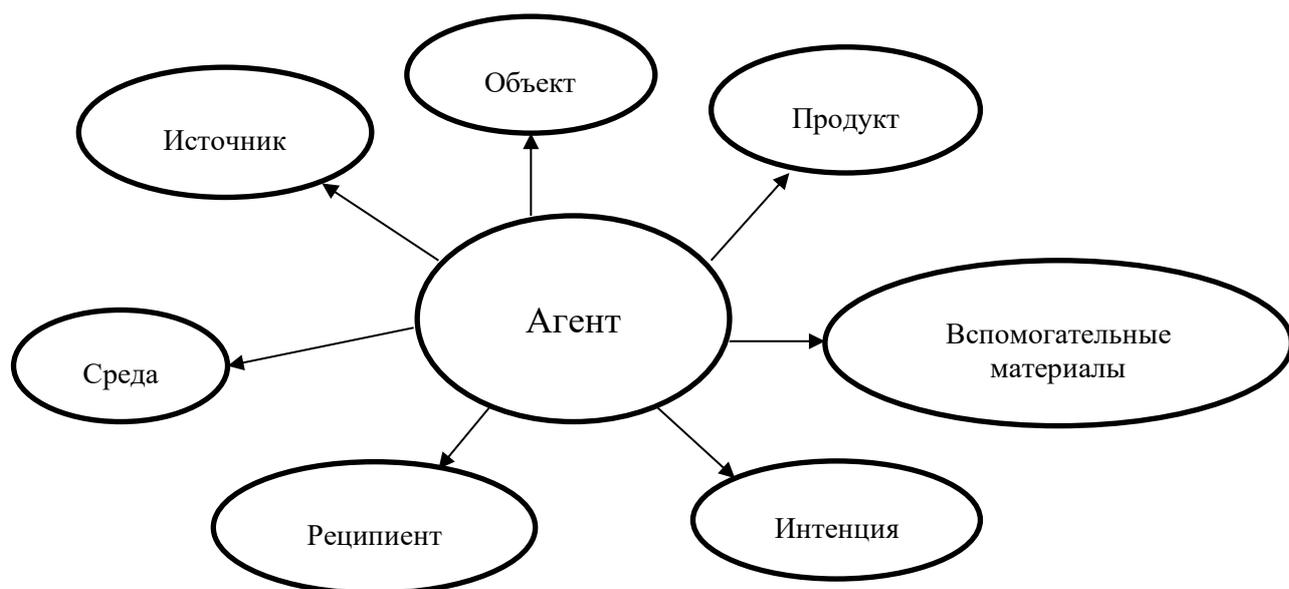

Рисунок 19 — Модель мультимодальной языковой личности синхронного переводчика

В соответствии с данной моделью действие агента является мультимодальным, т. е. учитывающей все каналы модальности. Следовательно, мультимодальная ЯЛ СП репрезентирует фокус переводчика на каждом канале модальности. Мультимодальная ЯЛ СП отражает взаимовлияние вербальных и невербальных знаков на восприятие информации из каналов модальности, где: агент — переводчик, осуществляющий синхронный перевод; объект — высказывание на ЯИ; источник — оратор, продуцирующий высказывание на языке оригинала; продукт перевода — высказывание на ЯП; реципиент перевода — полиморфная аудитория, на которую рассчитан перевод с ЯИ (напарник-синхронист, аудитория в зале, модератор конференции, основной оратор, собеседник основного оратора, руководитель службы протокола и т. д.).

Мультифокальность ЯЛ СП заключается в фокусировке на нескольких зонах релевантности одновременно. В зависимости от смещения или преобладания фокуса внимания синхрониста, меняется функционирование и репрезентативность ЯЛ. Переводческие решения ориентированы не только на целевую аудиторию и «её горизонт ожидания» (Митягина, 2017, с. 32). В ситуации синхронного перевода фокус переводчика учитывает множество релевантностей.

Способность ранжировать информацию в зависимости от релевантности участника коммуникативной ситуации, является отличительной чертой синхронного переводчика. Подобная когнитивная перспектива со стороны переводчика позволяет учитывать и ранжировать степень декодируемой и перекодируемой информации в зависимости от релевантных стимулов и механизмов эффективной коммуникации. Таким образом, мультифокальность определяет информационное взаимодействие с объектами среды и направленность на максимизацию релевантности вербального сообщения.

I. К а н а л м о д а л ь н о с т и: агент — источник — преимущественно невербальный (в случае офлайн перевода возможен смешанный вербально-невербальный вариант канала). Передача информации идёт преимущественно от источника к агенту, как к одному из реципиентов информации. Интерпретация невербального поведения оратора, позы, взгляда, одежды, особенно, если оратор является представителем иностранной культуры, может привести к сбоям в переводе или культурному барьеру, что негативно отражается на целевом трансляте в целом.

II. К а н а л м о д а л ь н о с т и: агент — объект — невербальный канал. Перцепция информации происходит внутри агента непосредственно в момент интерпретации (распредмечивания) объекта.

III. К а н а л м о д а л ь н о с т и: агент — продукт — смешанный вербально-невербальный канал. Подача перевода происходит одновременно вербально и невербально.

IV. К а н а л м о д а л ь н о с т и: агент — вспомогательные материалы — невербальный канал. Обмен и фиксация информации в дополнительных источниках может включать невербальные знаковые компоненты (запись элементов на ЯИ и / или ЯП, уточнение значений в глоссариях, онлайн-словарях, материалов оратора и т. д.).

V. К а н а л м о д а л ь н о с т и: агент — интенция — невербальный канал. Предлагается учитывать персональную мотивацию, мировоззрение и опыт при восприятии, обработке и подачи перевода. Так, агент оценивает

разнообразные виды поступающей в его сознание информации, свою интенцию (в т. ч. саморефлексию), определяющую мотивацию личности, основания для принятия переводческих и поведенческих решений, а также исходящий от агента продукт (воплощение в языке) перевода.

VI. К а н а л м о д а л ь н о с т и: агент — реципиент — смешанный вербально-невербальный канал. В ситуации синхронного перевода (очного) информация передаётся по каналу переводчик — аудитория, где синхронист, с одной стороны, осознанно и неосознанно проявляет вербальные, соматические и вегетативные реакции, которые дополняют общий смысл высказывания. Очевидно, что в значительной степени толкование двусмысленных выражений, игры слов, социально закреплённых значений, личной оценки переводчиком смысла высказывания может передаваться вербально и невербально. С другой стороны, синхронисту важно верифицировать «обратную связь» от аудитории, т. е. успех передачи смысла и точности коммуникативного намерения, воздействия на аудиторию, а также «успешное семантическое предвосхищение в продолжающемся дискурсе, без которого синхронным переводчикам сложно работать, сохраняя высокий уровень качества перевода» (Чистова, 2022, с. 218—219). Представленный канал модальности, как правило, ориентирован на массовую аудиторию, характерной особенностью которой является неопределённость, рассредоточенность количества реципиентов для агента. Соответственно, для СП представляется значимым учёт разнородности состава реципиентов, что определяет ретиальность коммуникативного действия переводчика, которая реализуется в процессе актуализации его мультимодальности. Ретиальность коммуникативного действия. ЯЛ СП, таким образом, обеспечивает горизонтальный характер коммуникации, рефлексию агента и подвижность фокуса его внимания на всей временной протяжённости взаимодействия в КСП.

VII. К а н а л м о д а л ь н о с т и: агент — среда перевода — невербальный канал. Получение информации от среды перевода и её корректная интерпретация не ограничивается толкованием и пониманием языка тела

конкретного оратора, но также других компонентов невербальной коммуникации, относящихся к ситуации перевода: площадка мероприятия, дистанция между коммуникантами, дополнительная видео- и аудио-информация в момент перевода, различные типы телесных знаков коммуникантов (например, рукопожатия, объятия, прикосновения), одежда коммуникантов, вещи и предметы, несущие определённую информацию о культуре участников ситуации перевода.

Интересной представляется мысль Л.А. Манерко, что разнообразные виды поступающей языковой и неязыковой информации, будучи неоднородными по самой своей природе и семиотике, формируют своеобразный континуум (Манерко, 2021, с. 18), который можно определить, как мультимодальный континуум.

В ситуации синхронного перевода мы можем говорить о том, что Агент получает сигналы от:

- 1) источника высказывания: восприятие и оценка самого оратора аудиально и визуально (включая невербальную коммуникацию источника);
- 2) реципиента перевода: визуальную и аудиальную реакцию реципиента на сообщение источника и на продукт перевода;
- 3) непосредственно объекта перевода (форма и смысл высказывания), выраженного различными способами: вербально и невербально;
- 4) самого агента как такового: прагматический уровень самого синхронного переводчика, определяющей мотивацию, интенцию и выбор переводческого решения, невербального поведения и т. д.;
- 5) продукта собственного перевода агентом: контроль подачи перевода с точки зрения смысла и формы;
- 6) среды перевода: экстралингвистический контекст места проведения перевода влияет на степень социального взаимодействия, регламент, установку при переводе;
- 7) вспомогательных материалов: пользование персональными заметками синхрониста непосредственно в момент перевода, заметками напарника-синхрониста, личным настольным глоссарием и т. д.

Таким образом, *под мультимодальностью ЯЛ СП мы понимаем языковую личность, оперирующую различными каналами модальности для обмена информацией в профессиональном или социальном общении, относящейся к разным семиотическим системам, обслуживаемых при помощи дополнительных средств коммуникации.* Мультимодальный образ ЯЛ синхронного переводчика, в свою очередь, отображает каналы модальности, транслирующие дополнительную информационную нагрузку ЯЛ СП и выражаемую вербально и/или невербально.

Опираясь на теорию мультимодальности ЯЛ СП, представляется необходимым обратиться к оппозиции вербального и невербального воплощения ЯЛ. П е р в ы й р а к у р с — *вербальный* — реализуется структурно в соответствии с трёхуровневой моделью ЯЛ, разработанной Ю.Н. Карауловым, а также на стратегию-тактические репрезентанты, девиантные репрезентанты, гендерные репрезентанты, профессиональные компетенции. Будучи вербальным, в нём структурно организованы уровни вербальной реализации, которые функционируют одновременно как сложная знаковая система, адаптированная под коммуникативно-когнитивные потребности человека (Шапошникова, 2021).

В т о р о й р а к у р с — *невербальный* — реализуется как язык в человеке, т. е. невербальная реализация зависит от физиологической и когнитивной основы и воплощаются в невербальных проявлениях. Единицы невербального уровня порождаются при взаимодействии смысловых и сигнальных систем носителя. Таким образом, сама концепция ЯЛ интегрирует вербальное и невербальное воплощение и определяется взаимным влиянием смыслопорождения на реализацию в вербальном и невербальном поле.

Представленная теория мультимодальности ЯЛ синхронного переводчика демонстрирует и позволяет анализировать поведенческие модели ЯЛ в случаях адекватного / неадекватного перевода, причины возникновения переводческих ошибок, психоэмоциональное состояние переводчика в ситуации перевода и его контроль. Воспринимая информацию по различным каналам (коммуникативным модальностям), сопоставляя новые знания с имеющимися знаниями, фреймами, сценариями, интенции самого переводчика с учётом прагматики ситуации,

синхронист конструирует собственное процедурное знание, которое впоследствии трансформируется в переводческий опыт.

Мы также предполагаем, что существует несколько подуровней восприятия информации, поступающей по одному каналу. Это даёт основания считать, что проблема мультимодальности требует продолжения всестороннего изучения с позиций когнитивной лингвистики и невербальной семиотики. Перспектива дальнейшего исследования нам представляется в расширении методологии анализа, подробном изучении подуровней мультимодальности, влиянии соматических и вегетативных реакций на репрезентацию языковой личности, проведении масштабных экспериментов с учётом сравнительно-сопоставительного анализа вербального выражения типизируемой языковой личности синхронного переводчика.

Выводы по главе 5

Таким образом, анализ существующих подходов к исследованию гендера в лингвистике позволяет сделать вывод о необходимости рассмотрения гендера языковой личности с позиции лингвофункционального анализа для определения гендерного дисплея и отражения их языковых предпочтений в структуре гендерных стереотипов, определить отчётливые тенденции к употреблению гендерных маркеров, наблюдаемые как среди мужчин, так и среди женщин переводчиков в ситуации синхронного перевода.

Социокультурное влияние определяет формирование гендерных стереотипов и во многом степень их выраженности в коммуникативной ситуации, что позволяет рассматривать пространство перевода как сферу проявления гендерных различий в речевом поведении синхронных переводчиков мужчин и женщин на морфологическом, лексико-стилистическом, грамматическом уровнях. Результатом контрастивного анализа корпуса видеоматериалов и скриптов синхронных переводов стало формирование гендерного дисплея языковой личности синхронного переводчика, который отражает многообразие

вариантов вербализации феминного, маскулинного и андрогенного в синхронном переводе.

В результате контрастивного анализа переводов телевизионных интервью мы обнаружили определённые гендерные различия в речевом поведении переводчиков на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровне текста переводов видео-интервью, которые позволяют говорить о тенденциях в реализации гендерного компонента в синхронном переводе. Идея герменевтического развития воспринимается нами в контексте диалектики языкового сознания индивида и постоянных способов познания действительности через развитие и самопознание (саморефлексию), анализ экстралингвистического фона коммуникативной ситуации перевода, актуализацию фоновых и специальных знаний духовного и материального бытия. ЯЛ СП, таким образом, предстаёт как цельное образование, включающее вербальную и невербальную реализацию, обладающее определёнными противоречиями, определяющими функционирование и развитие индивидуальной, творческого потенциала переводчика.

Невербальные маркеры языковой личности подтверждают языковую репрезентацию прагматического уровня рассматриваемой языковой личности (сопереживание / симпатию / заинтересованность / сочувствие в переводе и т. д.). Вербальные маркеры отражают уровень логических рассуждений говорящего переводчика, его ценности, а также в значительной степени уровень его эмоциональной активности в ситуации профессионального общения.

Комплексное рассмотрение вербальных и невербальных маркеров языковой личности синхронного переводчика в коммуникативной ситуации перевода позволяет сконструировать мультимодальную модель языковой личности синхрониста, под которой понимается языковая личность, оперирующая различными каналами модальности для обмена информацией в профессиональном и социальном общении, относящейся к разным семиотическим системам, обслуживаемых напрямую и при помощи дополнительных средств коммуникации. Теория мультимодальной ЯЛ синхронного переводчика

демонстрирует и позволяет анализировать поведенческие модели ЯЛ в случаях адекватного / неадекватного перевода, причины возникновения переводческих ошибок, психоэмоциональное состояние переводчика в ситуации перевода и его контроль. Воспринимая информацию по различным каналам (коммуникативным модальностям), сопоставляя новые знания с имеющимися знаниями, фреймами, сценариями, интенции самого переводчика с учётом прагматики ситуации, синхронист конструирует собственное процедурное знание, которое впоследствии трансформируется в переводческий опыт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многосторонний характер языковой личности свидетельствует о необходимости его рассмотрения как на вербальном, так и на невербальном уровнях. Трансдисциплинарный подход способствует всестороннему развитию комплексной методологии гуманитарных исследований, обеспечивая системное и полиаспектное исследование сущностных и субстанциональных характеристик мультимодальной языковой личности синхронного переводчика.

Исследование языковой личности профессионального синхронного переводчика приобретает особую ценность при комплексном описании преобразовательного характера языковой личности, основанном на наблюдении за человеком говорящим, осуществляющим неподготовленную интерпретацию когнитивного замысла оратора. Функциональная сторона языковой личности синхронного переводчика, таким образом, воспринимается нами в контексте диалектики языкового сознания индивида и постоянных способов познания действительности через развитие и самопознание (саморефлексию), анализ экстралингвистического фона коммуникативной ситуации перевода, актуализацию фоновых и специальных знаний духовного и материального бытия.

В настоящем исследовании были решены задачи по:

— рассмотрению предпосылок изучения картины мира, а также отечественных и зарубежных подходов к проблеме исследования языковой личности в целом;

— созданию и описанию комплексной методологии исследования языковой личности профессионального синхронного переводчика, владеющего навыками последовательного перевода;

— разграничению понятий «личность» и «идентичность» синхронного переводчика;

— уточнению содержательной структуры языковой личности профессионального синхронного переводчика;

— систематизации и описанию вербальных и невербальных репрезентант, конструирующих языковую личность профессионального синхронного переводчика, владеющего навыками последовательного перевода;

— разграничению и типологизации переводческих ошибок и неудачных переводческих решений как проявлений индивидуальности языковой личности синхронного переводчика;

— определению степени репрезентации гендера в языковой личности синхронного переводчика;

— определению тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня языковой личности синхронного переводчика и его основных репрезентант;

— систематизации невербальных и паравербальных средств языковой личности синхронного переводчика;

— описанию взаимосвязи средств вербального, невербального и паравербального выражения, конструирующих мультимодальную языковую личность профессионального синхронного переводчика, владеющего навыками последовательного перевода;

— созданию модели мультимодальной языковой личности синхронного переводчика.

Главным результатом данного исследования стала разработка комплексного подхода к исследованию языковой личности синхронного переводчика, предполагающей учёт индивидуальных проявлений вербальной и невербальной коммуникации, гендерного фактора, взаимодействия ряда когнитивных механизмов, определяющих мультимодальность языковой личности. Структурные уровни языковой личности синхронного переводчика включают в себя всю совокупность индивидуальных особенностей речевого и неречевого поведения синхрониста в зависимости от прагматических параметров ситуации перевода, учёт когнитивной составляющей переводчика (интеллектуальную сферу личности), владение родным и иностранными языками, фоновые знания, а также — экстралингвистического фона. Важным аспектом при исследовании языковой личности синхронного переводчика представляется гендерный

параметр, который позволяет исследовать гендерный дисплей, отражающий многообразие вариантов вербализации феминного, маскулинного и андрогенного в синхронном переводе. Таким образом, комплексный подход позволяет всесторонне рассмотреть языковую личность с позиции её представления в коммуникативной ситуации перевода. Между тем, отражение языковой личности синхронного переводчика мгновенно и динамично меняется по ходу развития коммуникативной ситуации перевода, усложняя, тем самым, наблюдение и лингвистическую интерпретацию содержания искомого феномена. Проявление когнитивных процессов, происходящих в сознании говорящего переводчика, многомерно, вследствие этого, последовательно обоснована необходимость комплексного рассмотрения репрезентации языковой личности на каждом из уровней её представления. Актуальность предложенного комплексного подхода позволила проанализировать репрезентанты языковой личности профессионального синхронного переводчика на вербальном и невербальном уровнях, определить глубину фоновых знаний переводчика, влияние гендерного фактора на перевод, а также уровень профессиональных компетенций современного переводчика.

Процесс изучения рассматриваемого феномена взаимообусловлен процессом развития и становления идентичности индивида, что подтверждается данными о значимости профессиональных компетенций в работе синхронного переводчика. В диссертации способы выражения профессиональных компетенций анализировались с позиции когнитивных, семиотических и прагматических параметров в коммуникативной ситуации перевода. Сама реализация модели мультимодальной языковой личности, таким образом, находится в зависимости от индивидуальной прогностики в процессе перекодирования в принимающей системе, прогнозирования перлокутивного эффекта на реципиента от целевого текста, лингвистических и экстралингвистических параметров исходного сообщения, рефлексивного самосознания переводчика, которые влияют на способность адекватно перекодировать неизвестные субъективные реальности, фокус на которых определяет переводческое решение. Центром данной модели

является синхронный переводчик, периферия модальности которого конструируется в зависимости от изменчивости коммуникативной ситуации перевода. Разностороннее изучение функциональной стороны языковой личности синхронного переводчика, таким образом, способствует учёту каналов модальности, по которым представляется возможным определить динамику когнитивных процессов языкового сознания синхронного переводчика. На практических примерах доказана необходимость учёта выделенных параметров мультимодальности. Они демонстрируют уровень профессиональной компетентности, девиации, мотивы и установки переводчика в коммуникативной ситуации, проявления лингвокреативности.

Процесс исследования репрезентант языковой личности синхронного переводчика позволил представить определение тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня как уровень отражения когниции синхронного переводчика, включающий семантикон, творческие и индивидуальные переводческие решения, стратегии и тактики перевода основных концептов в коммуникативной ситуации перевода, которые отражают национально-культурные ценности переводчика, глубину его знаний о мире. Границы данного уровня определяются социальным опытом и спектром связей с внеязыковой действительностью. Тезаурусный уровень репрезентации языковой личности, таким образом, является непостоянной величиной, способной расширяться и усложняться в зависимости от накопления языкового и неязыкового опыта личности.

Значимым итогом исследования стала система выделенных репрезентант вербальной и невербальной коммуникации языковой личности, разработанная на основе данных анализа корпусов синхронных переводов.

1. Репрезентанты вербально-семантического уровня ЯЛ СП: расширенная синонимия, сложносочинённые и сложноподчинённые предложения с различными видами связи (уступки, причины, следствия), использование упрощённого синтаксиса (синтаксические искажения), приёмы компрессии, опущения, адаптации, прогнозирования, пословный перевод.

2. Репрезентанты тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня ЯЛ СП: семантические зоны, индивидуальные текстовые преобразования при переводе оценочных суждений, индивидуальные варианты перевода прецедентных феноменов.

3. Репрезентанты прагматического (мотивационного) уровня ЯЛ СП: эмоциональная вовлечённость и активность при переводе прецедентных феноменов, индивидуальные переводческие добавления, оценочность, лингвокреативность, прагматикон ЯЛ (владение коммуникативными нормами, знаниями и умениями, способностью к оптимальной речевой реализации стратегемно-тактических решений), самопрезентация.

4. Репрезентанты невербальной коммуникации ЯЛ СП:

— невербальные маркеры: цикличность поз и движений тела, акцептуальные движения, идеограммы, ритмичные движение, пиктограммы, комфорт-жесты, зрительный контакт с оратором;

— паравербальные маркеры: звуки-хезитации, вариативность интонационной палитры, звуковые акценты при подаче перевода.

В коммуникативной ситуации перевода выделенные доминанты реализуются системно — взаимодействие между ними в значительной степени регулируется единицами прагматического уровня. Прагматический (мотивационный) уровень языковой личности синхронного переводчика определяет функциональную модель переводческой стратегии и входящие в неё тактики. Языковая личность профессионального синхронного переводчика обладает широким стратегемно-тактическим диапазоном сочетания приёмов перевода и переводческих трансформаций. В зависимости от смены коммуникативной ситуации перевода происходит смена стратегии перевода, тактик и используемых приёмов.

В свою очередь, невербальная составляющая языковой личности синхронного переводчика является частью структурного содержания языковой личности синхронного переводчика и дополняет единицы представления на вербально-семантическом, тезаурусном и прагматическом уровнях языковой личности синхронного переводчика.

Синхронный переводчик является не только посредником, но и конструктором новых контекстов. Он помогает выстраивать реальность. Языковая личность синхронного переводчика предлагает способы конструирования реальности за счёт выражения индивидуальности в переводе, раскрытия творческого потенциала. Возникновение лингвокреативности, проявление индивидуального, оценочного восприятия, расширение тезауруса, приоритеты, ценности в переводе, способы выражения профессиональной компетенции и преодоление переводческих трудностей — аспекты, которые представляли для нас особый интерес в контексте изучения рассматриваемого феномена. Получая коммуникативный опыт, сталкиваясь с новыми объектами понимания контекста культуры, с нарушениями регламентированной нормативности, синхронный переводчик обращается к герменевтическому развитию, вследствие чего сопоставляет и регулирует собственные уровни языковой репрезентации. Проведённый комплексный анализ позволяет подтвердить идею исследования языковой личности как полиаспектного феномена, которая заключается в рассмотрении языковой личности как цельного образования, включающую вербальную и невербальную реализацию, гендерный дисплей, что в совокупности детерминирует функционирование языковой личности синхронного переводчика.

Теоретические результаты определили перспективу лингвокогнитивного и лингвофункционального направления в лингвоперсонологии, позволили сформировать методологию исследования «говорящего переводчика» (*translator loquens*) как динамический процессуальный феномен, в рамках которой обеспечивается системный анализ фенеатративных лингвокогнитивных процессов рецепции, распрямечивания, кодового переключения, опредмечивания и трансляции в их обусловленности спецификой мультимодальной языковой личности переводчика и дискурсивного пространства.

Практические результаты исследования позволяют подробнее определить особенности картины мира профессиональных синхронных переводчиков, вербального и невербального уровня организации языковой личности, влияния

экстралингвистического фона на успешность реализации синхронного перевода, способы проявления индивидуальности в синхронном переводе. Анализ эмпирического материала позволил выявить основные единицы выражения исследуемого феномена на вербально-семантическом, тезаурусном и прагматическом уровне, разработать функциональную модель переводческой стратегии в синхронном переводе, составить сеть тактик и входящих в них приёмов и способов. Анализ переводческих ошибок и оценки качества переводов с учётом скопос-теории позволил определить важные для исследования элементы репрезентации языковой личности профессионального синхронного переводчика в целом. Анализ вербальных и невербальных характеристик языковой личности позволил определить существенное значение соматических реакций как самостоятельного, важного компонента невербального поведения в контексте комплексного исследования языковой личности синхронного переводчика.

Подобное комплексное использование методов при анализе различных репрезентант в перспективе может применяться в исследовании иных типов языковых личностей. Помимо этого, данные исследования позволяют существенно дополнить методологию лингвистического анализа и интерпретации каналов модальности в зависимости от условий коммуникативной ситуации (удалённый синхронный перевод, сурдоперевод, перевод с листа и т. д.).

Перспектива исследования заключается в расширении эмпирической базы синхронных и последовательных переводов с целью дальнейшего анализа особенностей языкового сознания языковой личности последовательного переводчика, а также последующего сравнения данных типов языковых личностей. Представляется важным продолжать теоретическое осмысление проблем девиатологии (эратологии) в синхронном переводе, изучить природу ошибок перевода в свете современных переводческих парадигм. Дальнейшее изучение особенностей реализации механизмов когнитивной работы сознания, интерпретации синхронного переводчика является достаточно перспективным

направлением исследований в теории языка, межкультурной коммуникации и в области теории перевода. Подобные исследования позволят расширить существующие представления о природе взаимодействия когнитивных и языковых процессов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЯЛ — языковая личность

СП — синхронный переводчик / синхронный перевод

УСП — устный синхронный перевод / устный синхронный переводчик

ИТ — исходный текст

ПТ — переводной текст

ЯИ — язык-источник

ЯП — язык перевода

РЖ — речевой жанр

КСП — коммуникативная ситуация перевода

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова, Е.В. Формирования готовности будущих переводчиков к профессиональной деятельности на начальном этапе изучения иностранного языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Александрова Елена Викторовна. — Нижний Новгород, 2009. — 24 с.
2. Алексеев, А.Б. Языковая личность политика: особенности формирования и функционирования: монография / А.Б. Алексеев, Э.А. Сорокина. — М.: Русайнс, 2024. — 441 с.
3. Алексеева, И.С. Профессиональное обучение переводчика: учебное пособие / И.С. Алексеева. — СПб.: Союз, 2001. — 288 с.
4. Алексеева, Т.Д. О роли памяти при устном переводе / Т.Д. Алексеева // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8, № 1 (26). — С. 17—20.
5. Амирова, О.Г. Гендерные маркеры в современной англоязычной литературе / О.Г. Амирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13, вып. 4. — С. 39—42.
6. Анисимова, А.В. Особенности функционирования английских эмотивных прилагательных в гендерном аспекте: на материале женских журналов и романов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Анисимова Анна Вениаминовна. — М., 2010. — 225 с.
7. Анищенко, Г.А. Литературный справочник: учебное пособие / Г.А. Анищенко. — М.: ФОРУМ, 2012. — 176 с.
8. Аристова, Е.А. Устный переводчик в ситуации проведения экскурсии: культура и гигиена голоса / Е.А. Аристова, О.В. Протопопова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2015. — № 3 (13). — С. 31—35.
9. Артемов, В.А. Курс лекций по психологии / В.А. Артемов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1958. — 421 с.
10. Асмус, Н.Г. Языковая личность автора в виртуальном дискурсе (на примере жанра «домашняя страница») / Н.Г. Асмус // Лингвистика и образование.

– Астрахань., 2021. – № 3. – С. 5–17.

11. Ахманова, О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет // Вопросы языкознания. — 1977. — № 3. — С. 47—54.

12. Багиян, А.Ю. Когнитивно-дискурсионное пространство профессиональной идентичности: системный подход к лингвопроектированию: монография / А.Ю. Багиян. — Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т, 2024. — 281 с.

13. Багиян, А.Ю. Роль языка в формировании профессиональной идентичности: лингводидактический аспект / А.Ю. Багиян, Т.А. Ширяева // Филологические науки в МГИМО. — 2021. — Т. 7, № 1 (25). — С. 119—129.

14. Баженова, И.С. Эмоции, прагматика, текст: монография / И.С. Баженова. — М.: Менеджер, 2003. — 391 с.

15. Бакулина, Г.А. Сущность и роль антиципации в педагогическом процессе / Г.А. Бакулина // Педагогика. — 2010. — № 10. — С. 17—21.

16. Балаганов, Д.В. Динамика когнитивных механизмов в синхронном переводе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Балаганов Дмитрий Владимирович. — М., 2021. — 39 с.

17. Балаганов, Д.В. Когнитивно-динамический аспект деятельности синхронного переводчика / Д.В. Балаганов // Современное педагогическое образование. — 2020. — № 6. — С. 142—147.

18. Балаганов, Д.В. Психолингвистические основы синхронного перевода / Д.В. Балаганов, Е.Г. Князева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13, вып. 3. — С. 192—197.

19. Бареева, М.Р. Просодические особенности речи переводчика-синхрониста политического дискурса (на материале британского варианта английского языка) [Электронный ресурс] / М.Р. Бареева, С.С. Боднар // Цифровой архив Казанского федерального университета. — 2017. — С. 188—192. — URL: <https://core.ac.uk/reader/197461956>.

20. Бахтин, М.М. 1961 год. Заметки / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. — М.:

Русские словари, 1997. — С. 321—325.

21. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. — Киев: Next, 1974. — С. 81.

22. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. — М.: Русские словари, 1996. — С. 159—206.

23. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.

24. Безруков, В.А. Методический аспект изучения невербальных компонентов коммуникации, реализуемых в состоянии сильного эмоционального напряжения / В.А. Безруков // Вестник Челябинского государственного университета. — 2016. — № 1 (383). — С. 7—20.

25. Беленкевич, Е.В. Языковой и ментальный портрет диалектной языковой личности в русле лингвоперсонологии / Е.В. Беленкевич // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 6 (79). — С. 490—494.

26. Белинская, Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Белинская Елена Павловна. — М., 2006. — 479 с.

27. Белькова, Е.В. Язык тела и жестов как один из способов манипулирования в политическом дискурсе / Е.В. Белькова, Н.Ю. Фанян // Филология в системе современного гуманитарного знания: сб. науч. тр. / под ред. Н.Ю. Фанян. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. — С. 21—27.

28. Беляевская, Е.Г. Лингвистическая креативность: нарушение нормы? / Е.Г. Беляевская // Вопросы психолингвистики. — 2022. — № 3 (53). — С. 62—73.

29. Бенедиктов, Б.А. Общие и темпоральные особенности устного перевода и владения языками: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.00 / Бенедиктов Борис Андреевич. — Л., 1972. — 331 с.

30. Бенедиктов, Б.А. Психология овладения иностранным языком / Б.А. Бенедиктов. — Минск: Вышэйшая школа, 1974. — 334 с.

31. Богин, Г.И. Модель языковой личности в её отношении к

разновидностям текстов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. — Л., 1984. — 310 с.

32. Богин, Г.И. Современная лингводидактика: учебное пособие / Г.И. Богин. — Калинин: Калининский гос. ун-т, 1980. — 61 с.

33. Богин, Г.И. Филологическая герменевтика / Г.И. Богин. — Калинин: Калининский гос. ун-т, 1982. — 80 с.

34. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — Т. 2. — 391 с.

35. Божович, Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте (психологическое исследование) / Л.И. Божович. — М.: Просвещение, 1968. — 464 с.

36. Божович, Л.И. О культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и её значении для современных исследований психологии личности / Л.И. Божович // Вопросы психологии. — 1988. — № 5. — С. 108—116.

37. Болотнов, А.В. Изучение языковой репрезентации тезаурусного подстиля публичной языковой личности в медиадискурсе / А.В. Болотнов // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 371. — С. 11—15.

38. Бредихин, С.Н. Специфика сохранения ритма и формы при переводе поэзии (на материале переводов поэзии Дж. Байрона) / С.Н. Бредихин, М.В. Бойко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, вып. 4. — С. 236—239.

39. Бредихин, С.Н. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира / С.Н. Бредихин, Н.А. Пелевина; под науч. ред. О.А. Радченко. — Ставрополь: Параграф, 2021. — 172 с.

40. Бредихин С.Н., Пелевина Ю.И. Интегративный характер формирующейся терминосистемы когнитивной лингвистики / С.Н. Бредихин, Ю.И. Пелевина // Научная мысль Кавказа. — 2022. — № 2 (110). — С. 71—77.

41. Бубнова, И.А. Глава 2. Неопсихолингвистика, или психолингвистика

личности: новое направление психолингвистических исследований / И.А. Бубнова // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева; ред. В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2017. — С. 97—179.

42. Будагов, Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования: (романские языки) / Р.А. Будагов. — 2-е изд. — М.: Добросвет, 2004. — 280 с.

43. Бузинова, Л.М. Языковая личность преподавателя высшей школы: на материале русской и немецкой лингвокультур: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Бузинова Людмила Михайловна. — Белгород, 2020. — 39 с.

44. Бурдина, З.Г. Грамматика и коммуникативно-когнитивные стратегии интерпретации текста (на материале современного немецкого языка) / З.Г. Бурдина // Филологические науки. — 1995. — № 4. — С. 84—91.

45. Бурмакина, Н.А. Лингвокогнитивный и прагматический уровни языковой личности А.П. Степанова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бурмакина Наталья Алексеевна. — Тюмень, 2007. — 357 с.

46. Бушев, А.В. Русская языковая личность профессионального переводчика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Бушев Александр Борисович. — М., 2010. — 368 с.

47. Буянова, Л.Ю. К проблеме статуса и определения концепта / Л.Ю. Буянова // Военно-филологический журнал. — 2023. — № 2. — С. 13—21.

48. Буянова, Л.Ю. Концепт «душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации / Л.Ю. Буянова // Культура. — 2002. — № 2 (80). — С. 265—270.

49. Буянова, Л.Ю. Языковая личность как супертекст: специфика когнитивно-семиотической и ментально-культурной презентации // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы I Междунар. науч. конф. — Барнаул: Алтайская гос. педагог. академия, 2012. — С. 63—65.

50. Вайсгербериг, Й.Л. Родной язык и формирование духа = Muttersprache und Geistesbildung / Й.Л. Вайсгербер; пер. с нем., вступ. ст. и коммент.

О.А. Радченко. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: УРСС, 2004. — 232 с.

51. Валиулина, С.В. Средства репрезентации ситуации молчания и выхода из неё / С.В. Валиулина // СибСкрипт. — 2015а. — Т. 2, № 1 (61). — С. 177—180.

52. Валиулина, С.В. Языковая репрезентация молчания в невербальном дискурсе / С.В. Валиулина // СибСкрипт. — 2015б. — Т. 2, № 2 (62). — С. 99—102.

53. Вафеев, Р.А. А.С.Пушкин как языковая личность и как личность двуязычная / Р.А. Вафеев // А.С. Пушкин: образование и культура: тез. докл. межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения великого русского поэта. — Тобольск: Тобольский гос. пед. ин-т им. Д.И. Менделеева, 1999. — С. 66—68.

54. Верещагин, Е.М. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Вопросы языкознания. — 1981. — № 1. — С. 36—47.

55. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров; под ред. и с послесл. акад. Ю.С. Степанова. — М.: Индрик, 2005. — 1040 с.

56. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы: избр. тр. / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1980. — 362 с.

57. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958. — 132 с.

58. Владимирова, Т.Е. Металингвистическая парадигма изучения языковой личности / Т.Е. Владимирова // Метафизика. — 2012. — № 4 (6). — С. 26—38.

59. Власкова, М.В. Языковая личность бывшего сельского жителя: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Власкова Маргарита Витальевна. — Арзамас, 2012. — 283 с.

60. Волкова, Е.В. Профессиональная языковая личность врача в медиадискурсе (коммуникативно-прагматический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Волкова Евгения Владимировна. — Томск, 2021. — 264 с.

61. Волкова, Т.А. Стратегии устного перевода: обзор и переосмысление подходов / Т.А. Волкова // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2022. — № 2 (45). — С. 52—61.
62. Волкова, Т.А. Дискурсивно-коммуникативная модель как система детерминант стратегии перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Волкова Татьяна Александровна. — Мытищи, 2022. — 35 с.
63. Володина, О.В. Женская языковая личность в медиадискурсе: когнитивно-дискурсивный подход (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Володина Ольга Викторовна. — Майкоп, 2020. — 203 с.
64. Воркачев, С.Г. Лингвокультурный концепт «МЗДОИМСТВО» в юридическом дискурсе / С.Г. Воркачев // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 182—188.
65. Воркачев, С.Г. Концепт «СИМВОЛ» лексикографическом представлении / С.Г. Воркачев // Русистика без границ. — 2021. — Т. 5, № 2. — С. 7—12.
66. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64—72.
67. Воркачев, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. — Воронеж: Воронежский гос. технич. ун-т, 2002. — С. 79—95.
68. Воробьев, В.В. Интернациональная языковая личность в лингвокультурном пространстве: монография / В.В. Воробьев, Ф.Г. Фаткуллина. — Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2017. — 203 с.
69. Воробьева, С.В. Антропоцентризм в русской философии истории 40-60-х гг. XIX в. / С.В. Воробьева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. — СПб., 2008. — № 4. — С. 197—202.
70. Воронина, О.А. Гендерные аспекты идентичности / О.А. Воронина //

Человек. — 2012. — № 6. — С. 15—31.

71. Воронина, О.А. Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / О.А. Воронина. — М.: МЦГИ — МВШСЭН — ММФ, 2001. — 368 с.

72. Воскобойник, Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Воскобойник Григорий Дмитриевич. — Иркутск, 2004. — 269 с.

73. Вульфович, Б.Г. Репрезентация языковой личности комментатора в интернет-дискурсе: лингвопрагматический аспект / Б.Г. Вульфович, В.В. Катермина // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. — 2023. — № 16. — С. 83—89.

74. Гайнуллина, Н.И. К вопросу о языковой личности в истории русского литературного языка / Н.И. Гайнуллина // Семантика языковых единиц: докл. 5 Междунар. конф.: в 2 т. — М.: Московский гос. открытый педагог. ун-т им. М.А. Шолохова, 1996. — Т. 2. — С. 116—118.

75. Галло, К. Презентации в стиле TED: 9 приёмов лучших в мире выступлений: пер. с англ. / К. Галло. — М.: Альпина Паблишер, 2015. — 253 с.

76. Ганеева, Э.Р. Речевая компрессия в синхронном переводе как когнитивное преобразование / Э.Р. Ганеева // Доклады Башкирского университета. — 2023. — Т. 8, № 4. — С. 51—59.

77. Гарбовский, Н.К. Устный перевод в условиях новых политических и экономических инициатив: теория, практика, дидактика / Н.К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. — 2017. — № 3. — С. 6—25.

78. Гарбовский, Н.К. Теория и методология устного перевода: традиции отечественной школы / Н.К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. — 2015. — № 2. — С. 3—16.

79. Гарбовский, Н.К. Теория перевода: учебник / Н.К. Гарбовский. — М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. — 544 с.

80. Гарбовский, Н.К. Перевод и общество / Н.К. Гарбовский,

О.И. Костикова // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. — 2018. — № 1. — С. 17—40.

81. Гвоздева, А.А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности: на материале художественных произведений русскоязычных и англоязычных авторов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гвоздева Анна Анатольевна. — Тамбов, 2003. — 151 с.

82. Гетьманенко, Н.И. Невербальные средства общения: трудности перевода в иной культурной среде / Н.И. Гетьманенко // Гуманитарный вектор. Сер.: Философия, культурология. — 2013. — № 34. — С. 125—131.

83. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. — М.: Наука, 1980. — 104 с.

84. Грушевская, Т.М. Особенности женской национальной картины мира (на материале дискурса СМИ) / Т.М. Грушевская, Н.Ю. Фанян // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., Майкоп, 01—02 ноября 2019 г. — Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2019. — С. 75—78.

85. Грушевская, Т.М. Французская ментальность: гендерный аспект / Т.М. Грушевская, В.В. Зеленская, Н.Ю. Фанян // Язык. Дискурс. Ментальность: коллективная монография, посвящ. 80-летию Адыгейского государственного университета. — 2-е изд., доп. — М.: ФЛИНТА, 2020. — С. 381—405.

86. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. — М.: Гнозис, 2003. — 223 с.

87. Гудкова, С.А. Методология лингвистического исследования: теоретические и практические аспекты применения гибридных методов / С.А. Гудкова, А.И. Яницкий // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — Т. 9, № 1 (30). — С. 211—215.

88. Гукова, Л.Н. Синтаксис современного русского языка / Л.Н. Гукова, Л.А. Петрова, Е.Н. Степанов. — Одесса: ОНУ им. И.И. Мечникова, 2013. — 29 с.

89. Гусак, В.Ф. Языковая личность современного школьника / В.Ф. Гусак // Научный альманах. — 2021. — № 3-1 (77). — С. 101-102.

90. Гутарева, Н.Ю. The problem of gender linguistics / Н.Ю. Гутарева // Молодой учёный. — 2015. — № 11 (91). — С. 1807—1809.
91. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация = Познание. Коммуникация: сб. работ / Т.А. ван Дейк; сост. В.В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. — М.: Прогресс, 1989. — 310 с.
92. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров (Коммуникативные стратегии культуры) / В.В. Дементьев. — М.: Знак, 2010. — 600 с.
93. Добря, М.Я. Спецификация языковой личности ребёнка / М.Я. Добря // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 29 (320). — С. 55-61.
94. Евтугова, Н.Н. Прагматические особенности англоязычной экологической рекламы / Н.Н. Евтугова, Е.В. Новикова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2023. — № 3. — С. 65—75.
95. Ермакова, Л.А. Гендерно маркированные языковые средства в поэтическом дискурсе Марины Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ермакова Любовь Алексеевна. — Кострома, 2018. — 196 с.
96. Ермолович, В.И. Психологические особенности одновременного выполнения речевых действий: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Ермолович Валентина Ивановна. — М., 1979. — 212 с.
97. Жабагиева, Г.З. Виды переводов / Г.З. Жабагиева // Успехи современного естествознания. — 2015. — № 1—5. — С. 867—869.
98. Желтухина, М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиаального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М.Р. Желтухина. — М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. — 656 с.
99. Жигалина, В.М. Проблема переводческого решения / В.М. Жигалина // Иностранные языки: лингвистические и методологические аспекты. — 2005. — Вып. 2. — С. 99—105.
100. Жинкин, Н.И. Психологические основы развития речи /

Н.И. Жинкин // В защиту живого слова: сб. ст. / сост. В.Я. Коровина. — М.: Просвещение, 1966. — С. 102—129.

101. Загуменнов, А.В. Герменевтико-феноменологический аспект изучения языковой личности: к постановке проблемы / А.В. Загуменнов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. — 2017. — Т. 16, № 1. — С. 144—153.

102. Загуменнов, А.В. Лингвоперсонология и языковая личность как предметы научной рефлексии в трудах В.В. Колесова / А.В. Загуменнов // СибСкрипт. — 2024. — № 26 (1). — С. 108—116.

103. Зеленская, В.В. Коммуницирующая личность в аспекте языковых реализаций: монография / В.В. Зеленская. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. — 237 с.

104. Земская, Е.А. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М.: Наука, 1993. — С. 90—136.

105. Зигмантович, Д.С. Воздействие паузации устной речи оратором на качество синхронного перевода / Д.С. Зигмантович // Litera. — 2021. — № 5. — С. 71—80.

106. Зигмантович, Д.С. Синтаксис устной речи как дестабилизирующий фактор в устном синхронном переводе / Д.С. Зигмантович // Русский язык и культура в зеркале перевода. — 2020. — № 1. — С. 94—105.

107. Зимняя, И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И.А. Зимняя. — М.: Просвещение, 1978. — 159 с.

108. Зимняя, И.А. Психология слушания и говорения: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Зимняя Ирина Алексеевна. — М., 1973. — 425 с.

109. Зиновьева, Е.С. Современные аспекты изучения гендера в языкознании / Е.С. Зиновьева // Вестник Вятского государственного университета. Языкознание и литературоведение. — 2016. — № 4. — С. 35—54.

110. Зинченко, П.И. Непроизвольное запоминание / П.И. Зинченко. — М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1961. — 562 с.

111. Зиньковская, А.В. Английский драматургический текст в коммуникативно-прагматическом аспекте / А.В. Зиньковская // Культурная жизнь Юга России. — 2009. — № 1 (30). — С. 92—95.

112. Зиньковская, А.В. Репрезентация концептов «Жизнь», «Смерть» и «Время» в русскоязычной картине мира / А.В. Зиньковская, В.И. Яткин // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. — С. 34—39.

113. Зиньковская, А.В. Функциональные характеристики англоязычных заимствований в массмедийном дискурсе / А.В. Зиньковская // Романская филология в контексте современного гуманитарного знания: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Краснодар, 22—23 апреля 2019 г. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. — С. 113—118.

114. Зубанова, И.В. Просто убавь воды. О компрессии в синхронном переводе / И.В. Зубанова // Мосты. — 2017. — № 2 (54). — С. 43—53.

115. Зуева, Е.А. Типология невербальных средств коммуникации / Е.А. Зуева // Филология и проблемы преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. — М.: «Прометей» МПГУ, 2006. — Вып. 2. — С. 63—69.

116. Зыкова, И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты / И.В. Зыкова. — М.: Гнозис, 2017. — 752 с.

117. Иванов, С.Ю. Сущностные аспекты картины мира / С.Ю. Иванов // Социально-гуманитарные знания. — 2011. — № 9. — С. 1—5.

118. Иванова, Е.Н. Принципы анализа мотивационного уровня языковой личности / Е.Н. Иванова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2020. — № 18. — С. 48—55.

119. Иванова, С.В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности: учебное пособие / С.В. Иванова. — Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2004. — 134 с.

120. Иванцова, Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности / Е.В. Иванцова. — Томск: Томский гос. ун-т, 2010. — 158 с.

121. Илюхин, В.М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-

русской и русско-английской комбинаций перевода): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Илюхин Владимир Михайлович. — М., 2001. — 223 с.

122. Илюшкина, М.Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы / М.Ю. Илюшкина. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. — 84 с.

123. Интервью М. Этвуд [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=D5Wj_JQ6NhY (Дата обращения: 09.07.2024).

124. Исаева, М.С. Самопрезентация корпоративной языковой личности в деловом дискурсе: на материале финансовых телеконференций: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Исаева Мария Станиславовна. — Калуга, 2020. — 324 с.

125. Ишмухаметова, Н.У. Прецедентные тексты в современном видеоконтенте / Н.У. Ишмухаметова // Медиасреда. — 2019. — № 16. — С. 19—26.

126. Каган, Е.Б. Вероятностное прогнозирование в курсе практики перевода / Е.Б. Каган, Ю.Ю. Шадрин // Образование и наука. — 2017. — Т. 19, № 7. — С. 137—156.

127. Калашникова, А.А. Прагматикон языковой личности блоггера: дискурсная маскированная личность / А.А. Калашникова, И.А. Калашников // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 6 (62). — С. 225—228.

128. Калашникова, А.А. Языковая личность в русскоязычном блоге: когнитивно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Калашникова Анна Александровна. — Ростов н/Д., 2011. — 188 с.

129. Канафьева, А.В. Риторическое высказывание в синтаксическом строе современного русского языка: монография / А.В. Канафьева. — М.: ИИУ МГОУ, 2021. — 170 с.

130. Канчер, М.А. Языковая личность телеведущего в рамках риторического этоса (на материале игровых программ): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.А. Канчер; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. — Екатеринбург, 2002. — 14 с.

131. Карасик, В.И. Дискурсивное проявление личности / В.И. Карасик // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. — 2016. — Т. 20, № 4. — С. 56—77.

132. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — М.: Гнозис, 2004. — 389 с.
133. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 263 с.
134. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — 7-е изд. — М.: ЛКИ, 2010. — 264 с.
135. Карякина, В.Л. Репрезентация особенностей женской речи в комедии Н.В. Гоголя «Женитьба» / В.Л. Карякина // Поволжский педагогический вестник. — 2018. — Т. 6, № 4 (21). — С. 98—102.
136. Катермина, В.В. Метафора в английском неографическом дискурсе / В.В. Катермина // Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни: монография / Н.А. Боженкова, Е.В. Белоглазова, М.Р. Желтухина [и др.]. — М.: Инфра-М, 2023. — С. 55—63.
137. Катермина, В.В. Гендерный стереотип: особенности формирования и функционирования в языке и речи / В.В. Катермина // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы XI Междунар. науч. конф., 12—13 апреля 2018 г., Коломна. — М.: Московский педагогический гос. ун-т, 2018. — Ч. I. — С. 71—73.
138. Кафискина О.В. Стратегия перевода как термин переводоведения / О.В. Кафискина // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. — 2017. — № 1. — С. 4—19.
139. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. — М.: Изд-во ин-та социологии РАН, 1999. — 189 с.
140. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. — М.: Изд-во ин-та социологии РАН, 2003. — 180 с.
141. Кирилина, А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах / А.В. Кирилина // Гендер и язык / науч. ред. и сост. А.В. Кирилина. — М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 7—32.
142. Кирилина, А.В. О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании / А.В. Кирилина // Научные доклады высшей школы.

Филологические науки. — 2000. — № 3. — С. 28—36.

143. Кирилина, А.В. Концептуализация понятий мужчина, женщина, мужественность, женственность по данным лексикографических трудов и национального корпуса русского языка / А.В. Кирилина, Л.М. Терентий // Вопросы психолингвистики. — М.: РОССПЭН, 2015. — С. 82—96.

144. Кобозева, И.М. Просодия как ключ к пониманию смысла и её искажение в «Кривом зеркале» пунктуации / И.М. Кобозева, Л.М. Захаров // Филология и культура = Philology and Culture. — 2014. — №2 (36). — С. 27—32.

145. Козлова, Е.А. Гендерные аспекты лексики русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Козлова Екатерина Александровна. — Смоленск, 2021. — 226 с.

146. Колева, Н.Л. Исследование невербальной коммуникации и поведения студентов-педагогов / Н.Л. Колева // Актуальные вопросы современной науки: сб. науч. тр. Вып. 42 / под общ. ред. С.С. Чернова. — Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2015. — С. 71—84.

147. Колмогорова, А.В. Опыт тезаурусного моделирования способов объективизации интерлингвокультурной картины мира (на материале произведений русских писателей-франкофонов) / А.В. Колмогорова, А.В. Маликова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2017. — Т. 9, вып. 2. — С. 24—31.

148. Колмогорова, А.В. Когнитивный механизм порождения креативных решений в переводческой деятельности / А.В. Колмогорова, Е.В. Чистова // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. — 2020. — Т. 19, № 3. — С. 59—71.

149. Комиссаров, В.Н. Когнитивные аспекты перевода / В.Н. Комиссаров // Перевод и лингвистика текста = Translation and text linguistics: сб. ст. / ред. совет: И.И. Убин (Россия), П. ван Нюнен (Нидерланды) [и др.]. — М.: ВЦП, 1994. — С. 20—21.

150. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник / В.Н. Комиссаров. — М.: Высшая школа, 1990. — 254 с.

151. Комиссаров, В.Н. Смысловая стратификация текста как

переводческая проблема / В.Н. Комиссаров // Текст и перевод / В.Н. Комиссаров, Л.А. Черняховская, Л.К. Латышев [и др.]; отв. ред. А.Д. Швейцер. — М.: Наука, 1988. — С. 6—17.

152. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В.Н. Комиссаров; ред. С.Ф. Гончаренко. — М.: ЭТС, 2001. — 424 с.

153. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В.Н. Комиссаров; под ред. Д.И. Ермолович. — 2-е изд., испр. — М.: Р. Валент, 2011. — 408 с.

154. Конечкая, В.П. Социология коммуникации / В.П. Конечкая. — М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. — 304 с.

155. Кони́на, А.А. Синхронный перевод как экстремальный вид когнитивных процессов (обзор экспериментальных исследований) / А.А. Кони́на, Т.В. Черниговская // Вопросы психолингвистики. — 2018. — № 4 (38). — С. 178—203.

156. Конурбаев, М.Э. Лингвистика спонтанной устной речи: сопоставительно-когнитивная трансформация / М.Э. Конурбаев, Э.Р. Ганеева // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. — 2023. — № 4. — С. 9—20.

157. Котенев, А.А. Хайп [Электронный ресурс] / А.А. Котенев // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. — URL: <https://bigenc.ru/c/khaip-a7ba52/?v=6418154> (Дата обращения: 20.05.2024).

158. Котлярова, О.В. Языковая личность государственного служащего как объект лингвистического описания / О.В. Котлярова // Учёные записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — Орёл, 2018. — № 1 (78). — С. 139-143.

159. Кочеткова, Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) / Т.В. Кочеткова // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. О.Б. Сиротинина. Вып. 26: Язык и человек. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та 1996. — С. 14—25.

160. Кочкина, З.А. Понимание звучащей речи (аудирование) / З.А. Кочкина // Вопросы психологии. — 1963. — № 3. — С. 161—169.

161. Красных, В.В. Коммуникативный акт и его структура / В.В. Красных // *Функциональные исследования: сб. ст. по лингвистике* / ред. А.И. Изотов, В.А. Татаринев. Вып. 4. — М.: Московский лицей, 1997. — С. 34—49.
162. Красных, В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2016. — 493 с.
163. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: лекционный курс / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2002. — 282 с.
164. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. — 245 с.
165. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика и театр / Г.Е. Крейдлин // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. — 2011. — № 14. — С. 40—48.
166. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 584 с.
167. Крейдлин, Г.Е. Семантические типы жестов / Г.Е. Крейдлин // *Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской: сб. науч. работ* / отв. ред. М.Я. Гловинская. — М.: Наследие, 1998. — С. 174—184.
168. Крюков, А.Н. Фоновые знания и языковая коммуникация / А.Н. Крюков // *Этнопсихолингвистика* / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков [и др.]; отв. ред. Ю.А. Сорокин. — М.: Наука, 1988. — С. 19—34.
169. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова. — М.: Знак, 2012. — 203 с.
170. Куниловская, М.А. Классификация переводческих ошибок и их электронная разметка в Brat (Error-based TQA and Error Mark-up in Brat) / М.А. Куниловская // *Проблемы теории, практики и дидактики перевода: материалы IV Междунар. науч. конф.* — Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2013. — Т. I. — С. 59—71.
171. Куницына, Е.Ю. Лингвистические основы людической теории художественного перевода: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Куницына Евгения

Юрьевна. — Иркутск, 2010. — 474 с.

172. Кушнина, Л.В. Переводческое пространство как стратегия межъязыкового и межкультурного взаимодействия / Л.В. Кушнина // Лингвокультурный компонент в переводческом пространстве: монография / отв. ред. Э.М. Рянская. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2014. — С. 4—38.

173. Кушнина, Л.В. Языковая личность профессионального переводчика: когнитивный аспект / Л.В. Кушнина // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. — 2016. — № 4 (386). — С. 85—88.

174. Кушнина, Л.В. Переводческие стратегии: скопос текста оригинала vs скопос текста перевода / Л.В. Кушнина, Н.А. Лядова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2015. — № 1 (11). — С. 3—9.

175. Кушнина, Л.В. Межъязыковая и межкультурная вариативность при переводе технических текстов: синергетический подход / Л.В. Кушнина, Л.К. Гейхман, А.О. Неганова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1-1. — С. 1273.

176. Кушнина, Л.В. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства / Л.В. Кушнина, М.С. Силантьева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 6 (12). — С. 71—75.

177. Кушнина, Л.В. Портрет речевой личности переводчика как фактор трансляционной экологической среды / Л.В. Кушнина, Е.А. Фоменко // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XII Междунар. науч. конф. — Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2024. — С. 426—433.

178. Лабунская, В.А. Невербальное поведение: (Социально-перцептивный подход) / В.А. Лабунская; отв. ред. И.П. Шкуратова. — Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1986. — 135 с.

179. Лабунская, В.А. Невербальное поведение: структура и функции /

В.А. Лабунская // Социальная психология: хрестоматия / сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. — М.: Аспект Пресс, 2000. — С. 84—111.

180. Лабунская, В.А. Особенности кодирования невербального выражения личности: методические указания / В.А. Лабунская. — Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2007. — 51 с.

181. Лакофф, Дж. Женщина, огонь и опасные предметы: что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 792 с.

182. Ласкова, М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики / М.В. Ласкова. — Ростов н/Д., 2001. — 192 с.

183. Латышев, Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учебное пособие / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. — М.: Академия, 2003. — 192 с.

184. Латышев, Л.К. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе: учебное пособие для вузов / Л.К. Латышев, В.И. Провоторов. — 2-е изд., стер. — М.: НВИ-Тезаурус, 2001. — 136 с.

185. Лекова, П.А. Лингвокогнитивный подход к анализу онимов в современной научной парадигме / П.А. Лекова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2010. — № 2. — С. 43—49.

186. Лемяскина, Н.А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника / Н.А. Лемяскина. — Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. — 330 с.

187. Леонтьев, А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А.А. Леонтьев // Синтаксис текста: сб. ст. / под ред. Г.А. Золотовой. — М.: Наука, 1979. — С. 18—36.

188. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. — М.: Просвещение, 1969. — 214 с.

189. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1977. — 304 с.

190. Леонтьева, К.И. Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс: на материале русских переводов произведений

англоязычной литературы XIX—XX веков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Леонтьева Ксения Ивановна. — Тверь, 2022. — 523 с.

191. Леонтьева, К.И. Семиотика текста vs. семиотика дискурса: к поиску адекватного эпистемологического основания теории художественного перевода / К.И. Леонтьева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1. — С. 75—80.

192. Липатова, В.В. Современная модель профессиональной компетенции переводчика в контексте системы подготовки переводчиков в российских языковых вузах / В.В. Липатова, А.В. Литвинов // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. — 2012. — № 2. — С. 13—32.

193. Литвина, Т.А. Прецедентные тексты как способ актуализации прагматического уровня языковой личности Патриарха Гермогена / Т.А. Литвина // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы XXIX Междунар. науч.-практ. конф. № 10 (29). — Новосибирск: СибАК, 2013. — С. 40—46.

194. Лотман, Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968—1992) / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — 704 с.

195. Лукина, М.М. Технология интервью: учебное пособие для вузов / М.М. Лукина. — 2-е изд., доп. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 192 с.

196. Лурия, А.Р. Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. — 253 с.

197. Лурье, С.В. Обобщённый культурный сценарий и функционирование социокультурных систем / С.В. Лурье // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2010. — Т. 13, № 2. — С. 152—167.

198. Лутовинова, О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Лутовинова Ольга Васильевна. — Волгоград, 2013. — 437 с.

199. Лучинская, Е.Н. Языковая личность путешественника в диахронии: ценностный аспект / Е.Н. Лучинская, А.В. Мартыненко // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы VIII всерос. науч. конф. — Краснодар:

Кубанский гос. ун-т, 2021. — С. 145—148.

200. Лысикова, И.В. Генезис проблематики гендерных исследований в лингвистике / И.В. Лысикова, Г.В. Файзиева // Вестник Калмыцкого государственного университета. — 2023. — № 1 (57). — С. 59—65.

201. Львова, Ю.А. Понятие «языковая личность» в исследованиях Г.И. Богина / Ю.А. Львова // Понимание и рефлексия в России: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. — Тверь: Тверской гос. ун-т, 2019. — С. 83—85.

202. Лягунова, С.В. Языковая личность комментатора-аналитика в жанре спортивного комментария / С.В. Лягунова // Отечественная филология. — М. 2020. — № 1. — С. 57—64.

203. Мажура, А.В. К вопросу о жанровой классификации интервью в журналистском творчестве / А.В. Мажура, Е.Д. Тимофеева // Наука и школа. — 2019. — № 3. — С. 47—53.

204. Манерко, Л.А. Общесемиотическое пространство современного академического дискурса и особенности мультимодальности / Л.А. Манерко // Наука без границ: англистика в XXI веке: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Е.Е. Голубкова. — М.: Московский гос. лингвист. ун-т, 2021. — С. 17—21.

205. Матюшин, И.М. Синхронный перевод в многоканальной информационной среде / И.М. Матюшин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Языкознание. — 2016. — Вып. 11 (750). — С. 41—50.

206. Межова, М.В. К вопросу о культурологической компетенции переводчика / М.В. Межова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2009. — № 2 (28). — С. 109—113.

207. Миньяр-Белоручев, Р.К. Методика обучения переводу на слух / Р.К. Миньяр-Белоручев. — М.: Московский Лицей, 1996. — 214 с.

208. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев. — М.: Московский Лицей, 1996. — 208 с.

209. Митягина, В.А. Обучение переводу в эпоху глобального многоязычия / В.А. Митягина // Инновационная деятельность педагога: традиции

и современность: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. — Владикавказ: Северо-Осетинский гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2024. — С. 504—511.

210. Митягина, В.А. Преподаватель и преподавание перевода как темы профессионального дискурса переводчиков / В.А. Митягина, А.П. Наумова // *Ното Локуенс: вопросы лингвистики и транслятологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* — Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2023. — С. 4—12.

211. Митягина, В.А. Социопрагматическое измерение транслатологической парадигмы: коммуникативное действие в переводе // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание.* — 2017. — № 3. — С. 30—40.

212. Михайлова, Е.Е. Ошибки в процессе синхронного перевода / Е.Е. Михайлова, А.Г. Фомин // *Вестник Кемеровского государственного университета.* — 2017. — № 1. — С. 178—183.

213. Мичурин, Д.С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мичурин Дмитрий Сергеевич. — Тверь, 2014. — 162 с.

214. Мокрушина, Е.И. Специфика преподавания основ синхронного перевода в неязыковом ВУЗе / Е.И. Мокрушина, Н.И. Андреев // *Филологические науки в МГИМО.* — 2017. — № 11. — С. 100—105.

215. Мудрая, О.В. Функции невербальных компонентов в системе языка (на материале сравнения русского языка с английским): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мудрая Ольга Васильевна. — М., 1995. — 16 с.

216. Мудрая, М.В. Репрезентация гендера в «Пословицах и поговорках русского народа» В.И. Даля: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мудрая Мария Вадимовна. — Воронеж, 2021. — 254 с.

217. Музычук, Т.Л. Невербальная составляющая дискурса персонажа в модели и языковой репрезентации: на материале русской художественной прозы: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Музычук Татьяна Леонидовна. — М., 2013. — 382 с.

218. Музычук, Т.Л. Невербальный дискурс в преподавании русского языка и литературы / Т.Л. Музычук // Русистика. — 2007. — № 3. — С. 13—19.

219. Музычук, Т.Л. Русский невербальный дискурс и его языковая репрезентация в диалогах художественной прозы / Т.Л. Музычук // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2009. — № 3. — С. 47—56.

220. Мыскин, С.В. Языковая профессиональная личность / С.В. Мыскин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 12 (30), ч. 1. — С. 150—157.

221. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / И.В. Захаренко [и др.] // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. — 1997. — № 4. — С. 12—19.

222. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта; Наука, 2003. — 320 с.

223. Немыка, А.А. Метафора как общий элемент научного и художественного текстов / А.А. Немыка, С.Ш. Схалыхова, М.А. Хачемизова // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2016. — Т. 8, № 1, ч. 2. — С. 201—204.

224. (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева; ред. В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2017. — 392 с.

225. Нестерова, Л.И. Герменевтический аспект языковой теории В. фон Гумбольдта / Л.И. Нестерова // Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання: матэрыялы VI Рэсп. навук.-практ. канф. маладых навукоўцаў, прысвеч. 100-годдзю Беларус. дзярж. ун-та. — Мінск: БДУ, 2021. — С. 177—180.

226. Нечай, Ю.П. Образ и языковая личность юриста в художественной прозе Т. Драйзера / Ю.П. Нечай, Н.О. Линке // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. — 2022. — № 3 (302). — С. 36—43.

227. Николаева, Т.М. От звука к тексту: Человек и язык. Язык: разгадки и загадки. Язык и текст / Т.М. Николаева. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 679 с.

228. Новикова, Э.Ю. Дискурсивная личность переводчика: переводческие компетенции и ролевой портрет / Э.Ю. Новикова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. — 2017. — Т. 16, № 3. — С. 90—102.

229. Новикова, Э.Ю. Компетентностный профиль переводчика эпохи 4.0: презентационная компетенция / Э.Ю. Новикова // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 466. — С. 165—172.

230. Новикова, Э.Ю. Коммуникативные сбои в двустороннем переводе: причины и следствия / Э.Ю. Новикова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. — 2011. — № 2 (14). — С. 125—131.

231. Новикова, Э.Ю. Лингвокреативность оратора vs транскреативность переводчика: дискурсивный фокус переводческого действия / Э.Ю. Новикова // Вопросы лингвистики и транслятологии: сб. ст. / Волгоградский государственный университет. Т. 1, вып. 12. — Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2019. — С. 67—79.

232. Новикова, Э.Ю. Переводческая профессиональная деятельность в фокусе презентационного дискурса / Э.Ю. Новикова, М.Ю. Ключак // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2023. — № 4. — С. 82—92.

233. Новикова, Э.Ю. Полидискурсивная парадигма отраслевого перевода в глокальных координатах многоязычия / Э.Ю. Новикова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. — 2024. — № 1. — С. 19—29.

234. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д.М. Бузаджи [и др.]. — М.: Всероссийский центр переводов, 2009. — 120 с.

235. Оленев, С.В. Принципы транслатологии в современной когнитивной парадигме / С.В. Оленев, Л.В. Кушнина, К.В. Пермякова // Научный диалог. —

2024. — Т. 13, № 2. — С. 136—156.

236. Омелькина, О.В. Семантико-синтаксические особенности внутренней речи в гендерном аспекте (на материале романа S. Cramer «SMS für dich») / О.В. Омелькина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Языкознание и литературоведение. — 2018. — № 3. — С. 391—402.

237. Павлова, А. В. Оценка качества перевода / А.В. Павлова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2012. — №6 (45). — С. 18—39.

238. Панова, М.Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Панова Марина Николаевна. — М., 2004. — 393 с.

239. Патракеева, Е.Б. Способы перевода прецедентных феноменов / Е.Б. Патракеева, О.А. Патракеева // Альманах мировой науки. — 2017. — № 5 (20). — С. 51—55.

240. Патюкова, Р.В. Концептуальное понятие конфликта в медиакоммуникации / Р.В. Патюкова, Н.Н. Оломская // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2021. — Т. 1, № 4 (36). — С. 143—150.

241. Пачина, А.Н. Языковая личность современного журналиста: использование коммуникативных стратегий и тактик речевого воздействия на читателя / А.Н. Пачина // Вестник ХГУ им Н.Ф. Катанова. — Абакан, 2014. — № 7. — С. 68—72.

242. Петрова, О.В. Почему автоматический переводчик опасен для языка, мышления и устойчивости геополитического кода / О.В. Петрова / Вестник Самарского государственного университета. История, педагогика, филология. — 2019. — Т. 25, № 1. — С. 161—167.

243. Пирс, Ч.С. Что такое знак? / Ч.С. Пирс // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2009. — № 3 (7). — С. 88—95.

244. Пищальникова, В.А. Общее языкознание. Ч. 1: Учебник для студентов

высших учебных заведений / В.А. Пищальникова, А.Г. Сонин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Р. Валент, 2019. — 480 с.

245. Пищальникова, В.А. Общее языкознание. Ч. 2: Практикум для студентов высших учебных заведений / В.А. Пищальникова, А.Г. Сонин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Р. Валент, 2019. — 295 с.

246. Плехов, А.Н. Психологические условия развития вторичной языковой личности преподавателя-лингвиста: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Плехов Антон Николаевич. — Нижний Новгород, 2007. — 210 с.

247. Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты / В.А. Митягина [и др.]. — Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2011. — 302 с.

248. Подтележникова, Е.Н. Окулесическое коммуникативное поведение как способ выражения эмоций в современной англоязычной прозе / Е.Н. Подтележникова // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. — Минск: Изд-во Белорусского гос. ун-та, 2023. — С. 17—21.

249. Пономаренко, Е.П. Формирование языковой личности студентов бакалавриата технического университета на основе методики рефлексивного обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.2. / Пономаренко Екатерина Петровна. — Нижний Новгород, 2022. — 263 с.

250. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 314 с.

251. Попова, Т.И. Телевизионное интервью: семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Попова Татьяна Игоревна. — СПб., 2004. — 432 с.

252. Поршнева, Е. Р. Базовая лингвистическая подготовка переводчика / Е.Р. Поршнева. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2002. — 148 с.

253. Потebня, А.А. Полное собрание трудов: мысль и язык / А.А. Потebня; подг. текста Ю.С. Рассказова, О.А. Сычева; коммент. Ю.С. Рассказова. — М.:

Лабиринт, 1999. — 268 с.

254. Прокофьева, Е.В. Диалектная языковая личность на Алтае: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Прокофьева Евгения Владимировна. — Прокофьева, Евгения Владимировна. — Барнаул, 2012. — 235 с.

255. Профессиональная подготовка переводчиков в новой реальности: новые вызовы и новые компетенции / Т.А. Алексейцева, Н.О. Магнес, Е.П. Иванова, М.В. Корушев // Древняя и Новая Романия. — 2020. — № 26. — С. 260—271.

256. Прохоров, Ю.В. Действительность. Текст. Дискурс: учебное пособие / Ю.В. Прохоров. — М.: Флинта; Наука, 2004. — 222 с.

257. Псурцев, Д.В. Стратегия перевода: учебное пособие / Д.В. Псурцев. — М.: Рема, 2010. — 158 с.

258. Пушкарёва, Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки / Н.Л. Пушкарёва // Этнографическое обозрение. — 2001. — № 2. — С. 31—40.

259. Пшеничникова, А.Б. Гендерные спецификации вежливости в директивных речевых актах в американской лингвокультуре: интердискурсивный подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Пшеничникова Анна Борисовна. — Иркутск, 2009. — 20 с.

260. Пшенкина, Т.Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика / Т.Г. Пшенкина. — Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 2005. — 240 с.

261. Радчук, О.А. Отсутствие как понятие лингвокогнитологии / О.А. Радчук // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. — 2018. — № 1 (63). — С. 25.

262. Райс, К. Классификация текстов и методы перевода (пер. с нем. А. Батрака) / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. статей: переводы / пер. с англ., нем., франц.; вступ. ст. и общ. ред. перевода В.Н. Комиссарова. — М.: Международные отношения, 1978. — С. 202—228.

263. Ренц, Т.Г. Невербальное поведение в свете биоэволюционной и

социокультурной парадигм исследования / Т.Г. Ренц // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2010. — № 2. — С. 32—36.

264. Робинсон, Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода: пер. с англ. / Д. Робинсон. — 2-е изд. — М.: КУДИЦ-ОБРАЗ, 2005. — 304 с.

265. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова [и др.]; отв. ред. Б.А. Серебренников. — М.: Наука, 1988. — 216 с.

266. Рядчикова, Е.Н. Языковые средства выражения концепта «нравственность» в афоризмах и в произведениях детской литературы XX века / Е.Н. Рядчикова, С.Ш. Схалыхова // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 22 апреля 2023 г. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. — С. 168—173.

267. Рядчикова, Е.Н. Организация языковой личности как лингво-коммуникативного феномена / Е.Н. Рядчикова, О.А. Кадилина // Исследования по теоретической и прикладной лингвистике: коллективная монография / под ред. Е.Н. Рядчиковой. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. — С. 50—83.

268. Саурбаев, Р.Ж. Концепция языковой личности как основа формирования и развития билингвизма и полилингвизма / Р.Ж. Саурбаев, Л.Т. Ючковская // Вестник Югорского государственного университета. — 2015. — № S4 (39). — С. 127—131.

269. Сахарова, А.В. Формирование языковой личности: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Сахарова Анна Владимировна. — Иваново, 2017. — 180 с.

270. Сдобников, В.В. Теория перевода: учебник для студ. лингв. вузов и факультетов ин. яз. / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. — М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. — 444 с.

271. Сдобников, В.В. Оценка качества перевода. Коммуникативно-функциональный подход: монография / В.В. Сдобников. — М.: Флинта; Наука, 2015а. — 112 с.

272. Сдобников, В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография / В.В. Сдобников. — 2-е изд. — М.: Флинта, 2015б. — 464 с.
273. Сдобников, В.В. Стратегия перевода: общее определение / В.В. Сдобников // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 1 (13). — С. 165—172.
274. Сдобников, В.В. Коммуникативно функциональный подход к переводу в западном переводоведении / В.В. Сдобников // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2010. — № 10. — С. 53—57.
275. Седов, К.Ф. Теоретическая модель психолингвоперсонологии / К.Ф. Седов // Вопросы психолингвистики. — 2008. — № 7. — С. 12—23.
276. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. — М.: Лабиринт, 2004. — 320 с.
277. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / Э. Сепир; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. — М.: Прогресс; Универс, 1993. — 656 с.
278. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке / Б.А. Серебрянников // Язык и мышление / отв. ред. В.М. Солнцев. — М.: Наука, 1988. — 244 с.
279. Серебрякова, С.В. К проблеме формирования языковой личности лингвиста-переводчика / С.В. Серебрякова, А.А. Серебряков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. — 2012. — № 3 (103). — С. 96—102.
280. Серебрякова, С.В. Жанрово-тематические и прагматические особенности рассказов детективного жанра / С.В. Серебрякова, А.В. Кравцова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2019. — № 1. — С. 164—170.
281. Серова, Т.С. Тезаурусно-целевой подход в организации и введении лексики при обучении профессионально-ориентированному чтению на иностранном языке в вузе / Т.С. Серова // Иностранные языки в высшей школе. —

1985. — Вып. 18. — С. 109—116.

282. Сибидапов, Б.Б. Функционирование дискурса: от прецедентного текста культуры к синхронному дискурсу / Б.Б. Сибидапов // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. — 2016. — Вып. 5. — С. 58—67.

283. Силантьева, М.С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Силантьева Марина Сергеевна. — Пермь, 2012. — 23 с.

284. Синхронный перевод: характеристика вегетативного обеспечения экстремальной когнитивной нагрузки / Т.В. Черниговская [и др.] // Современные технологии в медицине. — 2019. — Т. 11, № 1. — С. 132—140.

285. Скребнев, Ю.М. Основы стилистики английского языка: учебник для вузов / Ю.М. Скребнев. — М.: Высшая школа, 1994. — 238 с.

286. Скребнев, Ю.М. Основы стилистики английского языка: учебник для ин-тов и факультетов иностр. яз. / Ю.М. Скребнев. — 2-е изд., испр. — М.: Астрель; АСТ, 2003. — 221 с.

287. Скребнев, Ю.М. Очерк теории стилистики: учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей / Ю.М. Скребнев. — Горький: [Б. и.], 1975. — 175 с.

288. Скребнев, Ю.М. Очерк теории стилистики: учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей / Ю.М. Скребнев. — М.: Флинта; Наука, 2016. — 240 с.

289. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. — М.: Академия, 2000. — 128 с.

290. Сорокина, Ю.В. Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса / Ю.В. Сорокина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10-1 (76). — С. 168—170.

291. Сотова, И.А. Жанрово-ориентированный подход, жанровая грамотность и жанровая компетентность как категории лингводидактики /

И.А. Сотова // Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2017. — Т. 15, № 4. — С. 427—446.

292. Спирица, Е.В. Психология лжи и обмана. Как разоблачить лжеца / Е.В. Спирица. — СПб.: Питер, 2017. — 272 с.

293. Старцева, Е.О. Фоновые знания: имплицитная информация / Е.О. Старцева, И.Ф. Лихачева, А.П. Мишин // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск: СибАК, 2012. — Ч. II. — С. 25.

294. Стернин, И.А. Выявление скрытых смыслов текста и лингвистическая экспертиза / И.А. Стернин // Понимание в коммуникации. Человек в информационном пространстве-2021: сб. науч. тр / отв. ред.: Е.Г. Борисова, Н.В. Аниськина: в 3 т. — Ярославль: Ярославский гос. педагог. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2012. — Т. 2. — С. 270—272.

295. Стернин, И.А. Модели описания коммуникативного поведения / И.А. Стернин. — 2-е изд., испр. — Воронеж: Гарант, 2015. — 52 с.

296. Стернин, И.А. Основы речевого воздействия: учебное издание / И.А. Стернин. — 2-е изд., испр. — Воронеж: Истоки, 2012. — 178 с.

297. Столнейкер, Р.С. Прагматика / Р.С. Столнейкер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — С. 419—439.

298. Сулейманова, Л.В. Визуализация гендерного дисплея в условиях современной культуры / Л.В. Сулейманова // Общество: философия, история, культура. — 2017. — № 1. — С. 146—150.

299. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Сухих Станислав Алексеевич. — Краснодар, 1998. — 257 с.

300. Сысоева, Н.А. Прагматический уровень языковой личности В.П. Астафьева / Н.А. Сысоева // Молодёжь и наука: материалы VIII всерос. науч.-технич. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, посвящ. 155-летию со дня

рождения К.Э. Циолковского. — Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2012. — С. 37—40.

301. Тарасенко, Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте её речевых реализаций: на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара: дис. ... кан. филол. наук: 10.02.19 / Татьяна Петровна Тарасенко. — Краснодар, 2007. — 280 с.

302. Тарасов, Е.Ф. Языковое сознание / Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. — М., 2004. — № 2. — С. 34—47.

303. Тарнаева, Л.П. Концепции языковой личности в контексте проблем переводоведения / Л.П. Тарнаева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2008. — № 2 (13). — С. 55—70.

304. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / под общ. ред. О.А. Ворониной. — М.: МЦГИ — МВШСЭН — МФФ, 2001. — 416 с.

305. Терентьева, Д.М. Когнитивно-стилевой подход к изучению языковой личности переводчика (экспериментальное исследование) / Д.М. Терентьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, вып. 5. — С. 1669—1673.

306. Тетерлева, Е.В. Типы переводческих ошибок / Е.В. Тетерлева, Ю.К. Попова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. — 2009. — № 7. — С. 64—71.

307. Тхорик, В.И. Языковая личность: лингвокультурологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Тхорик Владимир Ильич. — Краснодар, 2000. — 304 с.

308. Тюрина, Д.С. Специфика реализации стратегий синхронного перевода / Д.С. Тюрина, Н.В. Хорошева // Гуманитарные исследования. История и филология. — 2022. — № 7. — С. 60—71.

309. Уланова, Е.Э. Лингвокогнитивный подход к анализу языковой личности языковой личности переводчика в ситуации устного перевода / Е.Э. Уланова // Филологические науки в МГИМО. — 2024. — Т. 10, № 1. — С. 113—125.

310. Уланова, Е.Э. Вербальная репрезентация языковой личности устного

переводчика: синтаксический аспект / Е.Э. Уланова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2023. — № 2 (113). — С. 146—158.

311. Уланова, Е.Э. Дискурсивные маркеры категории авторитетности (на материале российского ток-шоу) / Е.Э. Уланова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 7 (85), ч. 1. — С. 181—185.

312. Уланова, Е.Э. Исследование языковой личности синхронного переводчика в ситуации перевода / Е.Э. Уланова // Гуманитарные и юридические исследования. — 2022. — № 1. — С. 159—166.

313. Уланова, Е.Э. Компетенции устного переводчика / Е.Э. Уланова // Филология и человек. — 2021. — № 1. — С. 68—79.

314. Уланова, Е.Э. Лингвокогнитивный подход к анализу языковой личности переводчика в ситуации устного перевода / Е.Э. Уланова // Филологические науки в МГИМО. — 2024. — Т. 10, № 1. — С. 113—125.

315. Уланова, Е.Э. Стратегии, тактики и приёмы как отражение языковой личности синхронного переводчика (в языковой паре «английский — русский язык») / Е.Э. Уланова, В.В. Катермина // Филологические науки. Вопросы теории и практики = Philology. Theory & Practice. — 2024. — Т. 17, вып. 9. — С. 3396—3407.

316. Фалалеев, А. Упражнения для синхрониста. Японский клён: самоучитель устного перевода с английского языка на русский язык / А. Фалалеев, А. Малофеева. — СПб.: Перспектива, 2019. — 176 с.

317. Филимонова, Е.П. Языковая личность спортивного комментатора в дискурсивном пространстве СМИ / Е.П. Филимонова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — Майкоп, 2017. — № 1 (192). С. 115 – 119.

318. Фомин, А.Г. Гендерный аспект речевого поведения как объект лингвогендеристики / А.Г. Фомин // Языковое бытие человека и этноса. — 2004. — № 7. — С. 184—186.

319. Фомин, А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Фомин Андрей

Геннадьевич. — Барнаул, 2004. — 45 с.

320. Фомина, Ю.С. Языковая личность студента полиэтнического вуза: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Фомина Юлия Сергеевна. — Уфа, 2011. — 237 с.

321. Фомиченко, Л.Г. Просодическая реализация коммуникативных функций сообщения и воздействия в английской монологической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Фомиченко Любовь Георгиевна. — М., 1985. — 244 с.

322. Фонетика спонтанной речи / отв. ред. Н.Д. Светозарова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. — 243 с.

323. Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. — М.: Икар, 2007. — 478 с.

324. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. — URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/search> (Дата обращения: 27.12.2024).

325. Фрай, О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи / О. Фрай; пер. с англ. А. Ершова, О. Исако-Кулаков, Н. Миронов, А. Смирнов. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. — 284 с.

326. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем / Р.М. Фрумкина // Препринт. Серия WP6. Гуманитарные исследования ИГИТИ — М.: ГУ ВШЭ, 2004. — 24 с.

327. Фурсова, И.Н. Когнитивный подход в переводоведении / И.Н. Фурсова // *Lingua mobilis*. — 2013. — № 6 (45). — С. 66—73.

328. Хайруллин, В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Хайруллин Владимир Иханович. — М., 1995. — 355 с.

329. Харченко, Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении: монография / Е.В. Харченко. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. — 336 с.

330. Холодная, М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума /

М.А. Холодная. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2004. — 384 с.

331. Хорошева, Н.В. Проблема переводческой ошибки в ситуации синхронного перевода выступлений политических лидеров / Н.В. Хорошева, А.Д. Банникова // Евразийский гуманитарный журнал. — 2020. — № 2. — С. 61—69.

332. Хрусталёва, О.Н. Формирование языковой личности школьника в условиях полилингвального образования: дис. ... кан. пед. наук: 13.00.01 / Хрусталёва Ольга Николаевна. — Казань, 2002. — 178 с.

333. Хутыз, И.П. Мультиmodalность академического дискурса как условие его коммуникативной успешности / И.П. Хутыз // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. — 2016. — № 1 (172). — С. 90—95.

334. Чемезов, Я.Р. Память переводов как средство повышения производительности переводчика / Я.Р. Чемезов // Язык и культура. — 2017. — № 40. — С. 321—329.

335. Чередниченко, А.Е. Прагматикон языковой личности повествователя и языковой личности главного героя романа С. Моэма «Луна и грош» / А.Е. Чередниченко // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2017. — № 1 (14). — С. 124—127.

336. Черниговский, М.В. Особенности темпа речи переводчика на примере аудиофрагмента / М.В. Черниговский // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. — 2018. — Вып. 4. — С. 42—48.

337. Чернов, Г.В. Основы синхронного перевода: учебник для ин-тов и факультетов иностр. яз. / Г.В. Чернов. — М.: Высшая школа, 1987. — 257 с.

338. Чернов, Г.В. Синхронный перевод: речевая компрессия — лингвистическая проблема / Г.В. Чернов // Тетради переводчика: уч. записки / под ред. Л.С. Брхударова. — М.: Международные отношения, 1969. — № 6. — С. 52—65.

339. Чернов, Г.В. Теория и практика синхронного перевода / Г.В. Чернов. — М.: Международные отношения, 1978. — 208 с.

340. Чистова, Е.В. Мультиканальность и мультиmodalность восприятия в

когнитивной деятельности переводчика-синхрониста / Е.В. Чистова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, № 9. — С. 337—342.

341. Чистова, Е.В. Моделирование письменной переводческой деятельности в аспекте когнитивного взаимодействия «человек — среда» / Е.В. Чистова // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2023. — № 2 (54). — С. 82—100.

342. Чистова, Е.В. Мультиканальность и мультимодальность восприятия когнитивной деятельности переводчика-синхрониста / Е.В. Чистова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 9. — С. 337—342.

343. Чистова, Е.В. Экокогнитивная модель профессиональной мультимодальной коммуникации (на примере кейса синхронных переводчиков): дис. ... д-ра филол. наук: 5.9.8. / Чистова Елена Викторовна. — Челябинск, 2022. — 448 с.

344. Чумак-Жунь, И.И. Особенности репрезентации прагматического потенциала языковой личности И.И. Лажечникова в текстах исторических романов / И.И. Чумак-Жунь, Л.В. Проскурнина // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. — 2018. — Т. 4 (70), № 2. — С. 160—178.

345. Чыпсымаа, О.О. Улыбка как часть профессиональной коммуникации (социолингвистический аспект исследования феномена улыбки) / О.О. Чыпсымаа // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. — 2017. — № 1. — С. 178—183.

346. Шамова, Н.В. Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе / Н.В. Шамова // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2005. — № 2. — С. 171—180.

347. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. — М.: Просвещение, 1972. — 327 с.

348. Шапошникова, И.В. Интегрирующая роль концепции языковой личности в построении теории языка / И.В. Шапошникова // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12, № 2. — С. 279—301.

349. Шарифуллин, Б.Я. Экзамен как сложная коммуникативная ситуация действительности / Б.Я. Шарифуллин // Экология языка и коммуникативная практика. — 2015. — № 2. — С. 313—330.

350. Шатилов, А.С. Современная устная научная речь как объект лингвистического исследования / А.С. Шатилов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Язык и литература. — 2010. — № 1. — С. 211—215.

351. Швейцер, А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. — М.: Наука, 1988. — 215 с.

352. Шевченко, О.Н. Языковая личность переводчика: на материале дискурса Б.В. Заходера: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шевченко Ольга Николаевна. — Волгоград, 2005. — 255 с.

353. Шестак, Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография / Л.А. Шестак. — Волгоград: Перемена, 2003. — 311 с.

354. Шипулин, А.Г. Особенности построение вторичных образов при переводе художественных текстов: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. / Шипулин Алексей Григорьевич. — Брянск, 2022. — 149 с.

355. Ширяев, А.Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода / А.Ф. Ширяев. — М.: Воениздат, 1979. — 183 с.

356. Ширяева, Т.А. Гендер в зеркале афоризма: сущность, язык, эволюция / Т.А. Ширяева, В.В. Катермина // Вопросы современной лингвистики. — 2024. — № 1. — С. 114—126.

357. Ширяева, Т.А. Гендерный аспект коммуникативного доминирования (на материале англоязычного дискурса интервью) / Т.А. Ширяева, М.Л. Авакова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2018. — № 3 (31). — С. 54—60.

358. Шляховой, Д.А. Виртуальная языковая личность в дискурсивном пространстве военной блогосферы: на материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шляховой Дмитрий Александрович. — М., 2020. — 208 с.

359. Штейнталь, Г. Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения) / Г. Штейнталь // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. — Ч. 1. — 3-е изд., доп. — М.: Просвещение, 1964. — С. 127—135.

360. Щедровицкий, Г.П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание / Г.П. Щедровицкий // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. — М.: Наука, 1987. — С. 286—327.

361. Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: МАКС-Пресс, 2017. — Вып. 57. — 296 с.

362. Язык и личность в зеркале консерватизма: монография / В.А. Плаксин, В.И. Тхорик, Е.С. Червякова, Ю.А. Кричун; под ред. В.А. Плаксина. — Краснодар: Просвещение-Юг, 2018. — 151 с.

363. Alonso Bacigalupe, L. Visual Contact in Simultaneous Interpretation: Results of an Experimental Study / L. Alonso Bacigalupe // Anovar / anosar. Estudios de traducción e interpretación (Vol. 1) / A. Álvarez Lufrís, A. Fernández Ocampo (eds.). — Vigo: Universidade de Vigo, 1999. — P. 123—137.

364. Anderson, L. Simultaneous interpretation: Contextual and translation aspects / L. Anderson // Bridging the gap: Empirical research in simultaneous interpretation / S. Lambert, B. Moser-Mercer (Eds.). — Amsterdam: Benjamins, 1994. — P. 101—120.

365. ‘Average Words Per Minute Speaking (15 Experts Examples)’ [Электронный ресурс]. — URL: www.improvepodcast.com/words-per-minute/ (Accessed: 10 October 2022).

366. Back, M.D. The Social Relations Model: How to Understand Dyadic Processes / Back D.A., Kenny D.A. // Social and Personality Psychology Compass. — 2010. — Vol. 4, № 10. — P. 855—870.

367. Barik, H.C. A Description of Various Types of Omissions, Additions and Errors of Translation Encountered in Simultaneous Interpretation / H.C. Barik // *Meta: Translators' Journal*. — 1971. — Vol. 16. — P. 199—210.

368. Bassnett, S. *Translation Studies* / S. Bassnett. — Third edition. — London; New York: Routledge, 2002. — 176 p.

369. Baxter, R.N. A discussion of chuchotage and boothless simultaneous as marginal and unorthodox interpreting modes / R.N. Baxter // *The Translator*. — 2016. — Vol. 22, № 1. — P. 59—71.

370. best-seller // *Cambridge Dictionary* [Электронный ресурс]. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/best-selling> (Accessed: 11.03.2024).

371. Biber, D. *Longman Grammar of Spoken and Written English* / D. Biber, S. Conrad, G. Leech. — Harlow: Pearson Education, 2002. — 1204 p.

372. Biesanz, J.C. The Social Accuracy Model of Interpersonal Perception: Assessing Individual Differences in Perceptive and Expressive Accuracy / J.C. Biesanz // *Multivariate Behavioral Research*. — 2010. — Vol. 45, № 5. — P. 853—885.

373. Birdwhistell, R.L. *Introduction to kinesics: An annotation system for analysis of body motion and gesture* / R.L. Birdwhistell. — Louisville, KY: University of Louisville, 1952. — 75 p.

374. Birdwhistell, R.L. *Kinesics and context: Essays on bodymotion communication* / R.L. Birdwhistell. — 5th ed. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. — 338 p.

375. Birdwhistell, R.L. Some body motion elements accompanying spoken American English / R.L. Birdwhistell // *Communication: concepts and perspectives* / by L.O. Thayer (Ed.). — Washington, D.C.: Spartan Books, 1967. — P. 53—76.

376. Braun F. Making men out of people. The MAN principle in translating genderless forms / F. Braun // *Communicating Gender in Context* / Ed. by H. Kotthoff, R. Wodak. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997. — P. 3—30.

377. Braun, S. *Technology and interpreting* / S. Braun // *The Routledge*

Handbook of Translation and Technology / M. O'Hagan (ed.). — London; New York: Routledge, 2019. — P. 271—288.

378. Butler, J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity / J. Butler. — New York: Routledge, 1990. — 272 p.

379. Chesterman, A. The Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory / A. Chesterman. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. — 346 p.

380. Clotaire, R. The Culture Code: An Ingenious Way to Understand Why People around the World Live and Buy as They Do / R. Clotaire. — New York: Broadway Books, 2006. — 224 p.

381. Davitti, E. Dialogue interpreting as intercultural mediation: interpreters' use of upgrading moves in parent-teacher settings / E. Davitti // Interpreting. — 2013. — Vol. 15 (2). — P. 168—199.

382. Dysfunction // Мультитран [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.multitrans.com/m.exe?s=dysfunction&l1=2&l2=1> (Accessed: 15.09.2024).

383. Edley, N. Analysing Masculinity: Interpretative Repertoires, Ideological Dilemmas and Subject Positions / N. Edley // Discourse as Data: A Guide for Analysis / M. Wetherell, S. Taylor, S.J. Yates (eds.). — London: Sage, 2001. — P. 189—228.

384. Efforts and Models in Interpreting and Translation Research. A tribute to Daniel Gile / ed. by G. Hansen, A. Chesterman, H. Gerzymisch-Arbogast. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. — 302 p.

385. Ekman, P. 4. Facial Expression / P. Ekman // Nonverbal Behavior and Communication / A. Siegman, S. Feldstein (eds.). — New Jersey: Lawrence Erlbaum Association, 1997. — P. 97—116.

386. Ekman, P. Facial Expressions of Emotion: An Old Controversy and New Findings / P. Ekman // Philosophical Transactions: Biological Sciences. — 1992. — Vol. 335. — P. 63—69.

387. Ekman, P. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage and Coding / P. Ekman, W.V. Friesen // Semiotica. — 1969. — № 1. — P. 49—98.

388. Ekman, P. Emotion in the Human Face: Guidelines for Research and an

Integration of Findings / P. Ekman, W.V. Friesen, Ph. Ellsworth. — New York; Toronto; Oxford; Sydney; Braunschweig: Pergamon Press Inc., 1972. — 191 p.

389. Ekman, P. Handbewegungen / P. Ekman, W.V. Friesen // Nonverbale Kommunikation: Forschungsberichte zum Interaktionsverhalten / K.R. Scherer, H.G. Wallbott (eds.). — Weinheim; Basel: Beltz Verlag, 1979. — S. 108—123.

390. Ekman, P. Nonverbal Leakage and Clues to Deception / P. Ekman, W.V. Friesen // Psychiatry. — 1969. — Vol. 32, № 1. — P. 88—106.

391. Exline, R.V. Affective Relations and Mutualglances in Dyads / R.V. Exline, L.C. Winters // Affect, Cognition and Personality / S.S. Tomkins, C.E. Izard (Eds.). — New York: Springer, 1965. — P. 319—350.

392. Foroni, F. Language that puts you in touch with your bodily feelings: the multimodal responsiveness of affective expressions / F. Foroni, G.R. Semin // Psychol. Sci. — 2009. — Vol. 20 (8). — P. 974—980.

393. Frey, S. A new approach to the analysis o visible behavior / S. Frey, J. Pool. — Bern: Research Reports from the Department of Psychology at the University of Berne, 1976. — 276 p.

394. Funder, D.C. Personality Judgment: A Realistic Approach to Person Perception / D.C. Funder. — San Diego: Academic Press, 1999. — 238 p.

395. Gambier, Y. Stratégies et tactiques en traduction et interprétation / Y. Gambier // Efforts and Models in Interpreting and Translation Research: A tribute to Daniel Gile / ed. by G. Hansen, A. Chesterman, H. Gerzymisch-Arbogast. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. — P. 63—82.

396. Gerloff, P. ‘Second language learners’ reports on the interpretive process: Talk-aloud protocols of translation’ / P. Gerloff // Interlingual and intercultural communication / J. House, Blum-Kulka S. (eds.). — Tübingen: Gunter Narr, 1986. — P. 243—262.

397. Gibbs, R.W. Jr. Pragmatics Always Matters: An Expanded Vision of Experimental Pragmatics / R.W. Gibbs Jr., H.L. Colston // Frontiers in Psychology. — 2020. — Vol. 11. — Article 1619. — P. 1—8.

398. Gibbs, R.W. Jr. Introspection and cognitive linguistics: Should we trust our

own intuitions? / R.W. Gibbs Jr. // *Annual Review of Cognitive Linguistics*. — 2006. — № 4. — P. 135—151.

399. Gile, D. *Basic concepts and models for interpreter and translator training* / D. Gile. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009. — 283 p.

400. Gile, D. Le modèle d'efforts et l'équilibre d'interprétation en interprétation simultanée / D. Gile // *Meta: Translators' Journal*. — 1985. — Vol. 30, № 1. — P. 44—48.

401. Goffman, E. *Gender advertisements* / E. Goffman; Foreword by R. Hoggart. — London: Macmillan, 1979. — 84 p.

402. Goldin-Meadow, S. *Gesture's Role in Speaking, Learning, and Creating Language* / S. Goldin-Meadow, M.W. Alibali // *Annual Review of Psychology*. — 2013. — Vol. 64. — P. 257—283.

403. Goldman-Eisler, F. *Segmentation of input in simultaneous translation* / F. Goldman-Eisler // *Journal of Psycholinguistic Research*. — 1972. — Vol. 1. — P. 127—140.

404. Goldman-Eisler, F. *Segmentation of input, simultaneous translation* / F. Goldman-Eisler // *The interpreting studies reader* / F. Pöchhacker, M. Shlesinger (Eds.). — London; New York: Routledge, 2002. — P. 69—76.

405. Gottburgsen, A. *Stereotype Muster des sprachlichen Doing Gender (Eine empirische Untersuchung)* / A. Gottburgsen. — Wiesbaden: Westdeutscher Verlag GmbH, 2000. — 293 S.

406. Gottburgsen, A. *Kleiner Unterschied, große Wirkung: Die Wahrnehmung von weiblichem und männlichem Kommunikationsverhalten* / A. Gottburgsen // *Adam, Eva und die Sprache* / K. Eichhoff-Cyrus (ed.). — Mannheim: Dudenverlag, 1997. — S. 27—41.

407. Grässel, U. *Weibliche Kommunikationsfähigkeit — Chance oder Risiko für Frauen an der Spitze?* / U. Grässel. — *Adam, Eva und die Sprache* / K. Eichhoff-Cyrus (ed.). — Mannheim: Dudenverlag, 1997. — S. 56—68.

408. Grice, H.P. *Studies in the Way of Words* / H.P. Grice. — Cambridge: Harvard University Press, 1989. — 394 p.

409. Hall, J.A. *An Introduction to the Study of Nonverbal Communication* /

J.A. Hall // *Nonverbal Communication in Human Interaction* / ed. by M.L. Knapp, J.A. Hall, T.G. Horgan. — 8th ed. — Boston: Wadworth Cengage Learning, 2014. — P. 1—28.

410. Halliday, M.A.K. *Language, context and text: aspects of language in a social-semiotic perspective* / M.A.K. Halliday, R. Hasan. — 2th ed. — Oxford: Oxford University Press, 1989. — 467 p.

411. Harrigan, J.A. *A Method for Coding Head and Body Movement: Nonverbal Behavior Coding System* / J.A. Harrigan: lab manual: none publisher, January 2015. — URL: https://www.researchgate.net/publication/275353049_A_method_for_coding_head_and_body_movement_Nonverbal_Behavior_Coding_System.

412. Hatim, B. *The Translation of Style: Linguistic Markedness and Textual Evaluativeness* / B. Hatim // *Journal of Applied Linguistics and Professional Practice*. — 2004. — Vol. 1, № 3. — P. 229—246.

413. Hidalgo-Barnes, M. *Read my lips: An animated face helps musical lyrics* / M. Hidalgo-Barnes, D.W. Massaro // *Psychomusicology*. — 2007. — Vol. 19, № 2. — P. 3—12.

414. Hoffmann, T. *Construction grammar: Introduction* / T. Hoffmann, G. Trousdale // *The Oxford handbook of construction grammar* / T. Hoffmann, G. Trousdale (eds.). — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 1—12.

415. Holmes, J. *The Handbook of Language and Gender* / J. Holmes, M. Meyerhof. — Oxford: Blackwell Publishing, 2005. — 759 p.

416. Hönig, H.G. *Strategie der Übersetzung: ein Lehr- und Arbeitsbuch* / H.G. Hönig, P. Kussmaul. — Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1982. — 172 S.

417. House, J. *A model for translation quality assessment* / J. House. — Tübingen: TBL-Verlag Gunter Narr, 1977. — 344 p.

418. House, J. *Translation Quality Assessment: Past and Present* / J. House. — 2st Ed. — London; New York: Routledge, 2015. — 170 p.

419. Hyde, J.Sh. *Gender Similarities and Differences* / J.Sh. Hyde // *Annual Review of Psychology*. — 2014. — Vol. 65. — P. 373—398.

420. Izard, C.E. *Emotional intelligence or adaptive emotions?* / C.E. Izard // *Emotion*. — 2001. — Vol. 1, № 3. — P. 249—257.

421. Jespersen, O. *Language: Its Nature, Development and Origin* / O. Jespersen. — London: G. Allen & Unwin Ltd., 1922. — 448 p.

422. Kadilina, O.A. *Linguistic Personality Transformation in Speech Reproduction* / O.A. Kadilina, E.N. Ryadchikova // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. — 2024. — Vol. 15, № 2. — P. 415—429.

423. Klemm, M. *Medienkurlinguistik. Plädoyer für eine holistische Analyse von (multimodaler) Medienkommunikation* / M. Klemm, S. Michel // *Korpus — Kommunikation — Kultur: Ansätze und Konzepte einer kulturwissenschaftlichen Linguistik* / N. Benitt [et al.] (Hg.). — Trier: WVT, 2014. — S. 183—215.

424. Kress, G. *What Is Mode?* / G. Kress // *A Handbook of Multimodal Analysis* / Ed. by C. Jewitt. — London; New York: Routledge, 2009. — P. 54—67.

425. Krings, H.P. *Translation Problems and Translation Strategies of Advanced German Learners of French* / H.P. Krings // *Interlingual and Intercultural Communication: Discourse and Cognition in Translation and Second Language Acquisition Studies* / J. House, S. Blum-Kulka (eds.). — Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1986. — P. 263—276.

426. Lakoff, G. *Mapping the brain's metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reason* / G. Lakoff // *Frontiers in Human Neuroscience*. — 2014. — Vol. 8: Article 958. — P. 1—14.

427. Lakoff, R. *Language and a Woman's Place* / R. Lakoff // *Language and a Woman's Place* / M. Bucholtz (ed.). — New York: Oxford University Press, 2004. — P. 39—76.

428. *Language selection in bilingual speech: evidence for inhibitory processes* / J. Kroll [et al.] // *Acta Psychol.* — 2008. — Vol. 128, № 3. — P. 416—430.

429. Latha, M. *First Impressions: A Study of Non-Verbal Communication* / M. Latha // *Frontiers of Language and Teaching*. — 2014. — Vol. 5, № 1. — P. 160—163.

430. Lederer, M. *Simultaneous Interpretation — Units of Meaning and other Features* / M. Lederer // *Language Interpretation and Communication* / D. Gerver, H.W. Sinaiko (eds.). NATO Conference Series, vol. 6. — New York: Plenum Press, 1978. — P. 323—332.

431. Lee, D. *Cognitive Linguistics: An Introduction* / D. Lee. — New York:

Oxford University Press, 2002. — 223 p.

432. Lewandowska-Tomaszczyk, B. Equivalence / B. Lewandowska-Tomaszczyk // *Ways to Translation* / L. Bogucki (ed.). — Lodz: University of Lodz, 2015. — P. 11—54.

433. Li, X. Putting interpreting strategies in their place: Justifications for teaching strategies in interpreter training / X. Li // *Babel*. — 2015. — Vol. 61, № 2. — P. 92—170.

434. Lorber, J. *The Social Construction of Gender* / J. Lorber, S.A. Farrell — Newbury Park: SAGE Publications, 1991. — 374 p.

435. Lørscher, W. A psycholinguistic analysis of translation processes / W. Lørscher // *Meta*. — 1996. — Vol. 41 (1). — P. 26—32.

436. Lørscher, W. *Translation Performance, Translation Process, and Translation Strategies: A Psycho-linguistic Investigation* / W. Lørscher. — Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1991. — 307 p.

437. Louw, S. Automated transcription software in qualitative research / S. Louw // *Proceedings of International Conference on Languages and Communication (ICLC) 2021* / Eds.: Ab.H. Zulazhan, F.Ya. Mohd, F.A.H. Mohd. — Kuala Nerus: Fakulti Bahasa dan Komunikasi, 2021. — P. 73—84.

438. Martín de León, C. *Metaphorical Models of Translation. Transfer vs. Imitation and Action* / C. Martín de León // *Thinking through Translation with Metaphors* / St. André, James (Ed.). — Manchester: St. Jerome, 2010. — P. 75—108.

439. Mazza, C. Numbers in simultaneous interpretation / C. Mazza // *The Interpreters' Newsletter*. — 2001. — Vol. 11. — P. 87—104.

440. Morris, D. *The naked ape: A zoologist's study of the human animal* / D. Morris. — London: Jonathan Cape Ltd., 1967. — 320 p.

441. Moser, B. *Simultaneous translation: linguistic, psycholinguistic, and human information processing aspects: Doctoral dissertation* / B. Moser. — Innsbruck: University of Innsbruck, 1976. — 178 p.

442. Munday, J. *Introducing Translation Studies: Theories and Applications* / J. Munday. — New York: Routledge, 2008. — 236 p.

443. Newmark, P. *A Textbook of Translation* / P. Newmark. — New York; London; Toronto; Sydney; Tokyo: Prentice Hall, 1988. — 291 p.
444. Nida, E.A. *Contexts in Translating* / E.A. Nida. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. — 125 p.
445. Nord, Ch. *Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis* / Ch. Nord; Translated from the German by Ch. Nord and P. Sparrow. — Amsterdam; Atlanta GA: Rodopi, 1991. — 250 p.
446. Nord, Ch. *Text Analysis in Translation: Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis* / Ch. Nord. — Second Edition. — Amsterdam; New York: Rodopi B.V., 2005. — 245 p.
447. Paneth, E. *An Investigation into Conference Interpreting. Thesis for the Degree of M.A. in Education* / E. Paneth. — London: London University, 1957. — 160 p.
448. Pasquandrea, S. *Managing Multiple Actions through Multimodality: Doctors' Involvement in Interpreter-mediated Interactions* / S. Pasquandrea // *Language in Society*. — 2011. — Vol. 40. — P. 455—481.
449. Patterson, M.L. *A Systems Model of Dyadic Nonverbal Interaction* / M.L. Patterson // *Journal of Nonverbal Behavior*. — 2019. — Vol. 43. — P. 111—132.
450. Petré, P. *Individuality in complex systems: A constructionist approach* / P. Petré, L. Anthonissen // *Cognitive Linguistics*. — 2020. — Vol. 31, № 2. — P. 185—212.
451. Reiß, K. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie* / K. Reiß, H.J. Vermeer. — Berlin; New York: Max Niemeyer Verlag, 1984. — 245 S.
452. Rennert, S. *Visual input in simultaneous interpreting* / S. Rennert // *Meta*. — 2008. — Vol. 31, № 1. — P. 204—217.
453. Riccardi, A. *On the evolution of interpreting strategies in simultaneous interpreting* / A. Riccardi // *Meta*. — 2005. — Vol. 50, № 2. — P. 753—767.
454. Robinson, J.D. *Getting Down to Business: Talk, Gaze and Body Orientation during Openings of Doctor-patient Consultations* / J.D. Robinson // *Human Communication Research*. — 1998. — Vol. 25, № 1. — P. 98—124.
455. Robinson, R.L. *Predicting final course performance from students' written*

self-introductions: a LIWC analysis / R.L. Robinson, R. Navea, W. Ickes // *J. Lang. Soc. Psychol.* — 2013. — Vol. 32. — P. 469—479.

456. *Routledge Encyclopedia of Interpreting Studies* / Ed. by F. Pöchhacker; Associate Ed.: N. Grbić, Consultant Ed.: P. Mead, R. Setton. — London; New York: Routledge, 2015. — 552 p.

457. Saldanha, G.P. *Linguistic approaches* / G.P. Saldanha // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / Ed. by M. Baker and G. Saldanha. — London; New York: Routledge, 2011. — P. 148—152.

458. Sanjun, S. *Strategies of Translation* / S. Sanjun // *The Encyclopedia of Applied Linguistics* / ed. by C.A. Chapelle: in X volumes. Vol. IX. Se—Te. — First Edition. — Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. — P. 5408—5412.

459. Scheflen, A.E. *Body language and the social order: communication as behavioral control* / A.E. Scheflen. — Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1972. — 208 p.

460. Scheflen, A.E. *How behavior means* / A.E. Scheflen. — New York: Gordon and Breach, 1973. — 209 p.

461. Scheflen, A.E. *Natural history method in psychotherapy: communicational research* / A.E. Scheflen // *Methods of research in psychotherapy* / Ed. L.A. Gottschalk, A.H. Auerbach. — New York: Appelton Centure Crofts, 1966. — P. 263—291.

462. Scheflen, A.E. *The significance of posture in communication systems* / A.E. Scheflen // *Psychiatry*. — 1964. — Vol. 27. — P. 316—331.

463. Scherer, K.R. *Die Funktionen des nonverbalen Verhaltens im Gespräch* / K.R. Scherer // *Gesprächsanalysen. Vorträge, gehalten anlässlich des 5. Kolloquiums des Instituts für Kommunikationsforschung und Phonetik, Bonn, 14—16 Oktober 1976* / D. Wegner (Hrsg.). — Hamburg: Buske, 1977. — S. 257—297.

464. Seleskovitch, D. *Interpréter pour traduire* / D. Seleskovitch, M. Lederer. — 4e édition, revue et corrigée. — Paris: Didier érudition, 2001. — 312 p.

465. Seleskovitch, D. *Interpréter pour traduire* / D. Seleskovitch, M. Lederer. — 5e édition, revue et corrigée. — Paris: Les belles lettres, 2014. — 432 p.

466. *Speculative fiction* [Электронный ресурс] // Мультитран. — URL: <https://www.multitrans.com/m.exe?s=speculative+fiction&l1=1&l2=2> (Accessed:

15.07.2024).

467. Stivers, T. Introduction: Multimodal interaction / T. Stivers, J. Sidnell // *Semiotica*. — 2005. — Vol. 156, № 1/4. — P. 1—20.

468. Sun, S. Strategies of Translation / S. Sun // *The Encyclopedia of Applied Linguistics* / Ed. by C.A. Chapelle. — New York: Blackwell Publishing Ltd., 2013. — Vol. 9. — P. 5408—5412.

469. Teaching Reasoning: A Cognitive-Cultural Approach / L. Vasilev [et al.] // CBU International conference on innovations in science and education 2021: Proceedings of CBU in Social Sciences. — 2021. — Vol. 2. — P. 351—356.

470. tear down verb [Электронный ресурс] // Merriam-Webster. On-line Dictionary. — URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/tear%20down> (Accessed: 20.05.2024).

471. Tirkkonen-Condit, S. The Monitor Model Revisited: Evidence from Process Research / S. Tirkkonen-Condit // *Meta*. — 2005. — Vol. 50, № 2. — P. 405—414.

472. Ulanova, E.E. A Linguocognitive approach to the analysis of the interpreter's language personality in an interpreting situation / E.E. Ulanova // *Linguistics & Polyglot Studies*. — 2024. — Vol. 10, № 1. — P. 113—125.

473. Valero-Garcés C. The impact of emotional and psychological factors on public service interpreters: Preliminary studies / C. Valero-Garcés // *Translation & Interpreting*. — 2015. — Vol. 7, № 3. — P. 90—102.

474. Venuti, L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation* / L. Venuti. — London; New York: Routledge, 1995. — 353 p.

475. Vygotsky, L.S. Thinking and speech / L.S. Vygotsky // *The collected works of L.S. Vygotsky. Vol. 1: Problems of general psychology* / R.W. Rieber & A.S. Carton (Eds.). — New York: Plenum Press, 1987. — P. 39—285.

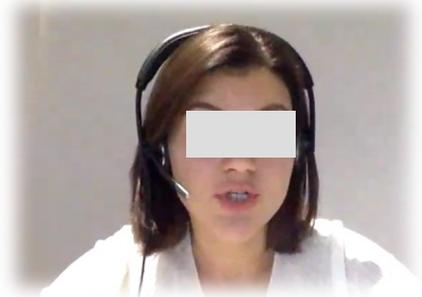
476. Wertheim, E.G. *The Importance of Effective Communication: Ph. D.* / E.G. Wertheim. — Boston: Northeastern University, 2008. — 272 p.

477. West, T.V. The Truth and Bias Model of Judgment / T.V. West, D.A. Kenny // *Psychological Review*. — 2011. — Vol. 118, № 2. — P. 357—378.

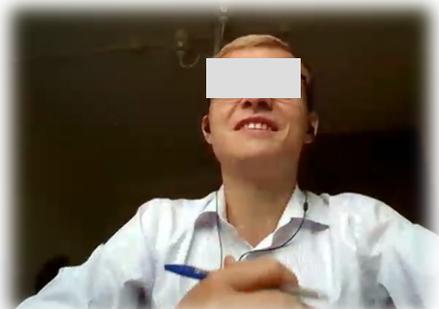
478. Wierzbicka, A. *Semantics: Primes and Universals* / A. Wierzbicka. — Oxford; New York: Oxford University Press, 1996. — 500 p.
479. Xue, Ch. *Critically Evaluate the Understanding of Gender as Discourse* / Ch. Xue // *International Education Studies*. — 2008. — Vol. 1, № 2. — P. 54—57.
480. Zebrowitz, L.A. *Accurate Social Perception at Zero Acquaintance: The Affordances of a Gibsonian Approach* / Zebrowitz L.A., Collins M.A. // *Personality and Social Psychology Review*. — 1997. — Vol. 1, № 3. — P. 204—223.

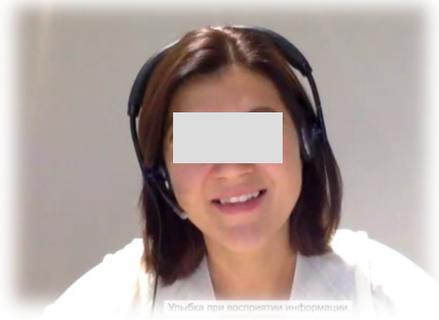
Приложение

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ В СИТУАЦИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

Невербальные средства <i>1</i>	Функция <i>2</i>	Изображение (снимок экрана) <i>3</i>
1. Взгляд на оратора / взгляд в камеру	Контроль канала коммуникации; Контроль эмоционального состояния оратора; Контроль логики и содержания высказывания	
2. Прищур глаз (без улыбки)	Уточнение высказывания (конкретизация)	
3. Горизонтальные складки на лбу	Акцентирующая	
4. Вертикальные складки на лбу	Концентрация; Эмоциональное сопереживание вербальному сообщению; Конкретизация	
5. Взгляд вверх / вправо и вверх	Контроль содержания высказывания; Подбор эквивалента перевода / синонима (уточняющий перевод); Перевод сослагательного наклонения	

1	2	3
6. Взгляд вниз / вправо и вниз	Неуверенность в переводе; Пропуск релевантной информации в переводе; Обрыв повествования; Пометки (редко)	
7. Частое моргание	Индивидуальная особенность	
8. Наклон корпуса вперед (к экрану / оратору)	Контроль канала коммуникации; Контроль эмоционального состояния оратора; Контроль логики и содержания высказывания	(изображение отсутствует)
9. Кивок головы + наклон корпуса к оратору	Поддержка вербального сообщения; Дублирование ритма при подаче перевода	(изображение отсутствует)
10. Наклон головы вправо	Контроль логики и содержания высказывания; Перевод модальности в переводе	
11. Открытый жест руками (идеограмма)	Дополнение логики вербального сообщения	
12. Открытые парные жесты руками	Противопоставление	

1	2	3
13. Открытый жест рукой (пиктограмма)	Дополнение вербального сообщения	
14. Взгляд в сторону + переводческие пометки ручкой	Дополнение вербального сообщения	
15. Пожимание плечами (иногда с наклоном головы вправо)	Дополнение вербального сообщения	(изображение отсутствует)
Комфорт-жесты		
16. Касание лица / носа / волос	Контролирующая	
17. Касание (настройка положения) наушников / микрофона	Контролирующая	
18. Опора руками на стол	Контролирующая	

19. Ручка / карандаш в ведущей руке / переводческие пометки ручкой	Контролирующая	
Жесты-маятник		
20. Движение головой вперед-назад	Концентрация, вовлечённость	(изображение отсутствует)
21. Движение головой вправо-влево	Концентрация, вовлечённость	(изображение отсутствует)
22. Наклон корпуса вперед-назад	Концентрация, вовлечённость	(изображение отсутствует)
23. Наклон корпуса вправо-влево	Концентрация, вовлечённость	(изображение отсутствует)
24. Зеркалирование	Дополнение (усиление) вербального содержания сообщения; Контроль эмоционального состояния оратора	
25. Улыбка	Дополнение вербального сообщения (эмоциональное расположение); Ирония	
26. Покусывание губ (индивидуальная привычка)	Концентрация при восприятии информации	

1	2	3
27. Поджатые губы; вверх поджатые губы; поднятые губы + вверх плечи	Подбор эквивалента в переводе; Трансляция информации перевод модальности	
28. Сомкнутые губы	Концентрация при восприятии информации; Подбор транслята	
29. Полуоткрытый рот	Концентрация	
30. Прищур глаз	Акцентирующая; Дополнение вербального содержания (прагматическая функция-мотивация)	
31. Поднятые брови + акцентная интонация	Акцентирующая; Дополнение вербального содержания (прагматическая функция-мотивация)	
Физиологические маркеры		
32. Задержка дыхания / прерывистое дыхание	Концентрация	(изображение отсутствует)

1	2	3
33. Глубокие вдох (иногда со звуком) перед «подачей» перевода	Концентрация	(изображение отсутствует)
34. Сглатывание слюны	Стресс; Неуверенность; Пропуск релевантной информации	(изображение отсутствует)
35. Глубокое дыхание	Концентрация; Подбор эквивалента	(изображение отсутствует)
36. Ровное дыхание	Уверенность	(изображение отсутствует)
37. Ротовое дыхание	Стресс	(изображение отсутствует)
38. Прерывистое носовое дыхание	Стресс	(изображение отсутствует)
39. Прерывистое ротовое дыхание	Волнение	(изображение отсутствует)
40. Слабое интонирование (отсутствие ядерных тонов)	Неуверенность	(изображение отсутствует)
41. Вариативная интонация (присутствие ядерных тонов)	Акцентирующая	(изображение отсутствует)
42. Замедленный темп речи	Пропуск релевантной информации	(изображение отсутствует)
43. Восходящая интонация к концу синтагмы	Неуверенность	(изображение отсутствует)
44. Актёрская игра	Вовлеченность	(изображение отсутствует)
45. Самоисправление	Дополнение	(изображение отсутствует)
46. Звуки-хезитации в начале и конце фразы	Стресс; Пропуск релевантной информации	(изображение отсутствует)
47. Невнятная речь	Неуверенность	(изображение отсутствует)
48. Низкая тональность	Неуверенность	(изображение отсутствует)
49. Спокойный, ровный голос	Уверенность	(изображение отсутствует)
50. Зеркалирование интонации оратора	Дополнение вербального содержания; Вовлеченность	(изображение отсутствует)